

Виталий Диксон

Н
а
м
о
р

стеклянный

пароход

о
н
и
к

boulder morty's
escape your comfort zone

DATE	TIME	TEMP	WIND	SEA
10/01	08:00	18.0	10	1
10/01	09:00	17.5	10	1
10/01	10:00	17.0	10	1
10/01	11:00	16.5	10	1
10/01	12:00	16.0	10	1
10/01	13:00	15.5	10	1
10/01	14:00	15.0	10	1
10/01	15:00	14.5	10	1
10/01	16:00	14.0	10	1
10/01	17:00	13.5	10	1
10/01	18:00	13.0	10	1
10/01	19:00	12.5	10	1
10/01	20:00	12.0	10	1
10/01	21:00	11.5	10	1
10/01	22:00	11.0	10	1
10/01	23:00	10.5	10	1

Виталий Диксон

Стеклянный пароход

Кинороман

Иркутск
2013

Диксон В.А.

Д 45 Стекланный пароход: Кинороман. - Иркутск,
Репроцентр А1, 2013. – 380 с., фотоилл.
ISBN 978-5-91344-450-9

Легендарные «северные завозы» по великим сибирским рекам были уникальным явлением в «эпоху развитого социализма», да и в постсоветские времена продолжают пополнять мифологию российской жизни. Об одном из рейсов самоходной баржи в навигации достопамятного 1972 года и повествует новая книга Виталия Диксона - кинороман «Стекланный пароход». Как плыли они, герои того времени, вниз и вверх по Лене-реке, за туманом и за запахом тайги, по словам известной песни той поры. Тумана в этой романтической истории предостаточно, запах – один... Какой? Раскройте книгу и начинайте знакомство с форзаца. В книге нет ничего лишнего. Как в кино...

ISBN 978-5-91344-450-9

- © Диксон В.А. - 2013
- © Хан А. - художественное оформление, 2013
- © Дунаева В. - художественное оформление, 2013

1. ГОРОДСКАЯ КВАРТИРА ДАВИДА ЗВЕНИГОРОДСКОГО.

Однокомнатная квартира в «хрущёбе». Жилище явно одиночки мужского пола. Комната. Простота почти общежитская, но с некоторой претензией на вкус и моду начала 70-х годов прошлого века. Диван-кровать. Письменный канцелярский стол у окна, стул антикварный, венский, с гнутыми ножками и деталями высокой спинки. Журнальный столик на трёх ногах, кресло-качалка, торшер. На стене – широко известный чёрно-белый фотопортрет Хемингуэя: загорелый, седой, бородатый, в белой рубашке-апаши с мерезжками... Всё. Окно с форточкой. Авоська со свёртками и пакетиками, перекинутая через форточку во внешний мир, служит холодильником...

Кстати: со слов «авось» и «авоська» можно начинать составлять энциклопедию для внучки Сонечки. Словарь культовых слов. Потом – «Артек»... Но сначала – «Авоська», в просторечии – «нихераська».

Держать в авоське-холодильнике за окном можно всё, что хочешь, за исключением бутылок со спиртным и колбасы.

Как ни маскируй этот продукт в завёртках, всё равно внешние любители унюхают и срежут. Между прочим, срезают с окон любого из пяти этажей хрущёвок.

Запросто. Как когда-то прямо с рук срезали часы на кожаных ремешках. И как умудряются?! Знаю. Но не скажу. Не стану распространять опыт нахального и виртуозного бандитизма.

Ещё кстати: про авось. Лично проверено: из всех слов на букву А в словаре русского языка есть только одно подлинно русское слово – авось. Все другие – нерусского происхождения, какие угодно – германские, скандинавские, польские, тюркские, французские... со всего света. Спрашивается: кому больше повезло – авосью или словарю? Словарю. На этом авосе практически весь русский словарь держится, потому что авось – это не просто слово, но в некотором роде – образ жизни как таковой.

Коротенько поразмышляем... Мы, народ, как бы знаем, что как бы были и как бы есть среди нас как бы человеки-

символы: человек с ружьём, человек со свистком, человек с «мигалкой»... Что такое? А это такое что, которое не очень убедительно для самого человека. Ну, стрельнул он, посвистел, помигал... а дальше-то что? Звук и свет того символа исчезают, «как с белых яблонь дым», в соответствии с резонами сезона. Другое дело – человек с авоськой. Это - надолго. Это звучит, может быть, не слишком гордо. Зато подаёт, точно милостыньку, надежду и удивление: оказывается, ходячий памятник самому себе, едрит твою налево-направо...

Раньше всех в квартире просыпалась радиоточка: трёхканальный настенный динамик по имени «Маяк».

Вещание начинал Гимн Советского Союза.

Встаньте, значит, товарищи. У кого на голове присутствует военная фуражка – так рука к козырьку прилагается, отдание чести, не навсегда, на две-три минуты. А кто без фуражки – стойте так. К пустой голове руку не прикладывают.

А потом – «Доброе утро, товарищи...»

Ну-ну... доброе, доброе, гражданин Игорь Кириллов... Кому доброе, а кому и не очень...

И вот летит в радиоточку подушка, шлёпанец или скомканные трусы... – всё, что можно было вслепую нашарить с недопересыпа в условиях принудительного пробуждения.

Динамик срывается с гвоздика и повисает на шнуре, который однажды раз и навсегда, навечно и намертво вонзён в розетку. Раскачиваясь, как маятник настенных часов с кукушкой, динамик продолжает руководить утренней гимнастикой и водными процедурами.

Человек встаёт с кровати, идёт в туалет... Водопад из сливного бачка не мешает человеку подумать о судьбе человечества в предстоящем дне.

«Откроем форточку!»... Ладно. Человек добирается до авоськи, выгребает то, что ему нужно, дышит свежим воздухом... Первое упражнение физзарядки исполнено...

Человек с отвращением умывается, чистит зубы пастой «Поморин», одевается, пьёт чай или кефир, возится в утренних хлопотах...

Голос Давида Звенигородского:

Итак, - кинороман.

Почему роман – это понятно. Это значит, что написано пером по бумаге и это нужно читать. Но почему ещё и кино?

Кино нужно смотреть. Не читатель ему нужен – зритель и слушатель. Кинематограф, как говорил товарищ Ленин, - важнейшее из искусств. Но это ещё и целая индустрия с массовой: режиссёры, продюсеры, актёры, операторы... Смотри титры – там кого только нет!

Куда ж нынче без индустрии!

Оказывается, есть куда...

Но сначала нужно закрыть глаза – на индустрию, на массовку...

Просто закрыть глаза.

Я хорошо помню те давние кинозалы.

Голубенький билет ценою в десять копеек.

Из окошечка волшебного мира кинобудки – стрёкот ни на что не похожей машинки времени и луч света в тёмное царство. Мириады пылинок в том луче, в том дрожащем лучике, который полтора часа рисует на экране придуманную жизнь, а когда он, этот лучик, закончит своё дрожание – вспыхнет этот свет и останется на выходе просто жизнь...

Как мы, мальчишки, завидовали одному своему сверстнику! Он был сопливым заморышем, последним в дворовой табели о рангах, но всё это ему прощалось только за то, что он был сыном кинемеханика и кинобудка была для него как дом родной. Он с царской небрежностью раздаривал нам целлулоидные квадратики киноплёнки, в которых на просвет видны были Тарзан-Вейсмюллер, бродяга Радж Капур и юная Мэрилин Монро с её ошеломительным «тюрюлом-тюрюлю...»

*Воскресенье: к вечеру обновка
громыхает семечками, но
кинщик заболел, и ни Крючкова,
ни Быстрицкой – тихо и темно...
Кинщик заболел – кина не будет,
спрячь платочек, варежку закрой,
потеряй очки, подайся в люди -
в двухнедельный шипровый запой,
лапай продавщиц, буди соседа,
уведи себя, как на расстрел,*

*на вопрос: - Откуда вы? –
Оттуда,
где однажды кинщик заболел.*

Так и помню...
Вот закрою глаза – и сразу представляю, и других зову
на то представление.
Попробуем?
Кино роману не помеха. Да и роман отвечает
взаимностью. Романы ведь тоже крутят, точно кино. И кто
кого круче – это ещё вопрос безответный...

*Человек открывает входную дверь,
выходит...останавливается, припомнив нечто...
возвращается в комнату, вешает на стенной гвоздик
сорвавшийся динамик...тот как ни в чём ни бывало только
что закончил передачу последних известий и запел: «Нас
утро встречает прохладой...».*
*Человек подмигивает настенному Хемингуэю: Чао!
Тот отвечает аналогичной взаимностью*

Взаимностью отвечал простой советский народ всем
чаяниям человечества. Мировая отзывчивость наша давно
и хорошо известна.

*Человек выходит из подъезда.
Толчея на автобусно-троллейбусной остановке...Люди с
детьми, портфелями, хозяйственными сумками...Но у
каждого третьего в руках или в кармане скромным
мяконьким комочком свернулась авоська – символ
надежды, она ждёт своего часа...
Лица разные, авоська – одна на всех...*

Все международные праздники – наши!
День падения Бастилии... День Чёрной Африки...
Наши! Прямо как родные. А иногда и пуще родных...
Но у нас и своих собственных праздников было
навалом, по горлышко, что называется, пей – не хочу...

*Человек едет в автобусе...Неважно: куда, зачем, к кому...
Едет – и всё! Так ему, значит, надо...
На ближайшем сиденье дремлет мужик аварийного типа.
Его сосед-приятель мнёт в руках пустую авоську. Ещё*

недавно она была полна напитками и закусками, а нынче вот – дырка на дырке, вязаная пустота...Куда она годится? Что с ней делать? Сосед-приятель протяжно вздыхает и надевает авоську на голову аварийному собутыльнику.

Перелистаем подшивки старых газет.

Покрутим кинохронику...

Парады, демонстрации, шествия-гуляния, плакаты, воздушные шарик, здравницы с высоких трибун...

Левитан жил и звучал как вечный голос войны и мира.

Мы весело шли ко всеобщей весне человечества... – в парадных батальонах, в колоннах физкультурников – под бравурные марши.

Гудят заводы, паровозы, пароходы...Всё, что может гудеть – всё гудит. Все гудят.

И малыши в песочнице с дудочкой.

И пионер с горном.

И мужик аварийного типа в автобусе с авоськой на голове открывает глаза, смотрит на мир словно из-за решётки, ничего понять не может, немой тоскливый вопрос во взоре: «Уже сидим?», на что получает немой ответ:

«Ещё не заслужили, кирюха...», и тогда мужик успокаивается и утверждает в собственной себестоимости настолько, что показывает этому миру язык из своей хлопчатобумажной клетки...

Весна человечества, рождённая в трудах и в бою, состоялась в следующем. Красные дни по порядку: Международный женский день, День Парижской коммуны, День театра...

- *Слава КПСС – вдохновителю и организатору всех наших побед! Ура, товарищи!*
- *Ур-ря-я-я!...- волнами перекачивается по всей стране, от площади к площади, от стола к столу, от банкета к банкету...*

...День жилищно-коммунального хозяйства, детской книги, здоровья, авиации и космонавтики, охраны памятников, солидарности молодёжи, породнённых

городов, геологов, противовоздушной обороны, советской науки... день-день, динь-динь...

- Слава советским учёным! Ура, товарищи!

- Ур-ря-я-я!..

Фейерверки – салюты – артиллерийские залпы...

А в мае ещё предстоят очень выдающиеся дни: солидарности трудящихся, печати, радио, Победы, музеев, матери, пионерской организации, освобождения Африки, химика, наконец, праздничек, близкий психиатрам: День пограничника – с избытком стрессовых, психосоматических состояний, депрессии, неврозов, социальной дезадаптации, алкогольной и наркотической зависимости... день-день, динь-динь...

Ур-ря переливается в сирены: это пожарные, это милиция, это скорая помощь... медвытрезвители, драки...

Звон колоколов переливчатый – и что во что переливается? – звон фужеров, бокалов, рюмок, стопок, стаканов... Из горлышка тоже пьют, и бутылку вдребезги – на закуску...

Звон колоколов, звон битого стекла...

Голос Давида Звенигородского: Именно в эти звонкие дни, в первую декаду мая, в славном городе Иркутске, на набережной Ангары, в районе плавучего ресторанчика «Чешуя» наблюдалось скопление слегка опухших людей. Здесь проходил так называемый «Большой сбор». Местная знаменитость, поэт-верлибрист Саня Сокол из среды толпящихся трудящихся набирал команду грузчиков на самоходную баржу для рейсов в новой навигации по великой сибирской реке Лене. Начинался легендарный «северный завоз»...

2. КАФЕ «ЧЕШУЯ»: ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС.

На открытой веранде ресторанчика-кафе «Чешуя» - десяток столов, одноногих фуришетных и обычных четырёхлапых. Столы современного дизайна, с пластиковыми столешницами, стулья же – деревянные и ветхие. За столами разношёрстная публика. На столах бутылки, стаканы и всё что полагается для таких натюрмортов.

Магнитофон накручивает песню за песней.

Вот здесь и проходит очередной сбор кандидатов в грузчики «северного завоза».

Саня Сокол (в огромном берете, при галстуке и в плаще) по-хозяйски единолично расположился за отдельным столиком. Сервировка соответствует заведению. Да ещё бумаги какие-то, ещё редкий в начале семидесятых годов портфель-дипломат, книга Артюра Рембо под названием «Пьяный корабль».

Сокол проводит так называемый «зачёт по корабельной литературе».

Сокол: Я повторяю, коллеги. Я хочу, чтобы в тяжёлых и даже опасных для здоровья рейсах, в суровых климатических условиях Севера рядом со мной находились не просто какие-нибудь собутыльники, но чтобы эти собутыльники были единомышленниками, поэтами, сплочёнными любовью к изящной словесности.

- Есть вопрос! – перебивает Сокола один из кандидатов, хмельной весьма и в зимней шапке-ушанке.

Сокол: У матросов нет вопросов! А конкретно ты, Геннадий, все свои вопросы исчерпал ещё в прошлом году. Всё! Следующий.

Из-за столов пробирается к Соколу парень в тюбетейке, в красной косоворотке с опояской, в шароварах и сапогах. В руках балалайка и полдюжины деревянных ложек.

Тюбетейка (отвешивает земной поклон): Иван я буду.

Сокол: И что, если Иван?

Иван: Дай слово молвить Бояну...

Сокол: Погоди. Ты чо сюда пришёл такой...Иван с Бояном да ещё и с балалайкой?

Иван: На работёшку устраиваться. На летний период жизни. Мне сказали, поэты нужны.

Сокол: Грузчики нужны! Грузчики. С поэтическим мировоззрением.

Иван: Вот я и пришёл такой.

*Ударяет по струнам, плясовые коленца выкидывает,
выкрикивая:*

- Ой ты, гой еси, земля Иркутская...

Сокол: Стоп!

Иван (*останавливается*): Чо такое? Я ишо за ложки не брался...

Сокол: Знаешь чо? Забирай на фиг свои ложки и вали отсюда. За ложки он, понимаешь, не брался! Все мы ложками умеем...

Иван, ругаясь, уходит с веранды – на выход.

Сокол: Я уже в десятый раз повторяю. Вся страна напрягается изо всех сил! Она прямо вся из кожи вылезит, чтобы всё выполнить и перевыполнить в текущей пятилетке! А некоторые тут... с балалайками! Как вам это нравится? Вот-вот откроется навигация...

Иван (*кричит с набережной, грозя кулаком*): Масоны! Святую Русь спаиваете! А мы не позволим!

Сокол (*отмахивается*): Да иди ты! Иди себе с богом...Так вот, я говорю и как бы подчёркиваю. Навигация на носу. Если вы поэты, прислушайтесь! Не ушами, а сердцем! Что чуете в нашей весенней майской атмосфере? Вы слышите, как трещит...

Треск, хруст и грохот развалившегося стула.

Падение на пол одного из кандидатов...

Сокол (*продолжает*): Это трещит лёд на Лене. Ещё несколько дней – и по великой сибирской реке пойдут караваны судов с народно-хозяйственными грузами. В том числе уйдёт в рейс и наше судно. У нас одна из самых ответственных миссий в северном завозе. Нас ждёт народ. Он уже почти весь опух от ожидания. А над ним

распростёрлись чёрные крылья полярной ночи! Вот вы тут сидите и жрёте, как бобики, а там, в тундре, не то что нечем похмелиться, там даже маленько выпить давно уже нету... Народы Севера изнемогают! Откройте же глаза на суровый реализм жизни и представьте себе...

*Кандидаты слушают. Кто-то согласно кивает.
А за одним из столиков – рыдание...*

Сокол: Ты чего?

Рыдающий: Народы Севера... жалко... не могу... прямо душит (*мотает головой, перехватывает горло пальцами*)...

Сокол (*сочувственно*): Помогите товарищу.

*Товарищу наливают вина.
Просыпается Геннадий, тот, который в зимней шапке и
хмельной весьма.*

Геннадий: Есть вопрос!

Сокол: Ты опять?

Геннадий: Я снова и всегда. Я спрашиваю как конкретный гражданин: чо ты, Саня, нам тут агитацию гонишь? Мы чо, не понимаем? Мы же ж в одной стране живём! И мы с тобой уже сколько ходок до Жиганска сделали! А один раз даже до моря Лаптевых дошлёпали... Как щас помню, в бухте Тикси был случай...

Сокол: Больше не будет. Ты, Гена, не оправдал...

Следующий!

К Соколу подходит кандидат: юноша – альбинос с ястребиным носом. На голове «грузинская» кепка-аэродром. На шее – футлярчик с миниатюрным транзисторным радиоприёмничком «Лидер – 605» и фотоаппарат «Зоркий – 4К» - новинки научно-технической революции. И, словно чемоданчик в руке, плавно покачивается «VEF-12», новенькая модель знаменитой «Спидолы».

Сокол: Вопрос на засыпку. Ольга Форш. Роман «Сумасшедший корабль».

«Кепка»: Ну, и что?

Сокол: Расскажи.

«Кепка»: Прямо щас?

Сокол: Прямо. Можешь даже криво.

«Кепка»: Сначала?

Сокол: Сначала. Можешь даже с кончала.

«Кепка»: Начало, как мне представляется, помнится с трудом...

Из-за столов по-школьному тянет руку кандидат в шляпе.

«Шляпа»: Можно, я напомню?

«Кепка»: Давай.

«Шляпа»: Роман начинается с того, что банан – это ложь и ложь тоже банан.

«Кепка»: Правильно. Молодец. Кто ещё добавит?

Тянет руку кандидат в армейской полевой панаме цвета хаки.

«Кепка»: Ваше слово, товарищ маузер!

«Панама»: А ещё там вепрь говорит одной бабе: не строй, - говорит, - из себя хризантему.

«Кепка»: Совершенно верно. Пятёрка за ответ.

Кандидат в кепке захватывает инициативу в свои руки. Наливает в стакан, не спеша выпивает. Сокол обалденно наблюдает за нахалом.

«Кепка»: Ну, и кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?

Сокол (*хлопает ладонью по столу*): Хорош! Ты сам-то хоть читал «Сумасшедший корабль»?

«Кепка» (*возмущённо*): Что значит читал? И вообще что значит читать? Читать это не наслаждаться. Читать – это тяжёлый труд. Сотворчество. Не каждому по плечу...

Сокол (*обращаясь ко всем сидящим и стоящим на веранде*): Врёт! Не читал! Но! (*Восхищённо*) Как этот юноша ловко заматывает вопрос!

«Кепка» (*обидчиво*): А вы, Сокол, напрасно на меня волну гоните!

Сокол (*быстро*): Стоп! Сколько волн в романе Форш?

«Кепка»: Сколько надо, столько есть.

Сокол: Девять волн!

«Кепка»: Ну, и что?

Сокол: В романе вместо глав – волны! Девять штук!

«Кепка»: А я тут при чём?

Сокол: Ты тут ни при чём. Отсаживайтесь! А вы (*подзывает жестом кандидата в панаме*) наоборот подсаживайтесь. Побеседуем.

«Панама» устраивается за столом Сокола. Но «Кепка» не уходит: ёрзает, но продолжает сидеть.

Сокол: Вопрос на засыпку. Себастьян Брант. «Корабль дураков».

«Панама» (*встаёт, руки по швам*): Немецкий писатель-гуманист. Умер в 1521 году. Но его стихотворная сатира «Корабль дураков» жива и актуальна до сих пор.

«Кепка» (*хмыкает*): Ну, новость открыл...

Сокол: Тих-ха!

«Панама»: В сатире насчитывается сто одиннадцать разновидностей человеческой глупости...

Сокол (*восхищённо*): Сто одиннадцать?!

«Панама»: Один к одному. Как в аптеке. Каждый из персонажей... Продолжать?

Сокол: Давай, давай! Как интересно! Правда же, товарищи?

Товарищи оживлённо звенят бутылками, чокаются, произносят тосты: «За угнетённые народы Крайнего Севера!», «За сумасшедший корабль!», «За корабль дураков!»...

«Панама» (*продолжает*): Каждый из персонажей персонифицирует какую-то одну человеческую слабость. Стяжательство, дурные манеры, бражничество, прелюбодеяние...

Сокол (*поясняет*): Это блядство, товарищи, если кому непонятно...

«Панама»: Оно самое. Как в аптеке. А ещё – зависть и так далее. Но все пороки, с точки зрения автора, проистекают из-за природной человеческой глупости – порока номер один. У персонажей Бранта нет имён, биографий, характеров. Они лишены индивидуальности. Персонаж в повествовании не выступает в одиночестве, но всегда в сообществе ему подобных. А галерея дурацких образов

многолика. Это и дурачки-старички, обучающие молодых всякому вздору...

«Кепка» (*хмыкает*): Америку открыл! Христофор Колумб...

*За столами веселье. Кандидаты друг на друга пальцами указывают, хохочут, гневаются, стучат по столу кулаками и стаканами, топаят, аплодируют...
Сокол что-то записывает в блокнот.*

Сокол (*старается перекричать шум, стучит ножом по бутылке*): Люди, народ! Слушайте! Это всем полезно знать. Даже поэтам...

«Кепка» (*хмыкает*): Ньютон, можно подумать!

«Панама» (*продолжает*): ...Это и волокиты, готовые терпеть любые издёвки плутовки Венеры. Это и сплетники, интриганы и склочники. На корабле дураков находятся и самовлюблённые, подхалимы, игроки, врач-шарлатаны... Поскольку глупость персонажа всегда гиперболизирована, то образ получается шаржированным или даже карикатурным. Автор венчает дураков колпаком с бубенчиками и частенько именует то одного, то другого Гансом-дурнем. Нередки у Бранта и сравнения глупцов с ослами. Вместе с тем обилие и разнообразие героев свидетельствует об основательности автора, досконально изучившего частную и общественную жизнь...

Сокол (*торжественно поднимает палец*): Досконально!

«Панама» (*продолжает*): ...общественную жизнь Германии накануне Реформации...

«Кепка» (*хмыкает*): Менделеев!

«Панама»: Его сатира носит антикатолический и антибуржуазный характер. Его герои как бы защищаются индульгенциями от расплаты за грехи. Девизом церкви было правило: хочешь грешить – плати. Вот почему, как утверждает Брант, зло остаётся безнаказанным.

Сокол (*стучит стаканом по бутылке*): Слушайте все и не говорите потом, что ничему у Сокола не научились!

«Панама»: Брант сетует на то, что о человеке судят не по его достоинствам, а по его достатку. Богачу в любой компании обеспечено самое почётное место, потому что миром стал править его величество Господин Пфеннинг...

- Вот сука какая! – негодуют кандидаты.

- Пфеннинги! Шиллинги!

- Эти евреи везде засели...

И кто-то кого-то уже за грудки тягает...

«Панама»: Миром спешат завладеть корыстолюбцы, ростовщики, перекупщики, мошенники. Все, кто жаждет наживы. Но автору милы другие люди. Люди скромные, честные и бедные, то есть те добродетели и добродетели, за которых будут ратовать Лютер и его последователи. Короче, трудолюбие и умеренность. Всё! Ответ закончен.

Сокол (*восхищённо*): Ну, ты даёшь!

«Панама» (*скромно*): Я ещё не всё дал. Этой сатирой вдохновился Иеронимус Босх и написал картину с одноимённым названием: «Корабль дураков». Теперь всё.

Сокол: Годишься! Садись рядом! (*Выпровождает из-за стола «Кепку» и на освободившийся стул усаживает «Панаму». Наливает два стакана вина. Пододвигает стакан «Панаме»*)

«Панама» (*испуганно*): Это зачем? Это не надо! Не пью!

Сокол (*настороженно*): Болееешь?

«Панама»: Не болею. Потому что не пью. А не пью из принципа. Логика!

Сокол (*растерянно*): Надо же... Из принципа, значит?

«Панама»: Из принципа.

Сокол: Из принципа из стакана? Или из принципа вообще?

«Панама»: Вообще.

Сокол: Ладно... Ты пока отсаживайся... Я сейчас речь буду говорить...

«Панама» перемещается к основной публике, а его место быстро занимает «Кепка» и выпивает стакан.

Сокол (*стучит ножом по бутылке, «Кепка» вторит – вилкой по стакану*): Внимание, коллеги! Северные народы ждут нашей помощи! Не дадим вымирать северянам без северного завоза!

Публика (*в единый рёв*): Не дадим!

Сокол продолжает речь, а в это время с трапа поднимаются на веранду группа «качков» - мускулистые, наголо бритые парни. Один из них лениво подходит к Соколу,

видит на столе книгу Артюра Рембо «Пьяный корабль», берёт, разглядывает.

Качок (*перебивает речь Сокола*): О, что я вижу! Рэмбо, в натуре! Дай-ка почитать?

Сокол: Ты здесь лишний, коллега...

Качок (*не расслышав*): Кто калека? Я калека?

(*Поворачивается к своей компании*). Вот это чмо в берете говорит, что я – калека!

Компания хохочет.

Качок: Я – калека! (*Снимает верхнюю одежду и, поворачиваясь, демонстрирует бицепсы рук и мышцы голого торса*). Дашь калеке почитать книжечку про Рэмбо, в последний раз спрашиваю?

Сокол: Рэмбо.

Качок: Рэмбо!

Сокол: Рэмбо!!

Качок: Я говорю – Рэмбо! Ты чо, кина не видел? Синьоры, посмотрите на этого придурка: он кина про Рэмбо не видел! Он не знает, кто такой Рэмбо!

Компания вновь ударяется в хохот.

«Кепка» (*не поднимая головы, грохнул стаканом по столу и стало тихо*): Кто сказал Рэмбо?

Качок (*растерянно*): Я сказал Рэмбо...

«Кепка» (*не поднимая головы, с утрированным кавказским акцентом*): Убивать надо таких некультурных. Без разговора.

Качок: Не понял...

«Кепка» (*тихо*): Все вон отсюда. Прошмандовки.

Качок: Да вы чо, в натуре? Всё путём... Пошутили... Реальные пацаны...

«Кепка» (*вскакивает из-за стола, яростно*): Увянь, олигофрен!

Качок: Всё- всё- всё... Испаряемся.... Гуляйте без нас...

Компания дружно удаляется, оглядываясь.

Сокол (*обращаясь к конкурсантам*): Все видели?

Публика не реагирует.

*Публика занята выпивкой и собственными,
внутрипубличными разговорами.*

Сокол (обращается к «Кепке»): Премного благодарен,
милостивый государь...

«Кепка» (перехватывает летящую с берега пустую
бутылку и отправляет её обратно, в компанию качков):
Рад стараться, ваше благородие.

*Бутылка попадает в лоб главному качку, разбивается
вдребезги.*

*Качок же даже не почесался. Он в это время как-то так
по-человечески задумался...Рэмбо? Рембо?*

На веранде появляется Давид Звенигородский.

Публика его узнаёт, приветствует почтительно:

- О, кто к нам пришёл!

- Такие люди – и без охраны!

*Давид подсаживается к столу Сокола. Тот сидит,
обхватив голову руками.*

Давид: Привет.

Сокол: Здравствуй, Додик. Третьим будешь?

Давид: Буду.

Сокол: Я про рейс говорю. Про северный завоз. В команду
мою пойдёшь?

Давид: А кто два первых?

Сокол: Я и этот... в литературе разбирается... (ловит
взглядом «Панаму», тот лежит на полу, кажется, его
наугощали)...нет, этот уже не годится...

«Кепка»: Вторым буду я. Если не возражаете.

Сокол («Кепке»): Ты – третьим номером. А Давид
Звенигородский – второй.

Давид: Подумать надо.

Сокол: Некогда думать, Додик! Завтра с утра надо уже
в Усть-Кут вылетать, в порт Осетрово. Там пароход ждёт-
не дождётся. Плановый рейс! И ты, Додик, не отказывайся!
Северный же завоз! Гуманитарный груз! Народы Севера...
Короче, вина и курева – полные трюма! Вот ты чо щас
куришь?

Давид (выкладывает на стол пачку сигарет «Памир»): Не
шикарно, конечно... Памир.

Сокол (разглядывает картинку на пачке, вздыхает):
Бедный интурист...

Картинка оживает... Сгорбленный от тяжести рюкзака турист-горовосходитель еле-еле ковыляет на трёх конечностях, в четвёртой посох держит...

«Кепка»: Миклуха-Маклай!

Давид: Лошадь Пржевальского...

Сокол: А в рейсе ты, Додик, будешь курить «Казбек». Ты представляешь, что такое «Казбек» для настоящего джигита?

«Кепка»: Двадцать копеек коробка.

«Кепка» вынимает из кармана коробку папирос «Казбек» и кладёт её на стол, рядом с «Памиром».

Давид смотрит на картинку коробки, облизывается.

Картинка оживает... Конь со ржанием вздымается на дыбы. Джигит в седле скалит белыми зубами, хохочет, конь крутится волчком, джигит стреляет из ружья, невесть откуда взявшегося... Горы перебрасывают с

*вершины на вершину эхо выстрела, конского ржания и
громового джигитского хохота...*

Давид: Заманчиво.

Сокол: Ну, вот! Какую-нибудь поэму сочинишь... Про вино, например.

Давид: Завязал...

Сокол: Так я не про то, чтобы пить! Я про совсем наоборот! В нашем деле, у экспедиторов, есть такая тонкая грань. С одной стороны – разбираться. А с другой – не увлекаться.

Давид: Да уж, дело тонкое, грань хрустальная...

Сокол: Вот-вот, я и говорю то же самое! А с кем работать, Додик? С кем идти в разведку, на благородное дело? Смотри, вот претенденты...

Сокол производит панорамный жест рукой...

*Публика! Она смеётся, пьёт, поёт, рыдает, закусывает,
кто-то кому-то что-то рассказывает, кто-то стихи
читает под брань и аплодисменты...*

Давид: Публика изысканная.

Сокол: С трудом.

Давид: Откуда?

Сокол: Да все с Парнаса! На Парнасе только такие кадры. А где народ? Где люди? Вокруг одни только кадры. Как работать с таким контингентом?

«Кепка»: Был бы завоз. А люди найдутся.

*Сокол и Давид удивлённо смотрят на «Кепку». Тот
невозмутим.*

Сокол (очнувшись от удивления – Давиду): Ты вот только представь себе...

Давид: Да я на что ни посмотрю, так сразу же представляю...

Сокол: Я не о том. Я про другое. Про северный народ. Представь себе: на берегу великой сибирской реки Лены сидит трудовой якутский мужчина...

*Картинка: на берегу великой сибирской реки Лены
сидит трудовой якутский мужчина. Трубочку курит,
попыхивает...*

Давид: Сидит?

Сокол: Ну, стоит. Или лежит. Какая разница?

Давид: Есть разница...

Картинка: на берегу великой сибирской реки Лены стоит трудовой якутский мужчина. Ладонь «козырьком» ко лбу приставил, вдалеку вглядывается. Вздыхает. Потом слюнявит палец, выставляет его «на ветер» - погоду определяет. Вздыхает. Вглядывается в реку. Мимо проплывает полузатонувшая бутылка, горлышком вверх... За ней – другая, кверху доньшком... Якут, загибая пальцы, считает проплывающую стеклотару... Маловато ещё бутылок. Но уже надежда осеняет лицо трудового якутского мужчины.

- Стекланный пароход ско-о-ро придёт, - говорит он. – Стишок, однохо. Соколу надо показать... Сокол уже лети-и-т... Весна человечества будет...

Сокол (продолжает): ...рождённая в трудах и в бою!

Представляете, коллеги?

Давид и «Кепка» (в один голос): Ну!

Сокол (решительно): Тогда пошли собираться. По дороге кое-что обсусолим. Детально. Да здесь уже и сидеть-то незачем. Скоро тут начнут друг другу морды квасить...

Просто абсурд какой-то: как начнут стишки читать – так потасовка...

«Кепка»: Кажется, уже началось.

Сокол: Вот я и говорю – пошли.

Троица встаёт и уходит. Однако «Кепка» быстро возвращается, прячет в карманы недопитую и непочатую бутылки вина, заворачивает в салфетки остатки нехитрой закуски – и туда же, в карманы, после чего догоняет новых товарищей.

3. НА НАБЕРЕЖНОЙ.

*Набережная Ангары в эти часы ещё малолюдна.
Наша троица останавливается у памятника Юрию
Гагарину, в просторечии называемом «голова на блюде» и
«мужик в хомуте».*

Сокол: По-военному, значит. На первый-второй
рассчитайсь! Первый!

«Кепка»: Второй!

Сокол (*«Кепке»*): Я здесь первый. Ты третий. А Давид –
второй. Хотя, скажу без излишней скромности, Давид
Звенигородский в смысле поэзии выше меня на
целую... (*запинается, подыскивая слова, при этом
разводит в стороны большой и указательный пальцы*)... на
целый...

*«Кепка» вынимает из кармана стакан, примеряет его
между разведёнными пальцами Сокола. Как раз! Давид и
Сокол смеются.*

*Сокол удерживает стакан двумя пальцами и кивает
«Кепке»: разливай, дескать. Тот опоражнивает
недопитую бутылку.*

Сокол: По кругу, значит! (*Снимает берет и, обнажая
рыжую шевелюру, театрально раскланивается*) Рыжий!
(*Отпивает глоток и передаёт стакан Давиду*).

Давид (*снимает кожаный убор с козырьком и наушниками
и встряхивает чернокудрявой головой*): Чёрный!
(*Выпивает и передаёт стакан «Кепке»*).

«Кепка» (*обнажает голову, совершенно седую*): Белый!

*Троица образует круговое объятие и танцует что-то
такое чрезвычайно самодеятельное, образованное из
«барыни», «семь-сорок» и лезгинки. Музыка – самодельная,
на губах!*

*Освободившись от заплочных объятий, троица стала
кружить вокруг памятника. «Голова на блюде»
завращалась вслед за танцующими - всё быстрее и
быстрее, и вот на постаменте уже не бронзовая голова,
а что-то такое, извините за выражение,
центрифужное...*

*Из хоровода пляшущих наш взгляд выделяет одного из них,
Сокола. Движущийся Сокол внезапно замирает и
превращается в фотографию...*

Голос Давида Звенигородского:

Иркутский поэт-верлибрист Саня Сокол по месту жительства, то есть на зимних квартирах, представлялся просто: шкипер...полярные моря, через льды и шторма...белое безмолвие, вечная мерзлота...моржи и эти...как их?... тюлени...

- Киты, - подсказывали Сане.
- Редко.
- Голубые?
- Кто?
- Киты.

- А-а-а...Да разные бывали киты, - отвечал Сокол и очень аккуратно уточнял ответ на вопрос: - Киты разные, но фонтанчики из башки у них, представьте себе, совершенно одинаковые. Просто удивительно!

В компаниях, где Саня таким образом представлялся, на квартирных стенах и под стёклами книжных полок и новомодных рижских сервантов красовались широко известные фотопортреты американского писателя Эрнеста Хемингуэя: мужественный взгляд, белая борода, свитер грубой вязки...Некоторым образом, кумир. И среди его

почитателей вполне отчётливым было понимание, что такое хемингуэво, а что - не хемингуэво.

Вот Гагарин с белозубой улыбкой: это хемингуэво.

Вот четверо советских солдатиков во главе с сержантом Зиганшиным на барже, унесённой в открытое море... сначала они ремни свои форменные кожаные съели, потом сапоги стали на керогазе варить... - нет, не хемингуэво как-то... Зиганшин-буги, Зиганшин-рок, Зиганшин съел второй сапог...

Вот Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара... Да, вожди кубинской революции были в России нашими парнями. От тех отчаянных барбудос явилась в наш молодёжный мир мода на береты.

Саня Сокол безмерно уважал кубинских товарищей, но Советский Союз был ему, как и всем советским гражданам, территориально ближе и материально доступней. И поэтому Саня носил берет – вязаный из мохера, огромный, ниспадавший на уши, а в некоторых случаях – аж до самых плеч: «Бэрэт, - говорил Саня, - из мохэра». А вместо кубинской звёздочки-кокарды Саня прицепил нагрудный знак «Отличник боевой и политической подготовки Советской Армии». Смотрелось тоже ничего. В помещении первым всегда оказывался берет, а уж потом – Саня. Но в начале был берет.

Парни и девки в ту историческую эпоху развёрнутого строительства коммунизма уже и самоиндифицировались разнообразно: леди и джентльмены, старики и старухи, чуваки и чувихи... Чуваки в компаниях свирепо завидовали Сане с его полярным романтизмом. Чувихи слушали Санины декламации и сжимали ляжки, чтоб не описаться от восторга.

- Расскажите, товарищ шкипер, свою автобиографию! Как вы достигли такой северной высоты, широты и долготы?

- Раннее детство, - отвечал Саня, - я провёл в суровых условиях... Помню, купили мне однажды матросскую бескозырку с ленточкой. На ленточке - золотой якорь и надпись тоже золотая: «Пират»... Собственно говоря, с этого всё и началось...

Курили болгарскую «Шипку»... Пили болгарский рислинг...

Звуки этих слов ласкают слух

Сокол, конечно же, преувеличивал. Никаким шкипером он не был. Он был сезонным экспедитором «северных завозов» ...

*Тройка кружит, тройка скачет, вьётся пыль...
«Голова на блюде» кружится по вертикальной оси всё
быстрее и образует нечто незримо-свистящее,
сверхзвуковое, с нарастающим реактивным рёвом...
Наш взгляд фиксирует второго фигуранта – Додика. Тот
тоже замирает и тоже становится фотографией.*

Голос Давида Звенигородского: Это я сам, собственной персоной – Давид Звенигородский. Тоже поэт. О которых говорят: либо – это наше всё, либо – ничего...

*И с третьим плясуном-танцором происходит такая же
метаморфоза,
как и с двумя предыдущими.*

Голос Давида Звенигородского: А это - ...

Реактивный рёв внезапно обрывается.

«Кепка» (*прекратил танец, щёлкнул каблуками и энергично тряхнул головой на манер кино-офицеров белой гвардии*): Князь Георгий Гогенцоллерн-Мухранели! Честь имею! К вашим услугам, господа!

Сокол: Как?

«Кепка»: Можно короче. Жорж Гогенцоллерн.

Сокол: Не понял...

«Кепка»: Можно ещё короче. Как я был в школе записан: Гоша Гогин.

Сокол: Так. Значит, в школе был Гогин?

«Кепка»: Гогин.

Сокол: А после школы – Гогенцоллерн?

«Кепка»: Гогенцоллерн-Мухранели.

Сокол: Князь?

«Кепка»: Князь!

Сокол: Короче...

«Кепка» (*перебивает*): Короче не получается.

Сокол: Ничего, подсократим.

Давид: Как завещал нам Достоевский.

Сокол: Вот именно! Покуда будешь просто Жорка. А когда заслужишь доверие коллектива, тогда и князем будешь... как ты выразился... Мухранели...

Жорка (*обидчиво*): Мухранели! Прошу не коверкать! Мухра-не-ли!

Давид: Муха...

Жорка: Что?

Давид: Пролетела...

Сокол: Всё, коллеги! Пора к делу переходить. Жорка, давай по-быстрому, мухой, - банкет на три куверта! Вон там, на симпатичной лавочке-скамеечке...

Направляются к скамейке. Устраиваются.

Жорка недоволен таким обращением. Но помалкивает. Вынимает из кармана бутылку портвейна «Три семёрки». Раскладывает на газете закуску...

Сокол (потирает ладони): Стол есть!

Давид: Стакан есть! (ставит стакан рядом с бутылкой)

Сокол: Музыка?

Жорка молча нажимает кнопочку транзистора, и песня слышится:

Поёт морзянка за стеной весёлым дискантом,
Кругом снега, хоть сотни вёрст исколеси...
Четвёртый день пурга качается над Диксоном,
Но только ты об этом лучше песню расспроси...

Сокол: Наша, северная!

Давид (крутит в руках бутылку, растерянно шарит по карманам): Пробка, собака, настоящая... У кого есть чем проткнуть? Карандаш, что ли...

Жорка: Надо было буфетчицу с собой взять.

Давид: Её-то зачем?

Жорка: У неё штопор. И вообще... (руками изображает, будто подбрасывает на ладонях большие женские груди).

Давид хмыкает.

Сокол: Нету штопора – щас будет. Как в лучших кабаках Европы. У меня тут рядышком один знакомый есть. Между прочим, кандидат геолого-минералогических наук... (Давиду) Дай-ка! (Принимает бутылку).

Неподалёку от скамейки – люк канализационного колодца. Сокол подходит к люку. Донышком бутылки аккуратно стучит по чугунному люку. Да не просто так стучит, а

азбукой морзе: тире-тире-точка-точка-точка...ти-ти-та-та-та... Семёрка, по-морзяночному. А трижды отстуканное – так и вовсе три семёрки получают, по-портвейному понятию...При этом Сокол ещё и речитативом стук сопровождает: «дай-дай-за-курить»... - это уж у радистов так цифру семь словами озвучивают...

Голос из колодца: У нас не курят!

Сокол: Извините, ради бога...Откройтесь на минуточку...
(Рукой подзывает к себе Давида и Жорку. Те подходят)

Люк приподнимается, сдвигается в сторону и появляется Голова в каске. Она поразительно похожа на «голову на блюде» гагаринского памятника.

Жорка изумлённо раскрыл рот.

А Давид, глядя на человека, по пояс высунувшегося из канализационного колодца, конечно, что-то своё представляет, и вот уже на наших глазах в быстром темпе, как в ускоренной киноленте, происходит превращение живого человека в бронзовую скульптуру...И от этого бронзового получеловека – лучи ослепительные исходят и нимб восстаёт над головой.

Давид потряхнул головой – и опять же как в киноленте, но уже в обратную сторону крутящейся, бронзовый человек быстро превратился в настоящего, живого – и наваждение спало.

Голова: Что угодно, джентльмены?

Сокол: Нам угодно...это...кандидата геолого-минералогических наук Сивиллова Леонида Григорьевича. По личному делу.

Голова: Он уже здесь не живёт. На другую квартиру переехал.

Сокол: Далеко?

Голова: А вам зачем знать?

Сокол: Профессиональный интерес. Производственная необходимость. Я, извините, поэт. Сокол Александр. Слышали?

Голова: Слышали, слышали.. Мы тут много чего слышим.

Сокол: И какая тут у вас слышимость?

Голова: Отличная. Без помех. Первый коммуникационный канал. Всё стекается. Всё сливается.

Сокол: И что говорят?

Голова: Да про то, как ты каждое лето на северах мышкуешь...

Сокол (*возмущённо*): Врут! Причём вульгарно. Это от зависти. И что значит «мышкуешь»? Пашу, как раб на галерах.

Голова: Похвально плаваем, значит.

Сокол: Кто?

Голова: Ну, не я же! Вы.

Сокол: Мы ходим. Мы по Лене-реке ходим. А плавает говно в проруби.

Голова: Bravo! Ущучил ты меня! Один ноль в твою пользу.

Сокол: Так куда же переехал Леонид Григорьевич?

Голова (*рукой показывает*): Следующий колодец по набережной. Так чо надо-то? Фужер?

Сокол: Ну, может быть, и фужер... Или стакан...

Голова: Говорите конкретно. Стакан это стакан. Фужер это фужер. Есть ещё ковшик. Кружка. Бокал. Лафитник. Чарка. Рюмка. Стопка...

Сокол: Нам бы штопор. На секундочку.

Голова: Странно. Все просят тару, а вы вон чего... Ну, ладно. Без проблем.

*Голова исчезает в колодце, тут же появляется и протягивает Соколу штопор.
Жорка принимается откупоривать бутылку.*

Сокол (*Голове*): Присовогубите?

Голова: На работе не пью.

Сокол: Строгое правило!

Голова: Для нашего колодца – нормальное правило. Которое ниже вашего плинтуса. Но маленько выше вашего понятия.

Сокол: Извините, а вы кто будете?

Голова: Некто Теодор. Лучший кроссвордист Советского Союза. Обладатель почётного титула «Человек-энциклопедия»...

Жорка: И вы тут сидите! С такими регалиями...

Некто Теодор: А где мне ещё сидеть? В вашем жилищно-коммунальном хозяйстве? Нет. Знаю я ваше ЖЭКХа выше плинтуса... Толкаются, обижают, мешают думать о смысле жизни, не дают сосредоточиться... Всё как есть

суетня и болтовня. Все бегут, бегут...Зачем эта моментальная беговня? Нету в беговне монументальной радости жизни...

Сокол: Например?

Некто Теодор: Например, ты мне морзянкой стучал, Александр Сокол. Три семёрки. Три семёрки, конечно, можно выпить. А можно и в литературу вылить. Можно на музыку положить. А кто это делает, так тебе, Сокол, на это конкретно наплевать, не скажешь. Так ведь?

Сокол (*мычит нерешительно*): Затрудняюсь...

Некто Теодор: Композитор Марк Григорьевич Фрадкин. Поэт Михаил Спартакович Пляцковский. Вот такое у нас ЖэКэХа! Живи Как Хочешь. А хоти как можешь. Редкое счастье. Чао!

*Некто Теодор сдвигает крышку люка на свою голову в каске
и медленно погружается в колодец, и так же медленно и аккуратно
крышка опускается и запечатывает люк.
Троица возвращается на скамью.
Молча выпивают. Молча закусывают. Что-то, видать
задело их в словах Некто Теодора. Сокол хмыкает и
крутит башкой. Давид хитро щурится. Жорка
вопросительно вглядывается то в одного, то в другого...*

Жорка: Повторим?

Сокол: А можно?

Жорка: В нашем жэкэха всё можно...(*Крутит колёсико
настройки своего транзистора...торжественный голос
диктора передаёт последние известия, сводки с
полей...потом слышится звук морзянки: в эфире какой-то
безымянный радист... и, наконец, - радиоволна с прежней
песней, про морзянку*) Пожалуйста. По заявке
радиослушателя...

Палатки звёздами мохнатыми усеяны,
Их дальний свет в своём ты сердце не гаси.
Я тоже мог бы рассказать тебе о Севере,
Но только ты об этом лучше песню расспроси...

*Давид – Жорке показывает пальцем - как бы крутит
назад колёсико настройки,*

в обратную сторону: дескать, давай, возвращайся к радисту... Жорка крутит колёсико – и вновь слышится морзянка в эфире...

Давид (*речитативом*): Дай-дай- за-ку-рить...

Сокол (*подхватывает*): Дай-дай-за-ку-рить...

Все втроем: Дай-дай-за-ку-рить...

*Жорка вынимает из кармана коробку «Казбека».
Закуривают.*

Жорка: Это чо у них там (*пальцем показывает вниз, на асфальт и ещё ниже, на землю и ещё ниже, в подземелье*)... Уже полный коммунизм?

Сокол: Не кощунствуй, Жорка. Ты ещё молодой...

Давид: Инфант террибль.

Жорка: А что я такого сказал? У меня, допустим, родной дядя живёт фактически в Подмоскovie – и ничего... Это же не значит, что живёт в метро или в подполье. А Некто Теодор фактически тоже – под Иркутском, но это уже как бы «дяди подземелья»...

Давид (*перебивает*): Наш адрес – Советский Союз.

Сокол: Не хемингуёво!

Жорка (*запальчиво*): А это смотря с какой стороны смотреть! Снизу вверх или сверху вниз! Если, например...

Сокол (*перебивает*): Кстати, о пробках. Я на этом конкурсе одного отсеял. Ты, Жорка, лично видел. В зимней шапке, который. Зовут Геннадий. Всем рассказывает, что уши отморозил на Северном полюсе. Врёт. Мы там не были. Так вот, я его сегодня отсеял к чёртовой матери. Не за уши. А за что? Рассказываю для профилактики. Чтоб между нами никаких секретов не было... Идём, значит, вниз по Лене. Доставляем северным труженикам гуманитарный груз. Грюма затарены под завязку. Короче, Геннадий каждый день под шофэ. Ладно. Это как бы издержки производства и как бы вредные условия труда, это можно понять. Но что нанесло удар по нашей миссии?! Ни в чём не виноватые прибрежные жители обнаруживают абсурд: некоторые бутылки закупорены – а внутри ничего! Воздух! Даже – безвоздушное пространство! Полный вакуум! Что такое? Провели расследование. Пробки проткнуты! Сразу и не заметишь, сверху замаскировано. Провели дополнительное

расследование... Короче, этот сука Геннадий до чего додумался?! Конским шприцем пробки протыкал и всё пошло, как насосом, выкачивал! Я был в шоке. Много чего повидал, но чтобы такого... чтобы конским шприцем... да к тому же ещё и без коллектива жрать импортную продукцию?! Нет! Это было кощунство высшей степени!

Давид: Умный какой...

Жорка (*с интересом*): Изобретатель...

Сокол (*подозрительно смотрит на собеседников и будто спохватывается*): Я вам про эту механику не говорил. Забудьте!

Давид (*успокаивает и переходит на деловой тон*): Уже забыли. И как же мы будем действовать завтра, товарищ капитан?

Сокол: Завтра в девять ноль-ноль встречаемся в аэропорту. У кассы. Потом я поведу вас дальше. К самолёту.

Жорка: А билеты? Номер рейса?

Сокол (*командным голосом*): Без номера. Спецрейс Иркутск-Усть-Кут. Билеты – не ваша забота. Ваша забота – не опоздать. Я вчера непосредственно из порта Осетрово телеграмму получил: груз пришёл в товарном вагоне, пломбы пока что целые, ждёт перезагрузки на пароход. Пароход пары раздувает. Ни секунды простоя! Промедление смерти подобно. Мы же отправляемся не кукурузу какую-нибудь сеять! Вылет срочный. Один знакомый самолёт уже накеросинился и готов. Есть вопросы?

Давид: Потом будут... Так сказать, по мере...

Сокол: Тогда, коллеги, разбегаемся. Цели ясны. Задачи определены. За работу, товарищи! Как завещал наш дорогой Кукурузвельт, Никита Сергеевич!

Жорка: А паспорт брать?

Сокол: Если ещё нету, то – свидетельство о рождении...

Жорка (*вспыхивает, но сдерживает себя*): Опять обижаете... А спецрейс – это как? Специально для вас?

Сокол (*загадочно*): Ну, в общем... как бы... да... (*Уходит от прямого ответа*)... А в «Чешуе», между прочим, вам уже завидуют, что именно вы на северный завоз попали. Обидно, конечно, не всем же такое счастье выпадает...

Со стороны плавучего ресторанчика «Чешуя» доносятся крики, звон битого стекла и громкая магнитофонная музыка из кинофильма «Человек-амфибия»:

*Эй, моряк, ты слишком долго плавал!
Я тебя успела позабыть...*

*На веранде - не очень кровожадная, ленивая драка.
Под столом спит «Панама».
Геннадий (в шапке) блюёт, свесившись с перил, в Ангару...
Троица, оживлённо беседуя, удаляется по
набережной...Из-за памятника Гагарину вдруг
высовывается рожа Ивана, бывшего конкурсанта в
красной рубахе, с балалайкой.*

Иван (кричит с воздыманием руки и с зажатыми в кулаке деревянными ложками): Сионисты!

*Жорка оборачивается и грозит Ивану кулаком. Тот
мгновенно исчезает.*

4. «АННУШКА»: СПЕЦРЕЙС ИРКУТСК – УСТЬ-КУТ.

*Майское солнечное утро. Погода шепчет: радуйся.
Видимость, как говорят в авиации, миллион на миллион.
В стороне от основной взлётно-посадочной полосы
расположилась ВПП местных авиалиний.*

К вылету готовится АН-2.

*У винта хлопочут два пилота. У входной двери -
невысокий трап. На нём застрял Жорка с двумя
громадными чемоданами. В двери изнутри салона
показывается Сокол: ругается, костерит Жорку...Давид
тоже выглядывает. Наконец, втроём кое-как, мешая друг
другу, с перебранкой протаскивают чемоданы в дверь и
устраивают в салоне.*

*Жорке с самого начала не понравился самолёт. Морщится
скептически.*

Жорка: Значит, спецрейс...

Сокол: А ты хотел ту-сто четыре?

Жорка: Ну, не то чтобы очень, но...

Сокол: Очень даже приличный самолёт! Аннушка. В девичестве – Кукурузник.

Жорка хихикает.

Сокол: Ты чего?

Жорка: Никиту Сергеевича вспомнил. Как вы его назвали Кукурузвельтом. Очень даже прилично.

Сокол: *(продолжает):* АН-два. Воздушный транспорт областного геологуправления.

Дверь в кабину пилотов открыта. Жорка и туда заглядывает.

В хвостовой части салона – какие-то ящики, коробки, тюки, пара железных бочек...

Жорка (Соколу): Это всё наше?

Сокол: Это тоже геологов.

Жорка: И что, мы только трое?

Сокол: Берёт двенадцать пассажиров. Или так: груз плюс мы плюс два твоих чемодана. Откуда ты взял такие?

Сдурел? А вдруг перезагруз будет? Выбросим!

Жорка: Через мой труп.

Сокол: Чо у тебя там?

Жорка: Коллекция. Жизнь человека.

Сокол: Надо посмотреть!

Жорка: С удовольствием. А паспорт кому предъявлять?

Сокол: Дай сюда!

Протянутый Жоркой паспорт Сокол перелистывает и прячет в дипломат.

Жорке не сидится. Он снова порывается идти куда-то.

Сокол (рывает): Сядь! Пристегнись!

Жорка недоволен, но вынужден подчиняться. Он неумело возится с ремнями, чем и выводит Сокола из терпения.

Сокол решительно вмешивается, и в результате вмешательства руки-ноги Жорки оказались туго-натуго

*стянуты ремнями как его сиденья, так и двух смежных.
Не шевельнуться!*

Жорка (*тихо, смиренно*): Всё. Я уже сижу. Пристёгнутый. Без паспорта. Можно лететь?..

Сокол: Щас полетим. Лётчиков дождёмся...

Жорка: А чо они вошкаются? Наплевать на расписание?

Сокол: На колесо ссут. Ритуал у них такой. Традиция в авиации. Чтоб, значит, количество взлётов всегда равнялось количеству посадок.

Жорка: А можно мне?

Сокол: Сиди!

*Во входную дверь один за другим входят пилоты. Плотно задраивают дверь. Направляются в пилотскую кабину.
Командир корабля дружески хлопает Сокола по плечу:
они – давние знакомцы. Второй пилот, увидев транзистор
на груди Жорки, подмигивает...*

Второй пилот: Лететь – так с музыкой!

Жорка (*ёрзает в ремнях*): Так точно... только я уже пристёгнутый...

Второй пилот (*смотрит, удивляется и освобождает Жорку от множества излишних ремней*): Кто это тебя так упаковал?

Сокол: А это чтоб меньше шлялся... В кабину вашу собрался! Ещё нажмёт там чего-нибудь - и мы без вас улетим!

Жорка (*серьёзно*): Чего надо – то и нажму! (*включает радиотранзистор*) Какие у нас щас координаты, товарищ лётчик?

Второй пилот (*удивлённо*): Зачем тебе?

Жорка (*громко, с вызовом, чтобы Сокол с Давидом непременно услышали*): Это мне для начала нужно. Роман буду писать. В стихах.

Второй пилот: Записывай (*диктует*). Пятьдесят два градуса семнадцать минут ноль-ноль секунд северной широты. Успеваешь? Сто четыре градуса восемнадцать минут ноль-ноль секунд восточной долготы.

Жорка: Сердечно благодарю вас (*протягивает руку*)
Георгий Гогенцоллерн-Мухранели.

Второй пилот: Дима.

Пожимают руки.

Жорка (*вытаскивает из-за пазухи сложенный номер журнала «Огонёк»*): Дима, у меня к вам ещё один конфиденциальный вопрос на засыпку. Тут в кроссворде требуется... Кого в Иркутске ни спрашивал – никто ответить не мог. Нужен свежий взгляд на такой вопрос: русский народный деликатес? Четыре буквы, кончается на А.

Дима: Икра!

Жорка (*вздыхает*): Не подходит.

Дима: Ну, тогда я не знаю... Мы обычно икоркой закусуваем. А ты у товарищей своих попытай. Мне некогда.

Жорка: Товарищи не знают. Они по другой части...

Пилот уходит в кабину. Запускаются двигатели. Шум мотора всё громче. Жорка крутит колёсико настройки радиоприёмника. Сквозь треск, писк и прочую радиомуть наконец пробивается музыка. В эфире – песня из кинофильма «Леон Гаррос ищет друга» (1960 г): музыка Никиты Богословского на стихи Евгения Аграновича, поёт Галина Ненашева:

Смотри, пилот, какое небо хмурое, -
Огнем сверкает темной тучи край.
Суровый день грозит дождем и бурей, -
Не улетай, родной, не улетай!

Давид между тем не принимает участия в разговоре. Он молчалив и задумчив. А радиопесня и шум запускаемого мотора всё громче.

Закрыла солнце белая метелица,
Хоть все огни на старте зажигай.
Густой туман, туман по полю стелется,
Не улетай, родной, не улетай!

Давид смотрит в иллюминатор. На бетонке, вблизи самолёта стоит молодая женщина с ребёнком-грудничком на руках. Ветер от самолётного винта раздувает её волосы, косынку на плечах, хлещет подолом

платья и лёгкого пальто. Женщина, судя по артикуляции губ, что-то то ли кричит, то ли поёт... - но голоса её не слышно.

Но быстро тучи за море уносятся,
Синеет небо, зеленеет май.

Давид (*резко поворачивается лицом к салону*): Тихо вы!

Внезапно всё резко смолкает: и рёв самолётного мотора, и песня из транзистора, и Давид, вновь прильнувший к иллюминатору, явственно слышит голос не радиопевицы, но голос женщины на взлётной полосе, голос-речитатив:

Теперь сама в полет машина просится. -
Не улетай, родной, не улетай!

Давид отпрянул от иллюминатора, закрыл глаза, потрянул головой, вновь лбом устался в стекло... На бетонке – никого! Пусто! Видение пропало. Наваждение исчезло... И в салон самолёта вернулись все прежние звуки. Самолёт, подрагивая, подпрыгивая на стыках бетонных плит и набирая скорость, покотил по взлётной полосе – и скоро взмыл в воздух... Жорка и Сокол на одном из жоркиных чемоданов раскладывают выпивку и закуску: хлеб, колбаса, «Кильки в томате», плавленый сырок «Дружба»...

Сокол (*продолжает разговор*): Рыба! Вот такой будет русский народный деликатес из кроссворда...

Жорка (*ехидно*): Не подходит! И чо это я не сообразил у Некто Теодора спросить?

Сокол: Да плюнь ты на деликатесы! Не мучайся. Ещё два с половиной часа будем в небе! Так что, наслаждайся, Жорка, гигантскими просторами нашей Родины. В натуре увидишь, наглядно, с высоты птичьего полёта: мы – не какая-нибудь Германия, или Франция, или княжество Монако! Размах! Выпить надо – везём водку за сотни кэмэ. Закусить надо – пожалуйста, доставим, это нам раз плюнуть через какие-то несчастные тыщу кэмэ... Вот это, я понимаю, кроссворд!

Жорка (*записывает*): Два с половиной...

Сокол: Автодорога почти тыща четыреста. Железка – почти целая тыща. Представляешь, как ты по шпалам тук-тук-тук...ду-дуууу...?

Жорка представляет себя в паровозной будке, в форме машиниста, в парадном кителе и в белой рубашке с галстуком, в фирменной фуражке...Он, приставив ладонь ко лбу, выглядывает в окошко и пристально вглядывается вдаль...Потом берёт в руки совковую лопату и подбрасывает уголь в топку...А Сокол с Давидом в это время сидят в купе мягкого вагона, на столике меж ними плещется коньяк в рюмках, лимон в блюдечке катается, за окном мелькают виды экзотической природы: олени в нартах, каюры машут руками...Жорка отбрасывает лопату в угол, вытирает пот со лба, ухватывает свисающую откуда-то сверху проволочную петлю паровозного гудка и трижды дёргает вниз: ду-ду-дуууу...

Сокол: Вот так, братцы! Без самолёта сейчас – никуда! Представляешь, летим, как эти... (*поёт*)...летят перелётные птицы в весенней дали голубой...

Жорка снова представляет: он сидит в кресле командира сверхзвукового пассажирского авиалайнера...На Жорке - элегантная синяя униформа Аэрофлота с золотыми нашивками и фуражка с эмблемой-крылышками. Красавица-стюардесса в салоне говорит в микрофон чарующим голосом: «Рейс Иркутск-Мадагаскар выполняет экипаж Иркутского управления гражданской авиации. Командир корабля князь Гогенцоллерн-Мухранели от имени всего экипажа приветствует вас на борту нашего лайнера...» Жорка-командир включает тумблер на приборной доске – и слышится песня:

Под крылом самолёта о чём-то поёт
Зелёное море тайги...

Сокол (*поднимает указательный палец, обращая внимание на слова*): Поёт! О чём-то!

Жорка (*бурчит, недовольный тем, что Сокол прервал его шикарное видение*): Это неправильно.

Сокол: Что значит неправильно?

Жорка: А что значит «о чём-то»? В зелёном море тайги конкретные люди живут. Так? Вот пусть она...то есть, оно и поёт конкретно. А то – «о чём-то»...

Сокол (*Давиду – указывая на Жорку*): Романтики не понимает.

Давид (*улыбается*): Молодой ещё.

Сокол: Салага!

Жорка: Новое поколение...

Давид: Прагматики.

Сокол (*Жорке*): Вот я тебе скажу: Согдиондон. Сог-ди-он-дон! Чем пахнет?

Жорка: Ну, не знаю...Вроде, древний Рим...Или мифы древней Греции...В общем, из древней истории. Нет?

Сокол: Из древней. А я как раз оттуда. Северный посёлок. Место рождения. Зелёное море...

Жорка (*обескуражено-растерянно*): Так мы будем завтракать? Или только – про романтику?

Сокол: Приступим, благословясь. Жорка, зови лётчиков.

Жорка: Они ж рулят!

Сокол: Скажи, пусть остановятся на десять минут.

Жорка: Шутите всё...

После первой рюмки Сокол взял инициативу в свои руки.

Сокол: Наша миссия на Север – не только коммерческая. Мы понесём народам Севера свет культуры, луч света, ключ знаний...

Сокол страстно говорит, но уже немо, только рот разевает и жестикулирует. А вместо его слов слышен голос Давида Звенигородского.

Голос Давида Звенигородского:

Да, так оно и было. Почти так... Кроме погрузочно-разгрузочных обязанностей, Сокол нёс на своих плечах иную миссию, не менее благородную, культурно-просветительскую. В областном обществе «Знание» Саню снабжали путёвками внештатного лектора для выступлений перед прибрежным населением с лекциями о советской литературе. Зарботок гарантированный, надо было только не позабыть штампик в путёвке поставить и заверить подписью ответственного и уполномоченного лица из местного культурно- идеологического начальства.

Сокол (*достаёт из портфеля-дипломата пачку путёвок*): Я и на вас взял. Будьте готовы!

Жорка: Здорово! Это мы как бы посланцы...

Сокол: Ну, вроде того. С того света.

Жорка (*складывает ладони рупором, дурачится*): Эй, печенег с печенюшками! Хватит вам в ваших антисанитарных чумах печенежиться! Выходите пахать и сеять на культурном фронте...

Сокол (*строго*): Не балагань! Северяне – не печенег. Кто не знает, тот говорит: дикий край, крайняя плоть государства, закон-тайга, медведь-хозяин, который там всё: прокурор, судья, уполномоченный по правам человека, по мёду, по ягоде-малине... Это неправда. Полная чушь и брехня! Там есть даже один поэт от сохи, мне лично знакомый. Якут. Пишет под псевдонимом «Сергей Есенин». Я говорю: уважаемый Митька, так нельзя, так даже смешно! Митька отвечает: посмеются – перестанут... Ну, ничего, я в этой навигации искореню псевдоним к чёртовой матери. Потом до остальных недостатков доберусь...

Жорка (*Соколу*): А можно я к лётчикам постучусь?

Сокол: Попробуй.

Жорка стучит в дверь известным стуком: три семёрки, дай-дай-за-ку-рить... «Открыто!» - слышится из пилотской кабины. Жорка приоткрывает дверь.

Жорка: Товарищи лётчики, разрешите вас угостить натуральным «Казбеком»?

Командир: Угощай!

Жорка протягивает раскрытую пачку. Пилоты берут по папироске. Закуривают.

Жорка: А дадите порулить?

Командир: Ну, проходи, садись...

Жорка: Только я, товарищи...это...на колесо...не пописал...

Пилоты смеются.

Командир: Тогда ничего у тебя не выйдет!

*Жорка вздохнул и прикрыл дверь.
Сокол с Давидом продолжают разговор.*

Сокол: Вот и получается так, что самолёт – хорошо, а олени лучше! Никуда не попрёшь от такой диалектики природы...

*Жорка включает транзистор. В эфире – Кола Бельды.
Кто ж в Советском Союзе не знает Бельды? Все знают.*

Жаль что занят я, друзья,
А не то без лени
К вам бы в гости ездил я
Только на оленях!
За спиной летит снежок,
Мчатся нарты с кручи.
И трамвай – хорошо,
И троллейбус – хорошо,
И метро – хорошо,
А олени лучше!

Ни толкучки, ни возни -
Скажем для примера.
Ни борьбы за место нет,
И ни милиционера.
За спиной летит снежок,
Мчатся нарты с кручи.
Паровоз – хорошо,
Пароход – хорошо,
Самолёт – ничего,
А олени лучше!

Сокол: Вот такая цивилизация! А ведь мы ещё до парохода не добрались! До свидания с Леной! Это, я вам скажу, такая река, которая не просто река...

Давид (*напеваает*): А река бежит, зовёт куда-то...

Жорка (*фыркает*): Ага, бежит... (*с ехидцей подражает Некто Теодору*) Нету в беговне радости жизни! Так она ещё и зовёт куда-то, поёт о чём-то...зачем-то... Что за намёки? Вот меня прямо бесит от таких намёков!

Давид (*хитро*): А это вот так вот! поэты с композиторами! намекают, что поддерживают и одобряют!

призывы нашей родной коммунистической партии.

Вперёд, значит!

Жорка: Куда?

Давид: Туда. К победе.

Жорка: К какой?

Давид: Полной, окончательной, безоговорочной и бесповоротной.

Из пилотской кабины выходит второй пилот, Дима.

Дима: Ну, ребята, пошли на разворот. Через десять минут встанем на три точки. Собирайтесь.

Жорка: Сядем?

Дима: Приземлимся!

«Аннушка» приземляется и уходит на стоянку. Сокол и его компаньоны прощаются с пилотами, выгружаются.

Прямо к трапу самолёту на высокой скорости подъезжает и резко тормозит «Волга» М-21 с никелированной фигуркой оленя на капоте. За рулём – Хельга. На голове берет с кокардой. Брючный костюм – униформа Речного флота СССР.

Хельга (*смеётся и машет рукой*): Привет, Александр!
Карета подана!

У Хельги мягкий голос с прибалтийским акцентом.

Взаимные восклицания, объятия. Сокол гладит фигурку оленя и напевает, подражая Бельды: «Самолёт ничего, а олени лучшие...» Все устраиваются в машине.

Сокол: Теперь куда?

Хельга: Как всегда. Всё устроено. А вы путёвки взяли?

Сокол: А как же! (*хлопает по дипломату*). Знание – сила!

Хельга: Тогда прямо сюда, в аэровокзал, в зал ожидания. Потом – на речной вокзал. А оттуда уже к нам, в Осетровский порт, на грузовой терминал. Заждались вас, товарищ лектор! Что нового скажете народу?

Сокол: А чего нового? Всё по-старому.

Хельга (*укоризненно*): Александр, вы что? В прошлом году БАМ начался! Усть-Куту статус присвоили: отправная точка всесоюзной комсомольской стройки.

Забыли? У нас тут, на точке, этот статус до сих пор отмечают! Празднуют! А короче, - БАМ! А вы говорите, ничего нового...

Сокол: Это я про план лекции говорю. Лекция по утверждённому плану. В трёх частях. Первая часть: международное положение и кому нужна разрядка напряжённости...

5. УСТЬ-КУТ. АЭРОПОРТ. ЗАЛ ОЖИДАНИЯ.

Колокол уличного репродуктора транслирует новую песню про Байкало-Амурскую магистраль, перемежая музыку объявлениями: «Граждане пассажиры, объявляется посадка...» Площадь украшена портретами Ленина и Брежнева. Плакаты на тему «БАМ – стройка века». Зал ожидания полон. Стараниями администрации здесь уже установлен стол, покрытый традиционной кумачовой скатертью с графином. Трибуна. За трибуной – Сокол.

Сокол: Таким образом, товарищи, мы в первой части лекции прояснили международное положение и вопрос о том, кому нужна разрядка напряжённости...

Из зала тянется рука пассажира.

Пассажир: Не всё прояснили! Вопрос остался...

Сокол: Давайте его сюда.

Пассажир: Я скажу по-простому, по-рабочему. В прошлом году объявили БАМ. Начали отмечать. И все запасы сразу выпили.

Сокол: Водка кончилась?

Пассажир: Как бы да. И получилось, что недоотметили. Приходится летать за продуктом на Большую Землю. А это – отрыв от соцсоревнования! Вот я и спрашиваю: как в этом году будет исправляться северный завоз? С учётом факта или без учёта?

Сокол (*скромно, не без кокетства, но многозначительно*):
Сокол уже прилетел...

*Бурные продолжительные аплодисменты.
Крупным планом: на лист путёвки общества «Знание»
звучно шлёпается круглая печать, оставляя жирный
фиолетовый оттиск.*

6. УСТЬ-КУТ. РЕЧНОЙ ПАССАЖИРСКИЙ ВОКЗАЛ. ЗАЛ ОЖИДАНИЯ.

Экспозиция аналогична предыдущей.

Сокол: Итак, мы покончили со вторым вопросом лекции:
что такое БАМ и кому он нужен?

Из зала тянется рука пассажира.

Пассажир: Конкретный вопрос, товарищ лектор...

Сокол (*смотрит на наручные часы*): В конце лекции. А
сейчас будут стихи...

*Крупным планом: под гром аплодисментов путёвка
смачно отмечается треугольной печатью.*

7. УСТЬ-КУТ. ГРУЗОВОЙ ТЕРМИНАЛ ОСЕТРОВСКОГО РЕЧНОГО ПОРТА.

*На открытом воздухе, на свободной площадке между
контейнерными рядами читает Сокол очередную лекцию.*

*Слушателей немного, десятка полтора-два,
расположились перед Соколом амфитеатром, при этом
левая половина обособлена от правой по каким-то*

признакам, пока что неизвестным. Кто стоит, кто сидит на чём пришлось, в том числе и на корточках.

Многие жуют и запивают напитками: кефиром, лимонадом «Буратино» и бутылочным «Жигулёвским».

Конечно, никакой трибуны нет.

Сокол жестикулирует артистически, вдохновенно...Вероятно, это он так стихи озвучивает.

Голоса его не слышно из-за шума, производимого окружающей производственной обстановкой: скрежет лебёдок, лязг цепей, скрип порталных кранов, громкие команды «майна-вира», рыдающий женский голос портового диспетчера из динамиков громкоговорящей связи, гудки маневровых тепловозов на железнодорожной эстакаде...и ещё что-то визжит, бурчит, хрипит и булькает, а с реки на разные голоса подаются сигналы большие и малые суда, и чайки кричат, и вода шумит, и волна в борта дебаркадера бьётся...

Сокол (*вытирает пот со лба*): Вот, значит, таковы итоги третьей части нашей лекции, про современную советскую литературу и кому она нужна.

Народ безмолвствует. Причём, делает это дело ехидно, с прищуром.

Крупным планом: на путёвку шлёпается прямоугольный штамп.

Сокол: Ну, и с какой целью молчим, товарищи грузчики-портовики? Кстати, недавно и заслуженно награждённые орденом Трудового Красного Знамени...

Грузчик из левой половины: И чо ты этим хочешь сказать, Сокол?

Сокол: Что за работу надо браться!

Грузчик из правой половины: А мы не против. Только тебе, Сокол, надо определяться, с кем ты в этой навигации будешь работать на перегрузе. С грузинами или с троцкистами?

Грузчик из левой половины (*ехидно*): У грузин такой режим: как напьёмся – так лежим!

Грузчик из правой половины (*вскакивает с кулаками*): Клевета!

Левая половина амфитеатра словесно схватывается с правой. В этой перепалке-перебранке трудно разобраться человеку постороннему. Вот и Давид – недоуменно переводит взгляд со слушателей на Сокола, на Хельгу...

Хельга (Давиду): Я поняла вас, что вы ничего не понимаете. Так ведь? *(Давид кивает и пожимает плечами)*. Я вам сейчас объясню. Троцкисты сидят на левой стороне, а грузины – справа.

Давид: Понял. Сидят.

Хельга: Не просто сидят. Они ведь зачем здесь сидят? А потому, что Сокол прилетел. И груз пришёл важный. Это такой пирог... Вот они и делят! И ссорятся, кому выпадет лакомый кусок перезагрузки из вагона на пароход. Понимаете?

Давид: Угу... И грузины тоже понятно. Груз грузят. Забавно.

Хельга: Да. Профессионалы. Постоянно работают в порту.

Давид: А Троцкий откуда?

Хельга: Это шабашники, бичи и бомжи, короче говоря, временщики так себя называют в память о Льве Давидовиче. Он в Усть-Куте ссылку отбывал. Ещё до революции. В одна тысяча девятисотом году. Все знают, а вы не знаете. Странно. Такой на вид умный молодой человек...

Давид: И что, кроме Троцкого здесь больше нет других знаменитостей.

Хельга: Ну, вот Сокол прилетает... Через семьдесят пять лет, может, про Троцкого забудут. И станут говорить: Сокол прилетал...

Сокол между тем закончил переговоры с обеими враждующими сторонами, отдав предпочтение «грузинам». Троцкисты недовольные расходятся.

Сокол (бригадиру «грузин»): Завтра утром раненько пароход встанет под загрузку. Очередь подошла. Ни минуты простоя.

Бригадир: Всё будет окей, шкипер. Оплата на месте?

Сокол: Сокол трепаться не любит...

Сокол, покончив дела с лекционными и организационно-хозяйственными делами, довольный вполне подходит к своим – Хельга, Давид и Жорка.

Хельга: Ну и что? Сейчас, кажется, всё?

Сокол: Всё на сегодня.

Хельга: На сегодня ещё не всё. На пароходе несут вахту капитан и Семён. Обниметесь – вот тогда и будет всё. На сегодня... А всё ещё только будет... Вниз по течению...

8. ВОСХОЖДЕНИЕ НА СУДНО.

Самоходная баржа. С причала на палубу переброшен трап.

На палубе уже приветствуют друг друга капитан Ганнибал Арфаниди и Сокол. Обнимаются, хлопают по плечам, по спине. Ганнибал, как и Хельга, в парадной форме Речфлота СССР.

Жорка ещё осторожно вышагивает по трапу. Два огромных чемодана в руках. Один из них Жорка удачно переправил за борт. А с другим случилась неудача: Жорка, подавая груз принимающему Семёну, видать, слишком неаккуратно брякнул чемодан стоймя сверху о борт, замки открылись, чемодан распахнулся... - и содержимое его устремилось наружу. Чемодан под самую крышку был набит бутылочными этикетками вино-водочных изделий. Часть – вывалилась на палубу, а большая часть разлетелась стайкою, медленно закружилась и опустилась на воду вблизи баржи...

Жорка (чуть не всхлипывая): Коллекция... Жизнь человека... Четыре года собирал...

Сокол (утешая): Ничего! За одну навигацию всё восполнишь и даже увеличишь. Гарантирую. Всё будет полный окей, а короче, - БАМ, Жорка!

Хельга: Бам-бам, всё образуется. Прошу всех в кают-компанию.

Ганнибал: Это она просит. А я приказываю.

Семён ударяет в рынду, бронзовый судовой колокол: бьёт склянки!

9. В КАЮТ-КОМПАНИИ.

За столом, как и положено на флоте, хозяйничает капитан. И первый тост принадлежит ему. Хельга в белом переднике хлопочет. Семён в поварском высоком колпаке помогает ей. Все заняты флотским борщом, макаронами по-флотски и оживлёнными разговорами, а Жорка – ещё и блокнотом с карандашом.

Жорка (Ганнибалу): Товарищ капитан, если не секрет, можно узнать, какие у нас здесь координаты?

Сокол (вмешивается): Где мы сидим? В кают-компании!

Жорка: Нет, я ... короче-бам! Где мы сидим в глобальном масштабе? В смысле географии... Широта, долгота...

Ганнибал молча поворачивает голову в сторону Семёна. Тот привычно понимает бессловесный приказ.

Семён: Пятьдесят шесть градусов сорок семь минут ноль шесть секунд северной широты. Сто пять градусов сорок шесть минут ноль семь секунд восточной долготы.

Жорка записывает. Семён гладит его по волосам, пальцами пряди перебирает.

Семён: Белый царь, однохо...

Жорка: Откуда знаешь?

Семён: Вижу. А чемодан сам открылся. Я не виноват. Замки слабые. Починю. А зачем картинки с собой возишь?

Жорка: Коллекция. Жизнь человека, называется. А в другом чемодане – сигареты. Целые пачки, нераспечатанные. Дома оставлять опасно. У меня младший братишка. Мишка. На десять лет младше. Другое поколение. Но уже испорченное. Приспособился пачки незаметно вскрывать и сигареты вытаскивать. Скальпелем и пинцетом! Сразу не заметишь. Такой фокусник!

Семён: Хирург будет. И уже курит?

Жорка: Нет, он сигареты в коммерцию пускает. У старших пацанов на жвачку выменивает.

Семён: Жуёт, значит.

Жорка: Да в том то и фокус, что не жуёт. Ему это по фигу. Он коллекционирует.

Ганнибал и Сокол ведут какие-то деловые переговоры. Давид не сводит глаз с Хельги. Та, конечно, ловит его пристальные взгляды, прячет улыбку в уголках губ.

Давид: Мне нравится ваша баржа, Хельга. И вообще... Какая баржа, такая и хозяйка... То есть, я хотел сказать совсем наоборот: какая хозяйка, такая и баржа...

Хельга (*улыбается*): Давид, это неправильно!

Давид: А что я... не так сказал?

Хельга: Никогда не говорите слово «баржа». На великой сибирской реке Лена это не принято. Ни один уважающий себя речник не назовёт своё самоходное судно баржей. Это для речника оскорбительно. Это даже некрасиво – баржа.

Давид: Извините. Я не хотел вас обидеть... А как красиво?

Хельга: Вы же уже слышали – пароход.

Давид: Но ведь уже теплоходы вместо пароходов!

Хельга: Нет. Пароход – и всё!

Давид: Ладно. Понял. А которые несамоходные – те кто?

Хельга: Да по-разному. Приставка. Площадка. Бункер. Лихтер...

Мужчины выходят на палубу. Закуривают. Уже заметно повечерело.

Давид что-то спрашивает у Сокола, тот, жестикулируя, объясняет: как спуститься к воде. Давид по трапу сходит на пирс, потом спускается по узкой деревянной лестнице к берегу и выходит к реке.

Дощатая отмостка. Скамья.

Давид присаживается. Смотрит на воду, вынимает из кармана итанов пачку известных сигарет «Памир», вертит её в руках, раздумывает, достаёт из внутреннего кармана куртки кисет, в нём трубка, табак, спички...закуривает трубку, молчит.

Семён в радиорубке включает музыку. Это песня про девчонок, которые танцуют на палубе, и про реку Ангару, которая, вопреки безукоризненной Жоркиной критике, бежит и зовёт куда-то...

Бежит река, мелькают на фарватере судовые огни, басы плавсредств с тенорками перекликаются, прожектора освещают землю, а в чёрном небе – красными звёздочками - горят сигнальные маячки портальных кранов... Грузовой порт приглушённо шумит обычными работами ночных смен...

У самых отмостков на воде покачиваются и под водой колышутся бутылочные этикетки князя Гогенцоллерна-Мухранели, самовольно покинувшие чемодан...

Голос Давида Звенигородского:

Ну, и что же мы имеем в текущей жизни на сегодняшний вечер? Немного. Но и немало. Одна строчка из будущего стишка: «Как мы плыли к морю Лаптевых». С вопросительным знаком или с восклицательным – ещё неизвестно. Может быть, другие знаки возникнут: точки, многоточия, запятые... Или ещё какие-нибудь, вообще посторонние. Нейтральные в нашей истории. Однако признаемся пред лицом отечественной и мировой истории: стихам, как всякой истории, и истории, как всяким стихам, чуть ли не химическим карандашом на лбу написано, то есть на роду суждено, - рано или поздно выходить в нейтральные воды...

Как там дальше события будут развиваться – прошу интересующихся заглянуть в стихотворную книжку. А я куда сделаю ещё одно признание – с другого берега времени: эта история покрыта матом.

А это ещё что такое? Мат есть: флёр романтизма, дымка импрессионизма, вуаль капитализма, туман социализма, испарения провинциализма, пелена авангардизма, покров патриотизма, перегар алкоголизма, налёт авантюризма, патина архаизма... Вот что такое мат. Легендарный антагонизм глянца. И нижеследующую историю мы будем излагать без глянца. С аскезой. Натощак. С суровостью. Может быть, не озвучивая, но непременно держа в уме нечто постоянное и вечное, точно число «пи»... Вот ведь, пишут, есть такой критерий у людей учёных: индекс суровости климата; в Москве он, например, выражается числом 1,9 (одна целая девять десятых), в то время как на острове Диксон это число равно 7,0 (семь целых без никаких десятых). В нашей истории он, этот индекс, не вполне определён, но он несомненно существует, на равных с прочими, дыша духами и туманами, не абы как... И по всему по этому будущий читатель, который хочет проникнуться в текст и оживить его чувством, толком и расстановкой, обязан-таки читать так, как ещё в школе учили, - с выражением, нисколько не смущаясь того, что выражения в предложенной теме будут (по умолчанию) крепкими... Ничего лишнего. Соль с перцем – нужны? Кому нужны, а кому и не очень.

К двум чистосердечным признаниям присовокупим ещё два замечания и полтора раскаяния.

Во-первых, возьмём слово «экспедитор». Взяли? А теперь принюхайтесь. Чем оно пахнет? Слово пахнет морями-океанами, чайными клиперами, абордажами, капитанским табаком из глиняной голландской трубки, папуасами в орхидеях с головы до ног, да многим чем ещё пахнет... Но это только поначалу, с первого принюха оно так пахнет, а если вдышишься поглубже да в полные ноздри, то, оказывается, экспедитор во плоти имеет дело не с папуасами на Гаити, а с товарами народного потребления (мыло, например, или спички), с бочкотарой, с накладными бумажками и наличными расходами по загрузке-выгрузке... в общем, - проза жизни, купля-продажа и никаких орхидей. Вот почему поэт Саня Сокол вместо слова «экспедитор» предпочёл в свою творческую биографию ввести профессию под названием «шкипер»: слово это для большинства людей, то есть для сухопутного населения, пахнет неизвестно чем.

Во-вторых, тема шкиперства как такового гораздо шире поэта Сани Сокола как такового. Но по мнению самого Сокола, шире поэзии может быть только мировой океан. Нельзя не согласиться с такой высокой оценкой океана. Он действительно заслуживает непомерного восхищения. Оооооооооо...кеан! Он покачивает не только весь 6-й флот Соединённых Штатов Америки, он, как доказали учёные-биологи, является люлькой всего человечества (в смысле – колыбель, а не хохляцкая курительная трубочка).

Наконец, - полуторное раскаяние на тему «былое и думы»...В этой теме самым щекотливым является былое: было ли оно или не было? или придумано оно? Однако не в этом соль. Пусть даже и не было. Но ведь могло же быть! Вполне. Впрочем, на хронику автор не отваживается и жанр своих исторических записок определяет локально: кадрили на палубе. А это как? Просто. Кадр первый, кадр второй, кадр третий...фигура одна, другая...две девчонки танцуют, танцуют на палубе...случайный вальс, встречный марш, полонез после полуночи...- ах, сколько же музыки на свете, братцы мои и сестрицы! А вселенская суровая хроника пусть ждёт своего повествователя и своего часа, стечения обстоятельств и дела случая...когда случай в свою очередь обернётся случайной прозой, имеющей не столько в литературе, сколько в жизни вполне законное место и даже право, как имеют его тот же вальсок, пожар, триппер, наследство от американской тётки...Но не слишком ли много предварительных слов? Не лучше ли сказать кое-что по существу темы в конце сюжета? Так и сделаем. А почему раскаяние полуторное? Не скажу. Сами додумывайтесь.

И всё.

- Отдать швартовы! – трубит капитан.

- С якоря сниматься, по местам стоять! – вторит капитану магнитофон марки «Днепр», начинённый на полную катушку песенным хитом сезона из кинофильма «Человек-амфибия».

Итак, экипаж судна состоит из трёх профессиональных речников: шкипер-муж, шкиперша-жена и рулевой-якут. Ганнибал, Хельга и Семён.

А наше трио во главе с Соколом... Ну, так вот случилось. Впрочем, мало ли что случается? Даже такое, как творческий конкурс поэтов, определяющихся в грузчики вино-водочной продукции. «Да какие из поэтов

грузчики? – воскликнете вы. - Мы же, однако, в России живём, а не во Франции с её шартрезами и не на Кубе с его ромом!»... Ах, господа, не торопитесь с ироническими восклицаниями. Тем более, что о профессионализме поэтов-грузчиков мы говорить не собираемся. Умолчим. Ибо тема такой двойной перезагрузки есть тема трепетная и малодоступная для понимания простых советских граждан, тем более – сухопутных.

А то, что я сейчас говорю, надо было бы в самом начале сказать. Пролог запоздалый. Как позднее признание в любви...А короче, - БАМ...

Бам-бам-бам... - отбивает вечерние звуки судовой колокол-рында.

Семён старается. Ударит в колокол – одним ухом послушает, снова ударит – другим ухом слушает...Нравится Семёну бронзовая корабельная музыка.

10. ГРУЗОВОЙ ПОРТАЛ. СУДНО ПОД ЗАГРУЗКОЙ.

Бам! Бам! – с лязгом ударяются буферами товарные вагоны, подгоняемые к выгрузке-перезрузке... Из Жоркиного транзистора – песня:

...Слышишь, время гудит - БАМ,
На просторах крутых - БАМ.
Это колокол наших сердец молодых...

*Высоко над землёй подают звонки порталные краны.
Верещат в домах разнокалиберные будильники.
Трамваи, как всегда, ещё с раннего утра растрезвонились.
Школьные звонки: электрические и ручные колокольчики...*

У тёток в учительской – игра-угадайка: в каком ухе звенит?

Время гудит...

Бам! – троцкист-шабашник с гудящей головой щёлкает пальцем под подбородок широко известным жестом: *пора, дескать, и похмелиться...*

Бам-м-м! – глухо стукнула откатившаяся на роликах дверь товарного вагона. В его тёмной таинственной глубине – штабеля ящиков с вино-водочной продукцией, накрытые брезентом.

Сокол, Давид и Жорка забираются в вагон. У Сокола в одной руке - карандаш, в другой - какой-то бумажный документик (накладная, что ли...). Он быстро, но внимательно осматривает груз, заглядывая под брезент.

Сокол: Добрались, значит, стекляшки... В целости и сохранности... Под свинцовой мерзостью пломбы! Как большевики-ленинцы – из Германии прямо в Питер!

Жорка углядел на одном из ящиков винную этикетку, принялся отколупывать...

Сокол: Да оставь ты это дело... Потом, на пароходе будет время... Выгляни: где грузины?

Жорка: Нет грузин. Не подошли ещё.

Давид (*подходит к Жорке, смотрит на грузовую площадку*): Нежатся ещё. На просторах крутых...

Сокол: Гады! Они ещё полчаса назад должны быть здесь, как штыки...

Давид: Штыки в землю.

Сокол: Что?

Давид: Идёт. Только один. Вчерашний ихний главный...

Сокол спрыгивает из вагона на землю. К нему подходит бригадир «грузин». Он явно смущён. Оправдывается. Виногато разводит руками, всё куда-то в сторону показывает. В то время как Сокол не на шутку расшумелся, бумажкой-накладной трясёт перед бригадирским носом...

Сокол: Меня за простой не погладят!

Бригадир: Да кто знал, что так будет? У начальства с ранья семь пятниц на неделе! Я ж не знал, что с утра всех подчистую бросят на аврал! Горит у них, понимаешь...

Сокол: А у меня не горит?

Бригадир: Так бригада тоже не виноватая... Мы ж не вольные птицы...

Сокол (*присел на какой-то ящик, закурил*): Так... Всё ясно... (*Смотрит на часы*) Вот так вот, Кеша, связываться с вами, с портовыми бригадниками – себе дороже, получается. Ладно. Чуть не наказал ты меня, Кеша. Но Сокол меру знает.

Бригадир: Чего?

Сокол: Того! Я этот бунт на корабле... Железной рукой... Вот так! Пойду к шабашникам. Эти троцкисты не подведут. Как, например, некоторые, штатные, портовые с трудовыми книжками...

Бригадир: Сокол, ну, ты уж извини, что так получилось...

Сокол: Пусть тебя твоё дурацкое начальство извиняет. Мне уже некогда. Я уже к троцкистам пошёл.

11. СОКОЛ И ТРОЦКИСТЫ: ПЕРЕГОВОРЫ.

Портовый пакгауз. Ряды контейнеров.

На глухой стене пакгауза – монументальная живопись с фотографии Барбары Клемм, фотожурналистки «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» из недавнего тысяча девятьсот семьдесят первого года. Акт состоялся лично между нашим товарищем Леонидом Ильичом Брежневым и гэдээровским товарищем Эрихом Хонеккером. Два мужика преклонного возраста так вlepились друг в друга, что никакому НАТО их не разлепить! Цветную копию газетного фотоснимка - на стене складского здания, на грузовой площадке Осетровского порта – сделал один гениальный усть-кутский живописец по срочному заказу-поручению одной дамочки из отдела агитации и пропаганды горкома КПСС. Там ему и газетку с фотографией вручили, подарок члена дружественной делегации из Берлина. А почему - в порту,

на стене пакгауза? Так это потому, что в городе не нашлось подходящего места для экспозиции. В городе уже были размещены четыре других поцелуя товарища Брежнева. С Густавом Гусаком из Чехословакии. С Ясиром Арафатом из Палестины. С Индирой Ганди из Индии. С Иосипом Броз Тито из Югославии... По слухам, у того Иосипа даже губа лопнула от генсековского засоса. Горкомовская дамочка считала поцелуйные акты высшим выражением миролюбивой внешней политики... На открытии красную ленточку разрезали. Художник получил неслыханный-невиданный в своей творческой жизни гонорар с присовокуплением горкомовского поцелуя, очень удивился, ушёл в запой, пил и всё удивлялся, и через неделю помер, царствие ему небесное ...А Брежнев на картинке – как живой и даже живее всех живых, всем генсекам – генсек и гомосекам - гомосек! У Эриха, видать, от такого варшавско-договорного бронетанкового поцелуя аж в ушах зазвенело, так он, слабак, посинел и уши ватой заткнул...

На солнышке, на нагретой дощатой площадке, под живописной стеной кружком устроились шабашники-троцкисты. Сидят на собственных ягодицах, ноги скрестив, около десятка разновозрастных мужчин аварийного типа. Кто-то в шляпе. В очках. Интеллигент – по приметам. Кто-то даже в костюмчике с галстуком, правда, и тот, и другой, и третий – весьма помяты. Бичи, называют таких по внешности. То есть, бывшие интеллигентные люди. Люди пьющие, но ещё способные заработать немножко денег для выпивки и, особенно, для похмелья. Как правило, это бывает кратковременная случайная работа: поднять, отнести, принести, погрузить, загрузить – денежки на кон и – до свиданья, шеф-работодатель, до следующего колымашабашки-халявы-не бей лежачего...

Аккуратно плывёт по кругу трёхлитровая банка с пивом («баллон» на местном наречии). При этом троцкисты ещё и поют хором – тихими, печальными, замогильными голосами. Голоса (от баса до фальцета) предельно фальшивы с музыкальной точки зрения, но песню всё же можно опознать:

...эх, веселей, ребята,
Выпало нам,

Строить путь железный,
А короче БАМ...
И сквозь туманы,
И сквозь года,
За океаны
Помчат поезда...

Сокол (*подходит, смотрит, слушает, улыбается*):
Хоровой кружок, значит?

*Троцкисты не удостоивают Сокола вниманием. Помнят,
видать, вчерашнюю обиду.*

Сокол (*наигранно-весело*): Коллеги, почему такой
пессимизм? Зачем грусть-тоска?

Троцкист 1-й: Простите, вы нас отвлекаете.

Сокол: Извините, от чего?

Троцкист 2-й: От адмиральского часа.

Сокол: Адмиральский час бывает только на судне. Вы не
на судне. Так что, не гоните тюльку!

Троцкист новенький (*в сером лагерном бушлате*): А ты
кто такой?

*Сокол не обращает внимания на вопрос. Дурацкий вопрос!
Потому что все в порту, люди и собаки, давно знают –
кто такой Сокол. А если не знают, так значит эти люди
и собаки совсем недавно откуда-то свалились. С луны,
например. Или – с зоны...*

Сокол: Так что, выбирайте: адмиральский час или
горящий колым?

Троцкист 1-й: Да что тут выбирать? Лучше колымить на
Гондурасе, чем гондурасить на Колыме...

Троцкист 2-й (*обращается к первому, оба они –
постоянные оппоненты*): Позвольте возразить...

Троцкист новенький: Я спрашиваю, ты кто такой,
чтобы...

Троцкист 1-й: Дискриминация полная! Начальник порта
позавчера приказ сочинил: вообще не пускать на
территорию посторонних. Это мы-то посторонние?

Троцкист 2-й (*первому*): Позвольте заметить, что...

Сокол (*нетерпеливо поглядывая на наручные часы*): И
пока вы тут обиды свои перевариваете, время бежит.

Время утекает, как последняя капля! А народы Севера гибнут! Народы Севера пропадают ни за грош! Из-за чего? Из-за кого, я вас спрашиваю? Из-за каких-то недоразумений? Нет! Но пасаран! Встанем – и пойдём! Родина или смерть! Патриа о муэртэ! Рот фронт!

Сокол воздел согнутую в локте руку со сжатым кулаком: интернациональный жест испанских антифашистских бригад. Прямо-таки, не Сокол образовался – Долорес Ибаррури в штанах.

Сидевший в двух шагах от Сокола троцкист новенький на жест отреагировал мгновенно и своеобразно: он вскочил и коротко ударил Сокола в левое ухо. Сокол поперхнулся, прекратил пламенную речь, схватился за ухо и удивлённо уставился на такого неожиданного, неправильного троцкиста. Два же других (первый и второй) тоже подскочили со своих сидячих мест и схватили новенького за руки.

Троцкист 1-й: Сокол! Он у нас ещё не в коллективе! И пока что ещё дурачок... Глупый! Интернационального вашего кулака испугался!

Троцкист 2-й: Как бы не наш!

Троцкист 1-й: Как бы чужой! Только сегодня с утра приبلудился!

Троцкист 2-й: Он ещё этикета не знает!

Троцкист 1-й: Этики взаимоотношений!

Троцкист новенький вырывается из рук и возражает - голосом намеренно гнусавым, дряблым, расслабленным, губы трубочкой как у обиженного ребёнка; похоже, троцкист копирует манеру лагерного пахана, разыгрывающего перед братвой и начальством роль бедного, больного и ни в чём неповинного старичка...

Троцкист новенький (Соколу): Зачем кулаком грозишь, начальник? Зачем в рот в нос ругаешься?

Троцкист 2-й (Соколу): Сокол, послушай! Этот товарищ ещё не в курсе дела! Мы ему ещё не всё объяснили!

Троцкист 1-й (новенькому): Сейчас же извинись перед Соколом!

Троцкист новенький (*Соколу - юродствуя*): На кого руку поднимаешь? На раба божьего Вову-сорохвата руку поднимаешь... Али подзабыл, чмо, где твоя параша?

Сокол (*держась за ухо, бормочет*): Абсу-у-урд... Я повторяю...

Троцкист новенький (*ещё более плаксивым голосом*): А вот это не надо! Я тебя без повторений зараз, понял, успокою с божьей помощью... В рот, в лоб, в натуре...

Троцкист 2-й: Прекратите! Немедленно извинитесь перед товарищем Соколом! От себя лично!

Троцкист 1-й: За весь коллектив стыдно!

Троцкист 2-й: Я добавляю: за статус кво!

Троцкист новенький: Щас! Только вытряхните меня с рук!

Новенького отпускают. Он рукава оглаживает. Вплотную к Соколу подходит.

Троцкист новенький (*приседает и вихляется перед Соколом*): Извиняюсь... Добавка! (*Бьёт Сокола по другому уху, по правому*). За статус кво. Во!

Сокол, держащийся за левое ухо, произносит короткое «Ой!», хватается за правое, прихлопывает его ладонью...

И тут же наступает в мире оглушительная тишина. Никого и ничего не слышно. Видно только - как в немом кино: возмущённые троцкисты окружили своего новенького, размахивают руками, горячатся, объясняют неразумному этику взаимоотношений в коллективе и линию поведения...

Безмолвие абсолютное.

Сокол, мелко переступая, медленно вращается вокруг собственной вертикальной оси. Обеими руками наглухо запечатаны его уши. Фигура известная: человек держится за голову – причины разнообразные... Даже такая: «цыганочка с выходом».

Наконец, Сокол выходит из кружения и делает первый шаг, второй... Пошёл. Но не в ту сторону, чёрт побери! Троцкист 1-й догоняет Сокола, молча разворачивает его в обратную сторону и дальнейший путь рукой указывает.

*Сокол удаляется – как в кино при замедленной съёмке
Тишина.*

12. НА СУДНЕ. СКОРАЯ ПОМОЩЬ С ПЕРЕСМЕНКОЙ.

Тишина.

Хельга смазывает опухшие фиолетовые уши Сокола ватным тампоном с йодом.

Сокол широко открывает рот и пальцем в него указывает.

Семён мгновенно исчезает и столь же мгновенно появляется: в руке – полстакана спирта.

Сокол быстро выпивает и замирает с вытаращенными глазами и перехватившим горло дыханием. Пальцем тычет в открытый рот.

Семён дует в рот Соколу...

И в мир возвращаются звуки!

Сокол (*морщится*): Опять неразбавленный...

Семён: Опять забыл.

Хельга (*кричит прямо в ухо Соколу*): Потерпите!

Сокол (*приходя в себя*): А чего вы все так разорались? Я глухой, что ли?

Хельга (*кричит в ухо*): Вы же ничего не слышали, Александр!

Сокол (*спокойно*): Когда?

Хельга: Только что. Две минуты назад.

Сокол: Да? Странно. Абсурд какой-то. Теперь слышу. Не кричите.

Все обступившие Сокола – Хельга, Семён и Давид с Жоркой - выражают Соколу искренние соболезнования.

Соколу приятно. По телу тепло расплывается...

Хельга наклеивает на уши Сокола лейкопластыри. Потом поглубже, на уши, полностью закрывая их, натягивает берет. Знаменитый соколиный «бэрэт» позволяет такую безразмерность...

Хельга: Какой ужас, Александр! Как можно так рисковать жизнью?!

Сокол выразительно смотрит на Хельгу. В глазах его – скорбь.

Хельга: Не надо было к ним идти, Александр. Они же такие злые на вас за вчерашнюю лекцию.

Сокол: А кто пойдёт? Пушкин, что ли?

Хельга искоса взглянула на Давида.

Давид (уловил взгляд Хельги): Я пойду!

Все смотрят на Давида: Сокол – с ехидцей, Хельга – с восхищением,

Семён – бесстрастно, Жорка – открыв рот: он тоже хотел, но его опередили...

Сокол (Давиду): Волоки их сюда. Здесь я разберусь с ними...

Давид решительно выдохнул и направился к трапу. На мгновение исчезнувшая Хельга окликает Давида и подаёт ему бутылку спирта, на всякий «пожарный случай», объясняет ему что-то... Жоркин глаз упирается в этикетку. Этикетка прямо на глазах увеличивается в размере...

Давид тоже разглядывает бутылку... Картинка оживает: наклейка-этикетка всё больше увеличивается и превращается во флаг, в знамя, трепещущее на ветру... «Та-та-та-та...» - призывает к атаке полковая серебряная труба с георгиевской лентой... «Шашки – во-о-он! Эскадро-о-н! За Родину... За мной! Ма-а-ри...арри!» - это Давид Звенигородский с кивером на голове, в гусарском ментике, - на горячем ахалтекинском жеребце... И срываются кони в бешеную скачку! Впереди, в вихревой струе полкового штандарта – ротмистр Звенигородский! С лицом, малость перекошенным от счастья-восторга-упоения в бою...

13. ДАВИД И ТРОЦКИСТЫ: МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ.

*Шабашники снова в тесном кружке, но уже не в сидячем.
В стоячем.*

В центре крутится Новенький. Он огрызается, порывается вырваться из окружения и убежать. Но это ему не удаётся: со всех сторон на него нацелены указательные пальцы (грозящие, осуждающие, указующие, подчёркивающие, обращающие внимание и т.д.). Со всех сторон на невоспитанного Новенького сыплются устные критические замечания воспитательного характера. Поди тут – вырвись из такого педсовета!

Троцкист 4-й: Ему что в лоб, что по лбу!

Троцкист 3-й: Нельзя такого оставлять в нашем коллективе! Он неперевоспитуемый!

Троцкист 1-й (третьему): Откуда вы знаете?

Троцкист 2-й: Почему, товарищи, такая нетерпимость к оступившемуся человеку? Советская педагогика нас учит...

Троцкист 4-й: Это вы про гуманизм? Так вы его не там ищите. Он в московском ГУМе продаётся. В спецотделе номер...

Троцкист 3-й (второму): Да какая педагогика? О чём вы говорите? Даже странно... Вы посмотрите на его лоб. Это же колено! А кто-то нам ещё будет доказывать, что у этого типа, видите ли, лоб. Нонсенс!

Троцкисты увлечены процессом перевоспитания – и не заметили, как к плотному кружку сзади тихонько подошёл Давид. Стоит и слушает. Пытается, правда, вклиниться в горячую дискуссию. Наконец, ему удаётся ухватить паузу.

Давид (очень тихо, выразительно, мягко): Вообще-то, не надо уж так-то обобщать... Не надо. Коленочки кое у кого – тоже, знаете ли, очень даже ничего! Сами по себе прелестны. Даже безо всякого лба...

Вмиг стихли громкие монологи-диалоги. Все расступились, и Давид оказался в центре кружка, в центре внимания. Троцкисты его, конечно, узнали: человек из вчерашней свиты Сокола, наподобие тех, о которых наша пресса обычно пишет так: и другие официальные лица... В общем, персона ответственная... И что он скажет народу?

Народ выжидающе смотрит на Давида.

Давид: Оставим, братцы-гусары, прекрасных дам. Когда есть горячие дела... Но я не буду, как Сокол, говорить вам о том, что люди Севера вымирают. Все вымирают! Так?

Троцкист 1-й (нерешительно): Допустим.

Давид: И я не буду, как Сокол, говорить вам про международное положение и про то, что некоторые советские граждане пьют водяру с утра каждый день, в то время как чёрная Африка голодает. Все голодают! Так?

Троцкист 2-й (задумчиво): Относительно.

Давид: Зачем слова, когда вы и так всё знаете и понимаете. Нас таких, конечно, мало. Но мы в тельняшках! Так?

Троцкисты (вразнобой): Так!

Троцкист 1-й (осторожно): А Сокол-то... живой?

Давид: Живой. Привет вам передаёт. Пламенный, огнеопасный. (*Постукивает ладонью по внутреннему карману куртки, где стоямя лежит поллитровка спирта*). Вопрос не в том, что делать и кто виноват...

Троцкисты выталкивают, подталкивают к Давиду Новенького. Тот оробел. Руки держит по швам, как провинившийся школьник.

Новенький: Я больше не буду...

Троцкист 1-й: Он больше не будет!

Троцкист 2-й: Мы его на поруки берём.

Давид берёт многозначительную паузу. Решает кадровый вопрос.

И решил-таки...

Давид (новенькому): Хорошо. Если так, если коллектив не против, то иди, брат, обнимемся... Зачем на душе такая тяжесть переживаний?

Подталкиваемый троцкистами, Новенький подходит к Давиду, и они по-мужски крепко обнимаются, хлопают друг друга по плечам, по спинам... Особенно Новенький старается, затянул процедуру перемирия, усердничает, кажется, чрезмерно. Давид уж отстраняться начал, да руки у Новенького шибко липучие, привязчивые...

Давид (освободившись от объятий): А теперь я хочу передать вам привет от Сокола. Стакан есть?

Давид лезет во внутренний карман... в другой внутренний... наружные карманы куртки обследует... по карманам штанов хлопает... Нету привета!

Давид (убитым голосом): Кто спёрнул?

Все взоры обращены на Новенького. Тот переминается. То в небо глядит, то в землю уставится... Наконец, вздыхает протяжно и извлекает умыкнутую поллитровку, засунутую в штаны, под брючной ремень. Окружение немо! Нет слов. Удивление, восхищение (правда, без аплодисментов) – как неизбежная дань артистизму. Действительно ведь, - пилотаж высшего класса! Но за

такой пилотаж звезду героя не дают. Дают по морде... Бывшие интеллигентные человеки – в тисках противоречий...

Новенький: Я больше не буду...

Троцкист 1-й: Он больше не будет!

Новенький: Это во мне ещё пережиток сидит...

Троцкист 2-й: Ещё пережиток сидит!

Троцкист 1-й: Невыговорчен... невыговор...

(запутывается в слове)

Троцкист 2-й: Невыкорчеванный.

Троцкист 1-й: Именно! Недовыкорчеванный!

Давид (новенькому): И когда успел?

Новенький: Дак это... Нечаянно...

Троцкист 1-й: Рефлекс.

Троцкист 2-й: Шутка.

Троцкист 1-й: Фокус. *(Новенькому)* Правда же, фокус?

Новенький энергично кивает.

Троцкист 3-й: Смотри, шутник! У нас такие фокусы не пройдут!

Троцкист 4-й: У нас насчёт этого - но пасаран!

Давид смотрит на часы: время подгоняет... Новенький откуда-то, чуть ли не из воздуха, извлекает гранёный стакан. Дышит на стекло, протирает носовым платком. Давид оглядывает поголовье троцкистов, в уме делит 500 граммов на количество питухов, визуальная градуировка на стакане не просто «на глазок», но ещё для верности зафиксирована – ногтем большого пальца кисти, держащей стакан... Отмеривается порция первая. И первый тост – его, Давида.

Давид: Как недавно спето: а короче БАМ! В самом деле, что может быть короче БАМа? Я тоже скажу кратко. Как мужчина мужчинам. Эскадро-он! Шашки – во-о-он! За прекрасных дам! За БАМ! За мир во всём мире! Гусары, в атаку – вперёд!

«Вперёд!» - дружно откликнулись троцкисты. Они ведь всё-таки были не просто бичами, но и патриотами, хотя и недоперепонятыми в своём Отечестве...

Давид отмеривал порции, чтобы всем было хорошо, поровну, по-братски. Стаканчик переходил из рук в руки, по кругу. Закусывать было нечем. Занюхивали рукавом... И жизнь хорошела прямо на глазах...

Троцкий 1-й: А ведь правильно говорил Сокол: страна напрягается, дым из неё идёт, пар валит, везде всё пытит – а мы тут сидим, как не знаю кто... Аж стыдно, в некотором роде...

Троцкий 2-й: В определённом смысле.

Давид (довольно улыбается): Так теперь всем ясно, салаги, что жизнь прекрасна?

Загудели троцкисты одобрительно и воодушевлённо. И даже несколько фамильярное обращение восприняли по-братски.

Троцкий 3-й: Уж такая, блин, прекрасная, что дальше некуда... А давайте, гражданин поэт, её ещё маленько приукрасим?

Давид (решительно): Категорически нет! Время не ждёт. Пароход ждёт. Сокол ждёт вашего адекватного поведения. Народы Севера, между прочим, тоже...

Троцкий 1-й: Да мы ж всегда готовы! Мы хоть прямо сейчас! Как говорится, с места – в карьер и с песней!

Давид подхватывает идею на лету.

Давид: И что запевать будем?

Троцкий 2-й: А эту... (*поёт*) Ничего, что сапоги выглядят немодно! Но зато среди тайги танцевать в них можно...

Давид: Кто это вам такую херню сочинил?

Троцкий 2-й (обидчиво): Поэт Михаил Пляцковский. Композитор Серафим Туликов. Исполняем мы. Бамовский вальс. А чо такого?

Давид (смутился на миг): Да это... как-то... Ну, мы ж не на танцы собрались, ребята! На гуманитарную акцию. На хрена нам Серафимы? Нет! Как заметил Михаил Аркадьевич Светлов, новые песни придумала жизнь! Давайте так. Я вам на ходу сочиняю новую песню. Актуальную. На злобу дня. Разучивать некогда. Сокол ждёт. Народы Севера... Короче, я буду строчку запевать, а

вы её повторяйте. Получится песня не хуже, чем у Серафима. Бодрая, строевая. На мотив (*поёт*)... Дан приказ: ему на запад, ей в другую сторону-у-у... Уходили комсомо-о-льцы на гражданскую войну-у-у... Все помнят? **Троцкисты** (*одновременно*): Ещё бы!

А как же!

На запах?

На запад, дурило!

Давид (*театрально приосанивается*): Тогда давайте так... (*командным голосом*) В колонну по два становись!

Троцкисты с удовольствием принимают и выполняют приказание. Хотя и несколько суетливо... Выстраиваются в затылок друг другу. Перетаптываются, подравниваются – неуклюже, но старательно. Азартно и весело!

Давид (*стоит лицом к строю*): Прелестно! Шедевральное! Итак, я начинаю! С места с песней - шаго-ом марш!

Давид строевым приёмом «кру-гом!» поворачивается к строю спиной и начинает парадное шествие во главе узенькой колонны,

которая одновременно тоже приходит в движение.

С первым шагом марша Давид громко запекает:

Мы в загуле две неде-е-ли...

Строй повторяет дружно...

Давид выпевает следующую строчку:

И у нас запой с тоски...

Движущийся строй снова повторяет...

Грохочет под ногами деревянная эстакада.

Троцкист Новенький барабанит ладонями по пузу – такт отбивает, как это делают на параде московские суворовцы, будущие военные дирижёры...

И когда экстренная репетиция «на ходу» закончилась, тогда и началась настоящая, полноценная строевая песня:

Мы в загуле две неде-е-ли,

И у нас запой с тоски!

До чего же надое-е-ли
Нравст-вен-ные по-ис-ки-и-и...

*«Тру-ту-ту-ту!» - это уж Новенький трубит, приставив
сжатый кулак ко рту.*

*Давид покидает место «головой колонны», идёт сбоку,
командует горланящему строю:*

*«Раз-два, левой! Левой! Раз-два-три-четыре, вышел
зайчик погулять...»*

*А на пароходе уже слышат приближающуюся походную
песню.*

*Маршируют троцкисты шагом танцевальным,
сдвоенным. Весёлые же ребята. Дуракаваляльщики...
Слова строевой песни прежние, изначальные, на стихи
Давида Звенигородского. А вот мелодия уже из другой
оперы:*

*Распрягайте, хлопцы, коней,
та лягайте спочивать...*

*Справедливости ради, следует отметить, что строевая
песня от перемены мелодии не похудела, не похужела.*

*Наоборот, она обогатилась – глубоким внутренним
содержательным смыслом.*

Да со свистом!

*...Маруся, раз, два, три, калина,
Чорнявая дивчина
В саду ягоду рвала...*

*Троцкист Новенький – ладонями по надутым щекам: пум-
пум!*

*Ну, вот, допелись... Серафим, видите ли, не подошёл, не
понравился... Ладно. Но причём здесь Маруся? А при том!*

*Что без маруся да без ягодки в любом молодецком
мероприятии со свистом уж никак не обойтись...*

*Но если кто подумает, что одной марусей в таком
пешеходном концерте можно обойтись, тот глубоко
ошибается... потому что черноглазая казачка коня
подковала... а её натурально спрашивают: как зовут
тебя, молодка, а молодка говорит каким-то загадочным
ребусом, не так, как другие молодки... ну, и так далее...*

Я по улице поехал,
по тропинке поскакал
По дороге между бурых
между серых между скал.
Даша, Зина, Маша, Нина -
всё как будто не она.
«Катя-Катя» высекают
мне подковы скакуна.
Э-э-эй э-э-э-э-э-эй...

*Скачет, скачет на ожившей папиросной картинке
усатый джигит в бурке, и подковы высекают, и
возносится жеребец с лихим всадникам по спирали вокруг
Казбека всё выше и выше, уже выше облаков, покуда не
достигает самой верхней точки горной вершины, точки
шириной в два копыта... конь взматается на дыбы со
ржанием, всадник стреляет из ружья и белозубо
скалится...а оскал тот широчайший, чуть ли не в два
копыта...*

*Будем судить по факту. Импровизированный текст
Давида Звенигородского оказался уж слишком
коротеньким, уж чересчур лилипутским для марша
энтузиастов. Но марш требовал строя. Строй требовал
песни. Песня требовала продолжения, а жизнь, как ни
странно, – нравственных поисков...*

Путь далёк у нас с тобою.
Веселей, солдат, гляди!
Вьётся знамя полковое,
Командиры – впереди!..

*И вот уже встречаются, и приветствуют
дуракаваляльщиков как дорогих гостей - с пониманием: а
кто не валяет? все валяют!
На борту Сокол – правой рукой то ли за ухо держится, то
ли воинскую честь отдаёт.*

*И начинается работа по перегрузке: из вагона – в
пароходный трюм, трап вибрирует в такт трудовой
мелодии-рапсодии, мелькают лица, ноги, руки в рукавицах-
верхонках...*

*На фоне всего происходящего – голос Давида
Звенигородского...*

Голос Давида Звенигородского:

Если кто-то скажет вам, что взрослые мужчины, даже в седилах и орденах, не обожают чехарду, - не верьте.

Если кто скажет вам, что солидные люди, доценты какие-нибудь или лауреаты-нобелиаты вдруг категорически отказываются поиграть за компанию в казаков-разбойников, в войнушку какую-нибудь скоротечную, но победоносную... отказываются, ссылаясь на гипертонию или, допустим, на симпозиум опаздывают, - и не хотят побегать хоть с деревянным, хоть со всамделишным автоматом... - не верьте. Плюньте такому клеветнику и отщепенцу прямо на его блестящий ботинок!

Истинно говорю вам: ох, и любят же взрослые мужские особи в солдатиков играть. Факт. Исторический. До сих пор любят. И до сих пор играют. Наиграться не могут. Играючи, они любой мир перекроют. Построят. И разрушат, играючи.

Сочинят, играючи, такой крошечный рай на земле, который ни чертям, ни ангелам даже присниться не может в самом смелом научно-фантастическом сне.

Вот так всё устроено - троицей: триумвират, три типа, три хомы.

Хомо-фабер, человек-строитель. Основная, знаковая фигура Возрождения.

Хомо-сапиенс, человек-познаватель.

А между ними бегают хомо-люденс, человек играющий.

Это господин Йохан Хёйзинга из Нидерландов придумал название для третьего типчика, оформляющего свою жизнь в виде игры. Это так забавно, это позволяет не только убежать от очевидных мерзостей, но легко, играючи выстраивать новую культуру, при которой игра из способа оформления жизни становится самой жизнью.

И вот я думаю: ах, если бы между глиной и ваятелем был бог! Уж он-то вывел бы на гончарный круг долгоиграющий сразу всех трёх: и фабера-строителя, и сапиенса- познавателя, и люденса-игрока. Уж он не позволил бы сыну своему и наследнику ремесла – ваятелю бездарно проматывать созидательное время на поточное

копирование белокаменных и бронзовых вождей
вожделенных!

Но бога нет. Его отменил лучший друг всех ваятелей,
строителей, познавателей и игроков. Этот друг предпочёл
иметь дело с человеком, играющим в человеческие кости...
А что есть, если нет того, кто мог бы устроить всех и
каждого?

Есть Сочинитель. Человек, играющий во всех сразу: он и
фабер, и сапиенс, и люденс, и всехный друг, и в Киеве он
дядька, и чёрт ему не брат, но волк – товарищ... да он ещё
и аннулированного бога при всяком удобном случае чуть
ли не ухватывает за бороду в целях панибратского
удостоверения.

Вот он-то, Сочинитель, как раз и может испортить всю
обедню...

И человек сомневающийся вновь поднимает голову к
небесам и что-то выискивает среди подмигивающих звёзд
и созвездий...

Перезагрузка такая вот...

Да, к слову сказать и очень кстати. Перезагрузка наша – из
товарного вагона в пароходный трюм – завершилась
благополучно и даже досрочно. Слава труду...

*У стены пакгауза с монументальным поцелуем Брежнева
и Хонеккера троцкисты устроили отвальный обед. Сокол,
Давид и Жорка – здесь же. На расстеленных газетах –
батареи разнокалиберных бутылок, хлеб, вскрытые банки
консервов...Застолье в разгаре. Провозглашаются тосты
– за всё сущее на этом свете.*

За мир и дружбу!

*Сокол пальцем подманивает Троцкиста новенького. Тот
осторожно подходит. Сокол обнимает его и целует
прямо в губы –но не по-брежневски, а более
величественно, точно император Пётр Первый,
жаловавший таким образом соратников своих за верную
службу...Долгий поцелуй! Вырывается из рук Сокола
новенький троцкист – бесполезно: железная хватка у
Сани Сокола. Народ начинает хором секундировать,
продолжительность засоса отсчитывать: ...пять,
шесть, семь, восемь...десять...одиннадцать... Наконец,
Сокол отталкивает от себя троцкиста...Тот уже в ином
облике. Губищи у него – сверхъестественные: синие-
пресиние, распухшие, вывернутые наружу...Сокол*

*ухмыляется, подмигивает. Народ аплодирует и хохочет.
Так Сокол рассчитался с утренним ухобойцем -
эlegantно, со вкусом и без уголовного кодекса, ни один
прокурор не сыщет наказательной статьи, не
придерётся...*

Голос Давида Звенигородского:

...На следующее утро – утро туманное, утро седое... -
пароход протяжно задудит. Штука дудящая хоть и
называется «ревун», но голос у него приятный. Бархатный
си-бемоль-мажор первой октавы обозначит первый рейс в
новой навигации с вариациями на темы концертов
Моцарта, симфоний Бетховена и Мендельсона-Бартольди,
и даже что-то типа мазурки Шопена... За бортом останется
прелюдия...

Между прочим, «пре» или «при»? Наверно, можно и так, и
этак. А людя всё равно пребывает неизменной...

14. КОРАБЕЛЬНОЕ УТРО.

Утро туманное, седое...

*Спящий Давид слышит радиогимн Советского Союза... Не
раскрывая глаз, шарит понизу, ничего не находит такого,*

*чтобы запустить с подбоающим устным
сопровождением в предполагаемый домашний
репродуктор по имени «Маяк»... Открывает глаза. Ни
маяка, ни Игоря Кириллова, ни водных процедур... Один
Жорка сидит напротив, на верхней полке. Сидит и
таращится, испуганно:*

«Вы чего это?»

Оба приходят в себя. Смеются.

«Подъём!»

*Койка Семёна уже пуста. Семён уже на службе.
Койка Сокола тоже пуста. Он в трусах и с голым торсом
только что закончил физзарядку и начинает утренний
обход: штабель ящиков принайтован к палубной*

оснастке, прикрыт брезентом...Вот Сокол и проверяет целость и сохранность ценного стратегического груза.

15. ОТПЛЫТИЕ.

Долгий прощальный звук пароходного ревуна.

Капитан Ганнибал – в рубке, у штурвала.

Семён склянки отбивает, потом идёт на швартовку, к трапу.

Хельга хлопчет на камбузе и в кают-компани.

Вдоль борта выстроились в шеренгу Сокол, Давид и Жорка. Все приложили руку к головным уборам: честь отдают.

Реет на ветру вымпел Восточно-Сибирского речного пароходства...

Жорка косит глаз на красно-жёлтый вымпел...Да, вот так он и вьётся по ветру, Весёлый Роджер!.. Конечно, черепа с костями нет! Наблюдаются посередке два чёрных перекрёщённых якоря. Но если внимательно и с фантазией приглядеться к этим якорям, то можно-таки увидеть пучеглазую усатую рожу с ухмылкой от уха до уха...

На пристани - провожающие троцкисты в полном составе. Машут руками, кричат то, что положено в таких случаях. Синегубый и папуасоподобный Новенький не кричит. Он слезу вытирает, скупую, мужскую...

Хельга включает магнитофон, выведенный на внешний динамик. И Эдуард Хиль бесподобно проникается в прощальный церемониал:

Как провожают пароходы?
Совсем не так, как поезда.
Морские медленные воды –
Не то, что рельсы в два ряда...

*«Отдать швартовы!» - слышен в динамике голос
капитана.*

*Семёну бросают с пирса конец причального каната,
Семён ловко ловит его и накручивает привычными
вензелями на бортовой кнехт...*

Вода, вода, кругом вода,
Вода, вода, шумит вода...

*Сокол, для которого такое отплытие не в новинку, уже
мысленно озабочен задачами последующего пути: что-то
нашётывает, высчитывает в уме, прикидывает... -
мимически сопровождая эти прикиды.
Давид внезапно округляет глаза и открывает рот...*

Я вспоминаю всё сначала,
Уже давно убрали трап,
На самом краешке причала
Стоишь ты, голову задрав.

*На самом краешке причала стоит прежняя, что и в
Иркутском аэропорту, молодая женщина с грудным
ребёнком на груди, но за руку держит уже второго,
постарше... Стоит, бедная, слёзы текут по щекам, и
прощально махать ей нечем, обе руки заняты...
Давид зажмуривается, встряхивает головой – и видение
исчезает...*

*Давид облежённо вздохнул-выдохнул и левой рукой
молниеносно и мелко перекрестился, продолжая правую
руку держать у виска....*

Вода, вода, кругом вода,
Вода, вода, шумит вода...

*Троцкист новенький справился, наконец, с душившими его
рыданиями, извлёк из-под брючного ремня бутылку*

«Советского шампанского» и, держа за горлышко, принялся вращать её над головой.

Новенький троцкист (*кричит*): Товарищи! Братцы! А чо это мы морской обычай забыли? Надо же по корпусу херакнуть!

Бутылка вылетает из руки Новенького и со свистом, кувыркаясь устремляется в сторону парохода...А Давиду вдруг показалось: прямо в него! Летит и гудит, как сирена...

Давид испуганно закрывает глаза...

И представляет: летит, гудит, свистит – и в борт прямым попаданием!

Взрыв!

В борту гигантская пробоина...Пароход уходит в крен, тонет...вот уже осталась над водой одна только капитанская рубка...там в парадной морской форме неподвижно стоит адмирал Звенигородский, рука в белой перчатке – под козырёк...всё погружается, погружается в бурлящую воду...вот она поднимается уже до адмиральского пояса с кортиком, потом всё выше, до подбородка... - и смыкается над головой...на воде плавает фуражка с флотским «крабом» и золочёными веточками на лаковом козырьке...

Бам!

Бутылка шампанского ударяет в борт парохода.

Давид открывает глаза. Смотрит вниз. Никакой пробоины! И бутылка даже не разбилась, но отскочила и плюхнулась в воду...

И ведь не потонула же, падла такая! Она ведь не простое шампанское. Советское! А всё советское, особенно с пентаграммой знака качества, способно творить чудеса. Раскрученная, потрясённая, возмущённая от доньшка до горлышка и готовая к самопроизвольному самоизвержению, бутылка, кажется, уже из подводного положения выстрелила пробкой и отсалютовала пенной струёй...

Пробка тюкнулась не абы куда – прямо в лоб Соколу! За кормой очень даже похоже на шампанскую пенность бурлят буруны от гребных винтов. Пароход дугой выходит на фарватер.

*Полупритопленная советско-шампанская бутылка
тоже плывёт вниз по течению, с достоинством
покачивая над водой серебряным горлышком...*

16. НА ПАЛУБЕ. ЖОРКА И СОКОЛ.

В небесах объявляют не «Полетели!» - «Поехали!», и едут, и вершат космическую езду в незнаемое.

О сухопутье умолчим. На земле ещё с допотопных времён много чего объявляют, но авось и ныне там, между прочим, между хлябью и твердью, между словом и делом...

На воде объявляют не «Поплыли!», но «Пошли!» - и идут, и ходят, как Христос по воде аки по суху...

Так говорят ходоки-профессионалы высших категорий: бог, моряки, космонавты...

К палубной оснастке тонким нейлоновым линем принайтован штабель стандартных деревянно-решетчатых ящиков с вино-водочными бутылками. Это уж тот коммерческий груз, который в трюм не поместился.

И крутится возле штабеля Жорка с горящими глазами: а интересно же, какая продукция в тех ящиках? и что там может быть новенького в смысле пополнения коллекции этикеток?

У коллекционеров всегда горят глаза. Правда, они имеют обычай притушить свои взоры, когда торгуются, сбивают цену, делая при этом выражение пренебрежительное, чуть ли не брезгливое: эка невидаль, дескать! грош цена вашей вещички! таких, извините за выражение, раритетов на базаре завались – не хочу, рупь штучка, два рубля кучка...да уж ладно уж, пожалею вас, уж так и быть, возьму...за полтинник!

...А на палубе, кроме Жорки, в это время никого нет, так чего ж, с какой стати ему коллекционерский пламень в глазах притушивать? Вот он и горит... Не терпится Жорке. Понять можно.

Чуть ли не принохивается Жорка к заинтересовавшим его ящикам. Вот он узрел что-то особенное в щелях стеклотары... К досаде своей, не может разглядеть этикетку на бутылке... Собирается мгновенно: кисть в щель пропихивает и пальцами пытается развернуть бутылку так, чтобы наклейку увидеть... Увлечён разворотом. Аж язык высунул...

И не заметил, как сзади подошёл Сокол. Лоб у него зелёной смазан и – наклейка лейкопластырная в виде сердечка. Это Хельгиных рук дело. Санитарии с красотой совместила. И действительно, это даже как-то украсило лицо Сокола...

- Ты чо тут? – спрашивает Сокол.

Жорка даже вздрогнул от неожиданности. Но тут же изобразил всем своим видом совершенное спокойствие: вот, дескать, на свежем воздухе... погода ничего... солнышко... А руку-то из ящика извлечь не может! Застряла кисть! Так он изображает, будто просто так стоит, типа прохладяюсь, небрежно, ноги переплетя, и на штабель опирается. А чего? Нельзя опираться, что ли?

- Гуляю! – отвечает Жорка. – А что?

- На палубе не гуляют, - говорит Сокол.

Сокола не проведёшь. У Сокола глаз набитый, намётанный и так далее.

- А чего делают? – спрашивает Жорка.

И руку из ящика силится выдернуть, да никак не получается, застряла кисть, хоть ты тресни... Дёрг! Ещё раз дёрг!..

- Тих-ха! На палубе службу несут, - отвечает Сокол. – А ты не шибко дёргайся, Жорка. Штабель развалишь. Ты бутылку-то что, за горлышко ухватил?

- Ухватил...

- Разожми пальчики! Выпрями. Поверни кисть так, как сначала засовывал! Ты же её параллельно засовывал?

- Параллельно...

- А щас она у тебя как – вертикально?

- Вертикально...

- Так сделай параллельно. И элементарно вытаскивай!

Жорка последовал указаниям – и мгновенно освободился. Неловко, конечно, Жорке. Это у него затык такой случился, заскок, заморочка - от волнения, азарта и спортивного интереса. Понять можно. Бывает...

- Спасибо, - говорит Жорка, потирая натруженную кисть.

- Не за что, - отвечает Сокол. – Вот, всё учи, учи вас, молодёжь...
 - Всю жизнь учимся, товарищ Сокол, - сказал Жорка. – Судьба у нас такая, любознательная.
 - В общем, ну да, - согласился Сокол. – Но иногда – просто тупик! Я вот, например, так и не могу понять, зачем тебе эти разноцветные картинки? Да ещё – целыми чемоданами! Я понимаю, если выпить и когда посмаковать... То да сё, под разную закуску, в приличной компании знатоков. Но пустые бумажки-то на фига нужны?
 - Это вопрос сложный, - ответил Жорка.
 - А если короче?
 - Короче БАМа?
 - Ещё короче!
 - Тогда получается так. Вот скажем: этикетка. Откуда она взялась?
 - Откуда?
 - От этикета. От этики взаимоотношений в коллективе. И вообще, в народе. Изучаю. В будущем пригодится. Дальше надо говорить?
 - Дальше не надо говорить. Насчёт этики я тебе сам, без бумажек, могу сто пудов натравить по самое «ой, не надо» без перекура. Понял? Ладно. Всё. Поговорили. Пора за дело. Ты, Жорка, за настоящее дело ещё и не принимался. Оно впереди. На первой остановке начнётся. Но на пароходе не должно быть безделья. Просто так болтаться – как-то нехорошо, не по-флотски. Понятно говорю?
 - Понятно. У меня фотик есть. «Зоркий-4К». Новьё прошлого года. С «юпитерским» объективом. Сорок девять рублей пятьдесят копеек. Фотокорреспондентом могу. Это вписывается?
 - Это можно.
 - И на память останется!
 - Вот это хемингуёво! А сейчас свистай всех вниз. В кают-компанию. Совещание проводить буду.
 - И товарища капитана звать? И Хельгу?
 - Судовая команда без моих совещаний своё дело делает. Их не надо. Давида свистай.
 - Есть, товарищ Сокол.
- Жорка отправился свистать Давида.

Сокол подошёл к борту, руками на леер оперся... Смотрит на бегущую воду.
В воде поблизости – серебряное горлышко покачивается...
Как поплавок.
Сокол грозит ей/ему кулаком.

17. НА КАМБУЗЕ. ХЕЛЬГА И ДАВИД.

Идеальный порядок. Блеск. Чистота.

Хельга занята: открывает-закрывает крышки кастрюль на плите, помешивает, пробует на вкус, что-то добавляет в готовящуюся пищу, протирает посуду...Ловко, неспешно, с изяществом.

Давид стоит у двери. Наблюдает. Кроме взаимных приветствий никакого разговора ещё не было. И неизвестно, с чего его начинать...

Давид: Давайте, помогу?

Хельга: Что вы?! Нельзя. Каждый на корабле должен делать своё дело. Только тогда на корабле будет порядок.

Давид: А спросить можно?

Хельга (улыбается): Можно.

Давид: А Ганнибал – это как понимать?

Хельга поворачивается и смотрит на Давида. Молча смотрит. Внимательно.

Давид: Я хочу спросить...ну, вот, имена разные...Агафон, например. Уменьшительно-ласкательное будет Ганя. А Ганнибал – как бы увеличительное...Не так?

Хельга: Какой вы странный!.. Да, Агафон в сторону Ганнибала действительно увеличивается. Но Ганнибал уменьшаться в сторону Агафона уже не может. Ганнибал есть Ганнибал. Капитан. А почему это вас интересует?

Давид: Да меня всё интересует. Почему, например, он всё время молчит? Строгий такой или неразговорчивый?

Хельга: Он немножко заикается. Стесняется...

Дверь камбуза открывается. Заглядывает Жорка.

Жорка: Я извиняюсь... Сокол приказал свистать...

Хельга (*улыбается*): По-русски, рак свистнул, да?

Давид разводит руками: выходит, дескать, так.

18. КАЮТ-КОМПАНИЯ. ОНА ЖЕ – КУБРИК. ОН ЖЕ – СПАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ.

Четыре спальных места: два - внизу, это рундуки, ящики такие с откидными крышками; два других места - над нижними, как в железнодорожном пассажирском вагоне.

Посередине, между рундуками, узкий стол.

Стулья и прочие сухопутные излишества не предусмотрены. Сидят на рундуках.

При такой тесноте, кажется, никто ещё не смог определить максимальное количество гостей за таким столом и в таком помещении.

На столе – портфель-дипломат Сокола. Саня деловито вынимает из него нужные бумаги, документы, книжку стихов Артюра Рембо «Пьяный корабль»... Деловитость Сокола однажды прервалась какой-то, неведомой ему самому, многозначительной задумчивостью.

Сокол (*похлопывая бумажной стопочкой*): Вот, пока при памяти... Сразу раздаю! Путёвки общества «Знание». Десять штук на каждого. Вернёте в конце рейса с печатями.

Давид: И что мы пропагандировать будем?

Сокол: Мне в обществе сказали: надо нажимать на Асуанскую плотину и вообще на Египет. Там серьёзные дела и... вообще, Ближний Восток – это не Дальний...

Давид: Что ж ты раньше не сказал? Мы бы хоть что-нибудь почитали...

Сокол: Да чего читать? Вот, у меня уже записано в блокноте... Исходные данные (*Читает*) Торжественное

открытие и ввод в эксплуатацию Асуанского гидроэнергетического комплекса состоялись 15 января 1971 года при участии Президента ОАР Анвара Садата, который перерезал ленточку в голубой арке на гребне плотины, и Председателя Президиума Верховного совета СССР Н. В. Подгорного.

Жорка (*фыркает*): Новости. Ага. Полтора года назад. Хемингуэво.

Сокол: Не фыркай. В обществе знаний виднее, на что нажимать. Между прочим, коллеги, потребкооперация отгрузила народам Севера сто коробок бальзама «Абу-Симбел». Прямо из Египта. Пять-восемьдесят за бутылку плюс северная надбавка. Даже в Иркутске его ещё нет в широкой продаже. А у нас – уже на борту.

Потребкооперация, выходит, тоже не дура и тоже знает, на что нажимать. Вот что такое хемингуэво, Жорка. Твоя коллекция ахнет!

Жорка, молча улыбаясь, достаёт из нагрудного кармана записную книжку, вынимает заложенную между страниц этикетку и с невинным видом кладёт её прямо на страничку в клеточку соколовского блокнота.

Сокол: Уже! Успел! Когда?

Жорка: Вчера. После загрузки.

Сокол: Погоди... Что-то не помню... Мы вчера такую пили?

Давид: Пили. По глоточку всем досталось. Сразу после твоей речи про мир-дружбу, про Хенеккера, а потом ты про Анвара Садата такой трёп начал...

Сокол: Вот, блин, не помню... Квалификацию теряю... А дальше чо?

Жорка: А дальше вы сказали: открывай, Жорка, на десерт подарок от Тутанхамона. И достали бутылку из дипломата.

Сокол (*заглядывает в дипломат, убеждается, что нет там бутылки*): Правильно. Так и было (*Вздыхает*)

Жорка: Народ не понял. Народ сказал: пусть этот бальзам фараоны пьют. От него зубы слипаются. И так далее... Короче, не в восторге.

Сокол (*недоволен: не складывается деловое совещание*): Восторги им нужны, понимаешь... Всем нужны! А где его взять на всех? Восторг – дело тонкое! Я уж не говорю: горторг, райторг, промторг, коопторг, облпищеторг... (*Вынимает из дипломата паспорт, листает*) Гогин – это кто у нас такой?

Жорка (*встаёт и протягивает руку за документом*): Как будто не знаете... Это я. Но там неправильно написано. Гогин – это дискриминация. На самом деле я – Гогенцоллерн-Мухранели.

Сокол (*ухмыляется*): Князь.

Жорка (*вскрикивает тонким голосом*): Па-пра-шу не ухмыляться, милостивый государь! И не ёрничать, как шут! Балаганный! Паспорт – на стол!

Давид (*резко*): Стоп, ребята! Я что-то не вижу братской солидарности... Я понял главную задачу так: мы должны развеять дезинформацию. Так? Насчёт «Абу-Симбела»... что от него, якобы, зубы слипаются... Так?

Сокол: Не только.

Давид (*миролюбиво*): Может, отложим совещание на пару часиков?

Жорка (*бурчит*): Сначала заманил сюда, а потом – задачи ставить... А может мы эти задачи не желаем... И вообще! Отдавайте паспорт!

Давид: Присядь, Жорка. Видишь, товарищ Сокол задумался. Вопрос решает...

Сокол молчит. Бумажки в дипломате перебирает. Складывает. Захлопывает дипломат, закрывает замки на ключик.

Сокол (*читает надпись на этикетке*): Абу-Симбел. Это понятно и по-русски написано. Но по-русски ещё написано: ферра кина. Непонятно.

Давид: Кина не будет, значит.

Жорка: Народу же пить, а не читать, в конце концов...

Сокол (*смотрит на Давида*): В конце концов, коллеги, ферра кина будет следующая. То есть, дальнейший распорядок. Совещание отменяю и переносу. В середине дня – адмиральский час. То есть, капитанский обед. Всем быть в парадной форме. А сейчас полезем в трюм. В святая святых. Алтарь Отечества. Проверим кое-что...

Жорка: Надо не кое-что, а конкретно: слипаются зубы или нет?

Сокол смотрит на Жорку одобрительно: конкретный пацан, достойная смена растёт, но немножко непонятная.

19. ГРУЗОВОЙ ТРЮМ. ТРОИЦА И «АБУ-СИМБЕЛЬ».

Пароходный трюм закрыт так называемым наездным щитом – металлическим, окрашенным суриком, гофрированным, как стиральная доска. Тяжело, медленно он сдвигается в сторону (две пары рук, как минимум, потребны для этого) – и открывается тёмная пропасть, куда ведёт узкая металлическая лестница-трап.

Жорка (*поглаживает отодвигаемый щит*): Подходящее место – штаны стирать! Джинсы, например.

Вслед за Соколом спускаются по трапу в трюм.

Потолка над ними нет. Одно небо.

Сокол привычно, не глядя, протягивает руку в нужном направлении, к выключателю. Зажигается свет – в стеклянных плафонах, прикрытых решёточками.

Давид и Жорка осматриваются.

Квадратное пространство, вокруг которого, снизу доверху, - ящики, картонные коробки. Плотные ряды – вплотную к бортам и в стороны кормы и носовой части, бака.

Сокол: Ну, как, коллеги? Нравится?

Давид: Да можно и без света...

Сокол: Конечно, мимо рта не пронесём...

Давид: Я не про это. Я вспомнил: в детстве обожал в темноте прятаться. В шкафу. Или под столом. Сидел. В гордом одиночестве.

Жорка: Зачем?

Давид: Мечтал. Страдал. На мир обижался.

Сокол: А я по такому случаю под кровать залазил. Но брал фонарик. Книжки читал.

Жорка (иронически): Ага. Ученье – свет в тёмном царстве. Хемингуэво.

Сокол и Давид переглядываются. Улыбаются, покачивая головами.

Сокол хозяйничает, устраивая посреди пространства место и условия для выпивки. Жорка – на подхвате, выполняет указания Сокола.

Давид ходит вдоль штабелей, похлопывает по ящикам и коробкам.

Голос Давида Звенигородского:

Трюмное пространство – это одно большое ого!

Сколько в нём стеклотары помещается? Это второе ого!

Если первое ого умножить на второе ого, потом это полученное произведение ещё разок умножить на оптово-розничные цены с северной надбавкой... ну, я не знаю, тогда получится такое ого-го...

Сокол (продолжает начатое в разговоре с любопытным Жоркой): ...не просто усушка-утруска! Нет! Тут стеклотара! Вещь хрупкая. Чуть что – бздынь! – и одни

осколки в луже. Кто виноват? Случай? У случая нет фамилии. С него не спросишь. И поэтому предусмотрена естественная убыль. Даже в процентах обозначена. Производственно-транспортные потери. Вот мы эту потерю вчера как бы начали. А сегодня продолжим... К столу, джентльмены! Как говорят усть-кутские грузины: всё пропьём, но флот не посраим!

На табуретке в центре застолья – тёмно-коричневая бутылка бальзама «Абу-Симбел». И лимон. И плитка шоколада «Гвардейский». И россыпь дорогих конфет московских фабрик «Рот-фронт» и «Красный Октябрь». Разливают по стаканам маленькими порциями, на глоток. Смакуют. Чмокают.

Сокол рассказывает о жителях Прилесья, про будущих потребителей, преданных друзей «стеклянного парохода».

Сокол: Хорошие люди. Даже странно, до чего хорошие. Что ни скажи им – всему верят. Как дети, честное слово. Я им речь говорю: страна напрягается изо всех сил, страна прямо дрожмя дрожит от социалистического соревнования... Но вот этому-то как раз и не верят! Не верят! А я всё говорю, говорю... От имени и по поручению Общества знаний. И что? Я – поверил сам себе. И сразу устал! Устал как мячик перед народом скакать. Что делать? Есть гениальная мысль... Я ещё в прошлом году её маленько обкатал. Суть в следующем...

Троица наклонила и сблизила головы над табуреткой. Сокол говорит, жестикулирует. Давид с Жоркой слушают, смеются одобрительно и удостоверяют тройственный договор так: Сокол руку подаёт с открытой ладонью, Давид звучно прищёпывает её своей ладонью, а сверху – Жоркина рука будто бы печать ставит!

Сдвигают стаканы, чокаются.

Сокол: За море творчества!

Давид: За море!

Жорка: За творчество!

С наслаждением высасывают бальзам.

Сокол: Ну, как, Жорка? Зубы не слипаются?

Жорка: Не слипаются. А у меня к вам вопрос: вы уже чего-нибудь натворили в поэтическом смысле?

Сокол (*читает с пафосом*): Неприемлем жополизам развитой социализм!

Аплодисменты.

Сокол: Я же говорю – море творчества! Море тем, сюжетов и злобы дня! Давид, а ты что молчишь?

Давид: Я только вторую строчку сочинил для будущего стишка.

Сокол: Это уже кое-что. Обнародуй!

Давид (*декламирует*): Море серое, неласковое...Пока что всё.

Сокол: Гениально! Это точь-в-точь про море Лаптевых. Я по нему в позапрошлом году в Тикси груз экспедировал. Точно! Серое, неласковое... Как ты угадал? Ты ж там не был!

Давид: А ты там был, значит. И что написал про море?

Сокол (*вздыхает и погружается в воспоминания*): Я ещё с Чёрным морем как следует не рассчитался...Должок у меня там остался. Спасибо, что напомнил...

Давид: Давай про Чёрное!

Сокол: Про море или про должок?

Давид: С чего хочешь.

Сокол: Ладно. Поехал, значит, в Анапу. Четыре года назад. Отдыхать дикарём на Чёрном море. И прямо с вокзала – начались проблемы...Причём, со всех сторон! Загорелые анапки...шашлычные...кафешки на свежем воздухе...вина-воды-соки-пиво-кофеёчичек с пылу с жару...ароматы...шашлыки жарят...ёшкина гармошка! Как начал я от стола к столу ходить, от кафешки к кафешке, - так три дня и проходил без передыху. Всё спустил, до копейки! Что делать? Пошёл в редакцию газеты. Спасайте, говорю, сибирского поэта, билет на обратную дорогу купить не на что. Мне говорят: о! как ты вовремя! мы таких, как ты, ждём-не дождёмся! Я говорю: так подкиньте, товарищи коллеги, на билет, я из дома вам должок вышлю. А они мне говорят: вот тебе бумажка, вот тебе карандаш – пиши про впечатления закоренелого сибиряка от Чёрного моря! Я честно отвечаю: да какие впечатления? я этого моря в глаза не видел! А они опять

улыбаются: ничего, мол, включайте фантазию, интуицию, воображение... Написал я пару ласковых впечатлений на голой интуиции. Прочитали и говорят: поэт всегда поэт, если он настоящий. Дали денег на билет. Помчался на вокзал, ни на что уже не смотрел, ни к чему не принохивался. Сел на поезд. Поехал. На верхней полке. Голодный. Четыре дня. И всё думал: в долг мне деньги дали или как гонорар? Сразу в редакции не уточнил! И вот до сих пор – думаю...

Жорка (сочувственно): Надо было с коллективом ехать. Он удержал бы от необдуманных поступков...

*Сокол с Давидом вновь переглянулись многозначительно:
этот парень, дескать, молодой, но уж не зелёный...*

Сокол: Зубы не слипаются?

Жорка: Ещё нет.

Сокол: Тогда ещё по одной...Целебный напиток! Вот бы все лекарства делали в сорок пять градусов! Так весь народ сидел бы на бюллетене!

Вытили.

Жорка: Может я пойду, товарищ Сокол? Фотоаппарат заряжу...

Сокол: Дело говоришь. Ступай. А мы с Давидом о текущей литературе поговорим...

*Жорка по трапу взбирается наверх.
Сокол и Давид внимательно наблюдают за ним.*

Сокол: Смотрю на Жорку и удивляюсь. Всё у него по полочкам...

Давид: Да уж не такой дурак, какими мы были.

Сокол: Другое поколение. Дитё НТР...

Давид: Слушай, Саня, я вот тебя что хочу спросить. Вот, ты говоришь, народ на Лене, население, и что они там? Все по-якутски говорят или как?

Сокол: Или как. Говори как со мной говоришь – и все тебя с полуслова поймут. Запросто! Хоть лекцию им выдавай, хоть стишки читай.

Давид (с облегчением): Значит, нет барьеров.

Сокол: Да где ты их видел в нашей великой-могучей-кипучей-ником не победимой? Я вот, между прочим, в Ташкенте был. Однажды после навигации здоровье поправлял. Так что? За два часа узбекский язык выучил. Идёшь, например, мимо магазина. На нём написано: «Виноси». Понятно. Вино, значит. Идёшь дальше – «Пивоси». Значит, пиво. Какие проблемы? Какие барьеры? Свободно с населением разговаривал... Прямо как с тобой. Не вру. По граммуле?

Давид: Наливай.

Выпили. Губы оглаживают. Конфеты жуют.

Сокол (нерешительно): А у меня, Додик, к тебе тоже вопрос есть. Деликатный. Как к мужчине. Специалисту...

Давид: Это по какой специальности?

Сокол: Ну, тебя же девки больше любят, чем меня...

Давид: Завидуешь?

Сокол: Так все завидуют! Потому и стишки твои критикуют!

Давид: Ладно. Заменяю для ясности. Давай вопрос.

Сокол: Да это как бы даже не вопрос... Я насчёт Хельги...

Давид: Причём тут Хельга?

Сокол: Краеугольный камень преткновения. Как она тебе кажется?

Давид: Нормально кажется. Ну, в общих чертах...

Женщина как женщина. Лет за тридцать. Выглядит за двадцать пять. Женщина с перчиком. Короче, с изюминкой... Ну-у-у, дальше не знаю...

Сокол: Нет уж, Додик, ты говори что-нибудь одно! Или с перчиком – или с изюминкой. А то, понимаешь, в твоей аттестации такой винегрет получается, что всё вместе. А если ещё добавишь «с сучком и с задоринкой», так уже вместо конкретной женщины получится веник типа швабры.

Давид: А на фиг тебе моё впечатление, дорогой товарищ Саня?

Сокол: Ладно. Слушай исторический факт. Как говорится, наматывай. И потом не говори, что я тебе не говорил... В прошлом году был на борту один тип. Геннадий. Ты его в «Чешуе» видел, в зимней шапке который. Шапку круглый год носит и всем рассказывает, что уши обморозил на Северном полюсе. Ботало огородное... Так он как только

зашёл на пароход, сразу вперился в Хельгу и глаз не спускает. Я его предупредил: Геннадий, не вперяйся. Он - ноль внимания и всё равно вперяется. И что получилось итога? Ганнибал ему на голову кастрюлю надел с горячей кашей.

Давид (смеётся): А может не в Хельге дело? Может, каша была пересолёная! Или недомасленная?

Сокол: Рожка у него была масляная! И шуточки пересолённые! И бутылки из ящиков нагло воровал!

Нажрётся – и молотит языком такую херню, что...

Понятное дело – пьяный. Так Геннадий проспится – и снова такую же херню молотит! Вот как?

Давид: Удивительная цельность характера. Только ты, Саня, что-то вихляешь. То про Хельгу говоришь, то на Геннадия скатился...

Сокол: Так всё в один узел завязано! Ганнибал за Хельгу, я думаю, любого зарежет, как курёнка. Тоже с характером человек...

Давид: Ты это серьёзно?

Сокол: Дальше некуда.

Давид (помолчав): Саня, ты зачем этот разговор затеял? Про женский вопрос.

Сокол: Додик, ты тоже вперяешься. Извини за откровенность. Как поэт поэту говорю.

Давид: Как поэт, ты сказал, с одной стороны, такую же херню, как твой Геннадий. Но с другой стороны, ты произнёс одно гениальное слово. Почти что волшебное!

Сокол: Какое?

Давид: Вперяться.

Сокол: В смысле?

Давид: Наше слово. Перо... Соперник... Сущность.

Сокол: В смысле?

Давид: Сущность мужчины – брать, отдавая. Так?

Сокол: Допустим.

Давид: Сущность женщины – отдаваясь, получать. Так?

Сокол: Допустим. И куда клонишь?

Давид: К бесконечности, друг мой Саня. Женщина – бесконечна. Как лента Мёбиуса.

Сокол: Мудришь, Давид... Мёбиуса вспомнил... Давай ещё Гаусса, число пи, таблицу умножения...

Сверху в трюм свешивается голова Жорки с весёлой рожей.

Жорка: Я готов, товарищи!

Сокол: Чего готов?

Жорка: К фотосессии готов!

Сокол: Погоди ты... У нас тут такая сессия...

Давид: А ты спроси, Саня, у молодого поколения: на что похожа женщина?

Сокол: Откуда он знает?

Жорка: Как это откуда? От верблюда.

Сокол: Тогда отвечай.

Жорка поудобней устраивается на палубе, укладывается на живот, локти в пол, ладони в подбородок, поза философическая, лежащий роденовский Мыслитель.

Жорка: Я думаю так, товарищи. Женщина по своему внутреннему устройству фигуры – это как бы такой сосуд типа чернильницы-непроливашки. Но что означает сосуд такой конфигурации? Он означает неисчерпаемый источник всяких разных восторгов вдохновения и грехов безобразия. Неисчерпаемый потому, что есть в бабском сосуде вход и выход, но нету начала и конца, сплошная бескрайность и метафизика, как у вселенной. И в той бабской чернильнице сидит основной вопрос философии: познаваем ли мир и откуда он такой взялся на нашу голову? А также ещё один вопрос: что первично, что вторично. Короче, опять про яйцо и курицу. Ответ исчерпан. Наливайте «алибабу».

Сокол: Обойдётся. А что про нашего брата, про мужчин, думаешь?

Жорка (вздыхая): Смотря какой брат! Но в общем и целом наш брат конечен. Какой-то хромосомы у него не хватает. То ли икс, то ли игрек... Я скажу, как начинающий, но подающий большие надежды, поэт. В общем и целом наш брат – это перо! Бог пишет им книгу жизни. Макает в женскую чернильницу и пишет мировую историю человечества... Понятно? И больше я с вами на эту тему не разговариваю. «Алибабы» пожалели...

Сокол: Потерпи до вечера. Ганнибал будет капитанский ужин устраивать.

Жорка: Тогда я пошёл готовиться. Музыка вам оставить? (Похлопал по транзистору на груди)

Сокол: Обойдётся. Ты последние известия слушал?

Жорка: А что там?

Сокол: Вот я и спрашиваю тебя: что там? Брежнев ничего такого не говорил интересенького?

Жорка: Для кого интересенького?

Сокол: Для всех пациентов СССР.

Жорка: А мне что Брежнев, что Туганхамон с Алибабой – без разницы.

Исчезает.

Давид: Ну, и как наш юный друг вперивает?

Сокол (*угрюмо*): В тебя пойдёт...

Давид: Чего тебе Брежнев приспичил?

Сокол: Слухи тревожные. Под большим секретом. Насчёт новой кампании борьбы с пьянством и ал-ко-го-лиз-мом.

Вот нервы и дрожат: чего он выкинет, наш чернобровый?

Давид (*берёт бутылку, вертит, разливает остатнее*):

Вот же выкинул! В продажу! И в оптовую, и в розничную!

Молодец же! Спасибо от всего советского народа. Почти что целый литр. И зубы не слипаются.

Сокол: А надо бы... у Жорки, например. Ну, болту-у-н!

Мы такими не были...

20. НА ПАЛУБЕ. ЖОРКА И СЕМЁН.

На корме, в шезлонге, под тенью навеса – Жорка. Сигара во рту. Чёрные очки, солнцезащитные, хотя солнце не шибко-то светит. Небольшой столик возле шезлонга, уставленный пустыми бутылками с яркими заграничными этикетками. В руке у Жорки – фужер. Напитка там нет – чай холодный. Как будто бы – ром.

Понятно, что Жорка позирует.

Семён с фотоаппаратом крутится вокруг, щёлкает, то стоя, то на колено опустится, всевозможные ракурсы ищет. А Жорка этими ракурсами руководит!

Щёлк! И новая фотография.

Жорка: Дома покажу фотки – ахнут!

Семён: Ещё подумают неправильно, что твоя яхта.

Жорка: Да пускай подумают. Я не возражаю.

Щёлк! И следующий вид.

Жорка: Ну, на сегодня хватит, Семён. В следующий раз я халат китайский надену. С драконами. С собой взял. И бутылки поменяю. Изобразим Жёлтое море. Или вообще Индийский океан.

Семён отдаёт Жорке фотоаппарат.

Семён: Хороший аппарат. Нравится. Я такой тоже куплю себе. *(Трогает Жорку по волосам)*. Совсем седой, однако. Когда успел?

Жорка: Триста лет династии. Успеешь тут!

Семён: Триста?

Жорка: С хвостиком. Древний я родом и племенем.

Семён: Я, Жорка, тоже. Старый-старый. Ещё.

Жорка: Не понял. Уже старый?

Семён: Я сказал: старый ещё. Значит уже – не будет. Потому что старый ещё.

Жорка хмыкает, крутит головой, не понимаячи.

Семён: А ты уже белый царь.

Жорка: Почему так уж прямо и белый? Чо уж так прямолинейно?

Семён: Где-то же должен быть белый царь, если царство есть.

Жорка: Где царство?

Семён: Белый медведь есть. Белый песец есть. Белые киты, совы, мыши. Белый царь нужен, Жорка. Ты совсем похожий.

Жорка *(шутливо)*: Ладно. Мы согласны. Будешь у меня в атаманской конвойной сотне. В красной черкеске. На вороном коне.

Семён: На олени лучше.

Жорка: Ладно, сделаем тебе оленя. На олени даже интересней. Только проблема с жаркими странами будет. Мы ведь по всему свету ездить будем! В тот же Египет, например. Или на Ямайку.

Семён: Ямайку знаю. Робертино поёт. Нравится. Я бы и сам давно уехал на Ямайку. Да не могу.

Жорка: Почему?

Семён: Родину люблю. Жалко. Ещё науку люблю. На русском языке.

Жорка: Я тебя научу прогрессу, Семён. Современные танцы, например. Ты знаешь какие-нибудь танцы?

Семён: Летку-енку знаю. Нравится.

Жорка: Это уже старьё. Будем новьё постигать.

Современное, прогрессивное и перспективное.

Семён: Хорошо. Будем. Ну, я пошёл, однако. Хватит болтать ерундой. Хельге помогать надо. Капитанский обед скоро...

21. АДМИРАЛЬСКИЙ ЧАС.

Семён потрудился (Жорка помогал): на корме судна из разборного стола образовался вполне стационарный, под тентом-навесом, как будто бы ему здесь и определено постоянное место. Так оно и есть. Отныне и на весь период навигации за этим столом будет собираться на трапезу весь личный состав «стеклянного парохода». Стол накрыт по высшему корабельному разряду. Даже полотняные салфетки предусмотрены.

На одном торце стола – место Ганнибала. На противоположном – Хельга.

Все в сборе. Кроме Семёна. Он уже в рубке, на вахте, у штурвала.

Ганнибал (встаёт с рюмкой в руке): Семь футов под килем, товарищи!

Товарищи выпивают, закусывают. Посматривают вопросительно на Ганнибала: что и как дальше? Тот молча и сосредоточенно поглощён обедом.

Сокол (поднимается над столом, вынимает из дипломата бутылку рома «Негро» и уже известную нам книжку

Артюра Рембо «Пьяный корабль»): Товарищ капитан, дорогой Ганнибал Илларионович! Разрешите мне от имени коллектива и от себя лично вручить вам книгу выдающегося французского поэта Артюра Рембо! Я вас соблазнил на его стихи ещё в прошлую навигацию – и я не каюсь. Читайте и переживайте вместе с ним и с нами!

Сокол подходит к Ганнибалу, вручает книгу и бутылку рома. Ганнибал растроган, но скрывает это. Он пытается что-то сказать в ответ, но у него не получается, как это в минуты волнения бывает у заик. Молча прикладывает правую руку к сердцу, благодарно склоняет голову и пожсимает Соколу руку. Потом смотрит на наручные часы. Допивает компот. Кивает Хельге: спасибо, дескать, за вкусный обед.

Ганнибал: За сим разрешите откланяться, господа. Моё время истекло. Пора на вахту. Семёна сменять.

*Берёт со стола книжку и уходит.
Затянувшуюся паузу прерывает Сокол.*

Сокол (весело): А чо это мы сидим, как волки печальные?

Жорка: Действительно!

*Жорка явился на адмиральский час во всей красе. В сверхдефицитных джинсах «Левис». В модной рубашке-сафари. Рубашка эта сделана из офицерской, защитного цвета с некоторыми усовершенствованиями-дополнениями: на плечах – погончики, на груди – из той же материи газыри, как на черкесках. А в газырях (вместо патронов) – шариковые многоцветные ручки (от трёх до семистержневых) и газовые зажигалки. И транзистор, конечно же, на шее. И фотоаппарат на плече (ремешок, точно портупея перекинут). И радиоприёмник VEF-12 здесь же, под рукой.
Включает транзистор.*

Сокол: Значит, по традиции – поэтическая разминка.

Тему, по традиции, предлагает Хельга.

Хельга: Александр, я никогда ничего не предлагала. Нет такой традиции.

Сокол: Это гипербола. Но ты же всегда поддерживала мою тему. Про море, патриотизм и вообще любовь. Ведь поддерживала?

Хельга (*смеётся*): Да. Всегда.

Сокол: Итак, разминка начинается. Какая бывает на свете любовь? Давид, отвечай.

Давид (*смотрит на Хельгу*): Безнадёжная.

Сокол: Хельга?

Хельга: Военно-морская.

Сокол: Жорка, ты имеешь что сказать в своё оправдание?

Жорка: Имею! Любовь бывает перманентная, эксклюзивная, продуктивная, планомерная...

Подходит и присаживается к столу Семён.

Сокол: Семён, подожди обедать. Какая бывает на свете любовь?

Семён (*рассудительно, даже пальцы загибает*):

Современная. Прогрессивная. Перспективная. А есть обыкновенная. Простая, однако.

Сокол: Вот! Семён мудро сказал: простая. Спасибо, Семён. Выручил из тупика. Ешь теперь. Приятного аппетита.

Жорка: Чего тут мудрого? Шаманизм какой-то...

Сокол: Это не какой-то! И не шаманизм! Если, например, возьмём обыкновенную простую женщину... Так?

Жорка: Ну, взяли... И что?

Сокол: Эта простая обыкновенная женщина в кастрюлю вместо пельменей свои бигуди бросает. Или – наоборот. Это что такое? Это не рассеянность. Это уже любовь!

Хельга хлопает в ладоши, смеётся.

Хельга: Александр, можно я скажу?

Сокол: Главный эксперт!

Хельга: Женщина варит. А мужчина в это время сидит в помещении в качестве мебели, пьёт водку и никогда не забывает конкретно обозначить пределы своей любви. Он говорит: до гроба.

Сокол (*запальчиво*): И правильно! И пусть он имеет своё такое маленькое счастье, если с большим не справляется. Ты как считаешь, Давид?

Давид отмалчивается.

Жорка: А вот Семён родину любит. Это уже как бы не бигуди и не пельмени.

Хельга: Это патриотизм.

Жорка (Семёну): Вот ты сказал: любишь родину. Но хочешь царя! Это как? Против эсэсэр, значит?

Семён (аккуратно и деликатно вкушает): Я не против. Пусть будет Советская власть и родная коммунистическая партия. Они заслужили. Но пусть товарищ Брежнев сидит в партии, а в Кремле пусть сидит царь. Так будет правильно.

Хельга (стучит ножом по стакану): Ребята-а-а, что-то вы не в ту сторону ...

Жорка: Да чего не в ту? Нормально. Простой советский человек хочет выразиться. Например, я. Или, вот, Семён. Имеет право! Сейчас у нас, кажется, не тридцать седьмой год, чтобы в тряпочку помалкивать...

Сокол (перебивает): Жорка...

Жорка (смирненно): Товарищ Сокол, может уже хватит жоркать? Уже сколько дней знакомы... даже по Лене вместе идём... Уж можно, наверно, и на Георгия перейти. В крайнем случае, на Жоржа. Или на Жору. Или на Гошу... А то всё – Жорка, Жорка!

Сокол (недовольно): У тебя другой темы нету, кроме тридцать седьмого года? Ничего больше не мучает?

Жорка: Честно?

Сокол: Естественно.

Жорка: Мучает. Одно слово из кроссворда. Вы, товарищ Сокол, его не знаете. А я, пока не решу, не успокоюсь. Характер такой. (Хельге) Русский народный деликатес. Кончается на А. Кого только не спрашивал! Никто не знает. Мне в Иркутске один интеллигентный человек сказал: пива, мяса. Сказал с восклицательным знаком! Я говорю ему: вы интеллигентный человек, культурный, тремя языками владеете, как какой-нибудь змей-горыныч, а с русским языком не справляетесь! А он отвечает: народ выражается и даже кричит «пива!», «мяса!», и это правильно, это значит «давай мяса!» и «давай пива!», а как кричится – так и слышится, а как слышится – так и пишется, а как пишется – так и правильно, и пошли они на хрен, все кроссвордисты, со своей грамматикой!..

Хельга (робко, нерешительно, с сочувствием и смягчающим ситуацию юмором): А килька не подходит? В томате.

Жорка (в отчаянии): Четыре буквы! На конце А!

Семён (невозмутимо): Репа.

Пауза. Все восхищённо глядят на Семёна.

Давид: Семён, а ты живую репу видел?

Семён: Нет, не видел. Ощущаю.

Давид: И как угадал?

Семён: Логика, однако. Когда чего нету, значит, это и есть деликатес.

Давид: Это уже не логика. Это поэтическое мышление.

Жорка (восторженно): Всё! Давайте дружить, Семён? Как вас по отчеству?

Семён: Отчества нет. Просто Семён. Можно ещё говорить: Семён Саха. Или так: Семён от Сахи.

Жорка: От сохи? Классно! Вот! Простой советский человек. С поэтическим мышлением... Царя хочет...

Хельга (задумчиво): Ребята, простой советский человек оказывается не таким уж простым и не очень советским, а где-то даже как-то наоборот... И это «наоборот» бывает очень красивым и правильным. Вот, например, в Эстонии, в Таллине у меня был один школьный товарищ...

Хельга рассказывает. Все слушают внимательно. Кроме Сокола. Возможно, он уже слышал от Хельги излагаемую сейчас историю. Но Сокола занимает другое. Он по-прежнему пристально наблюдает за Жоркой, за этим молодым да ранним нахалом, встречающим куда не надо... Откуда он такой взялся, прыткий? Мы такими не были. Этот пацан нас с Давидом переплюнет и заткнёт за пояс... Примерно так говорили об одном лицеисте-арачонке вполне взрослые, состоявшиеся поэты. В царской России дело было... По паспорту Жорке восемнадцать лет. Нам с Додиком по двадцать пять. Хельге примерно тридцать. Ганнибалу тридцать пять. Семён без возраста. Что получается на ограниченном пространстве одного корабля? Конфликт поколений?.. Сокол вынимает из дипломата бинокль на ремешке. Идёт на самый край кормы.

Вглядывается в реку. Ищет взглядом...

- Буль-буль-бу-у-уль... Ты где? Потопла, что ли?
Прикладывает к глазам бинокль. Шарит окулярами по
поверхности воды.

И вот – оно! Она! В кругу окуляра – серебряное горлышко,
подпрыгивает, покачивается... Плыёт бутылка.

- Буль-буль-буль! Не отставай!

Давид (неожиданно оказавшийся за спиной Сокола): Ты
кого тут булькаешь?

Сокол забирает у Давида недоеденный бутерброд,
отламывает хлебные кусочки, бросает по одному в
сторону серебряной попутчицы... А кусочки не долетают!
Ленские чайки ловят их налету, в стремительном
пикировании.

Сокол: Кыш! Это не вам, обжоры!

Ничего смешного. Всё вполне серьёзно. Логики тут нет.
Но торжествует поэтическое мышление.

Давид и Сокол закуривают. Давид – трубку. На пароходе –
только трубка!

Сокол: Чего-нибудь сочинил?

Давид (торжественно декламирует):

Сев впервые на корабль,
Я, не медля, накорябал:
Шкипер, шкиперша и я!
Остальное – ...дальше не придумал!

Сокол (нахмурился): Врёшь, Додик. Придумал.

Давид: Откуда знаешь?

Сокол: Давид, ты гениальный поэт...

Давид: Ты, Саня, тоже гениальный...

Сокол: Вот поэтому я и знаю, что ты уже до конца
придумал. Рифма гениальная. Но по существу – клевета.
Зато рифма – гениальная! Кроме клеветы. Если убрать
клевету...

Давид: Какую клевету?

Сокол: А чешуя – не клевета, что ли? Клевета. Но рифма
гениальная, Додик. Составная: шкиперша и я –
чешуя... Гениально! Но остальное – клевета.

Давид: Да брось ты, Саня!

Сокол (*обидчиво*): Я думал, тут Жорка один такой... А ты вот тоже – с парадоксами... Не ожидал.

Давид (*с ощущением неловкости, пытается сгладить собственную промашку*): Саня, не обижайся... Это я глупость ляпнул. Я ж сказал: на-ко-ря-бал! Куриной лапой! Чего ты так уж? Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца...

Щелчком тумблера оживает судовой динамик.

Голос Ганнибала:

- Внимание... Всему экипажу... Объявляется двухчасовая готовность... Выходим на первую швартовку...

Сокол: Ладно, Давид. Пошли готовиться к первой выгрузке. Конкретно поговорим. Как надо, чтобы всё по уму было. Народ-то на берегу ждёт! Волнуется...

22. ПРИБРЕЖНЫЙ НАСЕЛЁННЫЙ ПУНКТ.

Недалеко от посёлка, на самом высоком месте стоит геодезическая вышка с наблюдательной площадкой на верхотуре. Триангуляционный пункт. Знак. На площадке – мальчишка-подросток с биноклем. Смотрит, не отрываясь, на реку, вверх по течению, откуда должен появиться «стеклянный пароход».

Далеко видать с вышки. И вышку эту, видать, не напрасно на бугре поставили серьёзные люди, ходоки-землепроходцы-изыскатели. Из любой отдалённой точки видна вышка в наблюдательную трубу зорких топогеодезических инструментов: кипрегелей, теодолитов...

У подножия вышки свалены в одну кучу разномастные велосипеды, лежат собаки. Стайка серьёзных, покуривающих самокрутки мальчишек. Время от времени они окликают того, кто наверху: ну, как там, видно чего-нибудь? Тот молчаливо отмахивается.

И вдруг он обнаруживает появление искомой цели. Всем корпусом подаётся вперёд, подкручивает окуляры для лучшей резкости.

...И топограф-изыскатель тоже наводит резкость своей наблюдательной трубы. И в окулярном круге с дальномерной сеткой видится топографу: дозорный мальчишка выплясывает на площадке и орёт во весь голос, хотя и не слышно того голоса, но суть ораная – ясней ясного.

Мальчик-наблюдатель (*вопит от восторга*): Идёт! Идётся-ё-ёт! Стекланный пароход! Я увидел! Первый!

...Топограф, не отрываясь от инструмента, урчит в бороду и молвит товарищам:

- Вот и стекланный пароход пришёл. Кидаем жребий, братцы мои: кто пойдёт отовариваться?

Мальчик по-обезьяньи ловко слетает вниз по зизгагообразной лестнице. Весь мальчишечий дозор расхватывает велосипеды и с визгом-шумом-воплями наперегонки мчит к посёлку. В конце концов, не так уж важно, кто первым увидел пароход на реке. Важно, кто первым сообщит эту весть в посёлке.

Жители давно уж ожидают прибытия гуманитарного груза с Большой Земли.

Домохозяйки варят-жарят-парят угощение для долгожданных гостей.

В поселковом совете пылесосыят переходящие красные знамёна за успехи в труде и соцсоревновании: с демонстрацией своих достижений выйдут на пристань.

На одном из знамён – портрет Ленина в овальной рамке...Пылесос урчит, захлёбывается, затягивая в свою трубку это изображение, вышитое златошвейками...Ленин всем своим лицом матерчатым волнуется, кривится, морщится, топорщится, плюётся, отдувается, мнётся – но не сдаётся, не засасывается...

Председатель поссовета приветственную речь репетирует перед зеркалом.

Всё местное начальство в хлопотах.

Участковый милиционер драит асидолом латунные детали амуниции.

Директор начальной школы (он же – селькор, фотокор, редактор стенгазеты и поселкового «боевого листка» под названием «Не проходите мимо!») лично дирижирует-репетирует с учениками приветственные речёвки; учеников всего два десятка, но уж сколько есть, стопроцентный охват.

Начальник узла связи, он же начальник почты, он же начальник поселкового радиоузла, он же начальник всего, что связано с электричеством и, вообще, с проводами...-начальник дизель-генератора, который даёт электрический ток в посёлке один раз в сутки, вечером, на два часа... - приглядывает за тем, как жена старинным угольным утюгом неловко отглаживает стрелки на мужниных штанах; от штанов дымок идёт. А начальник уж фетровую шляпу жене подсовывает для глаженья шляпных полей. И второй утюг подсовывает, технику двадцатого века. Электроутюг допотопленький, проводка вся в изоленде. От шляпы, сбрызнутой водой, валит пар. Утюг шипит, искрит, трах! – короткое замыкание, от шляпы идёт дымок...

Начальник пристани с молотком в руках наводит порядок на вверенной территории. Пристань незамысловатая: бревенчатые стояки на десяток метров уходят от береговой линии в реку, а поверху – дощатый настил. Вот начальник и постукивает молотком, подновляет, прогнившие досочки заменяет...

Среди трудовой интеллигенции посёлка – ещё и завмаг, и завскладом, и завмедпунктом, и народный артист на все руки, и заслуженный рыбак, и чемпион по домино, и шаман, и, наконец, секретарь первичной партийной организации КПСС...

Секретарь взволнован. На него рысьим шагом надвигается супруга. Брезгливо держит двумя пальцами красивейший парфюмерный флакон иностранного происхождения. Флакон пуст.

- И эту выпил? – спрашивает супруга своего супруга.

Супруг разводит руками...

- Она же ж скоко денег стоит! – восклицает супруга. -

Она же ж французская!

- Ничего, - отвечает супруг. – Русская душа, однако, не брезгает, всё равно приняла...

И обязательное служебно-должностное словечко добавляет: «непосредственно».

Флакон летит ему в бесстыжую рожу...

С улицы с нарастающей громкостью слышится лай собак и визг передового дозорного отряда мальчишек-велосипедистов.

-Идѐ-ѐ-ѐ-ѐт! Стекланный парохо-о-о-од!..

Первого глашатая среди них нет. Во всяком случае, он трудно определим.

23. ШВАРТОВКА И ВЫГРУЗКА.

Судовой ревун извещает о приближении парохода к пристани.

На швартовке – Семён и начальник поселковой пристани. От самой пристани на высокий берег, до самой макушки возвышенности, выложена красная ковровая дорожка, в конце которой – старинное кресло с подлокотниками, под зонтичным тентом, алюминиевый дорожно-раскладной столик. Вокруг кресла сгруппировалось всё поселковое начальство. С бархатными-плюшевыми переходящими красными знамёнами – по принадлежности к ведомству.

На двух воткнутых в землю шестах – транспарант: «Текущей пятилетке – знак качества!». Здесь же - группа женщин и девушек в якутских национальных костюмах, в руках одной из них – рушник с караваем и солонкой. В недалёком полукружии лежат собаки. Это собачье полукружие вроде бы означает линию горизонта, за которой сосредоточена основная масса встречающих, пока что невидимая с парохода.

Семён отбивает склянки.

На палубе появляется Сокол.

Судовой динамик грянул «Раскинулось море широко...»

Участковый милиционер и председатель поселковой ячейки Всесоюзного общества охотников и рыболовов производят салют – одновременным залпом из пистолета и ружья.

Начальник пристани замирает по стойке «смирно» с отданием воинской чести; вот только фуражки форменной нет у него – шляпа на голове, к ней и ладонь приложил.

Важно отметить, что всё население посёлка (за исключением участкового) – от мала до велика и обоого пола поголовно! – имеют на голове именно шляпы – серые, фетровые, с чёрной муаровой ленточкой; в прошлом году

Сокол завёз сюда товар по просьбе двух-трёх трудящихся, но шляпы приглянулись почти всем мужчинам и женщинам и, в итоге, вся партия головных уборов оказалась на поселковом промтоварном складе и ушла в продажу. Шляпа дополняла даже традиционный национальный костюм.

Сокол поприветствовал встречающих жестом, хорошо нам знакомым: такое ручное помахивание мы видели с трибуны Мавзолея Ленина.

С двух сторон Сокола поддерживают под локти Давид и Жорка.

В такт песенной музыке началось медленное и важное схождение Сокола – с борта на трап, по трапу на пристань, с пристани по сходням на берег, а потом по красной дорожке – наверх, к центральному пункту приёма почётных гостей.

Итак, с одной стороны – береговое начальство, провонюченное «тройным» одеколоном и даже жутко дефицитными французскими духами и туманами, при часах, галстуках и полной памяти, в одинаковых безразмерных шляпах и с плюшевыми знамёнами.

С другой стороны – Сокол с двумя подельниками.

Вид у Сокола – утомлённый. Едва ноги передвигает, обвисая на руках двусторонних товарищей. Лицо Сокола висит наискосок и весьма печальным образом. Свежими бинтами опутала Хельга фиолетовые уши Сокола: круговую, через макушку и подбородок. Сверху, конечно, берет.

Жорка едва сдерживается, чтоб не помереть со смеху.

Давид, что называется, индифферентен.

Идут. В ногу. Медленный марш. В темпе песни из динамика.

Можно и так сказать, торжественней: восхождение троицы.

На борту за происходящим наблюдают Ганнибал, Хельга и Семён.

Хельга улыбается глазами, прикрывая ладонью нижнюю часть лица.

Семён аттестует Сокола:

- Артист, однако.

Хлеб-соль вкушает Сокол. Рукопожатия и целования.

И в кресле расположился. По бокам встали для почёта начальник милиции и охотник (салютчики с огнестрельным оружием).

Хороводят вокруг дорогого гостя женщины и девушки, распевая национальные песни да по кругу, по очереди, целуются с Соколом, каждая по разочку, а одна молодуха даже на второй круг пошла, понравилось молодухе, и Сокол не возражает, правда, начальник милиции заметил и навёл порядок: всем – поровну!

Из-за горизонта, до которого рукой подать, явилась женщина с коровой. Женщина нарядная, и корова нарядная: на рогах ленточки, на шее колокольчик-ботало весело бренькает.

- Это зачем? – встал на пути начальник милиции.

- Я зачем? – переспросила коровница.

- Корова зачем?

- Парное молоко будет. Вечерняя дойка, - ответила коровница. – Секретарь велел.

- Приветствую тебя, пустынный уголок! – декламирует Сокол голосом уморившегося в трудах купца. – Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...

- А мы еле-еле дождались твоих новых произведений, товарищ Сокол, - говорит секретарь.

- Да у меня, - отвечает Сокол, - этих произведений – полный трюм под завязку! На всех хватит!

- Вот почитаем-то, - смеётся секретарь, - непосредственно!

Начальник почты, тоже человек непосредственный, в свою очередь интерес проявляет.

- Постарел ты, - говорит, - товарищ Сокол, старый стал, больной. Зачем такой? Устал или помирать собрался?

- А вы что, - отвечает Сокол, - небось, думаете, что я всю зиму балду бил и в кресле-качалке качался? Я всю зиму, может, только об вас и думал... Руку на пульсе держал!

Потому что страна сил не щадит и трудится, как проклятая! Я вам говорил? Говорил. А вы не верили! Вы даже как-то расслабились. И вот результат: по всей стране - повальное счастье труда, а у вас аналогичного не наблюдается...

- Да как же, товарищ Сокол! – суется секретарь. – Мы тоже стараемся, однако...

- А в прошлом году, - замечает Сокол, - у вас с наглядной агитацией побогаче было.

Секретарь повернулся в сторону горизонта, рукой взмахнул. И тут же возникли Фридрих Энгельс и Эрнест Хемингуэй - портреты на палках, а затем и живые люди появились. Помимо портретов ещё и красные вымпелы на груди, на тесёмочке через шею: «Лучшему пионерскому звену...», «Отличной бригаде механизаторов...», «За высокие удои в социалистическом соревновании...»...

- Щёлкайте, Жора, - говорит Жорке Сокол. – Щёлкайте, не стесняйтесь. Запечатлейте для истории.

Изувековечивайте. Особенно вон ту хоругвь, с удоями...

Жорка с фотоаппаратом крутится налево-направо. Запечатлевает. Изувековечивает.

- С портретами не густо. В прошлый раз Ленин был, - заметил Сокол. – И Гагарин.

- Гагарин и Ленин соответственно прохудились, - объяснил секретарь. – Карла Маркса мыши съели вместе с багетом. Только стекло осталось. Других портретов нет. Только эти.

- Только мы их путаем, кто из них по фамилии и кто главней, - добавил начальник почты в штанах и шляпе, подгорелых от глаженья.

Укоризненно головой качает Сокол.

- Ай-я-яй, - говорит, переходя с материкового языка на местный диалект. – Ты, моя, каво говоришь-то? Смешно слушать! Один белый, другой чёрный – как можно путать?

- А нам, товарищ Сокол, на почте один *** - где белый, где чёрный. Мы на почте с прошлого года индексацию проводим. Приказ из Москвы: надо цифры писать на конверте, машины считать будут, адрес определяют. А мы на почте сомневаемся.

- В чём вопрос? – спросил Сокол.

- Вопрос глупый. Я, как начальник, скажу. У нас в посёлке только одна улица. Название Карла Маркса. Все знают улицу и Карла Маркса. А если яранга стоит в тундре

– какие цифры писать? Какой адрес у яранги? Зачем яранге машина с цифрами? Это, товарищ Сокол, мракобесие. Раньше, до индексации, почта мал-мало ходила. Теперь почта не ходит. Такая ситуация. Ты это, товарищ Сокол, передай в центр. Пусть учтут.

- Обязательно передам, - говорит Сокол. - Будем разбираться. А начальники у вас, значит, все грамотные?

- Начальники грамотные. Народ неграмотный. Он путает. А путать нехорошо. Попутает маленько, а потом рукой нах махнёт. Плохо будет.

- И много таких?

- Одна. С коровой которая. Она совсем неграмотная. Ей всё равно – кто на портрете висит: белый или чёрный. У ней одна корова на уме.

- Корова тоже хорошо. А остальные, значит, грамотные?

- Остальные грамотные. Даже шаман. Он самый грамотный...

А тем временем женский хоровод всё хороводится.

Шаман с бубном в центре того хоровода.

Под партийно-советским руководством располыхался большой костёр у очага, сложенного из каменных глыб. Давненько, возможно, ещё с дореволюционного периода сложен очаг, каменная кладка вся в копоти, а по копоти – послереволюционные граффити... Дрова заготовлены на много сезонов вперёд. Место обжитое, проспиртованное, намоленное, прошаманенное. Даже скамеечки-чурочки в землю врыты на вековечный пикник: родиться здесь, отгулять праздник жизни – и умереть...

Сокол рукой машет Семёну на пароходе. Семён – весь внимание! Сокол показывает один палец. Семён кивает: понял, дескать, один ящик понятно чего.

Завскладом (он же завмаг, он же и завбазой) устремляется на пароход и возвращается с ящиком спиртного: в нём – презентационное ассорти вино-водочных изделий нынешнего завода.

Береговое начальство обступает ящик.

Ритуал! Церемония!

- Вот так живём, товарищи! – говорит Сокол. - Вся страна напрягается ради северного завода!

- Хорошо живём! – говорит секретарь.

Председатель поссовета поддакивает.

А начальник почты и всего электричества мягко возражает:

-Иногда совсем хреново. Демографии нету. Экологии нету. Перспективы тоже нету...

На него шикают: уймись, дескать, щас похорошеет!

А начальнику почты с подгорелыми штанами между тем приглянулись Жоркины джинсы «Левис». Щупает штаны, языком цокает: хорошие, стирать не надо, гладить не надо, сколько рублей стоит, однако?

- Сто пятьдесят, - отвечает Жорка, шёлкая фотоаппаратом.

Начальник почты и всего электричества задумывается и губами шевелит в арифметических подсчётах: бутылка водки, по-простецки «сучок», стоит 2 рубля 87 копеек, так? если стоимость штанов «Левис» поделить на стоимость одного «сучка», то получится количество бутылок, так? значит, 150 делим в уме на 2.87...округлённо, на 3...пятьдесят бутылок получается за одни штаны!

- Мракобесие... - озвучивает итоги размышлений начальник электричества. - Лучше водки хуже нет, однако...

Сокол и Семён артистически работают в паре! Взаимодействие полное, согласованное, чёткое. Как только Сокол извлёк из презентационного ящика бутылку «Абу-Симбел», так Семён на полную мощь врубил через судовой динамик самую популярнейшее «Арабское танго».

Начальство дивится на невиданный доселе напиток. Сокол начинает речь про Асуанскую плотину... Впрочем, недолгой была речь. Бутылка раскупорена. Стаканчики «по пять граммуль» - для дегустации и обсуждения.

Дипломат у Сокола на коленях, на дипломате – деловые бумаги, прейскуранты разные, накладные... Ответственные лица заняты коммерческими делами и ставят где надо подписи...

Председатель поссовета прошлёпывает треугольной печатью путёвки общества «Знание».

Из-за бугра, то есть из-за горизонта основных событий, показывается грузовик-полуторка. Он не мотором движим, потому что мотор не работает. Потому что бензина нет.

Грузовик по ту сторону горизонта толкало в гору население. На самой вершине, неподалёку от кресла

Сокола, грузовик остановился и стал ждать команды дальнейшего следования – вниз, под уклон, к пристани под загрузку.

Секретарь, наконец, даёт отмашку шоферу полуторки: пошёл!

Народ дружно налегает на автомашину, та трогается с места и, переваливаясь с боку на бок да с переда на зад, поехала – сама, под горку...

Шофёр (он же – начальник поселкового гаража) непрерывно сигналил.

А народ весело машет руками вослед...

Голос Давида Звенигородского:

Насчёт штанов стоимостью в сто пятьдесят рублей Жорка не преувеличивал. Так и было. Сто пятьдесят. Средняя городская зарплата «чистыми»!

Я уже как-то вспоминал «Шипку», «Джебел», «Гымзу» и «Рислинг»... - и говорил о том, что одни только звуки этих слов ласкают слух. Но я не мог и подумать, что такая сухощавая, продажно-покупательная бумажка, как прейскурант цен, может быть не только бухгалтерским документом эпохи, но и поэтически-романтическим свидетельством её.

И ещё: вот эти бутылочные картинки из Жоркиного чемодана! Коллекционерское чудачество? Хобби, так сказать. Баловство? Э, нет! Кто-то когда-нибудь скажет Жорке спасибо за кропотливое документирование эпохи. Конечно, картинки-этикетки – не для Третьяковской галереи. Галерея – это одна на всех и не каждому улыбается, даже – далеко не каждому. Зато каждая этикетка через десятки миллионов рук прошла... Что тут скажешь в оправдание?

Ода сучку, птичке и трём топорам!

Водка всего оглушительней. С неё и начинать надо. Из опилок её гнали, родимую. Продукт гидролизного производства. Потому и – сучок.

«Московская» - 2.87. «Столичная» - 3.12. Чуток подороже – под кличкой «енька» или «коленвал» - по 3.62.

«Русская» - 4.12. В такую же цену – «Экстра», но это уже, извините, для снобов. «Старорусская» была оценена государством в 4 рубля 42 копейки... Ближайшие родственники водки – настойки: «Перцовка», «Зубровка», «Зверобой», «Горькая» да «Юбилейная», выпущенная к 50-

летию Великой Октябрьской социалистической революции... О них говорить можно. Но вряд ли нужно. Их уже начали помаленьку вытеснять вина...

Со стороны пристани слышится характерный, ни с чем не сравнимый булькающий шум-стук-звон, производимый ящичками с наполненной стеклотарой: там бутылка бьётся своими круглыми боками о деревянные стенки ящичного гнёздышка, а нутро её – клокочет и всхлипывает...

Полторка - под загрузкой. Береговое начальство лично и собственноручно принимает самое активное участие в этом процессе.

У парходного трюма процесс контролирует сам Сокол с бумажками и карандашом в руках: сколько чего взято и вынесено. На палубе за движением товара наблюдает Жорка. У грузовика с бумажками стоит Давид: сколько чего донесено и загружено... И хотя путь от трюма до кузова – всего каких-то два десятка шагов, безукоризненно осуществляется один из основных законов социализма: учёт и контроль...

Голос Давида Звенигородского (продолжение без паузы):

«Птичкой» называли все вина, выпущенные в Молдавии. В первую очередь – номерные портвейны. На этикетке красовался аист. Запомнился №72: с чёрной траурной этикеткой... Вермут, приравненный к химическому оружию, в приличных компаниях не употреблялся. Но был нарасхват. «Солнцедар» тоже называли отравой. Но и он на прилавках не залеживался. Стоит воспеть хвалу азербайджанскому «Агдаму». И «трём семёркам», прозванным ласково: «три топора»... Ну, ещё грузинское, очень приличное «Ркацителли». Сухие болгарские плюс бренди «Плиска». Венгерский «Токай». Самое дешёвое – «Столовое» по 1.07 за «противотанковую» бутылку в 0,8 литра. «Плодово-ягодное» за 1.12... И ведь что важно? Не так рубль важен, сколько эти семь и двенадцать копеек. Особливо, ежели серебрушки и медяшки вышариваются из карманов и отовариваются бутылочкой – на троих... на троицу, на треугольник... самую устойчивую фигуру: геометрическую, и прочая, и прочая...

Кузов полторки уже заставлен ящиками и коробками.

Довольные грузчики перекуривают наскоро и принимают за последний этап дела. Дружно, под жизнерадостные бодрые крики и лозунги толкают машину наверх...и таким вот образом она достигает вершины с креслом, а оттуда её не нужно толкать, сама под горку покатится и докатится туда, куда надо, главное – чтобы там, где надо, она вовремя остановилась...

Голос Давида Звенигородского (продолжение без паузы):

Ну, вот - разболтался я... И чо почём? – как говорит один добрый человек, доктор филологии. Действительно, - чо к чему и о чём? Руку на сердце положи, скажу: не столько винопитие вспоминается, сколько общежитие наше. Вообщежитие. Как мы любили. Как дружили. Как морды расквашивали за торжество справедливости. Город провинциальный. Дом. Подворотня. Вечер. Какая-то скамеечка, изрезанная перочинными ножами...Как однажды мы жили...

Береговое начальство во главе с Соколом поднимаются в горку, где начинают у костра с очагом обустроить наземный стол для банкета.

Давид выходит к реке. Медленно идёт по берегу.

Голос Давида (речитатив – как продолжение без паузы):

В провинцию входила темнота.
Она располагала к разговорам
о холодах, которые наступят,
о валенках, что надо покупать.
На скользких крышах спотыкался дождь.
Он задевал ногами подоконник
и ветви
и срывался на асфальт,
разбрасывая руки... Я сидел
на низеньком скрипучем табурете,
смотрел в окно, и маленький еврей,
начальник похоронного оркестра,
рассказывал мне, как на той неделе
у них из похоронного оркестра
навек ушёл хороший барабанщик, -

он был влюблён в бессмертный марш Шопена
и в женщину Нехаму, что слегла,
когда ушёл из жизни барабанщик,
и умерла через четыре дня...
В квартире было тихо и покойно,
и тикали часы, и табуреты
скрипели, как осенние качели,
и булькало в надтреснутой бутылке
дешёвое вино... Я вдруг увидел,
как спать ложится старый барабанщик:
погладив барабан в прихожей тёмной,
он спать ложится, чтоб уснуть навеки,
чтоб завтра увести свою Нехаму
не в парк, не на концерт, а в новый мир...
Я закрывал глаза и улыбался,
и слушал, как, покашливая тихо,
начальник похоронного оркестра
мне говорит: - Вы знаете, с тех пор
никто не умирает, лишь Нехама
ушла от нас в тот непонятный мир,
и, знаете, мне кажется, что люди
боятся умирать: никто не хочет,
чтобы ему бессмертный марш Шопена
исполнили бы мы без барабана,
вы знаете, никто не умирает...
Я улыбнулся этому еврею,
и я поверил всем его рассказам
и молча выпил за его здоровье...
А через час я уезжал. В вагоне
смеялись люди и играли в карты.
Я им сказал:
- Товарищи! Молчите!
Мы покидаем город, где неделю
никто не умирает, потому что
от них ушёл весёлый барабанщик...

*Давид на берегу останавливается, присаживается на
корточки,
опускает руку в воду, перебирает камешки...*

24. НА БЕРЕГУ. ХЕЛЬГА.

... рука в воде перебирает камешки.

*Потом зачерпывает воду в две ладони ковшичком и
плещет на лицо.*

Она уже далековато ушла.

Небольшой заливчик, бухточка.

Здесь вода теплей, чем в реке.

И не видно Хельгу

*ни с парохода, ни с вершины бугра, увенчанного креслом
для Сокола. Реденький кустарник загораживает
обозрение.*

*У ног Хельги - подобранные ею причудливые сучки,
веточки, коряжинки, обточенные рекой и выброшенные на
берег. Это – для Ганнибала. Он в этих мёртвых,
отполированных до костяной гладкости деревяшках
высматривает только ему одному видимые фигурки
людей, животных, фантастических существ...а потом
ножом удаляет всё лишнее – и фигурки, покрытые
тонированным лаком, пополняют собрание себе подобных
на полке в капитанской каюте и в домашней гостиной, в
Усть-Куте. Хобби – пришедшее из Прибалтики и ставшее
любимым занятием в годы «геологическо-бардовской»
романтики, рижской мебели и демонстративного
пренебрежения хрустально-ковровым комфортом.*

*Хельга разувается, трогает воду кончиком
ноги... Отдёргивает! Холодно.*

Оглядывается.

*Решительно раздевается и голышом входит в воду... -
медленно погружаясь.*

Лицо спокойно и даже улыбочиво.

Кажется, Хельге совсем не холодно.

*И это может быть совершеннейшей правдой: красивые
женщины, обнажаясь, не мёрзнут. Однако.*

25. У КОСТРА.

Народ поселковый условно можно так поделить на две почти равные половины. Первая: те, что столпились у кресла, на вершине прибрежного бугра – сплошь поселковое начальство, так его и назвать можно: народ на бугре. Вторая половина: те, что появились из-за бугра – старики, женщины, молодёжь, ребяташки. Простой советский народ – из-за бугра, значит. А на бугре – непростой советский народ.

И та, и другая половинки, объединившись в едином порыве на разгрузке-погрузке гуманитарного груза и толкании полуторки, явили собой единое сообщество или, говоря языком партийно-программных документов, новую историческую общность без всяких иных имён прилагательных.

И последующий банкет – тоже общее дело. Историческое.

Уже разостланы вокруг очага с пылающим костром клеёнки вперемежку со знамёнами – скатерти-самобранки для наземного пиршественного стола.

На очаге два котла – с ухой и чаем. Это мужская забота. Женщины расставляют кастрюли, чашки, миски, тарелки. Ложки-вилки высыпают из одного вещевого солдатского мешка. Холодные закуски раскладывают: рыба солёная, малосольная, копчёная, вяленая. Консервы. Хлеб домашней выпечки...

Бутылки, конечно. Всякие и разные, из нынешнего завоза.

В центре «стола» - плюшевое переходящее красное знамя с Лениным В.И. в овале, то самое, которое пылесос чуть не проглотил. Овал поразительно похож на блюдо. И так вот, в окружении бутылок и посуды со снедью – нате вам, Ленин на блюде!

Жорка с фотоаппаратом нацелился на фантастический сюжет – и видит в объектив:
лицо!

волнуется,
кривится,
морщится,
топорщится,
плюётся,
отдувается,

мнётся – но не сдаётся!

Ну, не нравится Ленину В.И., когда ему на лицо какую-то треснувшую херню с кислой капустой ставят! Ленин В.И. ощетинивает усы, надувает щёки, делает губами – пуф! – и сдувает к чёртовой матери тарелку с капустой со своего лица!

И смотрит, живее всех живых, с доброй лукавинкой, словно подзуживает народ к коммунизму. Да ещё и губами шевелит, капусту с усов стряхивает и, подмигивая Жорке, так прямо и провозглашает противным картавым голосом:

- Мы придём к победе коммунистического труда!

Бурные продолжительные аплодисменты...

...переходящие в береговое застолье. Это народ приветствует, поддерживает и одобряет первый тост товарища Сокола А.И.

Он в кресле, возвышается над наземным застольем.

Подключенный к мощному судовому динамику, магнитофон «Днепр» под руководством многопрофильного Семёна крутит бобину с песнями

Робертино Лоретти:

- Джа-ма-а-а-а-ай-ка-а...

Наливают быстренько. Выпивают ещё быстрей.

- Первая колом!

- Вторая соколом!

- Третья мелкими пташечками!

Сокол умиляется до слёз:

- Эх, пташечки вы мои...

Секретарь (Соколу): И куда вы от нас непосредственно поплывёте, товарищ Сокол?

Сокол устало машет рукой в неопределённом направлении.

Секретарь: До Джамайки не подбросите?

Сокол: Ноу проблемс.

Секретарь: Это у меня шутка такая выскочила.

Сокол: Всё равно ноу проблемс...

К Соколу подсаживается на подлокотник председатель поссовета. Соколу такая фамильярность не очень нравится. Как никак, а он всё-таки лицо материально ответственное, из центра...А у председателя – только печать да знамёна.

Председатель: Геннадий не приехал. Нехорошо. Что-то случилось.

Сокол: А что случилось?

Председатель: Геннадий в прошлом году с тобой приплывал. Три рубля у меня брал в долг. Сказал: на будущий год обязательно отдам. Если не лично сам, так значит через Сокола. Значит, не передал три рубля?

Сокол: Привет передал.

Председатель: Привет – это хорошо. Три рубля тоже очень ничего...

Начальник электричества пальцем ковыряет подгорелое от утюга пятно на праздничных шевиотовых штанах. Хрустнул шевиот – дырка образовалась. Начальник застенчиво дырку пальцем затыкает. К Жорке пододвигается. А Жорка на рыбку налегает...

Начальник электричества: Это мракобесие, когда штаны стоят пятьдесят сучков.

Жорка (джинсы свои поглаживает): Ну, почему же? Джинсы стоят того. Сто пятьдесят рэ. Зато сносу нет. Гладить не надо. Носи на здоровье.

Начальник электричества (возмущённо): Так ведь целых пятьдесят полных бутылок водки отдай за такое здоровье! Пятьдесят!

Жорка: Не хочешь – не покупай. Дело личное.

Начальник электричества: Я лучше вообще без штанов жить буду...

Жорка: Без штанов коммунизма не построишь.

Начальник электричества (подумав): Трудно. Но можно... Твои штаны можно померить?

Жорка (смеётся): Не продаются!

Начальник электричества: Так я не покупаю. До утра поношу...

Жорка: Ну, это, товарищ начальник... хуже не придумаешь...

Начальник электричества (*вздыхает*): Хуже водки лучше нет, однако...

Весёлый шум, гвалт. Пир в разгаре.

Сокол манит к себе Жорку.

Сокол: А куда Давид запропастился?

Жорка: В сторону моря пошёл, по-моему.

Сокол: Найди-ка, Жора! Новая процедура назревает.

Жорка: Не понял.

Сокол: Тебя и Давида будем посвящать в матросы речфлота.

Жорка: Это как? В воду кидать? Я протестую!

Сокол: Бутылки шампанского об вас бить будем! Об кого разобьётся...

Жорка (*перебивает*): Мракобесие!

Сокол: Шутка. Но это...как бы с Додиком ничего не случилось...

Жорка: А что может случиться?

Сокол: Да-а-а...Ничего не случится, Жора. Просто мы должны заботиться друг о друге...Мы же товарищи...А всё остальное – чешуя...

Жорка: Понял. Пойду свистать наверх.

26. НА БЕРЕГУ. ДАВИД И ХЕЛЬГА.

Давид, попинывая деревяшки и швыряя камешки в воду, идёт по берегу, огибает ивняковую заросль и выходит на заливчик. Замирает от неожиданности.

Из воды выходит Хельга. Это красиво.

Она ещё по пояс в воде – и тоже замирает неподвижно, увидев Давида. Потом поднимает руки и производит жест как бы останавливающий дальнейшее движение Давида. Затем ладошками закрывает глаза, словно показывая то, что нужно сделать Давиду.

Давид именно это делает, да ещё и поворачивается спиной к Хельге.

Хельга быстро выходит из воды. Ей холодно. Она быстро вытирает тело тельняшкой и одевается. В мокрую тельняшку заворачивает корешки-деревяшки...

Хельга: Давид, совсем необязательно было поворачиваться ко мне спиной. Это неприлично. Достаточно было просто прикрыть глаза на минуточку. Можете идти дальше. Вы слышите меня?

Давид: Слышу. Спасибо... Пошёл...

Давид с закрытыми глазами и задом наперёд сделал несколько шагов, споткнулся о камень и упал на спину. И лежит недвижно, с закрытыми глазами, руки на груди сложил.

Хельга быстро подбегает к нему, падает на колени, склоняется.

*Хельга шлёпает его по щеке.
Давид открывает глаза.*

Хельга: Фу, как вы меня напугали!

Давид: Я нечаянно...

Хельга: Вы с ума сошли, Давид! Идти задом наперёд...

Давид: Нет, это вы сошли с ума. Купаться в такой воде? Это ж не Чёрное море!

Хельга: Я на Балтике родилась. Я знаю, что такое холодная вода...

Давид замечает на обоих предплечьях обнажённых рук Хельги синяки, похожие на следы, отпечатки пальцев, их железной хватки. Дотрагивается.

Давид: Это что?

Хельга скрещивает руки на груди, закрывая ладонями предплечья.

Встают, отряхиваются от песка, идут к оставленным Хельгой корешкам-деревяшкам, завёрнутым в тельняшку. Давид снимает куртку и набрасывает её на плечи Хельги.

Хельга: Немножко с ума можно сходить. Иногда.

Давид: Когда?

Хельга: В индивидуальном порядке.

Навстречу выскакивает Жорка.

Жорка: Вас уже ищут... товарищи беспокоятся... уха остывает...

Давид: Идём! Готовь две большие чашки.

Жорка: Понял.

Убегает.

Давид поднимает с земли тельняшку, сучки-корешки рассыпаются, он собирает их, аккуратно заворачивает, устраивает подмышкой.

Идут на бугор. Хельга на ходу прибирает волосы.

Давид (*относительно свёртка*): И придёте к костру, и бросите в огонь?

Хельга: Это для Ганнибала. Он фигурки вырезает. Любуется. Для нервной системы это очень полезно.

Давид: Нервы лечит?

Хельга (*после паузы*): А вы зачем спектакль с Соколом устроили? (*Смеётся*). Явление перетруженного купца туземному народу! Не смешно и не грустно. Какая-то ребячья игра. Зачем?

Давид: Коммерческая тайна.

Хельга (*с улыбкой*): Эта тайна у Сокола на лбу написана. Кто хочет, тот и прочитает. А ленским жителям даже читать не надо. Они такие тайны как орешки щёлкают. И понимают даже то, что вы вслух не говорите. Вы предлагаете им поиграть – они играют. Мудрый народ. Как дети.

Давид: Извините за нескромный вопрос...

Хельга: Спрашивайте, Давид.

Давид: У вас есть дети?

Хельга: Марик. Марк.

Давид: Он с вами?

Хельга: Он далеко.

Давид: Очень?

Хельга (*после паузы*): Он вырос на море. Он хорошо плавал и любил далеко заплывать в море. Он заплывал за всякие пределы, но всегда возвращался. Однажды не вернулся...

Давид: Утонул?

Хельга: Мы так не говорим. И не думаем. Мы думаем и говорим: ушёл в море.

Давид: Мне кажется, что вот эти слова, «ушёл в море», я прочёл на вашем лице, Хельга. Когда в первый раз вас увидел...И ещё когда вы с Ганнибалом смотрите друг на друга, молча разговариваете...Это тайна?

Хельга: Это не тайна.

Давид: Тогда почему Ганнибал всё время молчит? Только не говорите мне про заикание. Я знаю таких заик, которые любого говоруна за пояс заткнут.

Хельга: Вы наблюдательный человек, Давид.

Давид: Да нет, я просто чувствую...Что-то не то на пароходе. Женщина на судне. Якут – рулевой на все руки. Капитан...Как-то ходит странно...нервы лечит корешками...всё время молчит...У вас вон все руки в синяках...

Хельга (*останавливает Давида*): Дальше ни гу-гу!

Давид: Нет, гу-гу! Если вы думаете, что молчание это всего лишь обыкновенное «ни гу-гу», то вы ошибаетесь.

Хельга: Вы знаете, что такое молчание?

Давид: Предполагаю. Молчание... это такое гу-гу, которое для объяснения требует помощи всех словарей мира. Но и они не могут ничего толком объяснить...Целый роман. Без начала и конца...И никаких Хемингуэев.

Хельга: Русский роман.

Давид: Как вы сказали?

Хельга: Я сказала: русский роман. Отсюда все странности. How are we to write the Russian Novel in America, as long as life goes so unterribly?

Давид не ожидал иностранной речи. Молчит.

Хельга: Как напишешь русский роман в Америке, если жизнь там идёт так ужасно? Роберт Фрост. «Нью-Хемпшир».

Давид (*оживлённо*): Вы не поверите! У меня в записной книжке стишок есть. С названием «Русский роман». Вы как в воду глядите...

Хельга: Я не на воду гляжу. Я на вас гляжу, Давид.

Давид: Я вам сейчас...

Давид быстро запускает руку во внутренний карман своей куртки, брошенной на плечи Хельги. Она вздрагивает.

Смотрит недоуменно на Давида. Тот тоже замирает. Отдёргивает руку, сконфуженный, краснеет. Не оттрагиваясь до куртки, мелко-мелко тычет пальцем в скрытый внутренний карман: там, дескать, у вас за пазухой... Хельга откидывает полу куртки. Давид достает из кармана записную книжку, быстро перелистывает.

Давид: Вот! «Русский роман», называется... Достаньте...

Хельга вышаривает из того же кармана шариковую ручку. Давид энергично вписывает строчки. Они стоят у самой кромки воды... Давид вырывает страничку из записной книжки, протягивает Хельге.

Давид: Это вам...

Речная волна от прошедшего по Лене сухогруза набегает на берег и оставляет у ног Хельги «серебряную спутницу», бутылку... Давид поднимает её.

Хельга смотрит на Давида, Давид – на Хельгу, они поняли друг друга: Давид выливает и вытряхивает из бутылки набравшуюся воду, Хельга скручивает бумажный листок в трубочку и проталкивает её в бутылочное горлышко...

Хельга: Только не бросайте в воду. Река сама возьмёт.

Давид: Да-да...Ещё захлебнётся! (Внезапно спохватился, хлопает рукой по брючному карману, достает пробку от египетского «Абу-Симбела» и туго вкручивает в бутылку). Как будто здесь и была. В самый раз. Теперь не захлебнётся!

Давид кладёт бутылку с «Русским романом» на то же место, куда его вынесла волна.

И река действительно - сама взяла: набегает новая волна, подхватывает стеклянного почтальона и уносит с собой.

27. ПИР НА ГОРЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Уже заметно повечерело. Польшаёт костёр. Вокруг него в самых живописных позах расположилось береговое начальство, а вторым эшелонном, за спинами начальников, - молодёжь. Простые советские люди, то есть старики и бабы с малыыми ребятишками, «свалили за бугор».

Беспрерывно играет музыка на пароходе: Семён старается.

Давид и Хельга пьют чай из больших алюминиевых кружек, разговаривают.

Жорка внимательно рассматривает новую бутылку с иностранной этикеткой. Сбоку пристраивается начальник милиции – в одном лице он и начальник, и наличная милиция, таким образом, начальник над самим собой.

Начальник милиции (с большим неподдельным интересом): И что там пишут?

Жорка: Да разное... По-моему, привет из Ямайки. А вы случайно не знаете ямайского языка?

Начальник милиции (хитровато щурится): Конечно.

Жорка: Да или нет?

Начальник милиции: Само собой, нет.

Жорка: А в посёлке кто-нибудь знает?

Начальник милиции: В посёлке, естественно, да.

Жорка: Не понял. Что значит – да?

Начальник милиции: В посёлке тоже не знают. Но скоро учить будем. Учитель говорил. Есть один способный пацан. Несовершеннолетний.

Жорка: Интересно... Так может начнём?

Начальник милиции: Могу доставить. Колька звать. Он где-то тут крутится...

Вокруг Сокола сидят на корточках секретарь с председателем, да шаман. Шаману, видать, не совсем приглянулся один из тостов. Вот он и вносит в разговор критическую линию.

Шаман: Все только и говорят: БАМ, БАМ! И тосты говорят: ура-ура первопроходимцам! И всё им дают: почёт и северную надбавку. А это несправедливо. Потому что первые – это мы, коренные. А до нас были даже не первые, а, как бы сказать, ещё первой, нулевые, с древних времён, когда ещё ружей не было, и пароходов, и северного завоза. От них пошли вторые проходимцы, и так дальше... Кто за них будет тост выпивать? Им обидно! Они всё видят и слышат. Вокруг нас сидят грустные...

*Секретарь с председателем молча кивают. Сокол озирается. Шаман идёт к костру и выплескивает в огонь полстакана водки: подношение предкам.
Пьяненькая тётка подносит Соколу эмалированное ведро с парным молоком вечернего удоя. Зачерпывают питейной посудой, хвалят тётку...
С парохода слышится танцевальная музыка: популярная летка-енка.
Образуется вокруг костра подпрыгивающий хоровод. И Сокол там, и Давид, и Хельга.
Начальник милиции подводит к Жорке Кольку. Лет 8 мальчишке. Он в шляпе, при часах и в галстуке. В одной руке дымится трубочка, в другой – пустой стакан.*

Начальник милиции: Он будет ямайский язык учить. Как у Робертино Лоретти. Зовут Колька. Мой настоящий сын и продолжатель.

Колька (*протягивает Жорке стакан*): Налей-ка.

Начальник милиции (*щёлкает Кольку по затылку*):
Обращение забыл? Не налей, а налейте! Уважай старших.

*Жорка немножко отливает в стакан из бутылки ямайского рома «Негро».
Подаёт Кольке.*

Колька: Ну, будем за всё хорошее! (*Вытягивает губы трубочкой, шумно выдыхает и залпом выпивает*).

Начальник милиции: Смена растёт!

Жорка: Мы такими не были... Читать умеешь?

Колька хмыкает: зачем, мол, ерунду такую спрашиваешь, товарищ начальник... Начальник милиции тем временем

нашарил поблизости десяток порожних бутылок и одну за другой выставляет перед Колькой: читай, дескать, сынок! Сынок читает.

Колька: Азербайджанское вино. Госкомитет по виноградарству и виноделию Азерб.ССР. Госагропром Азерб.ССР. РПО Азербплодоовощвиноградпром. Портвейн белый. 777. Содержание спирта 18 об.%, сахара 10 %. Вместимость 0,8 л. ГОСТ 7208-70. Московский винзавод...

И – дальше: вермуты, спирт питьевой, водка столичная... Без запинки.

Начальник милиции (горделиво): Надо же! И откуда только чо взялось?

Жорка: Способный парень.

Колька (Жорке): Тебе тоже спасибо сделаю (*Обнимает Жорку за плечи и целует в щёку, впивается, точно пиявка*).

Жорка, вытаращив глаза, крутит головой. Колька не отрывается. Жорка вскакивает, Колька висит, присосавшись, и мотается из стороны в сторону вслед за движениями Жоркиной головы. Наконец, отваливается и шлёпается на землю.

Начальник милиции (хохочет): Бутершафт, называется!

Жорка (в полной растерянности): Ну, блин, времена пошли... поцелуйные...

Колька (отряхивая свалившуюся шляпу): Лишь бы войны не было...

Жорка: С кем?

Колька: С китайцами. Но мы им всё равно накладём полные штаны... (*Надевает шляпу по самые уши и кружится, напевая*) Ехали китайцы, потеряли яйца...

Уже совсем темно. В поселковых окнах мигают редкие огоньки керосиновых ламп.

В небе мигают крупные звёзды.

Давид: Хоть глаз выколи... Как вы дорогу находите? И как вы вообще до дому добираетесь? Тут после десяти вечера в два счёта заблудиться можно.

Главный охотник (*рассудительно, не спеша*): Так живём, однако. Земным нюхом и небесным расположением... С одной стороны – нюх, с другой стороны – звёзды. Мы посередине. Как можно заблудиться? Никак не можно...

Сокол (*продолжает оживлённый разговор с ближайшим окружением*): Пятилетку в четыре года? Запросто! Можно даже за три.

Секретарь: А можно короче?

Сокол: В смысле?

Секретарь: За два, например... С половиной...

Непосредственно.

Сокол: Всё можно! Пятилетку за четыре года! В три смены! Двумя руками! За одну зарплату... Если всем миром поднатужиться...

Председатель: Если всем посёлком, тогда за один год можно управиться.

Сокол: Ну, за год вряд ли...

Секретарь: За год вряд ли. За полгода можно...

Сокол: Вы о чём, товарищи, говорите?

Председатель: Мы про северный завоз. Надолго не хватит, однако...

Сокол: Ёлки-палки! Да я про другое говорю!

В досаде хлопает себя по коленям. Собака, лежащая сбоку кресла, вздрагивает, встаёт, подходит к Соколу, настороженно принюхиваясь. Смотрит недоверчиво на жестикулирующего Сокола и голову склоняет налево-направо.

Сокол: Все верят, а вы упёрлись! (*Собаке*) Чо ты башкой крутишь? Тоже не веришь? Смотри у меня!

Сокол грозит собаке пальцем. Та мгновенно цапает Сокола зубами за указательный палец и не спеша удаляется. Здесь собаки не привыкли попусту лаяться. Каждая собака себе цену знает. Здесь собака – друг человека и живёт без ошейника.

Сокол (*вопит*): Хельга!

Все хлопочут вокруг Сокола. Подбегает Хельга и, взяв Сокола под локоть, уводит его на пароход. Сокол идёт

скорбным «крестным ходом», неся впереди себя, точно свечечку, указательный палец на вытянутой руке.
Затих судовой динамик. Это Семён выключил трансляцию.

Председатель (кричит в сторону парохода, сложив ладони рупором): Можно ещё маленько?

Семён (отвечает аналогичным способом): Не положено. Отбой.

Поредевший хоровод скачет легкой-енкой под звуки шаманского бубна.

Семён отбивает склянки.

Одинокая корова со шляпой на рогах слушает, дёргая ушами, странные звуки, удивляется, башкой туда-сюда крутит, и колокольчик-ботало на шее дребезжит и смешивается в общей музыке с другими инструментами.

Бубен, рында и ботало – фантастическая гармония, марсианский мотив, космическая симфония...Разве что – лунохода не хватает!

Секретарь на четвереньках ползёт по «столу» и целует В.И.Ленина в губы...

28. В КАЮТ-КОМПАНИИ. ПОСЛЕ ОТБОЯ.

Скудный полусвет.

Семён устраивается ко сну на рундуке.

Напротив, на другом рундуке – Сокол. Лежит на спине с закрытыми глазами, скрестив на груди руки, забинтованный палец воздевает.

Давид – на верхней койке. Не спит ещё, бормочет, улыбается.

Жорка за столом. Блокнот, ручка...Пишет, вполголоса сопровождая записываемое.

Жорка: ...бросили якорь со швартовыми на пристани населённого пункта...*(Семёну)* Семён батькович, а ненаселённый пункт – это тоже пункт или что?

Семён: Пункт. Точка. Что по-русскому, что по-французскому.

Жорка: Тогда я пишу просто: пункт. По-французски.

Семён: Пиши «населённый». Так будет по-человечески.

Жорка: Координаты у него, надеюсь, имеются?

Семён: Зачем надеешься? Выпиши из лоции. Привыкай с судовыми документами работать. А я уже устал губами говорить. Спать буду, однако. Спокойной ночи, малыши.

Жорка: Спокойной...

Пишет в тетради – может быть, заявленный роман будет, кто знает...

Голос Жорки:

...Во-вторых: слышал сегодня на банкете в честь нашего прибытия выражение про водку от якутских товарищей: «слеза социализма». Я задумался: а как эта слеза соотносится с другими общественно-экономическими формациями? Думаю до сих пор. В-третьих, про шляпы. Шляпа сама по себе не смешна, хотя и употребляется в разговорном языке для обзывания. Но когда шляпы - сплошь и поголовно, это выглядит фантастически! А ещё я воочию удостоверился в том, что шляпа есть вещь универсальная, для любых нужд. Недаром одна из шляпных моделей так и называется: котелок. Этот вопрос ещё требует размышлений. Вечером видел живую корову. Раньше видел только на магазинных котлетах и в периодической печати. Впечатление огромное. Специально сбегал с бугра вниз посмотреть, как доярка доила корову на берегу реки. А в воде отражалось всё наоборот, как будто корова доярку доила. Река Лена мирно несла в Мировой Океан свои советские воды. Белокурые чайки выли...

Давид: Ну, что ты врешь, Жорка? И где ты видел таких белокурых, чтобы они выли?

Жорка: Выли! Я точно помню: выли!

Давид: Собаки они, что ли?

Жорка: Ну, это я не знаю... Жрать, наверно, хотели, как собаки. Вот и выли...

Голос Жорки: Над водой звучал залиvistый девичий...

Жорка представляет – как это было: пьяненькие парни и девки хохочут, визжат, кто-то кого-то тискает, сталкивает в воду, а одна девица немо артикулирует выразительное и членораздельное «ёптыть»... Жорка вздыхает и записывает после слов «заливистый девичий» - «мат»...

Голос Жорки (полусонный): В общем и целом, девушки интересные...

Неожиданно Давид спрыгивает с верхней полки. Жорка вздрагивает.

Жорка: Чо такое? Вы куда?

Давид: Мы в гальюн, юноша. А вы пишете. Всё равно что-нибудь получится. Не роман, так летопись...

Давид выходит из кают-компани. За углом, справа по борту – гальюн.

Ночь. Полная луна. Тишина завораживающая.

Лишь – ритмическое движение реки... Но Давид вдруг слышит в нём ритмическую речь!

Так декламируют стихи.

Уж это Давид знал наверняка.

29. КАПИТАНСКАЯ КАЮТА. МОСТИК. ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ.

*Иллюминатор приоткрыт. Лёгкая занавесочка
кольшется.*

*Под ним – небольшой тумбовый столик. Настольная
лампа со стеклянным зелёным абажуром.*

*За столом сидит Ганнибал. Книга стихов Рембо перед ним
– раскрыта, странички от заоконных дуновений словно
сами по себе кольшутся, перелистываются.*

*Справа – тахта, на которой, поджав ноги, сидит Хельга.
Босая, в одной тельняшке. Вяжет.
Вся левая стена каюты занята встроенным шкафом с
раздвижными дверками.*

Голос Ганнибала (*при этом, лицо и губы неподвижны:
это чтение стихов «про себя»*):

В стране бесстрастных рек спускаясь по течению,
Хватился я моих усердных бурлаков:
Индейцы ярые избрали их мишенью,
Нагими их сковав у радужных столбов...

Хельга: Я не слышу.

Ганнибал: Это я про себя.

Хельга: Я слышу, что про себя. Ты знаешь эту книжку
наизусть. И я хочу слышать, как ты читаешь вслух.
Пожалуйста!

Ганнибал: Я попробую.

Хельга: Не пробуй. Сразу говори. Пожалуйста!

Ганнибал: Обязательно вслух?

Хельга: Обязательно. Я хочу слышать твой голос.

Ганнибал: Хорошо. (*Начинает чтение вслух с некоторой
замедленностью речи, но без запинаний, свойственных
патологическому заиканию*):

Есть много кораблей, фламандский хлеб везущих
И хлопок английский, - но к ним я охладел.
Когда прикончили тех пленников орущих,
Открыли реки мне свободнейший удел.

И я, - который был, зимой недавней, глуше
Младенческих мозгов, - бежал на зов морской,
И полуостровам, оторванным от суши,
Не знать таких боёв и удали такой.

Был штормом освящён мой водный первопуток.
Средь волн, без устали влачащих жертв своих,
Протанцевал и я, как пробка, десять суток,
Не помня глупых глаз огней береговых.

Вкусней, чем мальчику плоть яблока сырая,
Вошла в еловый трюм зелёная вода,
Меня от пятен вин и рвоты очищая
И унося мой руль и якорь навсегда...

*По мере чтения голос Ганнибала звучит всё твёрже,
увереннее. Ганнибал весь во власти стиха.*

*Хельга уже не вяжет, а восхищённо смотрит на
Ганнибала, шевелит губами, произнося про себя знакомые
строчки.*

Ганнибал: Продолжать?

Хельга: Говори, говори... Ты так хорошо говоришь! Я
готова слушать тебя бесконечно.

*Страницы книги перелистываются сами собой...
И возникает музыкальное сопровождение: композиция
А.Теплякова по мотивам стихотворения Артюра Рембо
«Пьяный корабль». Музыка становится то громче, то
тише, но уже не умолкает до самого конца эпизода.*

Ганнибал (продолжает устное чтение):

И вольно с этих пор купался я в поэме
Кишащих звёздами лучисто-млечных вод,
Где, очарованный и безучастный, время
От времени ко дну утопленник идёт,

Где, в пламенные дни, лазурь сквозную влаги
Окрашивая вдруг, кружатся в забвенье, -
Просторней ваших лир, разымчивее браги, -
Туманы рыжие и горькие любви.

Я знаю небеса в сполохах, и глубины,
И водоверть, и смерч, покой по вечерам,
Рассвет восторженный, как вылет голубиный,
И видел я подчас, что мнится морякам;

Я видел низких зорь пятнистые пожары,
В лиловых сгустках туч мистический провал,
Как привидения из драмы очень старой,
Волнуясь чередой, за валом веял вал;

Я видел снежный свет ночей зеленооких,
Лобзанья долгие медлительных морей,
И ваш круговорот, неслыханные соки,
И твой цветной огонь, о, фосфор-чародей!

Ганнибал делает паузу. Смотрит на Хельгу.

Хельга: Как хорошо... Я же говорила тебе: всё у тебя получится.

Ганнибал (*крутит головой*): Ну... мать его за ногу... Хеля! Хеличка! Я уже громко хочу! Чтобы все услышали!

Хельга: Может, не надо очень громко? Ночь ведь...

Ганнибал: Потому и надо, что ночь...

Ганнибал берёт книжку, выходит из каюты, от которой лесенка ведёт прямо на капитанский мостик.

Ганнибал включает освещение в рубке, включает судовой динамик, причём от волнения забыл отключить тумблер так называемой «принудительной трансляции», при которой голос диктора можно слышать сразу во всех помещениях судна.

Ганнибал продолжает устное чтение стихов.

Баритон чтеца сливается с течением реки.

Ганнибал:

По целым месяцам внимал я истерии
Скотоподобных волн при взятии скалы,
Не думая о том, что светлые Марии
Могли бы обуздать бодливые валы.

Уж я ль не приставал к немислимой Флориде, -
Где смешаны цветы с глазами, с пестротой
Пантер и тел людских и с радугами, в виде
Натянутых вожжей над зеленью морской!

Брожения болот я видел, - словно мрежи,
Где в тине целиком гниёт левиафан,
Штиль и крушенье волн, когда всю даль прорежет
И опрокинется над бездной ураган.

Серебряные льды, и перламутр, и пламя,
Коричневую мель у берегов гнилых,
Где змеи тяжкие, едомые клопами,
С деревьев падают смолистых и кривых.

Я б детям показал огнистые созданья
Морские, - золотых, певучих этих рыб.
Прелестной пеною цвели мои блужданья,
Мне ветер придавал волшебных крыл изгиб...

В широкое окно капитанского мостика Ганнибал видит Хельгу, которая вышла на нос парохода и на небольшом пятачке начала странный танец... - босиком, в одной тельняшке, в ночи, при полной луне, в стихе Рембо, в музыке Теплякова...

Ганнибал:

Меж полюсов и зон устав бродить без цели,
Порой качался я нежнее. Подходил
Рой теневых цветов, присоски их желтели,
И я как женщина молящая был, -

Пока, на палубе колыша нечистоты
Золотоглазых птиц, их клики, кутерьму,
Я плыл, и сквозь меня, сквозь хрупкие пролёты
Дремотно пятился утопленник во тьму.

Но я, затерянный в кудрях травы летеиской,
Я, бурей брошенный в эфир глухонемой,
Шатун, чьей скорлупы ни парусник ганзейский,
Ни зоркий монитор не сыщет под водой, -

Я, вольный и живой, дымно-лиловым мраком
Пробивший небеса, кирпичную их высь,
Где б высмотрел поэт всё, до чего он лаком, -
Лазури лишай и солнечную слизь, -

Я, дикою доской в трескучих пятнах ярких
Бежавший среди морских изогнутых коньков,
Когда дубинами крушило солнце арки
Ультрамариновых июльских облаков, -

Я, трепетавший так, когда был слышен топот
Мальстромов вдалеке и Бегемотов бег,
Паломник в синеве недвижимой, - о, Европа,
Твой древний парапет запомнил я навек!..

Ганнибал читает легко и свободно, в полный голос. Ему и невдомёк, что включена «принудительная трансляция».

Хельга танцует на палубе. В одно из мгновений в её вскинутых руках оказывается жёлтый шар полной луны на фоне чёрного неба... Это свободная импровизация,

пластическое воплощение голоса Ганнибала. Она танцует только для него. Какое ей дело до того, что всю эту сцену видит из-за угла палубной надстройки восхищённый, потрясённый, замерший в восторге Давид?!

Ганнибал:

Я видел звёздные архипелаги! Земли,
Приветные пловцу, и небеса, как бред.
Не там ли, в глубине, в изгнании ты дремлешь,
О, стоя райских птиц, о, мощь грядущих лет?

Но, право ж, нету слёз. Так безнадежны зори,
Так солнце солоно, так тягостна луна.
Любовью горькою меня раздуло море...
Пусть лопнет остов мой! Бери меня, волна!

Из европейских вод мне сладостна была бы
Та лужа чёрная, где детская рука,
Средь грустных сумерек, челнок пускает слабый,
Напоминающий сквозного мотылька.

О, волны, не могу, исполненный истомы,
Пересекать волну купеческих судов,
Победно проходить среди знамён и грома
И проплывать вблизи ужасных глаз мостов...

Давид отступает за угол надстройки и уходит в кают-компанию.

30. СНОВА КАЮТ-КОМПАНИЯ

Спиною наперёд входит Давид, осторожно закрывая за собой дверь.

В кают-компании тишина.

Давид смотрит на репродуктор «принудительной трансляции»: тумблер стоит в положении «ВЫКЛ.»

*Значит, никто, кроме Давида, ничего не услышал из
только что произошедшего.
За столом – Жорка. Зевает.*

Жорка (Давиду): С облегчением вас, маэстро.

Давид треплет Жорку по волосам и взбирается на койку.

Жорка (пишет, озвучивая написанное): Короче, девушки в общем и целом интересные...

*Жорку одолевает сон. Он по-ученически выкладывает
руки на столе, как на школьной парте, и голову бочком,
на правое ухо, возлагает. Зевает, глаза закрывает...*

*И видится Жорке. Восседает он в соколином кресле на
бугре, под портретами товарищей Фридриха Энгельса и
Эрнеста Хемингуэя. Весь в белом Жорка, в
субтропическом костюме и с пробковым шлемом на
голове. Сигара во рту. Мадера какая-нибудь в бокале.
Робертино Лоретти прямо живьём неподалёку наяривает
песенку про Ямайку, а девушки вокруг Жорки
танцевальный хоровод водят...И что характерно? Из
одежды на этих девушках – только шляпы! И ничего
больше. А в руках и на шеях – цветочные гирлянды, разные
орхидеи...И вот самая прелестная девушка пальцем на
Жорку показывает и пищит вредным голосом: «Товарищ
капитан Кук! Товарищ капитан Кук!..» А другая девушка-
подружка утешает Жорку, по голове гладит: «Это не
Кук. Но тоже, однако, вкусный будет, сладкий...»...И вот
надвигаются на Жорку орхидейные девушки, зубами
щёлкают, кушать хотят... Жорка руки выставил,
обороняется... «Не-е-е-е-е-е-т!» - кричит, а голосу-то и
нет...Одно только губное шевеление вместо ужасного
голоса...*

31. РАННЕЕ УТРО. ПОСЛЕ ВЧЕРАШНЕГО...

Жорка (в прежней позе, за столом – вопит):

- Не-е-е-е-е-т!

*Вскакивает, руками машет спросонок, озирается.
В кают-компании – только Давид, который тоже
просыпается от Жоркиного вопля.*

Давид (*сидя на койке, скрестив ноги*): Ты чего?

Жорка (*трясёт головой*): Привиделось...

Давид: Что такое?

Жорка: Война. С китайцами...

Семёна уже нет. Он на службе.

*Сокол на палубе делает физзарядку. Приседания: руку с
воздетым раненым пальцем Сокол неподвижно
зафиксировал в пространстве перед собой – а сам
приседает – а рука неподвижна в ближайшем
пространстве, автономна, сама по себе – а Сокол перед
ней вприсядку...раз-два, три-четыре...Вестибулярный
аппарат тренирует.*

Давид выходит на палубу.

Утренний туман над рекой.

На бугре дымится кострище.

*Давид приглядывается ...Потом снимает с крючка у
входной двери кают-компании бинокль Сокола. Смотрит,
регулирует резкость. Сначала видится только
колеблющаяся туманность, а потом всё резче выступают
детали...*

*В центре пиришественного «стола» спит, плюшевым
знаменем укрывшись и калачиком свернувшись, секретарь.
В знаменном овале В.И.Ленин тоже спит: глаза закрыты
и губы попыхивают, отдуваясь...Вокруг секретаря – как
лепестки ромашки - председатель, главный охотник,
начальник милиции и другие ответственные лица. Все
спят. Только начальник электричества бодрствует. Он
сидит по-турецки и покуривает в тягостных
размышлениях...*

Начальник электричества (*философически*): Жизнь
пошла, однако... С одной стороны - все целуются, мир-
дружба... С другой стороны - за одни штаны – пиисят
сучков! Мракобесие... То ли водка подешевела, то ли
штаны подорожали...

Ганнибал в рубке.

*Тран уже убран.
Звучит пароходный ревун.
Семён отбивает склянки.
Пароход отчаливает...
Мимо проплывает берег – возвышенный, тёмный. Там
тайга...*

Голос Давида Звенигородского:

Забегая вперёд, я скажу так: водный путь «стеклянного парохода» что вниз по течению, до самого Жиганска и даже ниже, что в противном направлении, к порту приписки – путь этот, конечно же, не розами и не розгами был выслан, но совершенно искренним человеческим радушием, благостью, нетерпеливым, доходящим до отчаяния, гостеприимством, вызванным долгими полярными безвинными ночами, и днями, и вечерами, и, само собой, утренними пробуждениями с соответственными желаниями и ожиданиями чуда.

И вот ещё некоторые детали. В те романтические былинные времена, в кои погружено наше историческое повествование, в советских социалистических точках общепита порция стерляжьей ухи стоила 67 копеек, это во-первых. Во-вторых, - муксун, рыба такая, один рубль за хвост. В данном случае хвост – единица измерения: рыбу считали не поголовно, как людей, а исключительно по хвостам, в итоге получалось: один хвост равен рыбине от головы до кончика хвоста; можно понимать, и в обратном направлении, от перестановки слагаемых сумма, как известно, не изменится. Дальше, третье... Стакан вина на розлив. Впрочем, стаканы почти всегда были «во-первых», и к этой теме мы ещё вернёмся...

Многое из того, о чём пойдёт речь, уже вошло в легенды...

- Фольклор? – спросит вероятный зритель, слушатель или читатель. – Типа Робин Гуд и Рабинович?

- Берите круче! – ответим мы. – Кругосветка Васко да Гамы. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Или тур Евтушенки с Шинкарёвым на карбасе «Микешкин» вдоль по Лене, что очень близко к нашей теме.

- Апокриф, значит.

- Апокриф. Тоже дело святое. Лёгкие они, эти апокрифы, и трепетные, точно паруса бригаантин, несущихся по морям, по волнам, по щучьему хотению, куда ветер дунет... И вот напишет когда-нибудь летописец про наш пароход, про

наш экипаж: плыли они и плыли, ничего особенного, всё плывёт, что не тонет, и все плывут, как говорится, на шарике на шаре как на плавающей мине, но вот однажды случилась на судне такая презумпция наивности...

- Ах, давайте не будем про презумпцию. Это такая материя... в смысле, неодушевлённая... Ну её! Лучше скажите, что осталось лично для вас самым ценным от тех времён? В смысле материальном.

- Пятак. Тяжёлый полновесный пятак. Берёшь такую монету в руку, на ладонь – чувствуешь: да, это не простая медная мелочь-денежка, это – вещь с гербом и достоинством, пусть даже и пятикопеечным.

- Шутить изволите?

- Да как хотите, так и понимайте...

Возможно, на том и кончится наш вероятный разговор.

И презумпция наивности останется незамеченной.

И путь наш вселенский, вниз и вверх по течению, как вошёл невзначай в легенду, так и выскочит из неё, освобождая место для новой. И ничего не останется. Кроме звука над водой, в тумане. Звук странной струны. Будто струна страны... Вот тянется он, тянется звук, и струна тянется, тянется... - бздынь! – и лопнула... Нет, не так. Сначала лопнула, а уж потом – бздынь-нь! – этот долгий-долгий голос – уже не судна! – голос ноющего ковчега...

32. «АРАБСКОЕ ТАНГО».

На корме Жорка обучает Семёна модному в шестидесятые годы танцу «Арабское танго: Светоч грёз моих». Музыка - из судового динамика. Поёт Батыр Закиров на арабском языке, но Жорка, конечно же, и русский текст знает и местами вступает в дуэт с Закировым:

За все тебе спасибо,
За то, что мир прекрасен,
За то, что ты красива

И взор твой нежен и ясен.
За то, что так люблю я,
Хоть ты меня не любишь,
За все мечты мои, за муки,
Благодарю я тебя.

Украшаешь весь мир ты собою,
Согреваешь весь мир ты собою.
Ты, как чайка, играешь со мною
И летишь над морскою волною.

Сколько лет мои глаза тебя искали,
Сколько лет мои к тебе тянулись руки.
Потому теперь и в счастье и в печали
Как молитву одно я твержу...

Жорка в чалме из полотенца и в каком-то немыслимом наряде – то ли бедуин, то ли факир, то ли халиф, то ли махараджа. Семён, как всегда, в аккуратном форменном одеянии Речфлота и большой, не по размеру, фуражке. Семён старается всерьёз. Жорка же больше дурачится. Наконец, Жорка изрядно устаёт и прекращает танцкласс. Плюхается в шезлонг, отдувается.

Жорка: Ну, как?

Семён: Нравится. Только восточных женщин маленько жалко стало.

Жорка: С чего это вдруг?

Семён: Им недоступно. Половая дискриминация, однако. Дома сидят. В чадре. С кем танцевать? Муж целый день на работе. А после работы – какие танцы?

Жорка тарацит на Семёна глаза. Ухмыляется. Задумывается. Что-то вдруг вспоминает.

Жорка: Вот вы, Семён батькович...

Семён: Просто Семён.

Жорка: Я же в знак уважения!

Семён: Уважать можно без отчества. Говори Семён. Всем понятно, что Семён, а не Эрнест Хемингуэй.

Жорка: Хорошо. Вы мне недавно сказали, что старый ещё.

Семён: Правильно сказал.

Жорка: А я ещё тогда переспросил: старый уже. А вы мне снова: старый ещё. А я так и не понял: будет уже старый или не будет? Вы мне сказали: уже не будет, потому что старый ещё. И мне стал полный капец, Семён! Я подумал: или я совсем полный дурак, или мы с вами на разных языках говорим. До сих пор балдею. Скажите мне как-нибудь по-другому, чтобы я понял.

Семён: Не понял, Жорка? Почему?

Жорка: Не понял! Откуда я знаю почему? Не понял и всё! А что? Я самостоятельный человек. Имею право. Как хочу, так и не понимаю.

Семён: Не акцентируй, Жорка. Это дело совсем сказочное, не сразу открывается. А сказки так говорят. Они говорят: жил-был молодец. А этот молодец был дурак дураком. И так и жил. В мёртвой воде. Надо бы ему молодцом сделаться, а он не может. Не дозрел, не доспел. Стариком стал. Надо подновляться – а он старый ещё. Тогда добрые люди сказали: пора, ты старый ещё, вот тебе котёл с живой водой – кидайся туда. Кинулся и вылез уже молодой. Вот так по порядку должен народ возрождаться. Сначала ещё, потом уже, потом пора переменяться. Проще говоря, модернизация. Лишь бы живая вода была. А в мёртвой воде ничего уже не бывает.

Жорка (сконфуженно): Я эту сказку ещё в первом классе слышал.

Семён: А чего спрашиваешь? Учительница не объяснила?

Жорка: Учительницы нам много чего объясняли... Им положено по зарплате. Они же взрослые. А мы – дети.

Семён: Дети уже народ. С ним и надо разговаривать. Старых, однако, не выучишь...

Справа по борту – на берегу бабы и девки бельё стирают.

Ребяшня визжит в своих играх. Семён вынимает из жёсткого крепления на палубной надстройке жёстяной рупор.

Семён (в рупор): Товарищи женщины, здравствуйте. Это Семён говорит. Мы уже здесь. И Рыжая Борода лично поздравляет вас со всеми майскими праздниками. Ура!

Женщины прекращают стирку да полоскания, машут руками, кричат, и звонкие их голоса без рупоров хорошо слышны. Смеются женщины. Весело женщинам.

- И вас так же!
- Заждались мы вас!
- А сам-то где, Рыжа Борода? Соскучились по ему!
- Бросайте якорёк, погуляем!
- А то нас на борт пригласите!
- Мы согласные! До самой Америки поплывём!
- С такими кавалерами – хоть куды!
- Рыжая Борода, - отвечает Семён в рупор, - сейчас как раз занятый. В Америку нам не по пути. А чего надо?
- Семён, - кричат женщины вразнобой, - ты бы постыдился спрашивать чего надо. Всего надо!
- Керосин надо!
- Три семёрки! И виски!
- Макароны надо и соль надо!
- Дикалон тоже надо!
- Гандоны надо!
- Ты, Валентина, - отвечает Семён, - фактически очень неопределённая женщина. Асимметричная. В прошлом заводе ты запросила резиновые сапоги с галошами. Сапоги я сейчас привёз. Но тебе сейчас подавай совсем наоборот. Ты, моя, конкретно определись, чего надо.
- Всё надо! – кричит Валентина. – А сапоги какого цвета, Семён?
- Чёрные блестящие.
- Ой, да я же красненькие просила!
- В следующий рейс привезу красненькие. В настоящий момент бросать якорь не будем. Напряжённый график. Плюс пристани у вас нет. Значит, через восемь километров ошвартуемся. Где пристань есть. Сами знаете где. Пускай туда мужское население скачет.
- Так они уже там! – кричат женщины. – Два дня сидят. Караулят!
- На обратной дороге заглянете?..

Судно уже прошло мимо, и голоса плохо слышны, видны только взмахи рук смотрящих вслед женщин. И Семён с Жоркой смотрят на них.

Семён (в сторону женщин - качает головой): Такое танго, однако, арабское...

Жорка: Да уж...Рыжая Борода – это Сокол, что ли?

Семён: Сокол. Нас тут все знают. Ладно. Пора мне на вахту. На штурвал вставать...

Идёт к капитанскому мостику.

Жорка (*кричит вослед*): Вопрос на засыпку!

Семён: Насыпай.

Жорка: Виски – это оно? Или, может, вообще он-она?

Семён: Виски – они.

Жорка: Я про пол спрашиваю!

Семён: Никаких пол у виски нет. Они – и всё! Единство содержания, однако...

33. В МАШИННОМ ОТДЕЛЕНИИ. ХЕЛЬГА И ДАВИД.

Хельга в рабочем комбинезоне. Волосы убраны под беретку. В руках - то маслёнка с узким длинным носиком, то промасленная ветошь... Дрожит стрелка манометра.

Шум двигателя. И разговор поэтому ведётся на повышенных тонах.

Хельга (*строго, но, как всегда, мягко*): Вообще-то, сюда вход посторонним строго настрого запрещён.

Давид: Извините. Я на секундочку. Я хочу сказать вам, что я всё слышал... Всё, что ночью было...

Хельга (*спокойно продолжая заниматься техническим обслуживанием*): Неудивительно. Вы же поэт, Давид.

Давид: Но я ещё и видел! Как вы с луной танцевали, Хельга! Что это было?

Хельга: Плохо?

Давид: Что плохо? Что подглядел?

Хельга: Я плохо танцевала?

Давид: Да что вы такое говорите!?! Вы танцевали фантастически, Хельга! У меня нет слов...

Хельга (*притворно вздыхает*): И аплодисментов тоже не было. И букетов не было...

Давид: Я боялся спугнуть... Это как будто какое-то видение было... К видению ж нельзя прикасаться! К чуду... Босиком! В одной тельняшке! Откуда вы появились здесь, такая босоножка?

Хельга: Из Вагановского.

Давид: Что? Что за шутки кладбищенские, Хельга?

Хельга (смеётся): Не Ваганьковское, Давид! Вагановское! Вы что-нибудь знаете про балетное училище имени Вагановой? В Ленинграде...

Давид: Фу, как вы меня напрягли... Не слышал я про такое училище. А знаменитое кладбище все знают.

Хельга: Да, да! Кладбище все знают. Там и наши, и ваши... И все стали общими, даже ничейными... А от Вагановского до Ваганьковского – рукой подать и ногой шаг шагнуть, путь короткий. Но его заслужить надо. Я не заслужила.

Давид (растерянно): У вас на щеке... Мазут, что ли?

*Хельга вынимает из кармашка комбинезона круглое зеркальце, платочек.
Приводит в порядок лицо.*

Хельга: Вагановское – это такая средняя школа и хореографическое училище в одном стакане. Пансионат для девочек. Приходит туда малышка, заканчивает школу и одновременно получает профессию. В семнадцать лет – иди на сцену! Я не пошла. Точнее, я пошла на сцену Мариинки, но всего лишь на один годик. А потом я вышла замуж. И Ганнибал увёз меня к другому морю, в Севастополь.

Давид: И всё-таки странно...

Хельга: Ничего странного.

Давид: Ну, как же! Балерина – и вот, нате вам! В мазуте, на пароходе, в камбузе, за штурвалом...

Хельга: Я уже не балерина, Давид! Я судоводитель, механик, моторист, рулевой, радист, матрос... Причём, у меня есть профессиональные права занимать эти судовые должности. Я училась. И я могу в любой момент заменить Ганнибала и Семёна.

Давид: Зачем заменять?

Хельга отмалчивается и очень внимательно смотрит на Давида.

Давид: Я читал про есенинскую жену-босоножку Айседору Дункан. А вот теперь воочию вижу босоножку-матроса... У вас, Хельга, ноги красивые... Красноречивые!

Хельга (кокетливо): И всё?

Давид: И вся такая...

Хельга (смеётся): Ну, спасибо. А то уж я подумала, что вы тоже такой, как все другие мужчины.

Давид: Какие другие?

Хельга: Нормальные и обыкновенные. Которые влюбляются в женщин очень локально.

Давид: Что значит локально?

Хельга: На щёчке родинка, полумесяцем бровь, на подбородке ямочка... И так далее. Но женятся же не на ямочке, правда? На целой девушке.

Давид: В общем, да... Приходится...

Хельга хохочет. Давид окончательно смущён.

Давид: Вы смеётесь, Хельга. Вы прячете какую-то тайну. Я чувствую...

Хельга: Какой у нас в этой навигации получается стеклянный пароход чувствительный! Просто прелесть! А что вы называете тайной, Давид?

Давид: Это когда у одного человека есть знание, которым хочется поделиться с другим человеком... но поделиться нельзя... потому что тогда тайна перестанет быть тайной... и сделается простым, обыкновенным знанием на двоих... или на троих... Так, по-моему.

Хельга: Значит, хочется, но нельзя?

Давид: Да. Между этим. И ещё хочу сказать... Из литературы известно: от долгой единоличной тайны человек может выгореть изнутри. Как торф под землёй выгорает.

Хельга (задумчиво): Вы правы, Давид... И это очень странно для советского поэта...

34. НА ПАЛУБЕ. НА ФОНЕ РЫЖЕЙ БОРОДЫ.

*Из судового динамика слышится голос Ганнибала:
- Справа по борту – мыс Рыжая Борода.*

Сокол (*смотрит в бинокль*): Сторож-смотритель Майкл на посту! (*Передаёт бинокль Жорке*). Глянь-ка.

И видит Жорка: огромная скала в профиль поразительно похожая на Сокола, а у подножия скалы стоит на задних лапах бурый медведь и правой - отдаёт воинскую честь...

Жорка (*восхищённо*): Ну, цирк! Уписать можно!

*Подходит Давид. Жорка передаёт ему бинокль.
И видит Давид: скала анфас. Действительно, гигантский бюст, каменный Сокол! В берете из курчавой растительности. Морщинистый лоб. Закрытые глаза. Нос. Усы и борода – то ли лишайники, то ли мхи какие-то... В складках лица – гнездовья бесчисленных птиц...
И вдруг... Скала вздрогнула. С грохотом раскрылись каменные вежды. Посыпались камни. С оглушительным криком вспорхнули стаи птиц, на миг закрывшие небо... И каменный исполин улыбнулся – с грохотом...
Давид оторвался от бинокля.... Видение исчезло.*

Сокол (*Давиду*): И как тебе показалось?

Давид: Час от часу не легче... Мистика какая-то...

Сокол: Ну, какая мистика, Додик? Всё реально нормально. Как у Гайдара про хорошего Мальчиша. Плынут пароходы – ду-ду Мальчишу...

Ганнибал подаёт протяжный гудок судовой сирены.

Жорка: Летят самолёты – салют Мальчишу...

Все трое поднимают головы, смотрят на небо, в котором слышится гул трансконтинентального авиалайнера: крошечный крестик в высоте, за которым тянется белый след...

Жорка: Идут пионеры...

Давид: Нету пионеров.

Сокол: Ошибаешься, товарищ. Пионеры были, есть и всегда будут. Кто-то ж всегда должен быть идущим впереди...

Судно замедляет ход и приближается к берегу. Встали на якорь Семён и Сокол спускают на воду резиновую надувную лодку в брезентовом чехле. По деревянному трапику спускаются в лодку Сокол, Давид и Жорка. На Жорке, помимо фото и радиотехники, ещё и вещмешок за спиной: там всё необходимое для прибрежного пикничка. Семён с палубы подаёт Соколу авоську с десятком консервных банок со сгущённым молоком.

Семён: Привет Майклу от Семёна.

Сокол: Само собой.

Давид и Жорка берутся за вёсла.

Сокол: Поехали...

Давид и Жорка неумело, но старательно работают вёслами. Сокол командует.

35. У РЫЖЕЙ БОРОДЫ.

Лодка со скрежетом уткнулась в пологий берег – чуть ниже по течению, всего-то в десятке метров от мыса Рыжая Борода. Множество каменных глыб, больших и малых, которые когда-то принадлежали скале. Посреди них – старое кострище. Вокруг него – множество сплюснутых в лепёшку консервных банок: Майкл лакомился... Место для Сокола знакомое, насиженное. Жорка принимается раскладывать костерок. Сокол с Давидом на плоском камне накрывают «стол походному».

Сокол: Майкл уже топает сюда. Жаждался нас, бедняга.

Давид: Нас не сгребёт вместе со сгущёнкой?

Сокол: Ну, что ты! Он умный. Дождётся, когда мы на пароход вернёмся, а уж потом будет подарки принимать да на зубок пробовать.

Жорка: Откуда он заявится?

Сокол (*показывает*): Оттуда...

*Выпивают. Закусывают. Сокол закуривает сигарету.
Давид набивает трубку.*

Жорка (*Соколу*): Так я ...это...(*показывает фотик*)... щёлкну?

Сокол: Мы всегда готовы!

Жорка: Майкла!

Сокол: А-а-а...Ну, только аккуратненько. Вон за тот валун спрячься и не высывайся. Медведя испугаешь.

Жорка: Вы на что намекаете?

Сокол: Какие намёки? Техника безопасности.

Жорка: Для кого техника?

Сокол: Для обоих.

Жорка: Окей.

Пригнувшись и ступая крадучись, Жорка направляется к основанию скалы, лавируя между валунами. Наконец, он выбрал подходящий валун и устроился в засаде.

Сокол разлёгся на земле, руки под голову положив.

Блаженно улыбается и рыжую свою бородку поглаживает. Давид с трубкой сидит на камне. Оба смотрят на профиль утёса.

Сокол: Надо же! Как природа постаралась! Правда, на меня похож?

Давид: Похож. То ли он – на тебя. То ли – ты на него.

Сокол (*с загадочной интонацией*): Слушай, а я один факт из истории знаю. Про Достоевского. Прямо-таки к настоящему моменту вспомнил.

Давид: Сокол, Рыжая Борода и Достоевский...Очень интересно!

Сокол (*сморщился*): Додик, не надо...Вот послушай. В Баден-Бадене...Ты знаешь, что такое Баден-Баден?

Давид: Знаю. Ври дальше.

Сокол: В этом Баден-Бадене на одном доме присобачили мемориальную доску. На ней написано...

Давид: На каком языке?

Сокол: Не важно – на каком. Главное – что. А написано буквально следующее: «Здесь играл и проигрывал свои деньги в азартные игры великий русский писатель Фёдор Достоевский».

Давид: Прямо вот так чёрным по белому?

Сокол: Прямо так! Золотом по мрамору!

Давид: Хорошо. А с чего это вдруг тебе в голову пришло?

Сокол: А у меня это давно в голове сидит... Фантазия такая. Представь себе... Наш знаменитый стеклянный пароход. Легендарный. Стоит на вечном причале... Как, например, крейсер «Аврора». И на главной рубке привинчена мраморная доска... Представляешь?

Давид: Так... Значит, пароход... доска... И что напишут на доске?

Сокол: А я знаю? Не мы же с тобой высекать будем! Другие поколения напишут.

Давид: Жорка, например.

Сокол: Не дай бог! Он там такое... отольёт на граните...
(*После паузы*) А, может, и Жорка? Почему – нет!?

Давид: Обязательно Жорка. Мы, Саня, в мраморные писатели ни с какого боку не годимся, ни анфас, ни в профиль. И вообще...

Сокол (*вздыхает*): И вообще наши хрущёвки не очень приспособлены для мемориальных досок. Это совсем несправедливо. Но у парохода есть шанс.

Давид: У парохода есть. Только ты зря хрущёвки обижаешь, Саня. Они уже сами по себе памятники. Памятники сами себе. Без досок.

Сокол: Мы из них вышли...

Голос Давида:

Разыгрались мы тогда с Саней! Откуда вышли? Да мало ли откуда? Да много откуда! Из гоголевской шинели. Из жёлтой кофты. Из синей блузы и чёрной рубахи... Гардероб оказался непритязательным, без особенного изыска и шиканья со свистом... Синий платочек. Оренбургский пуховый платок. Красная косынка. Эта тёмно-вишнёвая шаль...

Сокол (*запевает*): На ём защитна гимнастёрка...

Давид подхватывает и горланят вдвоём:

Она меня-а с ума сведё-ё-ёт...

*Жорка тем временем обгорелой головёшкой жирно
выписывает на скале: «ЗДЕСЬ БЫЛ КНЯЗЬ...»
Шум неподалёку помешал Жорке закончить текст.
Оглянулся Жорка – и застыл. Неподалёку Майкл стоит на
задних лапах. А передними аплодирует и башкой
мотает... Жорка открыл рот, чтобы заорать. Но
передумал. Так с раскрытым ртом, задом-задом... - и
допятился до кострища, к Соколу и Давиду.*

Сокол: Ты чего задом ходишь?

*Жорка пальцем назад тычет: дескать, атас, товарищи!
Майкл появился!*

Сокол: Понятно. Кончаем загорать.

*Быстро собираются. Сокол вытряхивает из авоськи
банки сгущённого молока. Сталкивают лодку на воду.
Жорка бегом возвращается к кострищу.*

Сокол (Жорке): Ты чего забыл?

Жорка (мочится на догорающие угли): Техника безопасности... По-пионерски... Как завещал великий Ленин: береги природу, мать твою... до последней капли...

*Отплывают к пароходу. А у кострища уже стоит Майкл
на задних лапах и отдаёт воинскую честь.*

36. НА НОВОМ МЕСТЕ.

*Судно пришвартовалось к хилой пристаньке.
На двух шестах парусит транспарант – по белой
простыни разбежались вкривь и вкось приветственные
чёрные буквы:
«САЛЮТ ТИБЕ ГАЛУБЧИК СОКОЛ!!!»*

*Сокол занимается обычным делом: разгрузка, товар,
накладные...*

Местные мужики снуют точно муравьи.

*Семён вручает одному из них резиновые сапоги для
Валентины.*

*Жорка, вдохновенно жестикулируя, рассказывает в узком
кругу молодёжи о своей встрече с Майклом.*

Жорка: Вот тут я стою! А вот тут, буквально в двух шагах, лапу протянуть - медведь! Рычит и скалится! Шерсть дыбом! Пена из пасти! Я на него так смотрю... глаза в глаза! *(Делает многозначительную паузу)*. И он не выдержал! И попятился! Это взгляд у меня такой, что кого хочешь на карачки поставит...

*Выкатывает глаза и впивается взглядом в миловидную
девушку. Та закрывает ладонями лицо и отступает из
кружка.*

Слушатели цокают языками.

А между тем бутылки уже откупорены.

*И муж Валентины сливает в резиновый сапог различные
напитки: ёршик делает!*

Муж Валентины: Всех, нах, угощаю. Коктейль будем пьянствовать. «Полярное сияние», называется...

37. НОГА.

*Семён хозяйничает на палубе у перевернутой шлюпки.
Аккуратно макает квачом в ведёрко с чёрной смолой и
подновляет днище. Процесс этот доставляет Семёну
художественное наслаждение.*

*Давид на этот раз не сходил на берег. Уже под крепким
хмельком, он сидит на палубе за общим столом, свесив
голову. Думает о чём-то.*

Подходит Семён.

Семён: Правильно сидишь, Давид. Чего там на берегу делать? Одно пьянство, однако. Печень треснет. Зато мы сейчас ужинать будем и образованный разговор начнём.

Давид: Ужин? А Ганнибал где?

Семён: Ганнибала не будет. Нездоровится Ганнибалу.

Подходит Хельга.

Хельга: Кому рыбу и кому мясо, мальчики?

Семён: Мне рыбу. С картошкой, однако?

Хельга: С картошкой фри. А вам, Давид?

Давид смотрит на Хельгу. И замечает на шее свежий синяк. Хельга перехватывает взгляд Давида и прикрывает шею рукой.

Давид: И это уже не мазутное пятнышко... Это уже...

Хельга (строго): Это уже абсолютно не ваше дело, Давид. Я принесу вам котлетку. Две котлетки с макаронами.

Хельга уходит на камбуз.

Давид (притягивает за рукав Семёна): Что здесь происходит, Семён?

Семён (невозмутимо): Всё протекает в русле.

Давид (громким шёпотом): В каком русле? О чём ты говоришь? Здесь, у тебя на глазах творится тирания и деспотизм! Здесь какое-то дикое изуверство... А вам всё... котлетки! Рыбка-фри! Да вы что, совсем опизденели?

Семён: Здесь творится такая любовь. Вы аналогичную любовь ещё не видели и даже не читали. Она ещё не написанная...

Давид уже взбешён.

Но тут подходит Хельга с подносом. Расставляет на столе тарелки, кружки, приборы...

Давид молчаливо штормит. Встречается глазами с Хельгой. Та медленно, из стороны в сторону поводит головой, как это обычно делают в знак молчаливого несогласия или отрицания. И покачивает головой – как будто осуждающе...

Хельга: Кушайте на здоровье. Приятного аппетита, товарищи мужчины. И добавки просите...

Оставляет поднос на столе и уходит на нос парохода, присаживается на бортовой кнехт и замирает, сгорбившись и обхватив плечи руками крест-накрест. Давид тупо смотрит на тарелку с котлетами. Берёт вилку, с размаху втыкает её в котлету («Щас добавка будет!»), алюминиевая вилка сгибается, Давид скручивает её чуть ли не узлом, швыряет за борт, резко встаёт со стула и решительно направляется в рубку... Спускается по трапику к каюте Ганнибала. Взявшись за замковую ручку, толкает дверь...раз, два...дверь не подаётся, Давид ударяет её плечом, коленом...

Голос Ганнибала: На себя.

Давид открывает дверь и останавливается на пороге с искажённым лицом, с подпрыгивающими губами.

Давид (задыхаясь): Господин капитан!.. Вы – подлец и подонок!.. Я не позволю вам поднимать руку на женщину!..

Ганнибал сидит спиной к двери, за столом, на котором разложены деревяшки, принесённые Хельгой. Ганнибал обстругивал их ножом, мастерил очередные причудливые самоделки. Вторжение Давида прервало рукоделие.

Ганнибал, не оглядываясь, замер, осмысливая происходящее и услышанное.

Давид (кричит): Извольте встать, милостивый государь! Сидячего не бьют!

Ганнибал (не оборачиваясь, медленно и спокойно): Выйди, салага. Остудись. Потом постучи и спроси разрешения войти.

Давид (почти в истерике): Встань, деревяшка! Буратино!

Ганнибал ещё некоторое время сидит неподвижно за столом. Наконец, встаёт, поворачивается и делает шаг к Давиду. В руке по-прежнему нож.

Давид упирается взглядом в нож – и в воображении возникает недавняя сценка - «мужской» разговор с Соколом в грузовом трюме (Эпизод 19):

Голос Сокола: ... всё в один узел завязано! Ганнибал за Хельгу, я думаю, любого зарежет, как курёнка. Тоже с характером человек...

Голос Давида: Ты это серьёзно?

Голос Сокола: Дальше некуда.

Голос Давида: Саня, ты зачем этот разговор затеял?
Про женский вопрос.

Голос Сокола: Додик, ты тоже вперяешься. Извини за откровенность. Как поэт поэту говорю...

А на фоне этого бывшего диалога лицо и вся фигура надвигающегося Ганнибала в воображении Давида постепенно превращается в образ безногого злодея-пирата из стивенсоновского «Острова сокровищ»...

Давид: Сам сначала остудись! А потом прошу – на палубу! На дуэль! На честных кулаках!..

«Образ» громово хохочет, оскаливая кривые коричневые зубы...

Давид отступает за порог. Ганнибал идёт за ним. Оба таким образом минуют трапик на выход из рубки. Давид задом выходит из рубки и с силой, двумя руками, закрывает дверь. Но в это время нога Ганнибала уже переступила порог вслед за Давидом. И вот эта дверь – толстая, тяжёлая, почти бронированная – наезжает на ногу Ганнибала...Раздаётся удар, хруст...Дверь, словно бы не заметив препятствия и ничуть не замедлив движения, закрывается.

Ганнибал остаётся за дверью, по ту сторону порога. А по эту сторону – голень ноги в блестящем ботинке...с расщепленной жёлтой блестящей костью...выскользнула из штанины и разлеглась на палубе...

Давид в ужасе смотрит на ногу...пятится...

А всё последующее... Сказанное или написанное об этом действии/событии окажется продолжительней самого действия/события, которое приключилось как в

ускоренной киносъёмке: Давид вылетает из рубки, по скобчатой лестнице стремительно вскарабкивается на мостик управления и оказывается – на мачте.

Необходимое пояснение.

Мостик управления – это крыша рулевой рубки (она же – в нашем рассказе - капитанский мостик): площадка, с трёх сторон ограждённая леерами. По бокам расположены бортовые отличительные огни: слева – красный, справа – зелёный. В центре площадки – мачта с укосиной, радиоантенной и ходовыми огнями.

Упомянутая укосина – вроде толстой ветки на стволе мачты.

На неё-то и угораздило вознестись Давиду. Со сноровкой, которой позавидовали бы бывалые матросы парусного флота. Только вот случилось это вознесение совершенно случайно.

Сидит на укосине. Мачта между ног. Ноги мачту переплели. Руки намертво охватили верхнюю стенку...Нет, не место там, на укосине, для нормального, пусть даже малообразованного человека! Но наш герой оказался именно там. Что с него взять? Сухопутный же гражданин. В изрядном подпитии. В ужасе от лично содеянного...

Дверь рубки открывается. Выходит Ганнибал. В руке у него вместо ножа-тесака – бутылка рома, преподнесённая недавно Соколом. Ганнибал поднимает лежащую у порога «ногу», засовывает её подмышку. Опираясь рукой на стену и подпрыгивая на одной ноге, Ганнибал огибает рубку и приближается к её задней стороне, где вход в кубрик (кают-компанию) и – вверх по стене - пять лесенных скоб-ступенек на мостик управления.

Здесь уже стоят и молча наблюдают за происходящим Хельга и Семён.

Ганнибал (Давиду): Сидишь?

Давид (в совершенной прострации): Сижу...

Ганнибал: Дрожишь?

Давид: Кто? Я? Да! Я дрожу...Но мачта спокойна...

Ганнибал: И ты успокойся.

Давид что-то мучительно старается сообразить. Морок в сознании испарился. И вместо него нарисовался гнусный реализм. Вот, не одноногий пират-злодей стоит внизу, на палубе, но Ганнибал обыкновенный, пустая штанина висит безжизненно, как на вешалке, и нога – подмышкой... Морок возвращается!

Ганнибал: Я хочу тебе что-то сказать...

Давид: И я хотел вам что-то набить...

Ганнибал: Смотри...

Ганнибал до колена задирает брючину ходячей («неотрубленной») ноги. Обнажается протез. Точно такой же, как подмышкой.

Ганнибал: Понял?

Давид мелко-мелко кивает головой.

Ганнибал: Испугался?

Давид кивает.

Ганнибал: Ладно. Сиди. Но аккуратно.

Давид: Как будто марсовой матрос? Не так ли, сэр?

Ганнибал: Так точно. А мы тут посоветались немножко кое с кем (*указывает на подмышку*)... Чтоб марсовой матрос с непривычки не окоченел (*помахивает бутылкой рома*)...

Давид: А штопор?

Ганнибал: Уже початая. Пробку зубами вытянешь.

Хельга (Ганнибалу): Не надо! Упадёт же! Расшибётся!

Ганнибал: Пусть привыкает.

Хельга: Антенну повредит!

Семён: Антенну я поправлю. А человек пусть сидит, если ему где нравится. Сейчас, однако, не тридцать седьмой год, чтобы человек сидел, где ему не нравится.

Ганнибал: Лови привет от деревяшки!

Аккуратно, без замаха, снизу вверх нежно подбрасывает бутылку, и Давид без особого труда ловит её двумя руками и прижимает к груди.

Семён: А это от меня!

Кидает Давиду солёный огурец. Но ловить закуску Давиду уже нечем, обе руки заняты. И огурец попадает ему прямо в глаз...

Посыпались искры!

38. А В ЭТО ВРЕМЯ...

Сыплются искры и возносятся в вечеряющее небо.

Трещит на берегу «отвальный» костёр...

Пыхтит котёл с тройной ухой. Опытный «спец по ухе» откупоривает бутылку водки и из горлышка совершает полновесный и задумчивый глоток, да не сразу глотает, а переливает во рту, за щеками булькает, оценивает.

- Не прокисла? – интересуются соучастники.

- Свежая, - отвечает дегустатор и выливает всю бутылку в котёл с ухой. – Специя в самый раз, однако. Без соли можно. Без водки нельзя...

Ах, эти встречные проводы... эти встречи прощальные – разом.

На самодельном транспаранте «САЛЮТ ТИБЕ ГАЛУБЧИК СОКОЛ !!!» с обратной стороны тоже выведено чёрным по белому: «НИ УЕЗЖАЙ ГАЛУБЧИК МОЙ!!!»

Тутешние посиделки совсем не похожи на предыдущие, шумные, песенно-плясовые. И народу поменее.

Покончив с необходимой экспедиторской процедурой, Сокол приступил к лекционной пропаганде по линии общества «Знание». Сокол стоит – в центре внимания, в центре сплочённого круга сидящих на задницах и на корточках серьёзных мужчин. Один только муж Валентины не сидит. Лежит с резиновым сапогом в обнимку. Спит, свернувшись аккуратным калачиком. Лицо его полно положительных эмоций. Ему снятся хорошие сны из культурной общественной и личной жизни.

И на всех прочих лицах расположились аналогичный покой и благолепие. Кто-то сидит неподвижно, точно

столбик или суслик. Кто-то мерно раскачивается с закрытыми глазами - из стороны в сторону или вперёд-назад. Покуривают табачок. Кто-то трубочку, кто-то новейших марок папиросы и сигареты с золочёным фильтром. Торжественно и с достоинством соблюдают питейный интерес. За чертой круга, на внешней его стороне, за спинами слушателей – уже множество пустых бутылок...

Слушают товарища из Центра!

И товарищ Сокол воспаряет – во всех трёх частях своей лекционной оратории.

И – естественно – в конце выступления переходит к чтению стихов.

Жорка – рядом, на перевёрнутом вино-водочном ящике с бутылкой «Абу-Симбела» и стаканом, который периодически наполняется дозой «на глоток» и преподносится лектору-оратору для освежения горла и воодушевления голосовых связок.

В манере декламации Сокола знатоки могли бы обнаружить прямые подражания эстрадным выступлениям Евтушенко, Вознесенского, Рождественского и даже Беллы Ахмадулиной.

Читая стихи, Сокол обводит взглядом лица сидящих перед ним людей.

Конечно, в центре круга куда ни повернись – везде лица, везде глаза: открытые и прикрытые, чёрные и карие, внимательные и не очень, простодушные и лукавые, разные...

- Эти глаза напротив! – восклицает Сокол с умилением.

- Не против! – восклицает Жорка. – Дадим прикурить этим фараонам! – И отбулькивает порцию в стакан.

Сокол с отеческой укоризной смотрит на Жорку: что ж ты, дескать, засранец этакий, нарушаешь благость и покой духовного общения, когда тебя, вообще-то, никто не просил встревать в речь старшего коллеги?

Жорка понимает взгляд Сокола по-своему: нажимает кнопку транзистора и из него, как всегда – словно по заказу, по заявкам радиослушателей, – является песенка к подходящему случаю. И певец широко известный, любимый, даже обожаемый некоторыми местами страны – Валерий Ободзинский:

*Эти глаза напротив - калейдоскоп огней.
Эти глаза напротив - ярче и всех теплей.
Эти глаза напротив - чайного цвета.
Эти глаза напротив - что это, что это?*

*Пусть я впадаю, пусть
В сентиментальность и грусть.
Воли моей супротив - эти глаза напротив.
Вот и свела судьба, вот и свела судьба,
Вот и свела судьба нас.
Только не подведи, только не подведи,
Только не отведи глаз...*

Обводит Сокол взглядом круг своих слушателей –
поворачивается на месте, ведомый собственным взглядом,
медленно вращается по часовой стрелке в центре круга:
тик – тик...
лицо за лицом, глаза за глазами –
так – так...
умные и не то чтобы очень, серьёзные и насмешливые,
строгие и не то чтобы да, грустные и весёлые, разные...

*Эти глаза напротив - пусть пробегут года.
Эти глаза напротив - сразу и навсегда.
Эти глаза напротив - и больше нет разлук.
Эти глаза напротив - мой молчаливый друг...*

- Пора тебе за дело приниматься, друг мой, - Сокол Жорке
говорит отечески, - а мой удел - катиться дальше вниз...
- Не понял, - говорит Жорка и снова отбулькивает.
- Приобщайся к агитпропу, молодой человек.
- Понял!
И поменялись они местами, Сокол с Жоркой.
И встал Жорка в позу римского риторика на Форуме.
Отставил ногу. Воздел руку к небесам и взвыл, как не
знаем кто:

*Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звёзды блещут...*

- Тиха Саха! – слышался чей-то звучный и абсолютно
резвый голос, внедрившийся в межстрочную паузу.

И сбился с ритма Жорка.

И снова начал:

- Тиха...

- Саха! – продолжил звучный голос.

- Извините, причём тут саха? – вежливо спросил Жорка в темноту, откуда исходил голос.

И ответил голос из темноты:

- Я народу ваш стишок на якутский язык перевожу. А Саха – это и есть наша Якутия, однако. И всё. Перевод закончен. Так сказал, не открывая глаз, на миг проснувшийся муж Валентины. Повернулся на другой бочок, обняв резиновый сапог, и снова задремал.

Жорка порывался что-то возразить мужу Валентины. Но Сокол посмотрел на Жорку добрым отеческим взглядом: цыц, дескать, не мешай человеку отдыхать после трудов праведных, пусть проспится, ибо только до поры до времени тихи поэты от Сахи, а ты, молодой человек, продолжай повествование в духе общества «Знание» про Асуанскую плотину и Героя Советского Союза Гамаль Абдель Насера...

Но Жорка такой... Жорку, конечно, всякий может перебить. Но остановить Жорку нельзя.

Он жестом потребовал от Сокола глоток «Абу-Симбела» и начал рассказ о своей встрече с Майклом. В прозе. Но с выражением. С приседаниями. С прыжками и размахиваниями рук...

Жорка превзошёл своего наставника. Слушатели вставали с карачек и подходили к нему с бутылками и стаканами в порядке живой очереди для персонального чоканья.

К Соколу, естественно, тоже подходили.

На коленях он разложил бланки путёвок общества «Знание». Каждый желающий слюнил большой палец руки, шоркал им о тёрку спичечного коробка и оттискивал на путёвках своё личное дактилоскопическое одобрение. Печать-то, конечно, имелась. Нормальная, фиолетовая. Но печать была всего одна, а желающих выразить своё персональное мнение – много...

Сокол не возражал.

Благость, покой и умиление царили в его поэтической душе.

- Эх, Додик, друг сердешный, - вздыхает Сокол, - и почто же ты в сей раз не поддержал компанию? Небось, сидишь

на пароходе тверёзый, как веник, и тоскуешь, и сожалеешь, а вот сойти с корабля на бал – уж гордость не позволяет...

39. ДАВИД НА МАЧТЕ.

Давид на мачте до последней капли выцеживает бутылку рома, швыряет стеклотару в реку и с тоской смотрит одним глазом на костёр, полыхающий на тёмном берегу. А другой глаз совсем «заплыл», закрылся. Синяк вместо глаза, по-простонародному «фонарь», но не светит он, и не греет.

Тихо и жалобно, словно поскуливая, заводит песню Давид:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли...

40. СОЛО, ДУЭТ, ТРИО.

Четверо местных самых устойчивых граждан аккуратно, под локотки передвигают Сокола и Жорку в сторону парохода. С горочки спускаются, по бережку влекутся, на хилую пристаньку восходят, на пароход вступают...

И вот уже стоят на палубе в обнимку, по-моряцки покачиваясь, Сокол с Жоркой и крутят головами в разные стороны, пытаясь сообразить: откуда доносится песнь Давидова. Обшаривают глазами ночное небо в звёздах – и обнаруживают источник нечеловеческого песнопения: на мачте пароходной.

*...Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —*

*Огни мои в топках совсем не горят,
В котлах не сдержат большие пары...*

Жорка: Чего это он?

Сокол (*икая во всё время диалога*): Воспарил.

Жорка (*восхищённо*): Хемингуэво! А на фига?

Сокол: Это у нас бывает... У поэтов... Периодически...

Сплошь и рядом... Через одного...

Жорка: У пьяных?

Сокол: У разных.

Жорка: Хемингуэво! А на фига?

Сокол: Конструкция такая... чтоб вострепетать... Иногда так хочется вострепетать, а – где?.. Негде... Опять двадцать пять... по сто грамм... на рыло... Откуда благолепию взяться?..

*...На палубу вышел... Сознания уж нет.
В глазах у него помутилось...
Увидел на миг ослепительный свет...
Упал... Сердце больше не билось...*

*Сокол с Жоркой переглянулись. В их глазах появились
скупые мужские слёзы. Жорка носом зашвыркал.*

Сокол и Жорка (*дуэтом*): Дави-и-ид!..

Давид (*недовольно*): Чего вам?

Сокол и Жорка (*дуэтом*): Слазь!

Давид: Мне и тут хорошо.

Сокол: Чего там хорошего?

Давид: Свежий воздух... Ветер странствий... Паруса надежды... Чайки, между прочим, присаживаются рядом... За своего принимают...

Жорка (*вздыхает*): Хемингуэво-то как...

Сокол (*воодушевлённо*): А давай, Додик, допоём, а потом сначала начнём, а?

Поют трио.

*...Напрасно старушка ждет сына домой, —
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает...*

Сокол с Жоркой вдрабадан расчувствовались! Утирают свои скупые мужские...

Сокол (с прежней устойчивой икотой): И что, Додик... вниз на палубу...но пасаран?

Давид: Ни за что!

Сокол: Ну, тогда прощай...Нам по режиму отбиваться надо...Так мы пойдём?

Давид: Мне на ваш режим начхать со своей колокольни! А вы идите! Идите к своим рундукам! И там икайте!

Сокол: Ну, мы пошли, значит...Раскочегарил ты нас, Додик...

Жорка (всхлипывая): ...как простых лохов! Прощайте!

Давид (торжественно): Прощайте, товарищи! Может, ещё увидимся...

Сокол: Прощай, прощай... Не понимай... (запинается на слове и тут же поправляется)... не поминай с лихуем...

Давид: Сказал кочегар кочегару...

Сокол: Прощай и прости, брат...

Давид: Бог простит...

Сокол: Бог-то простит...так ведь не скажет...А ты скажи, брат...

Жорка: Бога нету.

Сокол: Не возникай, Жорка...Додик сейчас ближе к небу...Ему виднее...Прощай, брат...

Не разнимая обнимки, Сокол с Жоркой неловко топчутся, протискиваясь в дверь кают-компании, и, наконец, исчезают в её черноте.

41. В КАПИТАНСКОЙ КАЮТЕ.

Хельга лежит на тахте в пёстром мохнатом халате. В руках «Спидола». Хельга вращает ручку настройки, путешествует в эфире, ищет нужную радиостанцию.

Обычный эфирный шум-треск-визг, но нужные радиоволны перекрываются «глушилками». От звука «глушилок» лицо Хельги страдальчески морщится.

*Ганнибал за столом ремонтирует переломленный протез.
Полоски жести в работе, плоскогубцы, ножовка,
отвёртка с шурупами...
Через приоткрытый иллюминатор слышатся распевы
Давидовы.*

Ганнибал: Надо же... как парень перепугался...

Хельга: Впечатлительный. На его месте любой нормальный человек испытал бы шок.

Ганнибал: Да я понимаю... А перелом точно на прежнем месте, и второй раз - капремонт... Третьему не бывати! Поедем в отпуск в Севастополь – закажу в госпитале новые протезы.

Хельга: Ты понимаешь. Только не нужно было ему ром пулять на мачту. И к тому же без закуски. Ужас какой!

Ганнибал: Да весь ром у Давида в концерт вылился! Но в принципе – бардак. Пора бы ему уже баиньки.

Хельга: Выйди. Скомандуй. Ты же капитан! Он тебя не посмеет послушаться.

Ганнибал: Не хочу. Пусть парит, вольный сын эфира. Или этот... мцыри, что ли. Проветрится – сам слезет. Мцыри...

Хельга: Ты совершенно не знаешь поэтов. Они упёртые.

Ганнибал: Все?

Хельга: Настоящие... *(Выключает радиоприёмник)* Ни-че-го. Одни мухи жужжат. Как я их ненавижу, эти жужжалки!

Ганнибал: Семнадцать лет прошло – и никто нигде ни слова, ни полслова не сказал правды про гибель линкора. А шестьсот моряков по дну маршируют...

Хельга *(быстро меняет тему разговора)*: Может мне попробовать согнать Давида с мачты? Упадёт ещё, расшибётся... Как ты думаешь?

42. В КАЮТ-КОМПАНИИ.

Семён уже спит. Сокол и Жорка ещё ворочаются на койках.

Жорка: Уж полночь близится, а Додика всё нет.

Сокол: Тих-ха!

Прислушиваются.

Сокол: Вроде, ещё поёт.

Жорка: Поёт. Про кочегаров. Второй тайм...

Сокол: Трепещет...

И снится дивный сон Жорке.

Ухватившись руками за мачту, трепещет на ветру Давид Звенигородский, точно вымпел корабля: трепыхается, вьётся, изгибается, полощется туловище поэтова в горизонтально устремлённом положении... «Роджер», не очень весёлый, но живой! Ветер дует Давиду прямо в лицо. Прямо в рот, криком кричащий. И тело надувается, как воздушный шар...руки уже не в силах удержаться за мачту...и Давид отрывается и улетает...словно дирижабль...в неизвестном направлении...

43. НА ПАЛУБЕ.

Щитовая крышка грузового трюма слегка сдвинута. В образовавшейся щели вспыхнул свет...Пароход слегка качнуло на лёгкой волне. Щит на роликах откатился и занял прежнее положение. Трюм сам по себе закрылся. Щель исчезла. И свет исчез. И явилась полная ночь.

44. ТРЕВОГА!

Пароходный ревун.

Отплытие. В рулевой рубке за штурвалом – Ганнибал.

Сокол и Жорка одновременно подсакивают, как ошпаренные, на койках. Смотрят друг на друга: Жорка сверху вниз, Сокол снизу вверх. Потом оба переводят

взгляды на пустую койку Давида – и опрометью, в одних трусах выскакивают из кают-компании. И видят: мачта есть, Давида нет...Истошный спаренный вопль: «Сос! Тревога! Человек за бортом!...»
Сзади к орущим подходит Семён, трогает Сокола за плечо.

Семён: Доброе утро, товарищи. Вы кого ищите?

Сокол: Давида не видел?

Семён: Ещё не видел.

Сокол (*кричит*): Смыло Давида!

Семён: Откуда?

Сокол (*показывает на мачту*): Он там висел!

Семён (*невозмутимо*): Я слышал. Сладкозвучный наш певец, однако. Был.

Сокол: Что значит был?

Семён: Вчера был. Сегодня нету. Такое дело. Антракт, называется.

Жорка вскарабкался на мостик управления. Кричит сверху.

Жорка: Нету! Сдуло!

Семён: Как сдуло? Куда сдуло?

Жорка: Туда! (*Показывает на небо*) Я сам видел!

Из рубки выходит Хельга с посудой к завтраку. Сокол бросается к ней.

Сокол: Давид пропал! Смыло!

Жорка: Сдуло!

Хельга (*деловито*): Смыло или сдуло?

Сокол: Какая разница? Пропал! Срочные меры... Чепэ же!

Хельга (*невозмутимо накрывает стол*): Бывает. На флоте всякое бывает. Не паникуйте, Александр.

Сокол: Да что вы все такие... (*Бежит в рулевую рубку к Ганнибалу*)

Хельга (*Жорке*): От судьбы не убежишь...

Семён отбивает склянки.

Хельга: Мойте руки перед едой, мальчишки.

Возвращается Сокол. Садится за стол. Обхватывает голову руками. Барабанит кулаками по столу.

Сокол (*лихорадочно*): Что делать... Что делать... Что делать...

Хельга: Не поддавайтесь панике, Александр. Прислушайтесь к внутреннему голосу. Он подскажет правильное решение. А Ганнибал уже принял меры.

В последовавшей паузе вдруг слышится голос Давида. Голос глухо доносится из трюма. В этом не было никакого сомнения. Из трюма. Голос Давида Звенигородского:

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

С каждым новым словом песня набирает мощь и отвагу Краснознамённого ансамбля Военно-Морского Флота. Сокол и Жорка, опрокинув табуретки, бросаются к трюму. Оба со всего размаху распластываются животами на щите и прижимают к нему уши. Сокол – правое ухо, забинтованное. Жорка – левое. Лежат лицом в лицо, прислушиваются.

Жорка: Он!

Сокол: Живой... Вот же, сука какая... (*Стучит кулаками по щиту*) Додик! Это ты сам? Или не сам?

Голос Давида из трюма: Хрен с усам!

Сокол пытается сдвинуть щит трюма. Жорка ему помогает. Вдвоём они откатывают щит и открывают вход в трюм. Свешивают головы в трюмное пространство.

Сокол: Вылезай!

Голос Давида: Мне и здесь хорошо...

Сокол с Жоркой облегчённо выдыхают. Откидываются на спины.

Жорка: Ему там хорошо.

Сокол: Вдребезги!

Жорка: Ну, конечно, ведь без закуски...

Сокол: Там ящик с паштетом стоит.

Жорка: Открывашки нет.

Сокол: А Майкл одним зубом консервы вскрывает...

(Взывает) Дави-и-ид! Вылазь по-хорошему!

Жорка: Давайте сами спустимся...

Сокол: Не-еет! Давида голыми руками не возьмёшь. Я знаю. Надо выманивать...

Подходит Хельга с двумя мисками-ложками и Семён со стаканами компота.

Хельга: Всем приятного аппетита *(подбородком кивает в сторону трюмной глубины)*.

Сокол и Жорка усаживаются на щите, свесив ноги в трюм, и принимаются за еду. Громко стучат ложками о миски, урчат, чавкают...Выманивают.

Жорка *(громко – в трюм)*: Гречневая каша с мясом!

Голос Давида: Чихал я на вашу кашу!

Сокол *(громко – в трюм)*: И компот! Холодненький!

Голос Давида: Чихал я на ваш компот!

Хельга *(громко – в трюм)*: И оладушки со сметаной!

В трюме возникла тишина.

Жорка *(всматривается вниз, шепчет)*: Клынул... К лестнице ползёт...

В трюме раздаётся грохот.

Жорка *(в отчаянии)*: Всё. Разбился... Ёлки-палки, понаделают тут крутых лестниц... Оладушки со сметаной, понимаешь...

Сокол: Быстро! Вниз! Пока он не очухался...

Сокол и Жорка один за другим скрываются в трюме.

45. САНЧАС.

За общим палубным столом – Хельга и Сокол. Сокол выставил перед собой согнутые в локтях руки, и Хельга наматывает на них нескончаемый бинт, опутавший уши пациента. Наконец, голова полностью разбинтована, обнажились фиолетовые уши.

Хельга (*осматривает уши Сокола*): Вот и всё. Перевязка больше не нужна. Ходите свободно. Пусть уши дышат свежим воздухом. Как слышимость?

Сокол: Лучше прежнего.

Хельга отклеивает круглый пластырь со лба Сокола.

Хельга: Даже жалко отклеивать. Вам этот кружочек очень даже к лицу. Вы прямо как индийская девушка!

Сокол (*выставляет забинтованный палец*): А это?

Хельга: Подождёт...

Подбегает Жорка – с глазами навывкате.

Жорка (*срывающимся голосом*): Давид помирает! Зовёт...попрощаться... в последний раз...

Хельга: Проснулся?

Жорка: Лучше бы... не просыпался...

Сокол: Похмелиться бы ему. Спиртику. Или пивка. Холодненького.

Хельга: Никаких пивков! Нашатырный спиртик. И активированный уголь. Сразу десять таблеток. Может, даже капельницу придётся.

Жорка: Срочно!

Хельга: Сию же минуту.

Жорка: Он ещё и ногу вывихнул! И глаз ему надо разлепить! Это, оказывается, Семён ему огурцом зафитилил!

Хельга: Вот Семён ему и ногу выправит. Он мастер. Ну, всё. Процедура закончена. Вы, Александр, прямо совсем как свежий огурчик. Иду к Давиду. А вы здесь подождите. В кубрике и так не развернуться...

Берёт лежащий на столе белый чемоданчик с красным крестом на крышке и уходит в кают-компанию.

Сокол с Жоркой остаются за столом. И Семён подсаживается.

Молчат. Тягостное ожидание. Которое можно лишь живой речью облегчить.

Сокол: Я проверил. Давид в трюме всего две «Три семёрки» выпил. А так развезло!

Жорка: А раньше? Он, видать, ещё до трюма всего намешал. Так ведь, Семён? Ты же на пароходе был?

Семён: Был.

Жорка: И что скажешь?

Семён (задумчиво): Я скажу... Бывает, что и не помирают, а совсем наоборот.

Жорка: Как это?

Семён: А вот был прецедент в нашем пароходстве. Давно. Но народ помнит. Один мужчина, он на сухогрузе плавал, и однажды, после премии за коммунистический труд в навигации, мучился-мучился и собрался помирать. Залёг в кубрике и лежит. Лежал-лежал, потом взял химический карандаш «Астра», фиолетовый такой, как у Сокола уши, четыре копейки цена, хороший карандаш...

Сокол: Не надо про уши.

Жорка: И про карандаш не надо! Про чувака давай. Что дальше-то?

Семён: А я и говорю дальше. Лежал, лежал. Потом взял карандаш «Астру», поплюнявил и написал на своём мужском достоянии...

Жорка: Где?

Семён: По-русски не буду говорить. А по-латинскому будет пенис. По-латинскому все народы мира понимают, об чём речь идёт. И вот на этом своём пенисе мужчина написал химическими буквами: «Пращайти бабы». Поставил восклицательный знак, лёг на рундук и руки скрестил на груди, как уже готовый покойник.

Сокол с Жоркой переглянулись и заржали.

Семён: Смеху тут мало, товарищи. Потому что – трагедия. И вот, как у Шекспира, заходит в кубрик его баба...

Жорка (не может унять смех): Шекспирова?

Семён: Баба мужчины. Зашла и говорит: «Ты это куда собрался?» Она в грузовом порту на вахте сидела, в

проходной будке. Сейчас уже не сидит, однако. На заслуженной пенсии. Звать Кнопа...

Жорка: Это что за имя? Латинское?

Семён: Её мужчина называл: Кнопка. Или – Кнопочка. А у народа язык не поворачивался так называть. Потому что была баба очень обширная. Прямо Гулливер. Одна нога, наверно, пятьдесятого размера. И так далее...

Жорка (нетерпеливо): Семён, всё! Больше не надо про Кнопу. Про чувака давай.

Семён: Я так и говорю. Подходит Кнопа к мужчине, видит такое дело и говорит: «Ты чего это тут такое завещание написал? Ты неправильно написал!» Мужчина, звать Кеша, руки раскрестил обратно и глаза открыл. А Кнопа ему говорит: «В одном слове целых две ошибки плюс нету запятой! Чему тебя в школе учили?» Мужчина говорит: щас исправлю. И начал карандаш слюнить. А Кнопа говорит: поздно, дорогой! И тут между ними началось такое, чего в нашем пароходстве никогда ещё не начиналось. Весь пароход дрожал и со швартовки сорвался. Ушёл в свободное плавание, без руля и без ветрил. Хорошо – вовремя хватились. Еле-еле поймали.

Жорка (округлив глаза): А что такое случилось?

Семён: Это никто не знает. Есть только предположения и гипотезы. В народе разное говорят...

Общая пауза. Взрыв хохота Жорки и Сокола. И снова – резкая пауза.

Жорка (стонет и держится за живот): И где тут мораль?

Семён: С неграмотностью надо бороться. Учиться надо, как Ленин завещал. А пить надо меньше.

Сокол (мрачно): Так одни только бабы говорят мужикам. И что характерно. – по любому поводу. А ты, Семён...я очень удивляюсь... пляшешь под ихнюю дудку, бабскую.

Семён: Правильно дудка говорит. Мне нравится.

Жорка: Но к Давиду это не относится. Он нечаянно. Можно сказать, несчастный случай.

Семён: Его пример – другим наука.

Жорка: Что вы этим хотите сказать?

Семён: Евгений Онегин сказал. Я согласный. Пить надо меньше.

Жорка: Но чаще. Тогда выработается умение. Дипломатов специально обучают.

Сокол (мрачно): Ты что, в дипломаты собрался?

Жорка (загадочно): Кто знает, как жизнь повернётся?

Сокол: Чья жизнь?

Жорка: Международная.

Из кают-компании выходит Хельга.

Застольная компания молча-вопрошающе устремляет взгляды на неё. Жорка не выдерживает молчания.

Жорка: Будет жить?

Хельга: Будет...и ещё чего-нибудь натворит. Я ему капельницу поставила. Сейчас уснёт. А вы идите к нему. Посидите немножко. Он ворочается. Смотрите, чтобы игла из вены не выскочила...

46. РАДИОГЛАС ИЗ-ЗА БУГРА.

Из судового динамика громкоговорящей связи (ГГС) – голос Ганнибала.

Голос Ганнибала: Семёну срочно подняться на мостик!

Семён уходит в рулевую рубку и сменяет Ганнибала за штурвалом.

Ганнибал (настраивает «Спидолу»): Антенну пробросил?

Семён: Так точно, товарищ капитан! Волна будет почище. Без чешуи, однако..

Ганнибал: Должна...

Крутит ручки настройки. В эфире – обычные шумы, треск, обрывки музыки и дикторской речи, радиопомехи...

Семён: Если б я был самый большой начальник в нашем Советском Союзе, я бы отменил чешую...

Ганнибал: Тиш-ше! Пошёл эфир...

Радиоглас: ...активное нежелание государства расследовать трагедию флагманского корабля эскадры Черноморского флота линкора «Новороссийск», бывшего «Юлия Цезаря», переданного Италией Советскому Союзу по репарациям после второй мировой войны... В 1 час 30 минут 29 октября 1955 года в носовой части линкора произошёл мощный сдвоенный взрыв. В результате полученных повреждений через 2 часа 45 минут после взрыва корабль перевернулся и затонул в Северной бухте Севастополя, унеся с собой жизни свыше 600 моряков...

Голос радиодиктора наплывал волнообразно, и громкость звука была такой же – то тише, то громче. Но речь диктора была ясной и чёткой. В сопровождении мушиного зуденья глушилок. Но постепенно глушилки исчезают, вытесненные музыкой А.Теплякова на тему «Пьяного корабля»...

Радиоглас: ...Из Большой Лжи закономерно прорастает Правда, когда истина находит опору не только в фактах, но и в неуклюжем вымысле. «Домашняя заготовка» Москвы и её официальной комиссии по расследованию гибели линкора потерпела провал. Сначала рухнула версия самопроизвольного взрыва некондиционного боезапаса артпогребов. Водолазы подтвердили: артпогреба линкора – в целости. Тогда комиссия выдвинула новую версию: случайный подрыв корабля на невытравленной мине, блуждающей со времён Второй мировой войны. Но факт сдвоенного взрыва – именно сдвоенного! – поставил крест и на этой версии. Тогда в ход была пущена версия о подводной диверсии с применением систем оружия итальянского или английского происхождения – боевых пловцов, человекоуправляемых торпед и мини-подлодок типа «Миджет». Эта версия не выдерживает никакой критики...

Ганнибал опустился на высокий стул. Опустил голову, обхватив её руками. При этом весь был обращён в слух.

Радиоглас: ...Вот только несколько фактов. Приказ встать на якорную бочку №3 поступил, когда линкор, возвращаясь в базу, уже лёг на Инкерманские створы. Кроме того, как стало известно, линкор, действовавший по

своему плану, заходил в базу первым и долго швартовался, перегородив бухту. Остальные корабли эскадры были задержаны на внешнем рейде и в дальнейшем швартовались, проходя мимо «Новороссийска», что исключало развёртывание и тем более перенацеливание диверсионных сил и средств. Таким образом, анализ возможностей диверсионных средств приводит к простой мысли о доставке зарядов надводными – подчёркиваю, надводными! – плавсредствами, затопленными на месте стоянки линкора. Однако правительственной комиссией, контролируемой КГБ, делалось всё, чтобы такой мысли даже не могло возникнуть...

*Ганнибал подставляет «Спидолу» к микрофону ГГС и щёлкает тумблером принудительной трансляции ГГС...
Слышно всем. Слышат все. Река усиливает звук. Звук летит над водой, опережая движение парохода...
Звучит музыка. Кричат чайки.*

Радиоглас: ... Осталось без внимания загадочное исчезновение катера и баркаса, находившихся над местом взрыва под правым бортом линкора. А ведь исполнители диверсии знали, что делали: катер и баркас были начинены взрывчаткой, погубившей их самих вместе с линкором. Мы ещё назовём имена исполнителей этой акции: старшего лейтенанта спецназа и двух мичманов... Из совокупности данных следует, что московская комиссия располагала всеми фактами и могла сделать расстрельный для себя вывод: подрыв линкора «Новороссийск» был подготовлен и осуществлён отечественными спецслужбами КГБ с ведома руководства страны во внутриполитических целях. Спрашивается, кому была нужна и против кого была направлена эта грандиозная провокация? На этот вопрос ровно через два года после гибели линкора, 29 октября 1957 года, на Пленуме ЦК КПСС ответил Хрущёв: «Нам предложили, - сказал он, - вложить во флот более 100 миллиардов рублей и строить старые катера и эсминцы, вооружённые классической артиллерией. Мы не согласились и провели большую борьбу против догматиков в военно-морском руководстве. В декабре 1955 года мы сняли с должности командующего ВМФ адмирала Кузнецова, который оказался не способным думать и заботиться о развитии флота, об

обороне. Нужно всё оценивать по-новому. Надо, конечно, строить флот, но прежде всего не надводный флот, а подводный, вооружённый ракетами». Так заявил генсек Хрущёв. И многое стало понятным...

В рубку входит Хельга. Придвигает к стулу Ганнибала другой такой же, высокий, без спинки. Молча прижимается к капитану, склонив голову на его плечо.

Радиоглас: В то время началось выполнение большой, ещё Сталиным одобренной кораблестроительной программы, предусматривавшей строительство мощного надводного флота. Одновременно в СССР начались испытания ракеты Р-11 с подводной лодки. А сын Хрущёва, Сергей – становится известным ракетным конструктором. И генсек, конечно, был большим сторонником нового направления развития вооружений. А трагедия линкора – неоспоримый аргумент: вес взрывчатого вещества, которым потопили линкор, одна тонна, что очень близко весу боевой части ракеты Р-11 – и это веский аргумент, чтобы убедить Политбюро: одной боеголовки хватит, чтобы потопить огромный корабль. Так зачем, в таком случае, нужны такие уязвимые монстры, подобные линкору? Не лучше ли строить подводный флот, оснащённый ракетами?.. Таким образом, десятилетний план судостроения, не отражавший приоритеты оборонно-промышленного комплекса, объективно не мог поддерживаться руководством страны, что и решило судьбу адмирала Кузнецова. Основанием для его устранения с должности в административной системе государства тех лет могло стать только масштабное чрезвычайное происшествие. Кузнецова сняли после гибели линкора. Назначили Главкомом ВМФ адмирала Сергея Горшкова, человека послушного линии партии. А что касается погибшего линкора и других трофейных кораблей, то все они были обузой для промышленности. Все они подлежали разделке на металлолом. Очередь дошла и до строящихся крейсеров и авиационных комплексов, в том числе стратегических, не говоря уже о тысячах уволенных из Вооружённых Сил специалистов, на подготовку которых ушли многие годы и ресурсы... В следующих передачах мы продолжим исследование этой темы...

*Музыка.
Чайки кричат.*

Ганнибал выключает радиоприёмник и становится к штурвалу.

В рубку входит Давид. В левой руке – металлическая стойка с держателем флакона («капельница»), правая рука согнута в локте, игла введена в вену и приклеена к коже лейкопластырем. Сзади Давида – Сокол и Жорка. Они из-за спины Давида пытаются объясниться с Хельгой по поводу такого самоуправства пациента: мы, мол, держали, как могли, но он, сами видите...

Давид (Ганнибалу - сбивчиво): Извините меня... Прошу вас...Пожалуйста... Простите меня, товарищ капитан...За эту ногу... протез...эта дурацкая дуэль...

Ганнибал молчит. Давид приближается к нему. Ганнибал одной рукой обнимает Давида за плечи. Ободряюще кивает.

Ганнибал: Сейчас у тебя Хельга начальник. Не нарушай, брат, предписанного режима. Ей это очень не понравится. А насчёт меня... Не переживай. Как у нас Семён говорит: всё протекает в русле. Так, Семён?

Семён: Так точно. Однако.

Хельга (строго): Вы, Давид, безобразник! Немедленно ступайте в кубрик!

Обследует руку с иглой. Забирает стойку. Флакон с физраствором пуст. Семён открывает настенный шкафчик с красным крестом на стекле, ищет что-то необходимое. Хельга умело вынимает иглу и место её введения в вену прижимает ватным тампоном из упаковки, вскрытой и протянутой всё понимающим Семёном. Поддерживая Давида за талию, увлекает его на выход.

Хельга: Вам нужно полежать. Уснуть. Пойдёмте без фокусов. И очень жаль, что на корабле нет гауптвахты...

Выходят из рубки.

Давид: В кубрик не пойду. На воздухе подышу.

Хельга: Хорошо. Дышите глубоко. Носом.

Давид: А это вы сейчас «Голос Америки» слушали? Или «Свободу»?

Хельга кивает.

Давид: Это для вас так важно? Там тоже какая-то тайна?

Хельга: Это уже перестаёт быть тайной.

Давид: Я никому не скажу! Скорей – умру!

Хельга (после паузы – решительно): Не умирайте раньше срока, Давид. Идите за мной.

Возвращаются в рубку и спускаются в капитанскую каюту.

47. В КАПИТАНСКОЙ КАЮТЕ.

Хельга сдвигает в сторону дверцу стенного шкафа.

*В тёмной глубине, в рассеянном лучике света из иллюминатора – сверкающий целлофановый чехол на плечиках, а в чехле – белоснежный китель флотского офицера, форма номер один парадная: стоячий воротник на двух крючках; два нагрудных накладных кармана без клапанов; пять больших блестящих «дутых» пуговиц с якорьком; золотые лейтенантские погоны: две звёздочки, чёрный просвет; нагрудный знак Высшего военно-морского училища; значок «Отличник ГТО I степени»... Готов к труду и обороне... Кортик на чёрной портупее с пассивками... Служил Советскому Союзу...
Наград Родины нет...*

Давид (после долгой паузы): «Новороссийск»?

Хельга молча кивает. Прикусывает то верхнюю губу, то нижнюю. Наверняка, чтоб не расплакаться.

48. НА КОРМЕ.

*Хельга и Давид стоят, облокотившись на бортовой леер.
Смотрят на убегающую из-под гребного винта
вспененную, бурлящую воду.*

Давид: И даже Сокол не знал?

Хельга: Никто. Кроме Семёна.

Давид: Приказано молчать?

Хельга: Ну, да. Под личную роспись. У гэбэшников это называется: подписка о неразглашении военной и государственной тайны. Любое упоминание о «Новороссийске» - преступление. Ни в разговорах, ни в письмах... А заграничное радио сообщило о гибели линкора уже через три часа после взрыва, в пять утра. Вот вам и вся тайна... И уже семнадцать лет прошло. И мы с Ганнибалом только друг другу разглашаем. По ночам. После его кошмаров с «полундрой» и приступами...

Давид: И весь Севастополь молчит?

Хельга: Целый год траура... Чёрные платья, платки... Какие разговоры? Слёзы. Горе. Чайки кричат. Люди молчат. Командование флотом оформило наградные листы – говорили, в них больше семисот человек. Отправили в Москву. Там документы и сгнули – в больших кабинетах ... *(Пауза)* А они с музыкой помирили.

Давид: Наградные листы?

Хельга: Моряки. В опрокинувшемся линкоре. В затопляемых отсеках. Где воздуха хватало уже только на несколько глотков и ещё на один куплет... Это был не «греческий хор», Давид. Самый русский. Из всех русских народных.

Давид: Что они пели?

Хельга: Вы знаете эту песню, Давид. Вы её недавно в трюме исполняли. На бис с оладушками...

*Давид опустил голову. Стыдно ему. Мерзко на душе.
Хельга это понимает...*

Хельга: Ганнибал чудом выжил. С флота его списали. А после того, как Марик навсегда ушёл в море, мы уехали из Севастополя. И вот здесь привождения, на Лене.

Давид: Ганнибал... как Маресьев.

Хельга: Нет. Маресьеву проще было. В литературе прославленный настоящий человек и герой нашего времени, легальный инвалид войны. А Ганнибал – инвалид нелегальный, с подпиской о неразглашении.

Давид: До сих пор скрывает? Но это же невозможно! В пароходстве... конечно, не военный флот, но ведь тоже... медицинские комиссии разные...

Хельга: А врачи, наверно, не догадались сказать Ганнибалу, чтобы он снял штаны и обнажил ноги. Медиков устроило его зрение, давление, температура, темперамент и так далее. А начальство в пароходстве «на ура» встретило. Дипломированный специалист, да ещё с военного флота! Вообще-то, тогда многие офицеры искали новую работу. После хрущёвских реформ...

Давид: А я заметил... Походка у Ганнибала... скрипучая... деревянная. Но вот ваши руки в синяках...

Хельга: Мои руки - это его приступы... Это его жуткие судороги... Я даже Семёна не допускаю в такие минуты... Я удерживаю изо всех сил... А он рвётся... А я держу! А у меня вот кожа такая чересчур... чуть что – и сразу синяк... Но сейчас приступы почти прошли. Редко. И слава богу. Ему легче. И мне. И Семёну. И «стеклянному пароходу»... Правда, Ганнибалу мало того, что о линкоре говорит западное радио. Он хочет, чтобы об этом было сказано у нас, в Советском Союзе, из самой Москвы... И чтобы по-честному...

Чайки кричат – низко, над самой водой.

49. ПИРАТСКАЯ ИСТОРИЯ.

Якорь с шумом уходит в воду.

*Стоянка, значит. Близ берега, у посёлка, где пристаньку
года два назад снесло ледоходом, а новую так и не
соорудили.*

Кубрик. Позднеевечерний час.

Давид на верхней койке безучастно лежит лицом к стене.

Сокол и Жорка готовятся ко сну.

*Сокол в карманное зеркальце разглядывает собственные
уши, вздыхает.*

*Жорка устраивается на верхней койке, блаженно
вытягивается, руки под голову положив. Поговорить
хочется Жорке.*

Жорка (*тихонько*): Давид, вы ещё не спите?

Сокол: Не беспокой Давида. У него был трудный день. И он не в себе.

Жорка: А где?

Сокол: Не понял.

Жорка: Если не в себе, то – где?

Сокол: В иных сферах. Отсюда не видно. Ты лучше у меня спроси, чего хочешь.

Жорка: Хорошо. Давайте про сферы.

Сокол: А вот про это я тебя хочу спросить, коллега. Когда мы вернулись на пароход – Давид на мачте висел. Так.

Жорка: Так.

Сокол: И ты тогда сказал, что бога нет.

Жорка: Ну, сказал. Вроде бы... И что? Самое время про это говорить? С похмелья.

Сокол: Не перебивай. Допустим, бога нет. Но есть церкви. Церквушки. Храмы. Памятники архитектуры. Люди строили и украшали. Красоту создавали. Жизнь на земле обустроивали. Одни купола церковные... На что похожи? Слеза богородицы. Роса господня. Капля благодати...

Жорка (*зевая*): Клизма.

Сокол (*поперхнулся*): Смелый образ. Даже слишком чересчур. Продолжай кощунствовать. Кому клизму вставлять?

Жорка: Некуда.

Сокол: Ну, как же... Если царствие есть...

Жорка: Царствие есть. Персонажей навалом, даже перенаселение. А кому воткнуть – некуда. Миражи в

пустыне. По-нашему, полярное сияние. Сиянию не воткнёшь.

Входит Семён, управившийся с делами якорной стоянки.

Семён: Завтра ещё один перегон, длинный... И мы – в столице будем. В Якутске.

Сокол (с усмешкой): Это ты мне говоришь? Спасибо.

Семён: Это я Жорке говорю. Мы знаем. Жорка не знает. Ему для романа понадобится, однако.

Жорка: Обязательно! Какая у нас там программа, в столице?

Сокол (Семёну): Проясни коллеге сферу, Семён. А я всё, в ауте. После Жоркиной клизмы...

Семён: Сфера такая. В столице у нас коммерции нет. Там большие пароходы в почёте. А мы им не конкуренты. Нас только в маленьких посёлках уважают. Дозаправимся топливом – и пошлём дальше, в Жиганск. А там уж до моря рукой подать.

Жорка: И что, по столице так и не прошвырнёмся? Поглядеть надо бы.

Семён: Прошвырнёмся. Сокол же с культурной миссией едет. Лекцию читать будет. Народ уже ждёт. Как в прежние разы. И никакой другой больше сферы не намечается. Нормальное дело, однако.

Жорка (аккуратно, вполголоса): А товарищ Сокол – про царствие небесное... Чо такое? Не пойму. Сферы ему...

Семён: Это он про торговлю, небось, думал. Про облпотребсоюз. А ты, Жорка, смотри на небо. Примеряйся к размерам. На земле-то таких сфер нету, чтобы к ним примеряться. Спи давай.

Жорка (внезапно садится на постели и свешивается вниз, к Семёну): А можно – я на палубу спать пойду?

Семён: Там хорошо. Напротив неба.

Жорка: Хемингуэво!

Семён: Только не простынь. Ты под шлюпку залезай. Меньше продувать будет.

Жорка быстро сворачивает постель и уходит на палубу.

Луна в разгаре. Звёзды – точно космическая семафорная азбука. Сигнальные огни на мостике управления.

*Прибрежный посёлок мигает двумя-тремя огоньками.
Вот и вся светотехника...*

*От ящичного штабеля на палубе осталось всего ничего,
десяток ящичков. Бутылочное стекло поблескивает,
добавляя таинства в палубное пространство.*

*И перевёрнутая вверх днищем свежееокрашенная шлюпка
лаковой чернотой сверкает. Одним бортом она опирается
на автомобильную покрышку, оставляя узкий лаз
вовнутрь. Туда и протиснул Жорка матрац, простыни,
одеяло с подушкой, и сам вполз. Некоторое время
побарахтался под шлюпкой, устраиваясь на ночлег, и
затих.*

*И подплывает к правому борту парохода лодочка с двумя
тенями. Одна тень гребёт вёслами, другая держит
зажжённый керосиновый фонарь, старый-престарый.
Летит железная «кошка» за борт парохода. По-пиратски
это называется «абордаж».*

*Одна тень взбирается на палубу и скользит в рубку - аки
тать в ночи.*

Стук в дверь капитанской каюты.

*Хельга спит. Ганнибал читает книгу Рембо. Он подходит
к двери и открывает её.*

Тень: Здрасьте...

Ганнибал: Здрасьте.

Тень: Мы это... Грабить пришли...

Ганнибал: Опять?

Тень: Да мы, извиняемся, они самые... Пираты, однако
(Подмигивает попеременно то левым глазом, то правым,
страшно искривляя рот).

Ганнибал: Ну-ну... Валяйте. Только аккуратно.

Тень: Да мы, значит, пошли?

Ганнибал: Ступайте.

Ганнибал закрывает дверь.

*Тень исчезает в полночь. Подходит к борту и призывно
машет рукой: все на борт, дескать... Потом подходит к
штабелю, развязывает крепёжные верёвки. Бутылки в
ящичках перестукиваются. Тень берёт один ящик и идёт к
борту...*

*Из-под шлюпки показывается длинный Жоркин нос и глаза
навыкате.*

Жорка (шёпотом): Эй!

Тень оглядывается, опускает ящик на палубу.

Жорка (строго, командным голосом): Положи назад! Иди сюда!

Тень подходит.

Жорка: Залазь!

Тень повинуется: протискивается в щель, увлекаемая изнутри Жоркой. А сам Жорка вдруг змейкой выскакивает из-под шлюпки, ногой выбивает автопокрышку из-под шлюпочного борта. Шлюпка шлёпается о палубу обеими бортами и запечатывает внутри Тень.

Жорка стоит на палубе, оглядывается вызывающе: ну, кто ещё следующий? На Жорке - спортивное синее трико с белой «мастерской» полоской по вороту и белыми буквами на груди: СССР.

Подходит к ящику. Вынимает бутылку. Это шампанское! Очень кстати. Жорка усаживается на ящик, раскручивает пробочную проволочку...

Над бортом парохода возникает голова Тени второй (без фонаря).

Тень вторая: Здравсьте.

Жорка: Привет.

Тень вторая: Оставьте маленько.

Жорка: Щас!

Встряхивает бутылку, направляет её в сторону Тени второй. Пробка вылетает, и струя... - в физиономию. И Тень с воплем падает в воду.

А Жорка пьёт шампанское – из горлышка.

На шум прибегают Сокол (в одних трусах). За ним – Давид и Семён. И Ганнибал подходит... Ганнибал (удивительное дело!) улыбается.

Жорка торжественно пьёт шампанское.

Сокол подсакивает к борту, смотрит вниз... и колошматит себя кулаком по голове.

Сокол (*в отчаянии*): Бляха-муха! Забыл! Совсем тут с вами... (*кричит Жорке*) А ты чо тут натворил?

Жорка пьёт шампанское! И пальцем указывает на шлюпку, из-под которой доносятся глухие вопли и стук.

Сокол: Чо ты наделал?!

Жорка (*невозмутимо*): Пусть не лезут.

Сокол (*кидается к шлюпке*): Василий? Это ты?

Семён приподнимает один борт шлюпки, подталкивает под неё автопокрышку, и на палубу выползает пират Василий.

Василий: Это я. Здравсьте. Ситуация такая...

Над бортом парохода вновь появляется мокрая голова Тени второй. Давид и Семён помогают ей перевалиться через леер на палубу.

Тень вторая: Зачем нам такие варианты, товарищ Сокол? У нас в уговоре такого не было, чтобы чуть не потонуть...

Сокол: Степан, ты извини... Тут такое дело...

Степан: Нехорошо получается. Не по-советски.

Сокол (*вопит*): Да забыл я! Забыл! Что сегодня мы у вас заякорились!

Степан: А мы помним, однако.

Василий: Ситуация такая. Со смеху помереть... Нах!

Стоит Василий уже в луже от стекающей с одежды воды.

Жорка, не выпуская из руки бутылку, недоуменно переводит глаза с Василия на Степана, со Степана на Сокола – и в обратном порядке...Начинает что-то соображать.

Жорка (*с обидой*): Вот так вот всегда... Жизнью рискуешь... За свободу и независимость... Навстречу опасности! А вместо неё – фигня какая-то... И возникает разочарование... Что делать? Кто виноват? Как нам чего-нибудь реорганизовать... (*Протягивает бутылку Давиду*) Будете?

У Давида при приближении бутылки мгновенно возникает рвотный рефлекс. Он издаёт сдавленный рыгающий звук, захлопывает ладонью рот и мгновенно исчезает.

Сокол (в извиняющейся, виноватой и даже заискивающей тональности): Кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Но давайте вопросы потом... А щас мы это дело прикончим...

Жорка (с вызовом): Ещё бы одна минута, и я бы ваших пиратов единолично прикончил. Без посторонней помощи. Одной левой. Элементарно.

Сокол: Не похоже.

Жорка принимает боксёрскую стойку, подпрыгивает перед Соколом с уклонами.

Сокол: Не валяй дурака. Тоже мне, мастер спорта! Только попробуй...

Жорка: Разве что только попробовать...

Имитирует серию ударов и попадает Соколу в челюсть.

Сокол (хватается за нижнюю губу): Уй-ю-ю-ю-юй...

Жорка: Сами просили попробовать. Я думал, вы уклоняться будете...

Нижняя губа Сокола публично посинела и отвисла. Василий и Степан аплодируют. Жорка виновато опустил голову. Ганнибал развернулся и ушёл в рубку.

Степан: Так это, товарищ Сокол... Кто победил?

Сокол (сплёвывая и посасывая губу): Ладно. Победила дружба. Всё. Кончаем балаган. Забирайте ваши трофеи и по домам.

Пираты спускают в лодку пару ящиков (один с шампанским, другой с водкой).

Оттуда доносится хлопок открываемой бутылки. И – голос Степана.

Степан: Товарищ Сокол! Выгляни на секундочку.

Сокол, прикрывая ладонью губы, подходит к лееру.

Степан: Чуть не забыли. Бригадир велел печать поставить. На путёвке знаний. Ловите!

Кидает Соколу большую печать. Сокол ловит.

Сокол: Подождите. Щас поставлю и верну.

Степан: Назад не надо. Я ещё нарежу, сколько бригадирю надо. Из старой подошвы. До свиданьица, товарищи...

Сокол (Жорке): Ну, а ты чего рассупонился? Открывай шампанское.

Жорка устремился к штабелю ящичков. Сокол уселся на шлюпке. Семён при виде этой посадки выпучил до предела узкие глаза и открыл рот для произнесения чего-то, но произнесения не последовало. Застыл Семён в позе «замри». В ожидании непоправимо ужасного.

Жорка (подходит к Соколу): Ну, и вот зачем они, эти пираты, товарищ Сокол?

Сокол (прихлёбывая из бутылки): Чтоб весело было, дорогой мой юный коллега! Чтоб не было серых будней. Вот представь себе: живёт народ, мероприятий у них нет, артисты не приезжают, кино недостаточно крутят...А тут – мы! Для разнообразия! Я пиратскую игру ещё два года назад придумал. Ганнибал в курсе. Хельга с Семёном тоже. И всё шло как по маслу. А на этот раз, Жорка, ты всё испортил. Романтики у тебя маловато. Другое поколение...

Жорка: А чего же вы нам с Давидом не сказали?

Предупредили бы!! Мы ж не против поиграться. А совсем даже за. Четырьмя руками!

Сокол: Хотел сюрприз вам подкинуть. И сам забыл. Проспал к чёртовой матери...Это ты меня своими клизмами расстроил...Ну, всё. Кончили комедию. Пошли почивать...

И тут оно случилось, то непоправимо ужасное, на что Семён сверхъестественно раскрыл глаза.

Эта человеческая трагедия снова собрала всех персон «стеклянного парохода», включая и Хельгу, которая примчалась как карета «скорой помощи» со своим

неотложным белым чемоданчиком с красным крестом, с какими-то вонючими бутылочками и баночками...

Сокол вопил. А его в это время со всякими предосторожностями отдирали от шлюпочного днища, не просохшего от свежей битумной покраски. Трусы можно было и на днище оставить, приклеились намертво – да и не жалко. Но вот ноги у Сокола... Уж шибко волосаты были ноги, и в этом состояла вся проблема текущего в подлунном мире момента.

«Тут ветеринар нужен!» - заметил Жорка, самовольно откупоривая новое шампанское: для дезинфекции, якобы.

Хельга извлекла длинные хирургические ножницы.

Сокол взвыл на луну, по-собачьи.

Луна вспыхнула подобием потолочного операционного одноблочного светильника...

Семён, кстати, признал и публично покаялся в своей преступной небрежности, не пометив шлюпку традиционным письменным предупреждением:

«Осторожно! Окрашено!» На что Жорка отреагировал философски: «Не человек красит место, а место – человека!»

И все как-то враз обрели задумчивое, сосредоточенное молчание.

Кроме Сокола.

50. ЯКУТСК.

Сокол, Давид и Жорка сходят по трапу на пирс.

На палубе Ганнибал, Хельга и Семён – машут руками, провожают спутников своих в сухопутный вояж по славному городу Якутску.

Наша троица приедета по-праздничному. В приподнятом настроении, хотя и абсолютно трезва: предстоит традиционное культурно-просветительное мероприятие.

Сокол выступит с лекцией в Доме культуры по ранее согласованному плану.

И вот они уже идут по улице. Не спеша, вразвалочку...
Бывалые моряки! В середине – Сокол. Обнимает
товарищей за плечи – и заводит намеренно бесшабашным
голосом:

*В Кейптаунском порту
С пробойной в борту
«Жанетта» починяла такелаж.
Но прежде чем уйти
В далёкие пути
На берег был отпущен экипаж.
Идут, сутулятся
По светлым улицам,
И клёши новые ласкает бриз...*

И - само собой!- последовал матросский перепляс с
чечёткой.
Так и идут, приплясывая. Вполне профессиональная
хореография у них из-под ног выщёлкивается! Ничего не
скажешь, артистические натуры, с лёту перестраиваются –
с жанра на жанр...

*У них походочка –
Как в море лодочка,
А на пути у них таверна «Кэт»...*

Город ярок и наряден: флаги, транспаранты, плакаты...
Совсем недавно, всего лишь две недели назад, отсвистел
Первомай.

В витрине продмага – «Абу-Симбел».
Давид икает и сморщивается.
Сокол многозначительно оттопыривает губу. И без того
опухшая, она свисает, кажется, уже ниже подбородка.
Качает головой Сокол: с крупнотоннажными баржами
северного завоза не поконкурируешь! Жорка
поддерживает качание...

*Они пришли туда,
Где можно без труда
Достать весёлых жёниц и вина,
Где пиво пенится,
Где пить не ленится
И юбки женские трещат по швам...*

На пути - бочка на колёсах с надписью «КВАС».

Сокол: По кружечке?

Жорка: С нашим удовольствием!

*Сокола в исключительно мужской очереди узнают,
приветствуют.*

*С тремя вспененными кружками в одной левой отходит
Сокол к товарищам. Подмышкой правой руки зажат у
него дипломат, и забинтованный палец – впереди.
Давид подозрительно отпивает глоток – и сплёвывает с
рыганием. Кособочит Давида, мутит...*

Давид (сдавленно): Пиво!

Сокол (сочувственно): На этих широтах квас – это дикая
пошлость...

*Продолжают движение.
Афиша извещает:*

СЕГОДНЯ В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ!

1. *Собрание профактива дорожно-ремонтного СМУ-2.
Доклад депутата тов. Сёмушкиной В.Т.*
2. *Лекция о международном положении и внутренней
политике. Выступает член Общества «Знание» тов.
Сокол А. И.*
3. *Час поэзии. Стихотворения собственного сочинения
читает тов. Сокол А.И.*
4. *«Шире круг!» Танцы! Играет духовой оркестр под упр.
тов. Никифорова.*

*Сокол довольно хмыкает и оглядывает товарищей: вот
так, дескать, нас встречают! Не абы как – афишей!
У подъезда Дома культуры стоит зелёный Уазик с
брезентовым тентом.
У парадных дверей вахтёр останавливает троицу.*

Вахтёр (приглядывается к Соколу): Никак сам товарищ
Сокол?

Сокол (насколько возможно - широко улыбается):
Собственной персоной. А это мои коллеги.

Вахтёр (*подмигивает*): Сразу и не опознаешь, однако. В прошлый раз вы как бы покрасивше были.

Из Уазика выходит Весёлый. Одних лет с Соколом. На нём синий пиджак, серая рубашка с жёлтым галстуком. В улыбке – коричневые зубы.

Весёлый (*подмигивая и обнимая с похлопыванием карманов Сокола*): А мы вас так ждали, так ждали, товарищ Сокол! Аж все испереживались! Ёкалэмэнэпэрэсэтэ! И чо это наш гражданин поэт где-то задерживается? Может, чего случилось по пути?

Сокол (*слегка смущаясь столь горячей процедуры приветствия*): Да ладно уж, чего там...Надеюсь, я не опоздал? И долго ждёте?

Весёлый (*подмигивая*): С прошлого года!

Оба смеются.

Сокол: А вы кто будете, товарищ?

Весёлый (*подмигивая*): Да уж по вашему делу буду, товарищ. Пройдёмте-ка! (*Берёт Сокола под руку и подталкивает в направлении Уазика*).

Сокол: Это ещё куда?

Весёлый (*подмигивая*): Да прогуляемся! Тут недалеко, за углом...

Сокол: На машине?

Весёлый (*подмигивает*): Специально для вас. Уазик!

Сокол (*улыбается на пределе широты*): Бывший Газик.

Жорка: А ещё более бывший – «бобик».

Давид: В девичестве – «козёл»...

Из дверей Дома культуры выходит директор. Таисьей Петровной звать. Дама средних лет. С шиньоном. В розовом кримпленовом брючном костюме. Туфли «на платформе».

Таисья Петровна (*Весёлому*): Ты, Гошка, не шибко-то ухватывайся за товарища. Он персонально к нам приехал из центра. Лекцию читать будет. Народ почти собранный сидит. Ждёт. Здравствуйте, товарищ Сокол! Ой, какие мы радые!

Сокол (*отстраняется от Весёлого*): Приветствую вас, Таисья Петровна!

Таисья Петровна (*встревоженно*): А чо это у вас губка маленько припухши? И ручка ваша тоже самое, гляжу... малость забинтованная...

Сокол: Издержки производства. А вы всё хорошеете, Таисья Петровна!

Таисья Петровна (*кокетливо подмигивает*): На прошлой неделе как раз сорок пять сполнилось! Как говорится, баба ягодка опять!

Сокол: Безусловно! Есть ещё ягоды в ягодицах! (*Шутливо хлопает Таисью Петровну по крутому заду*).

Смеются. Таисья Петровна берёт Сокола под руку и ведёт в раскрытые вахтёрюм двери ДК. Следом за ними направляются Давид с Жоркой. И Весёлый – замыкающим.

51. В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА ДОМА КУЛЬТУРЫ.

Обстановка, убранство директорского кабинета – пёстрая смесь номенклатурного царства-канцелярства тридцатых годов, плюшевого мещанства пятидесятых и прибалтийского модерна конца шестидесятых – начала семидесятых.

Оленьи рога на стенах – как национальный колорит.

Портреты вождей в золочёном багете – колорит советско-партийный. На стенах же – красные треугольные вымпелы с жёлтыми кистями, почётные дипломы и грамоты. В углу – высокое трюмо и стойка с Переходящим Красным знаменем за достигнутые (и т.д.)

Огромный чернокожаный диван с полочками и кружевными салфетками – и рядом трёхногий журнальный столик с сифоном для газирования воды. Современные радиоприёмник и магнитофон. И патефон со стопой грампластинок - на тумбочке XIX века. Тяжёлые бархатно-вишнёвые портьеры на двери и окнах. Медвежья шкура с оскаленной пастью на полу.

Большой письменный стол с зелёным сукном и толстыми точёными ножищами. Торцом к нему – лёгкий кафешный столик с бутылками сладкой газоды «Буратино» и минералкой...

Жорку заинтересовала медвежья пасть. Давид подозрительно исследует бутылки на столе, прежде чем раскупорить одну из них. Сокол развалился на диване – в одном углу, Весёлый – в другом. Таисья Петровна, как радушиная хозяйка, суетится по кабинету...

Таисья Петровна: Мы, товарищ Сокол, хотели вообще организовать ваш творческий вечер с вашей декламацией и нашим хором художественной самодеятельности. Не получилось. Не согласовалось с нашими органами. Просто жаль...

Сокол: Без органов нельзя?

Таисья Петровна: Что вы такое говорите? Никак нельзя... Борони бог!

Весёлый: Тётя Тася! О-бо-ро-ни! Сколько раз повторять?

Таисья Петровна *(отмахивается):* Да ладно тебе... Уж ты грамотный шибко... *(Соколу)* С органов всё начинается. У каждого своя подпись *(Молча, но выразительно Таисья Петровна загибает пальцы на обеих руках)* И так дальше... Нет, без органов – никуда! Без них – не то что чо, а вообще ничо! Вон *(показывает на Весёлого)*, Гошка, племянничек! Тоже сидит. Мигает. Курирует! *(Смеётся)*

Весёлый: Тёть Тася! Ну... ёкэлэмэнэопэрэсэтэ!

Сокол *(весело - Весёлому):* Чего мигаем? Кого курируем? Курей топчем?

Таисья Петровна: Щит и меч, однако!

Перемигиваются и смеются все, кроме Давида и Жорки. Давид жаждет. Одну за другой он опустошает безобидные бутылки.

Жорка, присев на корточки, старательно расшатывает пальцами кривой жёлтый клык в медвежьей пасти. Таисья Петровна вынимает из ящика письменного стола пассатижи и молча подаёт Жорке.

Таисья Петровна: А хотите – я щас растворимое кофе вам намешаю? Или чаю?

Сокол: И то и другое – не водка. Много не выпьешь.

Давид при упоминании водки громко рыгает и прикрывает рот рукой: рвотный рефлекс безотказен. Жорка выдёргивает из пасти клык и показывает Таисье Петровне.

Жорка: На память ... м-м?

Таисья Петровна: От чистого сердца! А мне – смотрите! – вот чего на день рождения подарили от профсоюза!

Берёт с подоконника подарок: большая прозрачная бутылка, внутри которой – трёхмачтовый парусник.

Таисья Петровна: Из самой Болгарии!

Сокол (*держит в руках, разглядывает, принюхивается*): Остроумно! Но рационального смысла в этом нет. Вот если наоборот... Бутылка в пароходе! Да не одна, а полный трюм! А?

Таисья Петровна: Но всё ж таки культурно... Не то, что чо... У нас-то не додумались! Хотя все условия для народных умельцев у нас обеспечены! У нас столько кружков творчества! И на воде, считай, живём! При пароходах! И стеклотары у нас... А энтузиазма не хватает!

Сокол: Креативность не на высоте.

Таисья Петровна: Ну, что вы! То, что надо, у нас как раз на высоте! За прошлый год знамя получили. Передовики культурного фронта!

Сокол: Знамя, Таисья Петровна, это ещё не фронт. И не культура. Знамя ещё окультурить надо.

Таисья Петровна (*горячо соглашается*): Вот именно! Я про то же всегда... Именно – окультурить! (*Поправляет шиньон*). Бьёшься тут с этим делом день и ночь, а толку? Хрен с маковкой! А вообще, товарищ Сокол, вы всё правильно про меня написали в прошлом году в усть-кутской газете... «Дни и ночи нашей Северной Музы!» Я аж вся вспотела от комплимента!

Сокол: Надеюсь, изящная словесность вам очень даже не помешает, а – наоборот...

Таисья Петровна: Ещё бы! У нас этой словесности... На каждом заборе! Ужас прямо!

Смеются. Перемигиваются.

Сокол (*возбуждается*): Всё на языке! Всё у нас на языке висит! Начинается и кончается! С языка надо начинать культуру. Язык – самое наше близкое! Сразу под носом!

Сокол вскакивает с дивана, начинает вышагивать по кабинету, говоря и энергично жестикулируя.

Давид допивает последнюю бутылку, крутит в руках, опрокидывает, дожидаясь последней капли в стакан... Таисья Петровна спешит к холодильнику «Бирюса» и выставляет на стол пару бутылок «Нарзана» - холодного, потненького.

Жорка любит медвежьим клыком.

Весёлый наблюдает за каждым.

Сокол: Мы вот из народа не вылезаем! Видим, слышим! И что? Иногда наслушаешься такого – просто уши вянут (*Шлёпает пальцами по ушам – и морщится*)

Таисья Петровна (*воодушевлённо - Весёлому*): Вот, Гошка! Учись!

Весёлый (*обиженно*): Тётя Тася! Да чо ты, в самом деле...

Таисья Петровна: Помолчи, когда музы говорят! А то у тебя на языке одна только блять да блять!

Весёлый (*повышает голос*): Тётя Тася! Не одна! Не надо преувеличивать!

Сокол (*вмешивается*): Это, коллеги, сложный вопрос. Не только лингвистический. Увы! Возьмём мать. Мать у каждого одна. Так же и мат. Один на всех. Для коммунистов и беспартийных, мужчин и женщин, трудящихся и пенсионеров...

Весёлый (*строго*): Смотря по обстоятельствам. И не всегда. А также не везде. Тётя Тася, подтверди!

Таисья Петровна (*с горячностью*): У нас такого нету! Мы даже вообще не знаем, что оно такое... И не слыхали даже! Зачем оно нам? Нам это не надо! Это, может быть, в Америке надо на каждом углу – блять да блять! А у нас такое не водится! Мы всё ж таки не в какой-нибудь Америке проживаем... Мы в этом плане совсем по-другому проживаем! За истекший период уже многого добились! По линии профсоюзов, например, достижения налицо. Женсоветы активно работают. Не то что в Америке... Там вместо женсоветов одни банкиры набивают мешки с золотом и негров угнетают. А у нас такого нету и быть не может! Борони бог!

Весёлый: О-бо-ро-ни!

Таисья Петровна разошлась! Она взяла Сокола под руку и так вот, в ногу и под ручку, они вышагивают по кабинету – вперёд, назад, вперёд, назад... - всё более убыстряя темп маршировки...

В дверь заглядывает вахтёр.

Вахтёр: Таисья Петровна! Народ собранный. Депутатка торопится, даже к вам не захотела. И уже на трибуну вылезла. Речь толкает...

Сокол с Таисьей Петровной резко затормозили свой агитпробег трусцой по кабинету.

Таисья Петровна (кивнув вахтёру и поправив шиньон): Ну, пора, товарищи. Это вперёд вас выступает другой наш товарищ. Депутат. Сёмушкина Анна Тимофеевна. Задачи ставит перед дорожниками. Пойдёмте послушаем. Вдруг - чо полезное для вас...

52. ДЕПУТАТ АННА ТИМОФЕЕВНА.

Депутат Сёмушкина Анна Тимофеевна – на трибуне. Дама с шиньоном, таким же, как у Таисьи Петровны. И кримпленовый розовый брючный костюм – такой же. И туфли «на платформе».

Анна Тимофеевна – решительная женщина. Избранница трудового народа, она мечет в зал, ни на кого и ни на что не взирая. Даже бумажек перед ней нет.

Депутат: ...если это асфальт, то я вам не простая советская женщина-труженица, а какая-нибудь... сами знаете кто! Яма на яме! Колдоёбина на колдоёбине! Чёрт знает что такое! Мы ехали сюда как по минному полю! Это же не дорога, товарищи! Сплошные выибоны...

За столом президиума – начальник СМУ (строительно-монтажного управления). Громко крикает начальник. Потом хмыкает. После чего старательно маскирует эти звуки кашляньем.

Депутат (*обернувшись к начальнику СМУ*): А чего вы крикаете, товарищ Селивановский? Вам тут не крикать нужно, а плакать горькими слезами! Но вы почему-то крикаете! Критику надо воспринимать конструктивно и продуктивно!

Селивановский (*крякнув и пряча ухмылку в ладони*): Мы понимаем, Анна Тимофеевна. Выбоины, значит, и прочее другое...

Депутат (*перебивает*): А раз понимаете, значит и принимайте! И эти ваши **выбоины** закатать до конца недели! И на этом я не буду долго заикливаться! Всё! Вопросы есть? Вопросов нет. Значит, за работу, товарищи! До скорой, как говорится, встречи!

Депутат, подобно Хрущёву, Гагарину и Фиделю Кастро, вскидывает над головой сцеплённые рукопожатием ладони. Символ дружбы народов и солидарности трудящихся. Депутат потрясает символом и уходит за кулисы.

После чего в зале раздаются громкие продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию с криками «ура!». Депутат Анна Тимофеевна за кулисами слышит шум в зале, улыбается – и возвращается на сцену. Подходит к самой рампе. Неожиданно растроганная, прижимает руки к груди и раскланивается, раскланивается... Выпрямившись из очередного поклона «по-зыкински», смотрит в зал и видит: по центральному проходу через весь зал шествуют к сцене Сокол с товарищи да Таисья Петровна с Весёлым. В зале все встают – и не уходят.

Депутат плюнула – и скрылась за кулисами.

53. ЛЕКЦИЯ СОКОЛА.

На сцене за столом президиума – Давид и Жорка.

Сокол – в действии..

Говорит он уже долго, страстно. Трибун на трибуне!

А что касается манеры выступления... - тут за примерами далеко ходить не надобно. Если взять Никиту Сергеевича Хрущёва, добавить к нему Фиделя Кастро, приправить пропорциональными порциями от Евтушенко и Долорес Ибаррури, потом хорошенько встряхнуть, перемешать... - и получится гремучая смесь под названием оратория Сокола.

В первом ряду сидят Таисья Петровна рядышком с Весёлым. По ходу выступления Сокола Весёлый громче всех аплодирует, подмигивает, восклицает, руку тянет, вопросы задаёт... Таисья Петровна постоянно одёргивает своего активного племянника: веди себя, дескать, культурно! это ж не концерт! это ж, поди, умственное мероприятие!

Голос Давида *(речитатив на былинный манер):* Да уж... Губы – не гусли! Но вот воспарил Сокол! И распустил свой баян с перламутровыми кнопочками! Да напустил десять соколов на стадо лебедей! И какую лебедь настигали, та первой и пела песнь...

Огнём вдохновения горят очи Соколовы.

Уши фосфоренцируют.

Щёки люминесцируют.

Палец укушенный крутится-вертится ровно маячок в нощи али мигалка на ментовском олене...

Лица слушателей в зале.

Разные.

Эти глаза напротив...

Сокол *(громко выдохнул):* Ф-фу! А теперь, друзья, давайте вопросы. Не стесняйтесь. Здесь как будто бы все свои здешние.

Тянется рука из серёдки зрительного зала.

Подбадриваемый соседями из ближайших окрестностей, поднимается труженик.

Труженик: Вопрос назрелый! Допустим, на Чёрном море китобойная флотилия «Слава» - есть?

Сокол: Есть.

Труженик: И этой «Славе» всё отвалилось по полной программе! Им почёт, уважение, само собой, денежное удовольствие плюс заграничные валюты.

Сокол: Всё правильно. В чём вопрос?

Труженик: Вопрос в следующем. Мы, северные труженики, тоже хотели бы такого удовольствия, чтобы почёт, уважение и человеческий аванс по уму. И тоже хотели бы иметь флотилию (*Труженника поддерживают одобрительным гулом*). Море у нас рядом. Желающие кадры есть. Короче, всё есть. Почёта нет. Сколько терпеть!

Сокол: Вопрос непростой...

Труженик (*перебивает*): Только не поймите, что это какие-то наши требования. Это не требования, а самые простейшие и обыкновенные пункты всеобщей, полной и безоговорочной Конституции.

Сокол: Повторяю, вопрос сложный. С бухты-баряхты не решается. А с другой стороны – как посмотреть? Так же всегда бывает, что кому-то хорошо, а кому-то и не очень. Китобойной флотилии хорошо, китам – плохо. Но ваш вопрос, товарищ, я обязательно передам в центре кому надо. Обещаю. Ещё вопросы?

Труженик: Тогда уж если я начал от лица коллектива, так и кончу за всех. Ещё вопросик. Насчёт местного герба. Для дела развития патриотизма.

Сокол: Поясните.

Труженик: Вот у вас в Иркутске есть герб. Зверь тигр скачет с соболем в пасти. Между прочим, Иркутская область на карте похожа не на тигра, а на зайца со стоячими ушами. Здесь у вас громадная ошибка...

Сокол: Это не ошибка! Это символика, а не... Италия вон вообще похожая на сапог, так что рисовать, по-вашему? Сапог?

Труженик: Лично мне на Италию начихать. А вот нашим северам пора бы уж под собственным гербом жить. Это главное. А уж чего мы нарисуем, так с тем и жить будем.

Сокол (*весело*): Рыбный герб получится! Пирог такой, а не герб!

Труженик (*серьёзно*): Ну, пирог не пирог, но рыба будет.

Сокол: Важно – какая?

Сосед труженика слева: Селёдка!

Труженик: Весёлая рыба.

Сосед труженика справа (*вскакивает*): Хек!

Сокол: Это печальная какая-то. Даже грустная... Я бы даже так сказал: унылая.

Голос из центра зрительного зала: Простипома!

Танся Петровна (*вскакивает с кресла и поворачивается лицом к залу*): Ой, да вы что, товарищи? Совсем опупели? Да простипома вообще блять, а не рыба! Вы бы ещё кильку в томате на герб положили! Ну, всё! Хватит! Прекращаем обсуждение! Переходим к художественной части!

54. СОКОЛ ЧИТАЕТ СТИХИ...

Сокол – на авансцене, у самой рампы, ближе к народу.

Сокол: Ну, вот, друзья, - третья, заключительная часть нашей встречи. Сначала, как бы для затравки, коротенький стишок. Посвящается прошлогоднему лету.

Читает:

Сел мотылёк мне на спину...
И подарил мне крылья.
Что делать?
Быть ли мне ангелом?
Или полем аэродрома?

*Тишина в зале. Процесс осмысливания, надо полагать...
Сокол с трепещущими крылышками за спиной разбегаётся
по взлётно-посадочной полосе аэродрома – и взлетает с
шумом реактивного самолёта...
Может быть, и такое видение...
Лица в зале.
Эти глаза напротив...*

Сокол: А теперь стишок посвящается балладе «Пьяный корабль» французского поэта Артюра Рембо. Он давно

жил и писал. Конечно, по-человечески умер. Но написанное продолжает жить по сей день.

Читает:

В мире этом
Радостном и печальном
Ветер, поднявший листок –
Ладонь на прощанье,
Последний зевок
В интересном спектакле.
Как долго длится
Интереснейшая жизнь!..
Последний глоток
Понимающего с полуслова –
И всё дальше
Опускается корабль
На дно,
Где сны
Медузами бьются
В иллюминаторы
Завтрашнего дня...

Вот так и видится Давиду под музыку иркутского композитора Теплякова: во тьме океанских глубин медленно движутся силуэты каких-то гигантских рыб, и чёрный корабль торжественно погружается в пучину с неугасимым круглым зрачком, таким одиноким в стихии чужой, в мире потустороннем...

Сокол: А следующий стишок получился длинноватый. Но вы наберитесь терпения выслушать его до конца. Он посвящается вам всем и персонально товарищу из зала, с которым мы только что обсуждали флотилию «Слава» и сервировку вашего будущего герба.

Читает:

Как по Лене-реке казачьи песни
Вослед венкам спускались к океану
В Лену-реку невест не бросали
Седоусые атаманы
Девушки плакали

Роня в родник слезу
По неубиенным мужам
И дожидались пока отсыревший порох
Просохнет и сможет пулю нести
Вонзали усталые топоры
В деревья державшие небо со звёздами
Над притихшей Сибирью...
И когда они бескорюжие
Венец за венцом
Поднимали крышу над головой
В бездомном доме украдкой
Молодые казачки роняли слезу в Байкал...
Печалью и жаждой познания гонимые
Уходили куда их глаза глядят
В засеках оставляя тёплые печи
А там где слишком много было тепла
Седели девушки как стареют горы
С которых не сбежало ни одного ручья...

*Вот так и видится Жорке: кочуют кочи по Лене-реке с
атаманской ватагой отчаянных пацанов, и он, Жорка,
среди них, и Давид где-то тут же мелькает, а сам Сокол
с подзорной трубой – на передовом коче, на носу – в
светлую даль взглядывается, перспективу намечает
многотрудную, но отрадную...И девушки плачут. По
обеим берегам великой реки...Им бы, девушкам, только
поплакать...*

Сокол продолжает чтение:

...И однажды листая атлас
Рек и морей России
Я увидел как шептались два ручья
Под стройной как розги талиной...
Лену в пустыню Тьмутаракань уведут
Поить пески сынов Сирокко
Привыкших в жаркой неге
Пересыпать из пустого в порожнее
Пасьянсы миражей жизни счастливой
И золото в кожаных бурдюках
На спинах вечных верблюдов...
Океан Северный без дочери Лены
С крутой горы не посмотрит

В бездонные зелёные глаза Байкала
И затеплятся радостно
Ледяные глаза Антарктиды...
В моей верхоленской деревне
Не согласны с мудрым ученьем
Что утро вечера мудренее
И по пояс в воде выкашивают
Расцветающую траву
Чтобы собор верхоленский
Отражался в чистой воде...

Очень даже разные видения возникают!
Таисье Петровне – всё больше девки в кокошниках: ревут
в три ручья, но при этом ещё и хороводы с песнями
водить умудряются...

А у Весёлого видения державные: течёт-то она течёт,
Лена-река, издалика и долго, но чтобы течь - для того и
сторожевая вышка на берегу, часовой на посту, граница,
значит, на замке, враг не пройдёт, ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! и
не болтай по телефону, болтун – находка для шпиона...

Вырублен лес в верховьях
Капитаны шестами измеряют ступени
Падения Лены
И корабли тоской линияют
Не дошлёпав до Осетрово
И рыбы любившие отдыхать
В тени деревье
От нефти и от стыда
Всплывают на поверхность воды
Вверх брюхом
Это их способ падать
А река без рыбы как человек без мысли
На перекатах
Река серебрится монетами
Где-то в Азии Средней
Золото роют в подвалах
Где-то в Сибири золото роют в горах
Но не будешь Еленой красавица Лена
Падчерицей Байкала
Понесёшь над собой как нимб
Воздух настоящий на багуле
На жимолости ошалевшей

От счастья расцвествь в России
Запах великого множества лепотных трав...
Птицы юга в делах и заботах
От глаз людских поодаль
Восполняют пустоту в природе
Роняют перья
На ковёр расцветающей тундры
Им тяжело ходить по чужбине
В узких улочках ангелами
Не способными взлететь в поднебесье
Но теплеют у птиц глаза
Когда выклёвываются птенцы
которые ещё увидят
какое чудо с собою ты принесла река...
Листая атлас рек и морей России
Я увидел как птичья стая
Поднималась в небо
И прошептал я
Господи я не один...

*В зрительном зале - продолжительная тишина,
переходящая в единый вздох.*

Тихий голос из зала: Мало...

Ещё тихий голос: Давай ещё, товарищ Сокол...

Сокол (*выставил перед собой руки предупреждающим автостопом*): Нет. Довольно. Хорошего помаленьку. А я хочу, чтоб вы теперь слышали моих сподвижников и друзей-стихотворцев...

В этот момент дверь, от которой идёт центральный проход в зрительном зале, распахивается и вбегает Сергей Есенин. Якутский русскоязычный поэт. По всему видать, что убегает от кого-то. Петляя, он бежит через весь проход к сцене. За ним – преследователь Хмурый. За Хмурым – милицейский сержант Коля. К преследованию присоединяется Весёлый.

Сергей Есенин – уже на сцене. Мечется! Вбежав в левое закулирье, через короткое время выскакивает уже из правого... Останавливается в растерянности на середине сцены. Бежать некуда. Позади – Москва с Кремлём, нарисованная на полотняном заднике. С флангов левого-правого надвигаются Весёлый и Хмурый с широко

расставленными для ловли руками. В проходе, широко (почти на ширину прохода) расставив руки-ноги, стоит сержант Коля. Сергей Есенин поднимает руки, сдаваясь.

Но неожиданно юркает под стол президиума.

Преследователи – за ним. Под столом идёт скрытая отчаянная борьба за существование с воплями протеста.

Наконец, поэт извлечён на свет...

Весёлый (Соколу): Мы, конечно, извиняемся... Но вот это (показывает на беглого поэта) - Сергей, как вы сами понимаете, Есенин.

Хмурый: Свидетель. По вашему делу, гражданин Сокол.

Весёлый: Сам заявление на вас написал, а сам на очную ставку не хочет... Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ!

Сокол (растерянно): А чего он хочет?

Есенин (пронзительным фальцетом): Хочу эксклюзивно! Без ихней вставки!

Хмурый (Есенину, но объясняюще глядя на Сокола): Не будем нарушать!

Весёлый (Есенину, но тоже глядя на Сокола): Будем соблюдать!

Сержант Коля: Пошли, пошли, пошли...

Ухватив Есенина за рукав, уводит за кулисы.

Сокол: Ничего не понимаю... Полный... это... аншлаг!

Таисья Петровна (взволнованно): Я сейчас всё-всё-всё вам по полочкам объясню... Ну, блин, этот Гошка...

Сокол с товарищами уходят за кулисы. За ними – Таисья Петровна, на ходу объясняющая вышеозначенную сцену.

Народ безмолвствует.

55. СТОЛ НАКРЫТ, ЗАКРЫТЫ ДВЕРИ...

Таисья Петровна, разумеется, огорчена концовкой культурного мероприятия. И ведёт гостей в свой рабочий кабинет, чтобы там, за накрытым по её распоряжению

столом известным образом сгладить неприятное впечатление.

Широко открывает дверь, приглашая и пропуская вперёд себя гостей.

Гости заходят. Останавливаются, загоразвивая проход для директора Дома культуры.

За письменным директорским столом сидит Хмурый. За приставным (с закуской и бутылками «Абу-Симбела») – Весёлый.

Хмурый (*строго*): Проходим, граждане. Присаживаемся.

Жорка (*вредным голосом*): Руки за спину?

Весёлый (*подмигивает*): Ну, что вы! Чувствуем себя, как дома!

Хмурый: А вы, Таисья Петровна, будьте любезненьки, погуляйте, пока мы тут с вашими лекторами и поэтами...

Весёлый: Тётъ Тась, маленько освободи...

Таисья Петровна очень недовольна. И выходит, хлопнув дверь.

Троица рассаживается за приставным столом.

Хмурый подходит к окну. Стоя спиной к остальным присутствующим, закрывает форточку, немного сдвигает итору, прикрывая окно. Возвращается к письменному столу, а его место занял Сокол, пока Хмурый отсутствовал. Хмурый остановился в задумчивости, принял решение и сел за приставной стол, рядом с Весёлым. Напротив них расположились Давид и Жорка.

Сокол: И куда же вы, друзья, эвакуировали вашего поэта? Не похоже, что вы нас так уж очень ждали...

Хмурый: Ждали, ждали...

Весёлый: Есенин тоже пусть пока подождёт. На свежем воздухе.

Хмурый: Документ на вас имеется...

Весёлый: Бумажечка такая! Заявленьице!

Хмурый: От этого вашего Сергея Есенина. С прошлого года.

Сокол: От вашего!

Хмурый: Пусть - от нашего. Суть не в этом. Суть в том, что оно актуальности не потеряло. Даже – наоборот.

Сокол: Так. И как будем называться? Вы-то, небось, товарищи лейтенанты?

Жорка (*пристально разглядывает сидящих напротив*):
Может, даже капитаны.

Хмурый и Весёлый многозначительно переглянулись – и промолчали.

Сокол (*вздыхает*): Везёт же людям! А я вот только рядовой...

Хмурый (*уточняет*): Военный строитель.

Сокол: Откуда вы знаете? Ну, да. Стройбат. С лопатой наперевес. А это (*указывает на Жорку*) Георгий.

Священный долг Родине ещё не погасил. А это – Давид Звенигородский, известный поэт.

Давид (*сухо, отрывисто*): Еврейтор. Без вопросов.

Жорка (*ехидно*): А что, товарищи капитаны, мы тут сидим, как эти... кактусы? Без полива. Не засохнем?

Откупоривает бутылки «Абу-Симбела», одновременно рассказывая о достоинствах и выдающихся лечебно-профилактических свойствах новейшего алкогольного напитка, к распространению которого на вверенной товарищам капитанам территории приложили руки, ноги и корабельный трюм ваши, товарищи капитаны, покорные слуги, честь имеем и прочее, прочее...

Хмурый и Весёлый с интересом наблюдают. Сглатывают.

С видимым равнодушием подставляют рюмки...

Давид рыгает. Нехорошие ощущения овладевают Давидом...

Давид (*прикрыв рот рукой*): Где у вас тут галльюн?

Хмурый и Весёлый жестами объясняют: ниже, ниже, спускайся на первый этаж, гражданин поэт... Давид торопливо уходит.

Весёлый (*Соколу – улыбаясь и грозя пальцем*): А в стишках ваших всё ж таки имеется религиозная, так сказать, мистика!

Сокол (*весело*): Да ну!

Весёлый (*подмигивает*): Ну да! Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ!

Хмурый (*печально вертит в пальцах рюмку, оценивает, принохивается*): Страна напрягается... Страна вся из

последних сил стремится в светлое будущее... А вы нам тут мрак средневековья устраиваете...

Весёлый (*подмигивает*): И разные прочие другие кукрыниксы!

Сокол (*берёт рюмку, встаёт*): Да? Не заметил... Ну, ладно, оставим эту трепетную тему на некоторое время и приступим к поливу. Товарищи капитаны, гляжу, к мокрому делу готовы. И мы всегда – за! И я хотел сначала за Асуанскую плотину. Но раз такое дело нарисовалось, так, значит, - за знакомство, за ваше здоровье и чтоб в стволах не заржавело, как говорят артиллеристы. Аллаверды!

56. ГАЛЕРЕЯ.

Рвоту описывать не надо... Она сама опишет кого угодно.

И как ей вздумается, заразе!

Отблевавшись в умывальную раковину, Давид опускает голову под водопроводный кран... Смотрит в зеркало над умывальником, утираясь носовым платком. Из зеркала смотрит на него красная рожка с выпученными мученными глазами...

Зеркальная рожка ведёт себя независимо от оригинала! Кривляется, показывает язык, скалится... - в то время как сам Давид, лично, воздел очи к потолку, подменившему небеса и горние выси, с немотой на устах: «За что?!» Давид выходит в узкий коридор.

Вдоль обеих стен – старые, выслужившие в зрительном зале положенный срок, полуразрушенные кресла – жёсткие, деревянные, с откидными, громко хлопающими сиденьями.

На стенах, в рамках и без оных – многочисленные плакаты типографского изготовления, на все случаи жизни советского общества. Идеологическое обеспечение со стороны соответствующих отделов партийных комитетов.

Давид тяжело, с деревянным стуком садится в кресло. Запрокидывает голову с закрытыми глазами... То ли с

духом собирается Давид, то ли с внутренним голосом
советается... Наконец, решительно встряхивает головой,
открывает глаза, хлопает себя по коленям, словно
приказывает ногам встать и идти.

Видит: напротив, на стене - плакат.

Давид смотрит на плакат.

Плакат смотрит на Давида.

...Простая деревянная рама. Простое стекло. За простым
стеклом – простая советская компания за простым
советским столом: то ли отмечают событие, то ли
просто так сидят, обедают... Закуски на столе
изысканные, икра чёрная и красная, балыки, колбасы,
сыры, ветчина, севрюга с лимончиками на одном блюде,
жареный поросёнок с петрушкой в пасти – на другом... В
серебряном ведёрке, во льдинках – «Советское
шампанское». И батарея разнокалиберных бутылок... Всё
вместе это называется: «Умеешь трудиться – умей
отдыхать!»

Давида замутило.

Он решительно встал – и пересел в противоположное
кресло.

На другой противоположной стене, как раз над тем
местом, где Давид только что сидел, висит другой
плакат: простая советская компания... короче, три
девицы и два мужика квасят за праздничным столом с
шампанским, самтрестовским коньяком, рябиновкой,
грузинскими винами... Закуска – искусительно прелестная!

В углу новогодняя ёлка. Из телеэкрана диктор Игорь
Кириллов пялится. Две парочки любезничают с рюмками в
руках, а третья девица подперла щеку рукою, задумалась,
вино из наклонённого фужера белую скатерть
окрасило...

Стихи безымянного поэта:

«Праздничный вечер, шутки, смех,

Счёт бокалам не ведётся.

А ведь кому-то завтра в цех

Рано утром вставать придётся!»

Давида вновь замутило...

Он встал – и пересел в кресло противоположного ряда, но
не на прежнее место, а в ближайшем соседстве.

Первым делом он посмотрел на стену перед собой.

Там был плакат в простой дубовой раме.

Текст гласил:

СССР Наркомпищепром РСФСР
Росглавпиво
ТРЕБУЙТЕ
ПОЛНОГО НАЛИВА
ПИВА
ДО ЧЕРТЫ 0,5 Л!

Внизу, с краешку, однако на самом переднем, на передовом плане художественно и до оскомины правдоподобно пристроилась тяжёлая гранёная кружка с пышной кружавчатой пеною через край.

Давида замутило!

В тоскливых глазах – озирание и вопль немой: кому верить? куда идти? куда бежать?

**57. ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ БЕСЕДА,
или ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ,
БЕЗ ПРОТОКОЛА.**

Кабинет директора Дома культуры.

Сокол – за письменным столом. Он нагло перехватил инициативу у Хмурого и Весёлого и поэтому чувствует себя хозяином положения.

За сервированным приставным столом – с одной стороны Хмурый и Весёлый, с другой – Жорка, начинающий свою игру.

Он пристально, гипнотизирующим взглядом уставился на Весёлого. Просверливает-таки глазами! И – подмигивает. Весёлый не без сопротивления поддаётся чарам Жорки, и эта внутренняя борьба против чуждого влияния целиком и полностью отражается на его лице волнениями мимических мышц... Весёлый ответно подмигивает Жорке!

Но подмиг подмигу – рознь.

Можно подмигивать и при этом резко вскидывать подбородок, и тогда эта совокупная манипуляция является знаком вопросительным.

Можно подмигивать и при этом производить резкий кивок подбородком на манер киношных белогвардейских поручиков, и тогда всё это вместе означает превосходительное утверждение, без вопросов.

Жорка подмигивал и так, и этак! И Весёлый – то же... И так вот они семафорили друг другу, чокаясь рюмками и мило улыбаясь. Но это только посторонний и несведущий в конспирологии человек мог решить, что вот так просто сидят два приятеля, просто чокаются и просто улыбаются. О, нет! В кабинете директора Дома культуры Таисьи Петровны в очередной раз подтверждается исключительно важная роль подбородка с подмигом в тайнах истории не одного только какого-нибудь мадридского двора, или венецианского палаццо, или версальского дворца...

Целая система опознавания: «Свой – чужой».

Секрет секретов!

Но на практике – раз, два! – и свой своего познаша!

Хмурый (*лениво жуёт*): ...Но почему? Почему общество «Знание» набирает себе лекторов из непартийных кадров? Это же нонсенс! (*Соколу*) И почему-то вы не вступаете в партию?

Сокол (*энергично жуёт*): Меня всё время вступали... Но так и не вступили... В Союз писателей – то же самое...

В дверь заглядывает Таисья Петровна.

Таисья Петровна (*участливо*): Извиняюсь, горячее когда подавать?

Весёлый (*с шумным выдохом после выпитой рюмки*): Тёть Тася, ну не мешай же! Конфиденциальный же разговор... же! Потом горячее!

Таисья Петровна (*замечает отсутствие Давида*): А товарищ Звенигородский...

Сокол: Блюёт товарищ Звенигородский.

Таисья Петровна: Поняла.

Исчезает.

Хмурый: Кстати, насчёт национального вопроса тоже вопрос есть.

Сокол: В каком смысле?

Хмурый: Национальность есть?

Сокол: У кого? У меня?

Хмурый: Ну, не у меня же!

Сокол: Это как понимать? Допрос, что ли?

Хмурый: Беседа. Профилактическая.

Сокол: И чего профилактировать будем?

Хмурый: Так ведь я и говорю вам: национальность есть?

Сокол (*разливает по рюмкам*): Да как вам сказать?

Русский я по паспорту. И по духу тоже русский. Но быют-то меня не по духу и не по паспорту. По морде бьют (*Нежно гладит нижнюю губу*) И поэтому моя настоящая, без всякой булды, национальность – советский человек. Да, так! Об этом я помню с утра до ночи. И посреди ночи – тоже.

Все смеются. Кроме Хмурого.

Жорка (*небрежно*): Об чём ржа, коллеги?

Хмурый (*не сразу*): Суть вопроса профилактики в том, что у одного коллеги, который сидит за письменным столом, по нашим сведениям, с моральным кодексом не всё соответствует. А ведь писатели, как партия сказала, – это инженеры человеческих душ...

Жорка (*небрежно*): Сантехники.

Хмурый: А мы вас об этом отдельно спросим. Потом. А я сейчас о сути говорю...

Сокол (*поднимает рюмку*): За суть вопроса!

Жорка (*ворчит*): Суть, суть... Сутенёры, понимаешь, нашлись...

Выпивают, закусывают.

Хмурый (*жуёт и вынимает из дипломата, точно такого же, как у Сокола, стопочку бумаг*): А вот мы сейчас кое-что интересенькое почитаем... Сейчас мы вам почитаем, почитаем... (*Перелистывает страницы, ищет заранее объявленное интересенькое*).

Весёлый (*Хмурому*): Может, им суть вопроса поближе пододвинуть?

Хмурый (*не отрываясь от бумаг*): Не возражаю.

Весёлый: Тогда так. Значит, только что лекция была. Публичное выступление. И в публичном выступлении запашок имелся. Угадайте с трёх раз - какой?

Жорка: С первого раза угадаю Какой?

Весёлый: Антисоветский.

Жорка: Оп-па! Приехали! Куда – непонятно!

Весёлый (*подмигивает*): Ой, ну до чего же мы такие непонятливые? Объясняю на пальцах - для непонятливых. Один наш гражданин в зале про герб интересовался... (*поворачивается к Соколу*)... и товарища лектора в неудобное положение раком поставил. Потому что товарищ лектор что сказал? Что он одобряет. А что одобряет товарищ лектор? Товарищ лектор на самом деле одобряет местный национализм и сепаратизм вплоть до государственного отделения. А это уже антисоветизм! (*Улыбается*) Нехорошая статья получается.

Жорка порывается что-то сказать. Сокол жестом останавливает его.

Весёлый (*намазывая икру на хлеб*): А стишки товарища лектора? Стишки, прямо скажем, не совсем в русле научного атеизма. Ещё маленько – и вместо стишков получится агитация и пропаганда религиозного экстремизма и поповщины.

Хмурый (*не поднимая головы*): Махровой.

Жорка (*вредным голосом*): Мохеровой.

Сокол (*невинным голосом*): Херовой.

Весёлый (*подмигивает*): А ещё товарищу лектору отдельную северную флотилию подавай! Прямо к трибуне, да? И куда он поплывёт на этой флотилии? Ещё одна статья...

Сокол (*невинно*): Ну, значит, вздрогнем на посошок?!

Выпивают. Закусывают.

Хмурый (*вытер губы платком и звонит по внутреннему телефону*): Вахтёр? Это мы. Там где-то около вас наш товарищ... Два товарища? Нет, второй товарищ не наш товарищ. Дайте трубку сержанту... Коля? Это я. Приведи Есенина... Да! В кабинет директора... Да. Прямо сейчас... Да, прямо туда. Отбой.

Сокол: За что вы его?

Весёлый (*подмигивает*): Буянит. Выражается. Нарушает. И вообще... Он сейчас в КПЗ сосредоточен. За мелкое хулиганство, дебош с нанесением...

Хмурый: Плюс сопротивление законным требованиям представителей власти. Это не хаханьки.

Весёлый: Мы его сюда пригласили как заявителя на вас, гражданин Сокол. Специально привезли на встречу с вами. Вот будет радости!

Хмурый раскладывает перед собой на столе бумажки, сортирует. Довольный, оглядывает экспозицию. После чего вынимает из дипломата магнитофонную бобину, вставляет её в кабинетный магнитофон, включает, перещёлкивает тумблерами...

Хмурый: Вот! С этого места... Внимание!

*Далее звучит магнитофонная запись.
Два голоса: Сокола и незримого участника.*

- ...Ваш край, друзья мои, это всеобщий оплот. Плоть от плоти, кровь от крови всей великой державы. Конечно, это крайняя плоть. Но без неё, как говорится, ни туда – ни сюда! Всему Советскому Союзу!

- А где залупа?

- Не понял...

- А чо это вы такой непонятливый, товарищ лектор?

Центральная плоть, по-вашему, в Москве. Крайняя плоть – здесь у нас. Я спрашиваю: где залупа?

- Интересный вопрос...

- Ещё бы! Наш народный артист Кола Бельды что поёт? Он поёт: «Ты ведь знаешь, что напрасно называют Север крайним!» Вы лично согласны?

- В общем, да... С художественной точки зрения... Но это ведь ещё зависит от точки зрения. То есть, откуда посмотреть... Если из Москвы посмотреть, то у вас будет восток. Хотя на самом деле – север... А восток, сами понимаете, дело восточное, азиатское...

- Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! Обрезание, значит? А если обрезание – то докуда?..

Хмурый выключает магнитофон.

Хмурый: Узнаёте, гражданин Сокол? Это – ваша прошлогодняя лекция. Здесь, в Доме культуры...

Жорка: Что-то мне этот голос шибко знакомый...
Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ!

Все смотрят на Весёлого. Тот прекращает жевать.

Сокол (Весёлому): Здравсьте! Со свиданьицем! Давненько не виделись! А я вас сегодня и не признал! Уж извините!

Весёлый: Да я тогда в чёрных очках был!

Сокол: Очки помню... Я тогда ещё подумал: чо это за дурак такой в тёмном зале сидит в чёрных очках...

58. В КОРИДОРЧИКЕ.

Давид в очередной раз пересаживается в новое кресло и тоскливо рассматривает висящий напротив плакат: Мужик сидит, ест что-то с зелёным горошком, а чья-то вражеская рука из нижнего угла протягивает ему рюмку с водкой. Мужик ладонью загораживается: ни за что, дескать! не пью! А на вилке аппетитный кусок стынет...

Давида мутит. Он закрывает глаза со взором затравленным. Из душевных недр рвётся мычание...

Летящей походкой приближается к Давиду Таисья Петровна. Трогает Давида за плечо.

Таисья Петровна: Ой, это вы, товарищ Звенигородский? А я иду, смотрю: вы здесь сидите! А чего вы здесь сидите? Мне сказали, что вам как будто не очень хорошо...

Давид взглянул на Таисью Петровну – и ему вдвойне поплохело!

Таисья Петровна бежит в туалет, смачивает платочек под краном, прикладывает ко лбу Давидову...

Таисья Петровна: Может, вам чего попить, товарищ Звенигородский? Может, вам коки-колы принести? У меня есть бутылочка...

Давид снова пересаживается в противоположный ряд.

И взирают на него с нового плаката два мужика с рюмками, а между ними крупным планом – бутылка «с винтом» и этикеткой «Stolichnaya vodka».

Художник С.Сахаров, 1965...

Блин!

Да ещё Таисья Петровна рядом присаживается. Какая никакая, а всё-таки дама... Какой же мужчина при даме позволит себе слабости и расслабления?!

Таисья Петровна: Опять тошнит?

Давид: Сил нет...

Таисья Петровна: Может, чего поели не то? Отравились?

Давид: Вроде того... На всю жизнь... Кажется, не долго осталось мучиться... Да ещё эта... Третьяковская, блин, галерея...

Таисья Петровна (сердито): Ой, да что вы такое говорите, товарищ Звенигородский? Борони бог! Вам ещё жить да жить... *(Придвигается к нему поближе и говорит тихо, вразумительно, доверительно – страстным шёпотом)* Вот у нас был случай... Вы не поверите! Можете этот случай даже в стишок вставить. Был у нас один интересный мужчина... вроде вас. В духовом оркестре играл на валторне...

59. ЕСЕНИН НА ОЧНОЙ СТАВКЕ.

В кабинете директора Дома культуры продолжается «профилактическая беседа». Но в центре внимания – Жорка. Он стоит за столом с рюмкой «Абу-Симбела» в руке и говорит страстно, вдохновенно... Ему внимают:

Сокол – одобрительно и покровительственно, с внутренним и внешним удовлетворением; Весёлый – не отводя взгляда, лишь помигивая нервическим тиком одновременно двумя глазами; Хмурый – непрерывно поёживается и пытается перебить Жорку, но тот не даёт ему такой возможности, ибо поток Жоркиной речи неостановим...

Стук в дверь.
Входят милицейский сержант Коля и ухваченный за рукав Сергей Есенин.

Коля: По вашему приказанию...

Хмурый (*указывает на диван*): Присаживайтесь.

Сержант Коля в сцепке с Есениным следуют в указанном направлении, совершая при этом дугообразный манёвр к столу.

*Есенин успевает ухватить кружок колбасы.
Устраивается на диване, поджав под себя ноги. А сержант по-прежнему крепко держит его за рукав.*

Хмурый (*постукивает вилкой по рюмке*): Всё! Хватит с первым вопросом. Магнитофон имеет место? Имеет. Он доказывает? Доказывает. Что он доказывает? Намёки о выходе ЯАССР из СССР. Но это как бы внутренний аспект. А есть ещё и международный аспект. Очень интересный. Я вам сейчас кое-что почитаю в присутствии свидетеля... (*Берёт бумагу*)... Вот отсюда...

Читает:

«... и я сказал: поехали! И повёз товарища Сокола в тундру на нартах. Чтобы он убедился – где я живу с моими родителями без прописки. Ехали очень хорошо. Олени бежали весело. Приехали. Чум стоит. Дым идёт. Товарищ Сокол говорит: мы что, в этом чуме будем творческий вечер проводить? Я говорю с обидой: какой вечер? я, говорю, тебе, товарищ Сокол, уже четыре часа пел про личную жизнь и окружающую действительность! тебе четыре часа мало? Он сказал: ты бы предупредил заранее, что своё творчество излагаешь, а так я прослушал, но это ничего, говорит, я тебе сейчас свои стишки буду излагать. И начал излагать. Излагал ровно пять секунд про японские розы. Мне в результате опять стало обидно. Я говорю: я тебе четыре часа, а ты мне пять секунд, почему непропорционально? даже оленю мало! А товарищ Сокол говорит: танки. А я говорю: где танки? какие танки? зачем танки? танки, говорю, нельзя, тундра у нас, только олени и собаки можно, нарты можно, а ваши танки у нас не пройдут. А товарищ Сокол говорит: не мои, говорит,

танки, не наши-ваши, а наоборот японские. А я говорю: однако, интервенция получается. А он говорит: нас этим не запугаешь...»

Немая сцена.

Жорка беззвучно сотрясается всем телом, уткнувшись лицом в руки, кренделем положенные на стол.

Сокол серьёзен и абсолютно трезв - в отличие от Хмурого и Весёлого. Стараниями Жорки и по причине недостаточного опыта общения с новоявленным египетским алкоголем, Хмурый и Весёлый уже прилично захмелели. При этом Хмурый всё более расхмуливается и веселеет, а Весёлый – совсем наоборот...

Хмурый (Есенину): Это ты лично писал телегу или под чью-нибудь диктовку?

Есенин: Писал. Не вам писал, однако. В газету писал.

Хмурый: Из газеты нам переслали. Для консультации.

Есенин: Но я в прошлом году ещё неграмотный был. В японском смысле. За это извиняюсь перед товарищем Соколом. Переживаю и горюю...

Жорка (поднимает красное, всё в слезах лицо): Полная полундра...

Сокол разливает. Чокаются без тостов, но со взаимными компанейскими междометиями типа «будем» и «дай бог не последнюю»...

Хмурый (Коле): Свободны.

Жорка (протягивает Есенину тарелку с ветчиной):

Гонорар!

Сержант Коля: В КПЗ?

Хмурый: Естественно. Но пока посидите в машине. Нас дождитесь.

Коля и Есенин уходят - по-прежнему обручённые милицейской хваткою за гражданский рукав.

Жорка (подмигивает Хмурому): Поговорим?

Весёлый (мрачно): Беседа – не место для дискуссий.

Жорка: Как же так? Выпили – и не поговорили? Нонсенс! Это не по-русски!

Весёлый: Не надо сворачивать на национальный вопрос. Сами-то вы... Нос длинный. Волос белый. Внешние приметы как-то не укладываются...

Жорка (*встаёт и «белогвардействует»*): Князь Георгий Гогенцоллерн-Мухранели. Честь имею! К вашим услугам, господа!

Хмурый (*весело*): Кино!

Весёлый (*хмуро*): Монархизм какой-то...

Хмурый: Весёлый ты парень, однако...

Жорка (*резко*): Попрошу не тыкать! У вас, между прочим, приметы тоже впечатляющие. Зубы жёлтые, галстук коричневый. Очень стильный колорит.

Хмурый (*поправляет галстук*): Вы так считаете?

Жорка (*подмигивает*): Цыплят считают...

Хмурый: Это осенью...

Весёлый (*мрачно*): Придёт время...

Сокол (*разливает по рюмкам*): Чуваки! Время уже пришло. И как всегда, пришло не вовремя.

Хмурый: Как говорится, времена не выбирают! В них живут – и что? (*Пауза*) Помирают! (*Хохочет*).

Выпивают. Закусывают

Сокол (*жуёт*): Я вот чо хочу сказать, пока при памяти... Можете записать, чуваки. Мы, поэты, живём как бы в самой гуще... Мы, например, доходим до самых глухих мест! Где люди не читают, не считают, но ещё не разучились слушать. И что оказывается? Оказывается, что там, в этих глухоманях, живут лучшие люди из тех, кого я до сих пор встречал (*Вынимает из дипломата пачку путёвок общества «Знание»*). Вот! Документально удостоверяю! (*Пришлёпывает пачку на стол*).

Хмурый (*перебирает бумажки*): Ого! Да тут целая картотека! Дактилоскопия! У нас такой нету!

Весёлый (*мрачно*): А мы и так всё знаем...

Жорка: Откуда?

Хмурый: От верблюда!

Весёлый: У нас всё управляется из одного места. Поэтому если что-то где-то зашевелится, так мы об этом сразу узнаём...

Сокол, Жорка и Хмурый весело аплодируют.

Сокол (*Жорке - аплодируя*): Где Давид? Спасай Давида!

Жорка: Йес, сэр!

Сокол (*аплодируя*): Нам нужен третий человек... Трезвый!
Свидетель...

60. ДУЭТ В КОРИДОРЧИКЕ.

Давид и Таисья Петровна сидят в креслах рядышком, склонившись друг к другу. Взявшись за руки, поют с интимностью песенку Андрея Эшпая на стихи Гриши Поженяна:

Утки все с парами,
Как с волной волна.
Все девчата с парнями,
Только я одна.
Я ждала и верила,
Сердцу вопреки:
Мы с тобой два берега
У одной реки...

Подбегает запыхавшийся Жорка.

Жорка: Полундра! Все наверх!

Давид отмахивается, продолжая сопение в дуэте.

Ночь была, был рассвет,
Словно тень крыла.
У меня другого нет,
Я тебя ждала.
Всё ждала и верила,
сердцу вопреки...

Жорка отрывает Давида от Таисьи Петровны и тянет за собой.

61. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЛЕКЦИИ.

На асфальтовой площадке перед входом в Дом культуры – танцы. Играет духовой оркестр под упр. тов. Никифорова. Профактив дорожно-ремонтного СМУ-2 во главе с начальником тов. Селивановским культурно отдыхает после лекции и «Часа поэзии».

Недавняя кабинетная компания в обнимку вываливается из парадных дверей Дома культуры. Веселы, жизнерадостны, миролюбивы. Официальные товарищи, Хмурый и Весёлый, неофициально прихватили с собой по бутылке кабинетного «Абу-Симбела».

Не спеша, направляются к Уазику.

Жорка идёт рядом с Хмурым и на ходу водит пальцем по ладони спутника, гадает по-цыгански...

К отъезжающим присоединяется Давид, провожаемый Таисьей Петровной. Она стоит на крыльце, сморкается в платочек... Судя по всему, Давид Звенигородский произвёл на неё неизгладимое впечатление.

Все садятся в автомашину. Сержант Коля – за рулём, включает зажигание... машина не заводится...

Таисья Петровна спохватывается: не поставила печать на путёвке «Знание»! Подбегает к машине, илётпает печатью по бумажке, подставленной Соколом с великой охотой.

Давид протягивает Таисье Петровне раскрытую ладонь – и Таисья Петровна со слезами на глазах оставляет на ладони круглый фиолетовый оттиск...

А Коля всё не может завести машину.

Все, кроме Коли и Есенина, выходят из Уазика и толкают его.

Двигатель заводится

Толкачи заскакивают в салон.

Уазик побежал.

Таисья Петровна машет вослед мокрым платочком.

- На пароход! – командует Сокол.

...Мчится Уазик, непрерывно сигнала и петля, по колдоёбинам и выибонам, справедливо раскритикованным депутатом Анной Тимофеевной Сёмушкиной.

Весёлый (*грустно*): Танки в тундре не пройдут...

Хмурый (*весело*): Танки в тундре не пройдут!

Все (*хором*): Не пройдут!

Сокол: Танки грязи не боятся?

Все (*хором*): Не боятся!

Весёлый (*задумчиво*): И чо пугают?..

Хмурый: Нас не запугаешь!

Весёлый: А меня уже не колышет...

Хмурый запекает песню, и все, кроме Есенина, подхватывают её:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны.
В строю стоят советские танкисты...

(Хмурый сбивается на «чекисты», но Жорка начеку и немедленно поправляет)

Своей великой Родины сыны...

Хмурый дирижирует.

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведёт!

Хмурый растроган. Он обнимает и по-партийному целует Сокола.

Сокол: Отвали, моя черешня...

Поют.

Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде:
Мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,

Но и своей вершка не отдадим.
Гремя огнём...

Весёлый (*грустно – Жорке*): А вот если, например, возьмём обыкновенного клопа...

Жорка: Взяли!

Весёлый: Если танк по нему проедет – раздавит или нет?

Жорка: Нет! Клопа танком не раздавишь! Спи спокойно, друг-товарищ! Танка, однако!

Сергей Есенин не принимает участия во внутрисалонных мероприятиях. Он тихо, незаметно сидит в самом дальнем углу, скрестив руки на груди, как А.С.Пушкин на портрете Ореста Адамовича Кипренского. И взгляд у Есенина аналогичный: здрасьте, дескать, племя молодое, но знакомое... в гробу бы я вас всех видал... в белых тапочках...

62. ОТВАЛИЛИ!

Ещё и первый луч солнца не забрезжил, а на пирсе, где ошвартовался «стеклянный пароход», на бешеной скорости ворвался вчерашний Уазик (бывший бобик, в девичестве – козёл...).

Выскакивают из машины Хмурый и Весёлый.

А пароход уже отвалил от пирса!

Кричат, прыгают, топают, размахивают руками Хмурый и Весёлый... А толку-то!

На палубе – Сокол и Жорка. Это уж два портрета Кипренского...

Жорка (*с улыбкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом*): На «козле» за соколом? Щас!

Сокол: Мне кажется, коллега, что счёт один-ноль в нашу пользу.

Жорка: Товарищ Сокол, я очень боюсь показаться вам нескромным, но мне представляется, что два-ноль! Нет?

*Продолжительный отвальный ревун.
Бронзовая музыка рынды.
Стремительно вращаются стрелки на циферблате часов.
И трижды кричит петух...*

63. ВЕЧЕРНИЙ ЧАС.

*Судно только что ошвартовалось на пристани посёлка
под названием Жиганск.*

*Кают-компания. Обитатели в полном сборе. В верхней
одежде лежат на своих койках.*

Сокол о чём-то напряжённо думает.

*Жорка лежит на спине. На животе пристроил толстую
тетрадь. С наслаждением пишет и публично, со вкусом,
озвучивает записываемое.*

Голос Жорки: И вот так мы плыли, плыли...

Голос Семёна (*перебивает*): Шли, однако.

Голос Жорки: Виноват. Шли, шли, однако...

Голос Давида (*перебивает*): Шлёпали.

Голос Жорки: Совершенно справедливо. Шлёпали,
шлёпали... Всё дальше и дальше...

Голос Семёна (*перебивает*): Всё ниже и ниже по матушке
Лене-реке...

Голос Жорки: Да! Всё ниже и ниже, по матушке...

Голос Давида (*перебивает*): Всё выше и выше. К
северным морям. К Ледовитому океану. К полюсу.

Голос Жорки: Точно! К полюсу! Шли и шли. Младые дни
мои неслись...

Голос Сокола (*перебивает*): Как куры-рекордистки.

Голос Семёна: Танка, однако.

Голос Жорки: О, да! И танки наши быстры! А я сейчас
лежу, как арабский шейх, и вокруг меня такие координаты:
66 градусов 46 минут 55 секунд северной широты, 123
градуса 22 минуты 05 секунд восточной долготы...

Голос Сокола: Минуты и секунды отбросим! В нашем
деле градусы - важнее всего...

*Сокол рывком поднимается с койки.
Начинается рабочее совещание.*

- И что мы, коллеги, имеем на этих градусах? – говорит Сокол, сидя за столом, вокруг которого заняли насиженные места Давид и Жорка. Семён же удалился по своим экипажным делам. – На этих градусах мы имеем, - продолжает Сокол, - населённый пункт с хулиганским названием Жиганск. Три с небольшим тыщи жителей. Среди них, между прочим, мой друг Старый Бен и моя школьная подруга Ирка, она теперь сама в местной школе работает, русачка-литераторша, второй год после института... Так. Дальше мы имеем в этой местности: осётр...

- Серьёзная рыба! – замечает Давид.

- Гербовая! – поддакивает Жорка.

- Нельма и таймень, - продолжает Сокол. – Наши меньшие братья четвероногие: олени, голубой песец, соболь. Инфраструктура: дом культуры, пристань, аэропортишко.

- Небогато, - отзывается Давид.

- Да, конечно... Но бедность же – не порок, - отвечает Сокол.

- А всё равно, - говорит Жорка, - за Сибирь обидно.

- А ты, - говорит Сокол, - не обижайся, Жорка. Обиды не страшась, не требуя венца...

И тут взвивается Жорка:

- Как это не требуя? Без венца мы не договаривались, товарищ Сокол!

Хохочет Давид. Улыбается Сокол:

- Венец, Жорка! Который на голову! А не который в брюхо! Это ж Александр Сергеевич нам завещал в «Памятнике»?

- Да? Так бы сразу и сказали, что памятник, - отвечает Жорка. – Я против памятников ничего не имею. Даже наоборот. Они ж наши всё! Кроме нас самих.

Сокол и Давид легонько аплодируют Жоркиной наглости.

- Но вы всё равно ошибаетесь! – не сдаётся Жорка. - Вот тут в этом месте как раз Пушкина и переврали! Ещё царская цензура его так жестоко отредактировала. А советская власть – так и вовсе... Но Пушкин так, как вы,

не мог сказать! Он был весёлый! Так что, извините-подвиньтесь... и руки прочь от нашего Пушкина...

И все согласились не трогать в дальнейшем эту животрепещущую тему.

- В прошлые разы я выступал, - продолжает Сокол, - с разным успехом. В Доме культуры был. В улусной больнице был. На пристани и в аэропортишке меня знают, как тёпленького. На почте был. В библиотеке был. Вот и весь круг почёта. Нам его и повторить надо. Без новых объектов внимания.

- А газета тут есть? – спрашивает Давид.

Сокол настораживается.

- Идея! – восклицает он.

- А что это за стишок, товарищ Сокол, вы в прошлом году Сергею Есенину в чуме озвучивали? – спрашивает Жорка. – Про японские розы.

- Ёпэрэсэтэ! – восклицает Сокол на манер Весёлого. – Я про него совсем забыл. Хорошо – Есенин не забыл, и Весёлый напомнил, и вот наш незабываемый князь Георгий...

- Гогенцоллерн-Мухранели! – подсказывает Жорка.

- Идём завтра в газету! – заявляет Сокол. – Вы тоже, коллеги, приготовьте парочку нетленок! Газетка, правда, малюсенькая, всё больше рыбного направления...

- Не имеет значения, - говорит Давид, - что малюсенькая. Сам факт публикации многого стоит. А, может, ещё и гонорар дадут...

Стук в дверь прерывает обсуждение новой идеи.

Хельга заглядывает в кубрик:

- Чай пить будете, чуваки?

- Будем! – хором чуваки отвечают.

- На свежем майском воздухе – минус полтора градуса! Одевайтесь потеплее! – говорит Хельга.

Сокол вырывает из записной книжки листочек и Хельге протягивает.

- Переписать бы... красивым почерком... на чистом листочке... А? Пожалуйста!

- Будет сделано! Прямо сейчас?

- Прямо!

Все, кроме Хельги и Давида, уходят на свежий майский воздух пить вечерний чай с подведением итогов дня минувшего и утверждением планов на завтрашний день.

И вот Хельга сидит за столом в кают-компании. Аккуратным, старательным почерком бывшей отличницы она переписывает на чистый лист стишок Сокола:

*В Японии выпал снег
и все розы
постриглись в монахини*

- Красиво, - шепчет Хельга, переписывая.

В шепоте у неё, действительно, чудный голос, низкий, мягкий, с прибалтийским акцентом. Голос волнительный, как «Голос Америки» и «Немецкая волна» вместе взятые с советской глушилкой радиоэфира...

Давид сидит напротив. Смотрит, слушает – и начинает рассказывать Хельге всякую приходящую на ум фиговину: о белых стихах, о белых библейских одеждах, о белом японском трауре, о белом душистом табаке и прочей белой флоре... венерин волос, монстер, мирт, тисс, пахис тахис... впрочем, это уже не белый, а безумно жёлтый цветок, вытянутый бокальчиком...

Давид показывает на пальцах бокальчик, форму изображая...

64. ЖИГАНСКАЯ ПРИСТАНЬ.

Раннее утро.

«Стекланный пароход» с минувшего вечера ошвартовался на пристани борт о борт к старому, давно списанному с речного флота и подлежащему на утильсырьё судну «Красный Интернационал». Оно, однако, ещё живёт, хотя и на вечном приколе. Электричество к нему не подведено.

Освещение керосиновое. Отопление – старинными добротными «буржуйками», чугунными, которым сносу нет и не будет в ближайшем столетии.

Вьётся дымок из коленчатой трубы, выведенной в один из иллюминаторов.

Шкворчат, пыхтят на широкой плите второй «буржуйки» (кухонной!) кастрюля да сковородка. Готовится угощение для долгожданных гостей.

Живут на списанном судне два старика, два маремана, два холостяка: Старый Бен и его друг-закадыка Кузьмич. Не будем углубляться в прошлую жизнь того и другого. Но стоит сказать самое необходимое. Первый родился ещё в девятнадцатом веке (1890). Второй младше первого ровно на десять лет, по каковой причине иногда аттестуется первым ласковой кликухой: сопляк ещё... Впрочем, перед лицом мировой революции – оба равны.

Что-то есть в обоих этих стариках... Но вот что именно – сказать определённое почти невозможно. Иногда от них наносит сущим пиратством, о котором можно прочесть только в книжках с картинками. Иногда они, особенно в раздумчивых разговорах, – очевидные представители той пенсеносной компании, которую товарищ Ленин после революции выслал к чёртовой матери из Советской России на «философском пароходе», чтобы они своими интеллигентскими рефлексиями не мешали строить новое, светлое, сначала социалистическое, а потом и вовсе коммунистическое будущее.

А может, были они, Старый Бен и Кузьмич, ворами-каторжниками или политкаторжанами, беглыми или оседлыми, коих в северных краях перебивало великое множество, и несчётно полегли в вечную мерзлоту бранные их остатки, поверх мамонтов...

А то вдруг одесские фраера выглянут из стариковских манер!

Или – очаровательные бандиты из бабелевских рассказов.

А то вдруг – красные комиссары или, наоборот, их классовые супротивники!

А то вдруг – питерская матросня, буревестники революции!

А то вдруг – прилежные до неприличия слушатели-нелегалы партийной школы РСДРП в Лонжюмо!

А то вдруг – трубачи Первой Конной!..

Короче говоря, есть вопросы – нет конкретных ответов. Да и не надо. Жизнь-то – не задачник с ответами в конце учебника...

И вот покуда идёт аккуратная разгрузка трюма «стеклянного парохода» силами немногочисленной, но дисциплинированной и абсолютно бесшумной команды из местных жителей, Старый Бен (начальник!) и Кузьмич стоят на палубе своего древнего ковчега и ждут

гостей. Вмешиваться в коммерческие дела, в приёмку товара, в оформление документиков-бумажек-накладных ни Старому Бену, ни Кузьмичу нет надобности. Как говорится, не царское это дело. Процедура отработана. Всё будет сделано и без стариковского прямого участия – справедливо и честно. А от бесчестия в этих местностях далеко не убежишь. Тенденция, однако...

Сокол (*расхаживает по опустевшему трюму, груза осталось совсем немного, десяток ящичков*): Ну, вот, почистились... Остальное, дай бог, доведём до самого синего моря...

Грузчик: Мы можем всё принять.

Сокол: Всё не надо. Нас ведь ещё у океана ждут!
(*Показывает на отдельно стоящие ящички и коробки*) А вот это – прямо Старому Бену в руки. Провизия. Деликатесы, так сказать. Витамины. Мой презент.

Грузчик: Вы же знаете - Старый Бен презенты принимает только в бутылках. Принцип у него такой. А за эти – уж рассчитается.

Сокол (*улыбается*): По сходной цене.

Грузчики выносят указанные Соколом ящички. И сам Сокол покидает трюм.

65. У СТАРОГО БЕНА.

Сокол с товарищами через леера перебираются на борт «Красного Интернационала». Старый Бен и Кузьмич уже ждут их.

Сокол (*театрально*): Высокочтимый Бенциан Моисеевич и достопочтенный Кузьмич! Легионеры, идущие на смерть, категорически приветствуют вас!

Старый Бен: Шо-то вас, голубчик, на аристократический манер потянуло? Может, шо поели не то?

Сокол: А вы хорошо сохранились!

Смеются. Обнимаются.

Сокол представляет своих спутников.

Все проходят в каюту, где обитают Старый Бен и Кузьмич.

Старики и Сокол устраиваются за парадным столом. Давид и Жорка ходят и внимательно осматриваются, разглядывают жилище.

Жорка фотоаппаратом нащёлкивает.

На первый взгляд – убогое холостяцкое обиталище.

На взгляд второй – музей антиквариата.

Прямо-таки оторваться невозможно!

Ну, вот, например, утюг. Про него же совершенно невозможно сказать «обыкновенный»! Потому что он – необыкновенный! С откидной крышкой, а внутри – полость, а в полости – древесные угольки! По корпусу – дырочки для воздуха! Размахивай, значит, утюгом, раскаляя угольки... Поповское кадило в светском варианте, в домашнем исполнении, для внутреннего пользования, ёлки-палки!

С первого взгляда влюбился Жорка в этот утюг...

Сокол (вскрывает консервную банку): Это вам должно понравиться. Очень хорошие консервы. Заграничные. В оливковом масле.

Старый Бен: А у нас только вождей научились хорошо мариновать. В формалине.

Кузьмич (разглядывает этикетки на бутылках и банках, загромодивших стол): А что, Владимира-то Ильича не собираются перезахоранивать?

Сокол: Да вроде не слышать... А что? У вас тут какие-то предложения имеются?

Кузьмич: Имеются. У меня, например.

Сокол: Конкретно!

Кузьмич: А вот ты говоришь, Санька, что мы с Беном выглядим хорошо!

Сокол: Ну! Не вру!

Кузьмич (после значительной паузы): Здесь такой климат, что все микробыдохнут. И поэтому надо сюда Ленина перевезти. Он – что? Хуже мамонтов, что ли? Не хуже. Не заслуживает вечной мерзлоты? Я думаю – заслуживает. Я бы тут за ним доглядывал. Один. Вместо целого института и роты почётного караула. Экономия – раз! Стерильность

– два! Развитие туризма в Заполярье – три! А мне даже зарплата не нужна. Я из чистого интереса...

Старый Бен (*добродушно ворчит*): Вот мы шас и выпьем за твоего товарища Ленина... За его здоровье на том свете... Шоб ему там не икалось... Прошу на баррикаду, салаги!

Устраиваются за столом.

Жорка не без сожаления расстаётся с чудным утюгом. Первый тост произносит Старый Бен – конечно, не за здоровье товарища Ленина, нет, - за приятное свиданьице, за всеобщее благополучие, за торжество антимарксизма во всём мире, которое уже не за синими горами, а прямо-таки под носом у каждого из всех нас, пациентов СССР, и стоит только принюхаться – и всем окажется, что на старости лет прав-таки оказывается Старый Бен, еврей Советского Союза, который больше никаких званий и титулов не заслужил, кроме этого, самого весомого... Старого Бена перебивает Кузьмич своими марксистскими поправками... Намечается, как всегда, идеологическая перепалка двух непримиримых оппонентов... Но вмешивается Сокол ко всеобщему удовлетворению – и мало-помалу застолье налаживается. Пьют весьма умеренно. Не пьют даже – пригубливают. А Давид вообще пренебрегает, впрочем, уже не морщится и мужественно преодолевает приступы тошноты, дабы не портить всеобщей атмосферы.

Зато уж разговоров за столом хватило бы на несколько компаний.

Кузьмич с Давидом разговорились.

Старый Бен – с Соколом.

А Жорка головой вертит туда-сюда, отсюда-дотуда, тудой-сюдой... уши наострил топориком, слушает, ловит обрывки разговоров и в своей молодой, ещё не забитой, голове складировует...

Кузьмич: И очень даже хорошо обходимся. И даже без лампочки Ильича...

Давид: Вообще-то нас учили про лампочку Эдисона...

Кузьмич: Неправильно учили. Переучивайтесь, Давид. Ещё не поздно, чтобы запомнить: единственная штука, которая родилась не в России, это котлета. Факт истории. Тут спорить не будем.

Давид: И слоны?

Кузьмич: И слоны. Они от мамонтов пошли. А мамонты у вас под ногами... Да. Так вот, я говорю, что совершенно бесспорными российскими уроженцами являются и лампочки как бы Эдисона, и радио как бы Маркони, и дирижабль как бы Жиффара... Так нас учит наша партия. Вы это запомните и больше не говорите глупостей, если не хотите иметь неприятностей...

Старый Бен (*аккуратно жуёт*): И шо оно такое?

Нет, это не так сказано. Это сказано по-другому.

Старый Бен (*аккуратно жуёт*): и шо оно **такое?**

Сокол (*деликатно жуёт*): Как раз по вашим зубам. Я вам ещё муки подбросил. Оладушки будете печь. Блины всякие...

Старый Бен (*прекращает жевание*): Зубы в нашем деле, Санька, не главное. Я вам про зубы скажу целую философскую поэму... Зуб мудрости в том, шо когда эти зубы в наличии, то и боишься, как бы их не потерять. И всю зубастую жизнь проживаешь в страхе по этому поводу. Так? А когда, например, зубов уже нету, так терять уже нечего. Так ведь, Санька?

Сокол: Ну...

Старый Бен: Вот те и ну! Вы ещё молчите, а я уже всё про вас понял, шо сочувствуете вы мне и завидуете! А теперь я вам изложу краткие курсы историй про то, как, когда и при каких стечениях правительств я терял эти проклятые зубы в смысле протезов...

Кузьмич (*Давиду*): Почему? А я не знаю, почему у нас нету слова «теплоходство» и почему есть такое слово «пароходство». Это уж пусть московские спецы по языкознанию разбираются и диссертации пишут. А лично я думаю так. В слове «пароход» звуки и буквы такие, что ухом слышишь: чух-чух-чух... А «теплоход» не чухает. Вот поэтому пароходство есть, а теплоходства нету. И не будет. Народ не примет. А с пароходством народ согласен. И речфлот говорит с народом на одном языке. И нас за это любят. Пожилые любят, молодые, очень грамотные и не

очень неграмотные, мужчины и женщины, леди и джентльмены, мужики и бабы...

Давид (*осторожно вставляет*): Портовые шлюхи...

Кузьмич: У нас этого нету... И вы, значит, так не говорите. А если вы хотите назвать то, что вы имеете в виду... из мелкоквалифицированной рабочей силы сферы обслуживания всех мировых портов... так у нас уже есть название: портянки. Не очень запашисто, но... Но вы можете придумать другое, галантерейное - для верных подруг речфлота... Они первыми вам спасибо скажут.

Давид: Незнакомки!

Кузьмич: Ну, вы прямо как тот вьюноша бледный со взором горящим! Не ожидал... Чего вы такое несёте, Давид? Знакомки, знакомки, в бантиках, в перьях, в духах и туманах... Вы что, не понимаете, что все эти туманы – лишь подручное сырьё? Из которого, между прочим, и лепится ваша юношеская любовь до гроба. А когда слепится, то даже и не предполагается, что блоковская ваша знакомка на самом деле есть обыкновенная петербургская блядь. Так что, не надо звездеть, Давид. А надо зарубить себе где-нибудь в сокровенном месте. Есть тургеневские девушки, есть бальзаковские женщины – и всё, других нет, вот вся классификация. А все остальные – это и есть они самые, ваши знакомки в перьях и туманах...

Старый Бен (*Соколу*): Слушайте, Санька, я вам сейчас так скажу, шо вы мне даже не поверите за тот несчастный пароход «Титаник». Кто виноват?

Нет, не так это сказано. Это сказано иначе.

Старый Бен: **кто виноват?** А это, говорят, опять виноваты те жидаы Боцман, Лоцман, Штурман и Мичман. А я говорю в лицо тем распущенным антисемитам: слушайте, какая клевета, когда виноват один айсберг! – и ничего больше, кроме чистой правды, шоб мне провалиться на этом самом ровном месте, когда выходят такие страшные ошибки ценою жизни целого народа полного парохода, не считая Америки, Польши, России и других невинных стран нашего земного шара, и куда ж вы будете бежать спасаться, если наша планета вдруг

наскочит на бродячую космическую комету? Опять вам будут жиды виноваты? Тогда я вам вторично скажу: это будет опять несерьёзно, но уже, как вы сами своим умом уже догадываетесь, в последний раз... Я так уже сейчас всем говорю, как последний бог, но им всё выходит насквозь ушей, и если это получается не полный кошмар, то что же такое по-вашему последний день Помпеи?..

Кузьмич (Давиду): А вы что, думаете ваш «Крокодил» не подрывает? Ещё как подрывает! Почистице «Голоса Америки»! Весь же народ в карикатурах! Простые советские люди... Ну, сколько же можно наговаривать на наших пожарников, на наших таксистов, продавщиц и прочих гаишников, а? Что вы вообще знаете о наших гаишниках, например? Наши гаишники ведь не только умеют полосатыми дубинками махать да штрафы выписывать, рискуя жизнью. Может, на самом-то деле, они очень ранимые, чуткие и даже как бы нежные... Приходят, допустим, домой усталые, измученные, может быть, даже раненые преступными элементами. Но они же ж не хотят огорчать своих родных и близких. Они запираются в уборной с томиком Гёте в руках – и плачут, плачут... скупыми мужскими... Ведь многие из них, может быть, даже читать не умеют... А вы вот всё наговариваете, наговариваете, всяко выёживаетесь да умничаете, а того не возьмёте в соображение, что жить-то своим умом – каждому по-карману...

Старый Бен (Соколу): А за текущую литературу шо скажите, Санька?

Сокол (вынимает из дипломата лист бумажный со стишком, переписанным набело Хельгой): Сейчас в газету пойдём. Надеюсь, напечатают.

Старый Бен: Это мимо школы пройдёте... будет здание двухэтажное... В этом году в редакции какие-то новые ребятишки появились... вы их ещё не знаете...

Сокол: Найдём. Узнаем. Сейчас почитать?

Старый Бен: Сейчас не надо. В газетке читаем.

Сокол: Так мы, может, прямо сейчас и пойдём?

Старый Бен: Прямо и идите! Какие проблемы, Санька!

Сокол (громко): Ну, спасибо вам за хлеб, за соль! Давид, пора по коням! В редакцию! Жорка, оставь уют в покое... Пошли, коллеги!

66. В ШКОЛЕ.

Жорка, сославшись на некоторое, по его мнению, опасное бурчание в животе, остался на пароходе и не пошёл в редакцию газеты. Зато к Соколу с Давидом охотно присоединилась Хельга. И вот они направились, Сокол с группой поддержки, в маленькую «рыбную» газету. Название этого органа печати, по большому счёту, не так уж и важно, тем более, что абсолютное большинство газетных, и не только газетных, названий так или иначе связано с коммунизмом. Но мы будем правдивы и точны буквально во всём. Мы будем предельно достоверны.

Газета называется «Ленинский путь». При этом некоторые местные товарищи имеют дерзость утверждать в своих узких кругах, что у названия газеты нет политико-идеологической начинки и что у него смысл целиком и полностью географическо-топонимический, сугубо речной.

Путь в редакцию пролегает мимо школы.

Там уже второй год после института работает Ирина, давняя, ещё со школьных и студенческих лет, знакомая Сани Сокола. Преподаёт русский язык и литературу.

Сокол (на ходу рассказывает Хельге и Давиду): Она говорит: согласилась распределиться в Жиганск только из-за северного коэффициента. Врёт!

Хельга: Зачем?

Сокол: Не знаю даже... Она ведь как сюда попала? Была отличницей, активисткой, комсоргом факультета.

Получили дипломы. Стали распределяться. Деканат, ректорат, партком, профком, комитет комсомола, даёшь БАМ, энтузиасты вперёд, комсомольцы-добровольцы...

Кто в Жиганск? А никто. Не желают комсомольцы. И тут Ирина – шаг вперёд! Я! Это она пример другим подала.

Думала, что за ней ещё кто-нибудь выскочит. А никто и не выскочил. И вышло – ей ехать! Ирка в слезах – к ректору: я же не совсем хотела! я лишь только пример подавала! А

ректор говорит: раз подала – значит, и ехай! У нас был очень весёлый ректор. Он так и говорил: ехай. Вместо поезжай или, на худой конец, проваливай... Я только на пять-десять минут сюда заскочу. Передам привет от общих знакомых. И потопаем дальше...

Сокол – в пустом учительском кабинете. На стенах – карты, картинки. На верху книжного шкафа – чёрный гипсовый бюст Пушкина. За самым главным столом – Ирина. Держится обеими руками за голову. Напротив сидит Сокол.

Ирина (кажется, она взвинчена до предела): И всё! Никому не должна! И ноги моей тут больше не будет!

Сокол: В Жиганске?

Ирина (яростно): Вообще тут! В Сибири!

Сокол: В Москву, значит...

Ирина (почти в истерике): Господи, да как же вы мне все надоели с вашим чехоточным воплем! В Москву! В Москву! В Москву! Какая пошлость! Сдалась вам эта Москва... Ты что, Сокол, – три сестры в одном стакане? Не верю! В конце концов, что такое Москва? Тоже большая деревня... В Москве, между прочим, Наташа Ростова маялась по князю Андрею и в той маяте восклицала... Что восклицала Наташа Ростова? Не помнишь? Я тебе напомню, Сокол. Наташа Ростова восклицала: Мадагаскар! Вот вам – Москва! Москва не даёт Наташе даже толком помаяться, потомиться как следует в своей девичьей любви... Тогда зачем эта Москва? И я всем об этом скажу: зачем вам эта Москва? Если вы мне не верите, господа, читайте художественную литературу без Антоши Чехонте! В той, без Чехонте, литературе чёрным по белому написано: милостивые государи и государыни, уезжайте ради бога в Европу, там Гвадалквивир, там Гибралтар и Занзибар... Тем более – Аэрофлот! С Аэрофлотом от Магадана до Мадагаскара – рукой подать!..

Сокол (хмуро): Вы тоже, мадам, из тех милостивых государыней будете?

Ирина (кричит): Я современная женщина! Я тоже имею право!

Сокол (поднимается): Так. Ясно. Тогда, милостивая моя государыня Ирка, я тебе так скажу. Мадам, нахуй мне

ваш Мадагаскар? (Идёт к двери. Оборачивается.) Кто здесь ребятишек учить будет? Пушкин?

Хлопает дверь. Пушкин на шкафу раскачивается и грохается на пол. Ирина рыдает, уткнувшись лицом в стол.

67. ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ.

Деревянное двухэтажное здание. Крыльцо с перилами. По обе стороны входной двери повешено множество табличек, и самая золотая из них – «Ленинский путь». Группа поддержки, повинувшись молчаливо-выразительному жесту Сокола, присаживается на скамеечку, рядом с железной бочкой, врытой в землю: курилка.

Сокол, помедлив у порога, набирает воздуха в полную грудь, и входит в здание.

Дверь лязгнула пружинами.

Длинный полутёмный коридор. Очень похоже на общежитие барачного типа.

Много дверей. Одна из них настежь распахнута.

Сокол возникает в проёме двери – как явление...

Распухшая нижняя губа мешает этому явлению улыбаться, как полагается явлению. Но Сокол старается.

И выглядит более-менее лучезарно.

- Здравствуйте, дорогие друзья! – произнёс он и раскинул руки для объятий.

Сидят за столом двое: женщина и мужчина.

- А-а-а... это вы? – мрачно спросила женщина. – Опять, значит, прибыли... Ну-ну!

- Естественно! – улыбается Сокол. – Впрочем, я сейчас к вам с визитом в иной ипостаси. Как поэт!

- Да? – сказал мужчина. – Поэт, говоришь? Знаем мы этих поэтов! В позапрошлом году...

- В позапозапрошлом, - уточнила женщина.

- Да, в нём самом... приезжал к нам в один улус один такой поэт из Киренска. Сказал: явился в творческую командировку. Припасть, так сказать, к истокам.

- И как? Удачно? – спросил Сокол, смахнул со стула какую-то хозяйственную сумку и вольно расселся на освободившееся место.

Сумка брякнулась на пол, звякнула, потекло на пол молоко...

- Припал! – повысил голос мужчина. – Вылюбил всех девок в улусе и скрылся!

Женщина строго взглянула на мужчину, подошла к Соколу и сказала, разбираясь с брошенной сумкой:

- А вы тут не шибко-то расслаживайтесь! И вообще выйдите... куда подальше...

Сокол встал. Лучезарно вышел. Задом.

Оказавшись за порогом, смотрит – а на двери вывеска:

**ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ
«СОГЛАСИЕ ПРОТИВ ПЬЯНСТВА».**

Основано в декабре 1887 года

великим русским писателем

Л.Н.Толстым.

А ниже – ещё что-то, мелким шрифтом...

Сокол со злостью захлопнул дверь.

Подумал.

Потом слегка приоткрыл её, просунул голову и нежно спросил:

- А редакция где?

- На втором этаже. Жалуйтесь! – сказала женщина, собирая осколки разбитой бутылки.

- Иезуиты! – буркнул Сокол, но так тихо, что никто, кроме его собственной губы, этого не услышал.

Мелким шрифтом на вывеске было сообщено, что в том «Согласии против пьянства» состояло 744 человека, в том числе путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Позже общество покинули 20 нестойких членов, среди которых был художник Илья Ефимович Репин. Из 724 оставшихся членов имелись 165 женщин и 559 мужчин в возрасте от 5 до 80 лет...

Сокол плюнул громко и презрительно.

Хотел пнуть дверь, для чего даже размахнулся правой ударной ногой, но – передумал, и та нога замерла в полёте,

сзади на отлёте, меж тем как левая нога совершила какой-то пируэт на 360 градусов, и всё вместе это напоминало фигуру балета без названия...

68. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В РЕДАКЦИЮ.

Три парня в комнате за столом. Журналисты, стало быть. Или – один плюс сочувствующие.

- Привет, коллеги! – говорит Сокол и приветственно машет рукой.

- Привет. Чо скажешь?

- Да так вот, вообще... Каким путём идём?..

И бутылку «Абу-Симбела» из дипломата выудил.

Помаленьку налачился разговор: о том, о сём...

Сокол стишки протянул редактору.

Тот мгновенно прочёл, перевернул лист обратной стороной... Там ничего не оказалось.

- И всё? – спросил редактор.

Сокол скромно опустил глаза и развёл руками:

- Хорошего помаленьку, друзья мои...

Чокнулись. Выпили. Крякнули.

- Гениально! – сказал редактор и постучал пальцем по бумажке со стишком. – Завтра же будет в газете.

- А гонорар, может, сразу сегодня? – улыбнулся Сокол.

- Не положено! - улыбнулся редактор. – Приходите завтра.

- Окей! – улыбнулся Сокол.

69. БАЛЛАДА О ПОДСТРИЖЕННЫХ РОЗАХ.

На следующий день пошли в редакцию в том же составе.

По дороге купили в киоске газету «Ленинский путь» - десять штук. Больше в наличии не оказалось.

Сокол прочёл стишок на последней странице – и взвыл, и за голову схватился! Вместо «постриглись» было напечатано «подстриглись»...

- Бараны нестриженые! – вопит Сокол. – Ну, я их щас там всех подстригу! Уж я их там отредактирую! Уж... Да уж! Вы меня на лавочке дожидайтесь! Я мигом! На скорую руку!

- Александр, - говорит Хельга. – Только не на горячую...

- Вообще-то можно и припугнуть, - замечает Давид. – Как никак, но авторское право даже на таком крайнем севере существует. А, может, и гонорару больше дадут.

- Будьте спокойны, - говорит Сокол.

- Я серьёзно говорю, Саня. Помимо гонорара ты сдери с них ещё и штраф за моральный ущерб. Компенсацию.

- Я говорю, будьте спокойны, - ответил Сокол и половчее приладил на голове берет. – Ну, как?

- Корсар! – оценивает Хельга. – Летучий голландец!

- Эти журналоги у меня вот где! – заявляет Сокол, потрясая «Ленинским путём», зажатым в кулаке.

И скрылся за дверью.

Дверь лязгнула с пружинным звоном, лязгом и долгим стоном.

В кабинете – те же трое. Пиво пьют. Одна бутылка – на троих! Мракобесие... И это в глазах Сокола выглядит как откровенное издевательство.

Сокол швыряет на стол газету.

Садится по-хозяйски на стул. Ногу на ногу забрасывает.

После многозначительного, весьма выразительного и, более того, нецензурного молчания говорит:

- И что мне с вами делать, чуваки?

Трое переглянулись. Один из них убрал бутылку пива со стола под стол.

- Страна идёт вперёд семимильными шагами, - начал Сокол тихо и вкрадчиво-зловеще.

- Ну, и чо? Пусть идёт, - сказали трое в один голос.

- Страна, можно сказать, надсажается из последних сил, - продолжил Сокол, постепенно повышая голос. – Гагарина запустили (*загибает палец*). Новую домну запустили (*второй палец загибает*). Где-то там ещё чего-то запустили! Короче! (*Кладёт на стол сжатый кулак*). Страна аж вся дрожит на энтузиазме! А вы?

Трое переглянулись.

- А вы тут халтуру гоните! Халяву разводите!

Трое ещё раз переглянулись и выложили на стол шесть здоровенных кулаков.

Но Сокол не обратил на это внимания. Сокол увлёкся.

- Как вы, жиганы, могли додуматься до того, что розы подстриглись? Вы знаете, что такое монашеский постриг? Понимаете ли вы вашу глупость, цирюльники вы севильские?!

- Да? – произнёс редактор.

- Манда! Сидите тут, мой привоз жрёте, а конкретно тот, кто эту благодать вам сюда предоставил на блюбочке, должен, по-вашему, с утра без ничего страдать?! Я вас спрашиваю, тунгусы дикие? Или кого?

Сокол берёт со стола недоубранный стакан, нюхает.

- Положь назад, - говорит редактор.

- Зачем?

- А зачем ты сказал про тунгусов?

- Это не я сказал, - отвечает Сокол. – Это ещё Пушкин сказал в стихотворении «Памятник» (*Декламирует*):
Поныне дикий тунгус и друг степей калмык... Не помните, что ли?

- Помним, помним, - ответило трио. – Мы всё помним...

Хельга и Давид в это время нескучно дожидаются Сокола на скамейке. Давид трубку курит, пускает ароматные колечки.

- Ваш юный друг Георгий не пошёл с вами, - говорит Хельга. – Почему? Разве это неинтересно посмотреть, как стихи с простой бумажки вдруг перемещаются на страницу печатного издания?

- Говорит, что живот ноет. Но это он отговаривается... Он роман пишет.

- Настоящий?

- Пока не знаю.

- Неужели на нашем пароходе можно написать настоящий роман?

- Всё может быть... А вы попросите его почитать что-нибудь из собственных сочинений! Я думаю, он не устоит.

- А вы помните, Давид, шампанскую бутылку с вашим «Русским романом»?

- Помню. И вашего Роберта Фроста, и мою реплику в сторону Фроста... Я тогда дописал стишок. Всего четыре строчки...

- А если мы так и не встретим ту серебряную подложку с гордым именем «Советская Шампанская»?

- А я сейчас вам прочту! Русский роман. Романс для вас. Вальс при свечах. После полуночи...

Давид закидывает голову назад, закрывает глаза и читает стихи:

Всё уже было, а слово найдёшь и - жарко,
всё уже знаешь, а пишется, как во сне,
русский роман: снег, рукавички, шарфик,
чёрные лестницы, белые скверы, снег...
Низкое небо, ветер, сигнальный прочерк...
Память – тетрадка: захочется – перечту...
Вот тебе венчик из разноцветных строчек
острых снежинок, круглых окошек «ТУ»...
Вот тебе ключик: связанный из тумана
узел сюжета, петелька, узелок
из твоего обмана – замочек романа,
что при желании складывается в венок...
Значит, оставим грёзы о дальнем берегу.
Всё образуется так, что предельно ясно:
Чёрта с два

сочинишь

русский роман в Америке!

Где лайф будто кайф,

да и тянется так ужасно...

Хельга закрыла ладонями лицо и молчит. Неподвижна.

Только тонкие пальцы вибрируют.

Давид не нарушает её молчания.

Наконец, Хельга отнимает руки от лица...

- Спасибо вам...

И снова пришло молчание. Не потому, что нечего было сказать, а потому – что слов было в избытке...

Первой нарушила молчание Хельга. Она умела молчать, умела и молчание нарушать.

- Что-то наш Александр задерживается, - говорит она.

- Сокол там даёт жару прикурить, - отвечает Давид.

- Я уже волнуюсь, - говорит Хельга. – Он же такой впечатлительный...

- Сейчас вылетит наш Сокол, - успокаивает Давид.

И тут они слышат и видят: со знакомым визгом, лязгом и стоном распахивается входная дверь и из неё, ломая в бреющем полёте перильца с баясинами, вылетает Сокол, выпнутый под задницу мощным футбольным ударом.

Летит недолго. И приземляется близ скамеечки.

Группа поддержки устремляется к Соколу.

Тот распластался на земле – как цыплёнок-табака.

Хельга отряхивает Сокола, причитает:

- Ой, Александр... У вас же кровь изо рта...

Вынимает платочек, вытирает.

- За что они тебя так отредактировали? – интересуется Давид.

Морщится Саня Сокол, трудно ему говорить, но он отвечает и даже кое-что понять можно из ответа:

- Утром же... Старый Бен... накаркал... и Хельга тоже... летучий, сказала, голландец...

- А гонорар где? – спрашивает Давид.

Сокол вынимает изо рта зуб. Внимательно осматривает его, родного-кровного, крутит в пальцах, примеряет к пустоте в зубном ряду – а нельзя ли вернуть обратно? – и Давиду показывает:

- Вот...

- И всё?

Сокол, болезненно кривясь, садится на землю и разводит руками. В этом страдальческом жесте, в общем-то, не было ничего особенного для текущего момента. Не было. Зато **как** Сокол изобразил это самое «ничего»!

Он развёл руки так, словно хотел обнять весь мир, а мир, как намыленный, ускользает от него... Нет, даже не так. Он развёл руки так, как это делают рыбаки всего мира, показывая вот такую рыбину... А ещё Сокол запрокинул лицо, призывая небо в свидетели, и вымолвил с тоскливым недоумением:

- Абсу-у-у-урд...

Слово тягучее, тянучее, продолжительное, бесконечно минорное истекло из Саняного нутра через скважину в зубном ряду – с лёгким шипением и свистом, точно спёртый воздух из проколотого футбольного мяча.

В глазах Сокола мерцает печаль веков.

И тут с треском распахиваются створки окна на втором этаже и выглядывает весёлая рожа редактора.

- Эй, шкипер! - кричит рожа. – Плавучий памятник Пушкину! Это не ты у нас случайно свою камилавку забыл? Лови!

Берет, знаменитый Санин берет со значком отличника Советской Армии шлёпается в пыль.

Но тут же резво подскакивает, фыркает, шипит и с диким воплем исчезает за углом.

70. ЗУБ.

Вернулись на судно.

Улыбающийся Жорка встречает у трапа с подносом в руках, на котором дребезжат «три раза по полстакана» азербайджанского столового красного полусладкого вина по имени «Акстафа».

- Да иди ты! – рявкнул Сокол.

- Чего это вы? – обиделся Жорка.

Давид молчаливым жестом прояснил ситуацию, дескать, всё в порядке, у матросов нет вопросов, возмездие и отмщение с кровопролитием отменяются, над Крайним Севером спокойное небо...

Жорка внимал - и выпивал при этом. С удовольствием. Все три стакана. Один за другим.

Хельга заботливо проводила Сокола до кают-компанияи.

- Ну, вот мы и дома, Александр... Почти в безопасности. Прилягте, пожалуйста.

Сокол, кряхтя и стеная, вытягивается на рундуке.

Вздыхает.

И Хельга вторит его вздыханиям.

- Про что вздыхаем? – спрашивает Сокол умирающим голосом.

- Про японские розы. Пропали розы...

- Поэзия не пропадает. Даже если поэта убивают. Хоть на дуэли, хоть ещё как... Хоть так, как меня! Когда трое на одного, причём безоружного!

Сокол приподнимается и кулаком грозит.

- Дикари! Папуасы!

- Успокойтесь, Александр. Вам вредно волноваться...

- Но вы... Вы не смаете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь! Хельга, плесни мне стакашек, а то щас сердце разорвётся...

Плеснула Хельга. Сокол залпом выпил.

- Дайте-ка, Александр, я вас примочу... Опять вон пошла кровь... Вам вредно рот открывать! – говорит Хельга.

А Сокол за голову хватился. Нет берета! А без берета Сокол – уж как бы весь всадник без головы.

Хельга ловит Сокола за руки, успокаивает.

- Не дрыгайте руками, пожалуйста. Это всё равно ни для кого не убедительно. К тому же – расхолаживает весь коллектив.

- И что прикажете делать?

- Взглянуть на жизнь по-новому. Начать всё сначала. Ещё не всё потеряно...

Хельга протягивает Соколу круглое зеркальце. Сокол разглядывает отражение. Отражается, по-видимому, не совсем Сокол...

- Как же не потеряно? – бурчит. – Гонорара нет. Зуба нет. Берета – то же самое... Мне больше всего берета жалко... Был же как родной... Родней зуба... И вот – исчез, как дезертир с поля боя! Хельга! Представь себе – как последний предатель!

Лезет пальцем поковырять дыру в зубах – но палец, правый указательный, толсто забинтован. Хельга решила освободить палец от повязки: по её мнению, ранка от собачьего укуса уже поджила. Разбинтовывает, осматривает, смазывает йодом... Врачует.

- И, пожалуйста, не ковыряйтесь во рту, Александр. Тем более - немытыми руками. Вы просто как маленький... И вот что ещё вам давно хотела сказать. И сейчас я скажу вам этот вопрос. Александр, ну, какой из вас, к чёртовой матери, шкипер? Шкипер, он же капитан, уже есть на судне. Ганнибал Арфаниди. Второго шкипера не положено. Нет и не будет. И второго Ганнибала – тоже. Я понятно говорю?

- Так... - цедит сквозь зубы Сокол. – Бунт на корабле... И кто я, по-вашему?

- Стивидор.

- Стивидор? Сти-ви-дорррр... Из Стивенсона?

- Стивидор по-английски грузчик.

- Простой грузчик? Хельга, вы меня умяете! Не надо меня так насекомить!

- Не простой грузчик, Александр. Это старший рабочий на портовой погрузке-разгрузке. По-нашему, бригадир. По-вашему, бугор.

- А что... Годится. Сти-ви-дор. Звучит. Как ветер в парусах, да? Что ж ты, дорогая наша матроска, мне раньше не сказала?

- Повода не было.

- Сейчас появился!? Дождалась...

Смеётся Хельга:

- Дождалась!

- А с зубом-то что делать будем? Вставить назад можно? Между прочим, я его в карман... Не оставлять же трофей этим жиганам!

- Вот этого я не знаю. Честное матросское слово.

Спросите у Семёна. Он же у нас всевозможный Айболит.

- А этот... вернётся?

- Берет, что ли?

- Ну, да... подлец...

- Я думаю, что не вернётся... Но, может, и вернётся.

Погуляет и вернётся. Он ведь не просто так мохеровый... Он всё-таки отличник боевой и политической подготовки...

- Да уж... характер у него мой...

71. ПАМЯТНИК И ШТАНЫ.

Строго-настрога предупреждённые Ганнибалом о категорической недопустимости справедливого отмщения и вообще любого вида возмездия, кроме духовного, Давид и Жорка затеяли на корме интеллектуальную поэтическую игру.

Давид с выражением читает «Памятник» Пушкина, а Жорка, напряжённо ожидающий в конце концов конфузного подвоха от Давида, добавляет в декламацию

предложенную вставку - с перманентно нарастающим повизгиванием...

- Я памятник себе воздвиг нерукотворный...
- В штанах...
- К нему не зарастёт народная тропа...
- Без штанов.
- Вознёсся выше он главою непокорной...
- В штанах!
- Александрийского столпа...
- Без штанов!!

72. ПОНЕДЕЛЬНИК.

Мостик управления (он же – крыша рулевой рубки).

Семён возится с сигнальными огнями, с антенной...

Профилактические работы.

Кряхтя, на мостик взбирается Сокол. Присаживается под мачтой на задницу. Рот прикрыт ладонью. Грустный взгляд – в никуда.

Внизу, на палубе, невидимые под тентом над общим столом, продолжают резвиться Давид и Жорка.

Сокол (*печально*): Вот ты, Семён, умный. Скажи мне, как простой советский человек простому советскому человеку... Короче, как друг, товарищ и брат...

Семён: Я скажу. У меня не заржавеет, однако.

Сокол: Мой берет вернётся?

Семён (*подумав*): Нереально.

Сокол (*жалобно*): Так ты подшамань, Семён, чтоб вернулся!

Семён: Ты, товарищ Сокол, короче по-простому Сашка, тоже ведь маленько умный. Подумай, чего такое говоришь. Как шаманить про берет? У него же значок всей Советской Армии! А куда бедному шаману против такой армии? У неё же танки, самолёты, пулемёты, миномёты, линкоры, подводные лодки и Варшавский Договор. Фашистов и империалистов победили! А я – кто? Нет, Сашка! Не пропорционально. Не могу шаманить.

Сокол: Это грустно... А Хельга говорит: нагуляется – сам придёт.

Семён: Мы не возражаем и милости просим.

Сокол: А это... зуб как наладить?

Семён: Смотря какой зуб.

Сокол (*раскрывает пошире, помогая пальцами, рот и оскаливается*): Смотри.

Семён (*долго смотрит, пальцем трогает*): Нет зуба. Где зуб?

Сокол: Ёшкина гармошка! Забыл... (*Вышаривает из кармана зуб, завёрнутый в обрывок «Ленинского пути», и показывает*) Вот.

Семён (*берёт зуб, осматривает, изучает, выносит резюме*): Думать надо, однако.

Сокол (*с надеждой*): Думай, Семён, думай! Тебе не привыкать!

Семён: Вечером к тебе придём, когда маленько подумаем.

Сокол: Уж ты постарайся, Семён! Напрягись! Вся же страна напрягается...

Семён: А это зуба не касается. Он сам по себе. И ещё как сам себе чего захочет – вопрос неизвестный.

Сокол: Договорись с ним... Ты же понимаешь: жить в обществе и быть свободным без зуба, тем более переднего, - невозможно! Что ни скажешь – всё в свист уходит...

Семён: Художественный свист бывает. Мне нравится. Вот у нас в пароходстве был один мужчина...

Сокол: Не надо про мужчину. Чего делать будем?

Семён: До вечера ничего не жри.

Сокол: И даже не выпить?

Семён: Выпить можно. Это не вредно. Санитария, гигиена, дезинфекция. Главное дело – пропорция...

Возникла долгая томительная пауза. Сокол думает. И вдруг осеняется какой-то ударной, сногшибательной мыслью. Хлопает себя по лбу.

Сокол: Сегодня чо у нас?

Семён: В смысле календаря?

Сокол: В смысле! Какой день?

Семён (*обстоятельно*): Шестнадцатое мая одна тыща девятьсот семьдесят второго года. Понедельник.

Сокол (*испускает вопль*): Так я и знал!..

Голос Давида: Неправда! Не знал Сокол. Не мог знать. В той огромной и неуклюжей стране, где мы жили-поживали и что попало наживали ... - ни Саня Сокол, ни я, ни миллионы нам подобных не знали и не могли знать того, что полагается знать обычному человеку в обычном времени и обычном пространстве. А мы жили да выёживались... – как бы это сказать повеличавее?... – мы жили в сторожевой башне казарменного типа с бойницами на все четыре стороны света. На самой верхотуре – вожди вожделенные. Под ними тучки пробегают... Мораль сей башни такова: сиди, боец, на своём месте и не рыпайся, а привет тебе Катюша передаст по радио... Тут дело пахнет легендой. А что может быть пленительней легенд? Только легенды о легендах. Мы жили в легенде. Однажды мы жили... Давным-давно...

Сокол (*уныло*): Гавным-гавно...

Жорка (*озорно*): Бревным-бревно...

Хельга (*печально*): Всёравным-всёравно...

Ганнибал (*твёрдо*): Одним-одно...

Семён (*задумчиво*): Одна-а-ко...

Все эти пятеро неожиданно присоединившихся никоим образом не принимают участия в монологе Давида. Каждый занимается тем, чем занимался до этого момента. И их реплики вбежали в монолог Давидов и рифмовались с ним, как рюмочки и стаканы рифмуются в застольном кругу. Так бывает... Разные питейные посудины с разным зельем презельным встречаются на встречных курсах и издают разный, но согласный звук. Полифония, однако...

Голос Давида (*продолжает*): Ну, товарищи, не будем уж так обобщать... Сокол, я, Жорка, Ганнибал, Хельга, Семён... я же говорю, миллионы человек и каждый со своей безуминкой... Питаются, ума набираются, влюбляются, разлюбиваются, гвозди забивают, уголь копают, детишек сочиняют – себе подобных и отцу небесному аналогично приблизительных... обустроивают рай в шалашах... короче говоря, живут себе люди как люди. И тут к ним однажды заявляется Карл Маркс.

Заявляется и сразу же заявляет: «Товарищи пролетарии, как тут у вас нащёт прибавочной стоимости? Не ущемляет?» Да, это вопрос, что называется, «на засыпку». Но спать спокойно уже не даёт... Страсти же вокруг роковые! Здравьте, страсти! И нет нам прощания!.. Вот только никому как-то не пришло в голову, что страсти эти мы сами себе придумали. Для изумления... Изумились – и снова задремали.

Правда, бывало, что в ком-нибудь периодически просыпался безбашенный энтузиазм. Но лучше бы он этого не делал. Потому что, как наставляет научный коммунизм, энтузиазм будит восторг, восторг расталкивает энергию гуманизма, а та, в свою очередь, берedit все иные, дотоле беспробудные, потенциалы, дремавшие в периодическом человеке до поры, когда можно вдруг появиться на свет во всей красе и мерзости белкового организма нашей исторической эры... Я помню её назубок, кайнозойскую эру. Я раздевал её, точно матрёшку. Четвертичный период. Послеледниковая эпоха – голоцен... И голоценности жизни – уже такой мегаколоссальный вес, что под тяжестью его горбится человек, не вынести ему, как вору, этот груз никуда, ни к себе, ни из себя не вынести, да уже и некуда... Двадцатый век. Соответствующий год – от сотворения мира и от Рождества Христова. Второй квартал. Месяц май. Вторая декада. День шестнадцатый. Понедельник. Часиков этак в пять пополудни с минутками и секундочками...

Движение реки – и ничего более.

Струение гераклитово...

Державинская река жизни...

Морщится в отражениях...

Синоптикос – дважды река.

Голос Давида (*продолжает*): Арена безмолвия. Точка. Колышек русской недвижимости. Тишь и блажь. Лишь секундная стрелочка нервничает на левом запястье, изо всех своих хронических сил рвётся сорваться с колышка, вперёд: вперёд – по кругу, будто козлёнок на привязи, и мама-коза – тоже похожа, вот это и есть жизнь, две козы, большая и маленькая, на верёвке, по топтаному, прокопыченному кругу, в круге колышек, да-с, колышек-

околышек, околесица священного русского веселья-каруселья, это новый год, праздник, красный день, вокруг него, взялись за руки, па-а-шли! – хоровод, с песнями, с припевками, щастье-то какое, господи!.. А всё неправда, всё на месте стоит, немотствует, одна лишь видимость, что хоровод, кажется всё, чудится чудное мгновенье, некрещёное, и только одна стрелочка на левом запястье дрожмя доказывает: вот, по крайней мере, она – стремится, движется, и я с запястьем вместе с ней, а это значит, что она и есть тот самый спасительный пустячок, который позволяет человеку-стрелочнику опамятоваться и ужаснуться пред вечностью, выжить в безграничном времени и не забыться в пространстве между провальным мраком амнезии – с одной стороны, и ослепительным, словно вспышка магнезии, озарением разумной памяти – с другой...

“Сейчас” для памяти слишком много. Её точка отсчёта, исток, начало – “сейсекунд”, “сеймомент”- секундочки дочки-сыночки. Пустячок. Дрожащая от космических перегрузок стрелочка, открывающая путь в прапамять, в которой неважны “где”, “кто” и “когда”, несущественно – от каких “от” и до каких “до”: от печки до третьих петухов, от чистого сердца до получки, до приёма пищи и после социализма – щастье-то какое, господи! хемингуэвёвенько проживаем! !

Но спросили однажды Хема: что составляет счастье? “Крепкое здоровье и слабая память”, – ответил классик, по ком уже звонил колокол, и застрелился. Классики шутят всерьёз...

Вода и небо смотрятся друг в друга.

Голос Давида (*продолжает*): А - кроме шуток?

Понедельники наши – это уже не шуточки. Тут уж у нас ещё одна легенда в легенде!

Российские поделники-понедельники во вторник не заканчиваются. Среда у них такая. И – обитатели.

Понедельник – день восстановительный, но баня и театр по понедельникам не работают. Такой у них зловредный антинародный принцип и полный отрыв от жизни.

Ещё важное: понедельник – дни тяжёлые. В сумме – одна седьмая часть жизни! Ужас же...

А через год после нашего плавания сошлись «Доживём до понедельника» со Штирлицем, и мальчик из детского хора Центрального радио и телевидения песенной строчкою спросил у крейсера «Аврора», что ему снится...

Но это ещё только будет. А пока что вершится наш путь вселенский, и Сане Соколу ударил в голову конкретный день жизни.

Итак, шестнадцатое мая тысяча девятьсот семьдесят второго года. Понедельник. Двадцать четыре часа в сутках. Тысяча четыреста сорок минут. Восемьдесят шесть тысяч четыреста секунд...

Опять эти секунды. В сущности, что это такое – секунда? Трудно, почти невозможно ответить вот так сразу, без умственного потужения и вызубренно, как отвечают учителю первые ученики. Обывателю в оценках и суждениях не хватает астральности или, если хотите, астрономизма. Единственное, что ещё можно утверждать с изрядной долей уверенности: секунды вполне достаточно, чтобы произнести «да» или «нет», а это, согласитесь, уже немало. Два слова, два слога, два полюса, вольтова дуга вечной жизни...

Вот и получается, как в том фильме про Штирлица: не думай о секундах свысока...

Так пусть же не останется она, маленькая, без вести протикавшей, потому что – ну, кто же ещё проживёт её, кроме нас?..

Семён (*Соколу – в продолжение разговора на мостике управления*): Вот у нас в пароходстве случай вышел сентиментальный. Служил на «пассажире» один мужчина. Лет уже много, но на пенсию не собирался. Да ещё, как молодой, за женщинами бегал. Бывало, бежит, бежит... Догонит! А – забыл: зачем бежал? Пока вспоминает – женщина убегает. Вот такой вопрос стоял. А так больше ничего не стояло. Квартиру имел. Телевизор там, холодильник и другая обстановка помещения жизни. И вот однажды заболел у него зуб...

Сокол (*взывает*): Семчик! Не надо!

Семён: Почему не надо? Надо. Как говорит моя знакомая хорошая женщина Анастасия Александровна, моя соседка в Усть-Куте, она в детсадике работает воспитательницей... И вот она говорит: ой, Семён, Семён, как же много в нашей трудовой жизни ложных ценностей, но ещё больше

– ценных ложностей! Как, говорит, поймёшь-разберёшь? А я говорю: не знаю...

73. СЛУЧАЙНЫЕ СЛОВА.

А Давид с Жоркой продолжают свою игру.

Давид: Веленью Божию, о муза, будь послушна...

Жорка (*уже икает*): В штанах...

Давид: Обиды не страшась, не требуя венца...

Жорка: Без штанов...

Давид: Ну, что? Может, хватит на сегодня экзерсисов пиитических?

Жорка: Хватит...

Давид (*вполне серьёзно*): А ведь ты, Жорка, говорил: случайные слова – к месту, не к месту... Случайные слова всегда к месту.

74. КЛУБОК.

Уже сумерки.

В капитанской каюте лежит на тахте Ганнибал с книжкой Рембо. Но не читает. Думает...

В ногах Ганнибала устроилась Хельга. Она распускает свою мохеровую кофточку и сматывает нить в клубок.

- Ну, вот, - говорит, - все будут довольны...

Гладит клубок.

И тот – мурлычет...

75. ЗУБНОЙ РЕМОНТ.

Вечером, управившись со всеми своими должностными делами, Семён является в кают-компанию.

Сокол в это время что-то горячо объясняет товарищам.

Семён кивком головы вызывает Сокола наружу. Ведёт его на нос парохода. Там, рядом с лебёдкой и шлюпкой, Семён устроил лежанку для Сокола: какая-то войлочная кошма с подозрительным запахом...

- Разлагайся тут без стеснений, - говорит. – Будем, однако, реставрацию делать. Открывай рот.

Вынимает из-за пазухи кумачовый матерчатый узелок, в узелке – зуб... И вот возится Семён с этим зубом пред лицом Сокола, чего-то мудрует, мурлычет, воркует, приспособливает...

Наконец, накрывает лицо Сокола тем же кумачом и строго наказывает:

- Всё. Как говорится, полный абзац. Теперь запирай рот. Крепко-крепко. И так лежи до первого луча завтрашнего солнца.

- Курить-то можно? – подаёт голос Сокол из-под кумача.

- Курить не можно. Лежи до солнца и не вставай. Думай. Утром поднимайся и продолжай жить, как раньше. А я в рубку пошёл. Включу для тебя «Прощание славянки». Она помогает бойцам перед боем, в бою, но особенно – после боя...

76. БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ.

Жорка в кают-компании сидит за столом и записывает в тетради очередные впечатления от минувшего дня...

Голос Жорки: Сегодня у моего друга поэта Александра Сокола была тройная дуэль. Эта штука похлеще, чем тройная уха. Пули свистели прямо над головой. А одна так и вовсе чуть не попала...

Да, оно так, примерно, и было... Стоит Сокол с «Лепажем» в каждой руке, а с трёх сторон вокруг Сокола – противники с автоматами-пулемётами, да ещё на баррикадах! Едва успевают Сокол отстреливаться – с двух рук, по-македонски, в прыжках-кульбитах и сальто-мортале... И вот тут появляется князь Георгий Гогенцоллерн-Мухранели, в белом плаще с красным подбоем, с мечом двуручным в каждой руке... Задремавший Жорка стучается лбом о стол. Некоторое время смотрит на исписанную страницу... Вдыхает. И снова берётся за стило...

Голос Жорки: Вообще-то в нашем народном хозяйстве наблюдается вопиющий перекося! Всё нефтепроводы да газопроводы! Но никто до сих пор не додумался до такой простой и экономически выгодной вещи, как винопроводы. Особенно в районах, труднодоступных для современных видов транспорта!

Спрашивается: кто виноват? Да сами же они, творческие люди! Они все почему-то хотят быть писателями, художниками, композиторами и артистами... А кто в нашей стране будет заниматься производством труб большого диаметра? Пушкин? Нет, Пушкин вместо масла не пойдёт и пусть сидит на своём месте. Нужны другие творцы. Но другие не хотят. И поэтому трубами занимаются одни сплошные дураки и бездарности... О, Русь, Русь! Уже за шеломянем мерси на небеси за бугром... Это что же за стервоточинки в твоих синих глазах?! Неужели оскудела ты на толику креативного мышления?..

77. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ.

Закат.

Хельга и Давид стоят на корме, у самых лееров. Судовой динамик транслирует «Прощание славянки». Это Семён призвал Краснознамённый ансамбль да Кубанский казачий хор – для скорбных страстей товарища Сокола.

*Лес да степь, да в степи полустанки,
Свет вечерней и новой зари –
Не забудь же прощанье славянки,
Сокровенно в душе повтори!
Нет, не будет душа безучастна –
Справедливости светят огни...
За любовь, за великое братство
Отдавали мы жизни свои...*

Хельга: Вы знаете, Давид, мне как-то даже зябко от таких слов... Отдавали жизни... за любовь, за братство... Как будто это голоса с того света... Хор покойников, за любовь и братство убиенных... И так пафосно!

Давид: А вы не верьте бравурным маршам... И Окуджава предупреждает: не верьте пехоте...

Хельга: Я не верю словам. Когда покойники поют такими бодрыми голосами... «Варяг» не сдаётся, последний парад наступает – а они поют... Не верю словам. Музыка верю. Музыка не обманывает.

Давид (*медлительно, размышляя вслух*): Жизнь кончилась – пора перекурить... И помирать – так с музыкой. У вас в Севастополе тоже...

Хельга: Да, и в Севастополе тоже...

Давид: Наверно, у военных маршей - разные исполнители. Душа и сапоги. Душа через глотку рвётся наружу... А сапоги последние гвозди в плац вколачивают... Я в армии срочную служил. И по плацу шлёпал, и на зелёной траве лежал... Ротный старшина у нас был. Дурак дураком. Но сапоги у него всегда сверкали, как зеркало. Не знаю, чем он их мазал. Но уж точно - не солдатской ваксой. Выходил перед строем и говорил нам, лопоухим: «Сапоги – это лицо солдата! Понятно?» Понятно. Но поверить в это было невозможно...

*Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад.
Летят, летят года,
А песня – ты с нами всегда:
Тебя мы помним,
И в небе тёмном
Горит солдатская звезда...*

Хельга: А я сейчас Гайдара вспомнила! Про самую солдатскую песню... Про горные вершины...

Давид: Спят во тьме ночной...

Хельга: Да-да, самая военная песня!

Давид: Жди меня – и я вернусь...

Хельга: С берёз неслышен, невесом слетает жёлтый лист... Какие грустные, печальные, добрые...

Давид: Без барабанов...

Хельга: Без барабанов.

Давид: Неправильные?

Хельга: А все хорошие песни – неправильные. Жёлтые дожди в таких песнях... Разве бывают жёлтые дожди? Нет, не бывают. Только – в песнях. Но это не раздражает, а – плакать хочется. И ещё жить, а не помирать. Почему так, Давид?

Давид: Не знаю. Нас так учили: ты ж моряк, Мишка, а моряки не плачут!

Хельга: А что вы в армии пели?

Давид: Разное...

Хельга: Спойте!

Давид: Да ну что вы! Нет! Я не умею...

Хельга (прищуривается): Разве? Вот уж не подумала бы... Когда вы на мачте сидели, как марсовой матрос... Вы же почти на радиоантенне сидели! Очень громко, на всю Лену солировали. Да? У вас здорово получалось! Вас антенна хорошо принимала. Вот была бы она ещё более чувствительной, так вас, Давид, слышали бы в Москве, в Париже, Нью-Йорке... И ваши папа с мамой, и ротный старшина... *(Смеётся)*

Давид: Последняя гастроль комедианта... Ну, не смейтесь же, Хельга...

Хельга стоит в последнем луче заходящего солнца. Он золотит её волосы...

Давид осторожно дотрагивается до волос.

Давид: Рыжая...

Хельга (смеётся): Неправда! Это вам показалось! Я ведь даже далеко не блондинка! Совсем наоборот!

Давид: Солнышко подзолотило... Такое видение... *(Притрушивает нежность в голосе)* Кета копчёная!

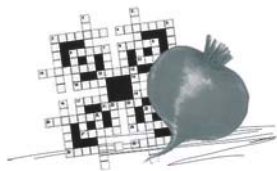
Хельга: Неправильное видение?

Давид: Не знаю...

Хельга: А я вам сейчас тоже анекдот расскажу. У вас был сухопутный анекдот, А у меня – военно-морской. Слушайте и выводите мораль. Однажды молодой флотский лейтенант с очень воспитанной барышней катались в море на прогулочном катере. Они стояли на корме, на самом краешке, как мы с вами сейчас. Лейтенант целует барышню. Для неё это было неожиданно и впервые в жизни. Поэтому она немножко испугалась, оттолкнулась и, представьте себе, упала в воду. Ужас какой! Да ещё вдруг акула откуда ни возьмись... Лейтенант выхватил кортик – и в воду! Спасать барышню! А та ему говорит: лейтенант, какой вы дикарь! рыбу – ножом? фи! Лейтенант бросил кортик в воду. Акула сожрала и барышню, и лейтенанта, и кортик... Наверно, это не анекдот? Может, это притча... Не знаю...

Давид: Акула была, наверное, самая правильная...

Семён в радиорубке вновь и вновь запускает по кругу «Прощание славянки». Но это уже не бравурный строевой марши. Это мелодия без слов – мягкая, лирическая музыка меди, кларнетов и валторн духового оркестра... Музыка над водой плывёт далеко и долго.

78. КАПИТАН, УЛЫБНИТЕСЬ!

Солнце ещё не взошло.

Сидя на шлюпке, близ лежанки Сокола, Давид и Жорка дожидаются первого солнечного луча.

Семён тоже здесь. Он сидит «по-турецки» на палубе в ногах у Сокола, закрыв глаза и мерно раскачиваясь. При этом издаёт звуки, похожие на горловое пение...

Семён (открывает глаза): Сейчас солнце будет... Через десять секунд.

Жорка (начинает отсчёт): Девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!

И луч появляется... словно указка лазерная, он нацелен на лицо Сокола, прикрытое кумачом.

Семён встаёт, склоняется над Соколом ... Двумя пальцами ухватывает кумач, делает паузу, как положено фокуснику, и резко срывает тряпицу с лица.

Семён: Пора, однако. Встань и иди.

Кряхтя и хватаясь за бока, Сокол медленно поднимается с лежанки.

Жорка (запевает во всю глотку): Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка это флаг корабля...

Сокол вопросительно смотрит на Семёна.

Тот утвердительно кивает: можно, дескать.

И Сокол начинает - медленно, постепенно расширяя улыбку... И хоть губы у Сокола – точно два разваренных пельменя, но улыбка получилась хорошая. А самое главное – на самом видном месте сияет, как новенький, зуб! Сверкает, брильянтовый, и пускает «зайчиков» от солнечного луча.

Давид: Фантастика!

Жорка: Дайте пощупать!

Сокол вновь вопросительно смотрит на Семёна. Тот кивает.

Жорка щупает зуб – и поднимает вверх большой палец.

Жорка: Настоящий! Как у волка!

Давид: У морского волка!

Семён: Лучше настоящего. Теперь этот зуб хоть сколько можно бить – не выбьют.

Жорка: Можно попробовать?

Сокол шарахается в сторону.

Семён (Жорке): Рано ещё...

Жорка: Приклеенный, да? Бээфом?

Семён: Специальный. Особого назначения. От оленей, однако. Рога, копыта. Долго варить надо...

Жорка: А у Сокола там... рога не вырастут? Или копыта?

Семён: Не вырастут. Зачем во рту копыта? Копытами же не жуют, Жорка! И рогами тоже...

Подходит Хельга и надевает на голову Сокола связанный за ночь берет.

Жорка нажимает кнопочку транзистора.

Вступает в действие Гимн Советского Союза.

Сокол торжественно, с улыбкой шире рта, шествует по палубе...

79. ВТОРНИК.

Голос Ганнибала из динамика ГГС:

- Внимание! Всем членам экипажа. Объявляется тридцатиминутная готовность к отплытию...

Семён в рулевой рубке принимает радиограмму.

Делает запись в судовом журнале и передаёт его

Ганнибалу. Тот читает текст радиограммы, расписывается в получении и ставит дату: 17 мая 1972 года... Смотрит на наручные часы... Тикают секундные стрелки ...

Семён идёт с журналом в кают-компанию.

Сокол что-то говорит Давиду и Жорке. Всё время показывая пальцем на зуб.

Семён подаёт Соколу бортовой журнал:

- Ознакомься. Распишись.

Сокол, не глядя, расписывается. И в доли секунды, пока расписывался, взгляд выхватил из текста нечто, от чего

Сокол схватился за сердце и медленно повалился на рундук-койку.

Жорка вытряхивает аптечку – настенный ящичек с красным крестом.

Давид спрашивает у Семёна:

- Что такое? Случилось чего-то ?

- Радиограмма, - отвечает Семён. – Срочная. В два адреса. Ганнибалу – из пароходства. Соколу – из облпотребсоюза. Читай сам. Не очень секретно. Только для служебного пользования.

Давид читает:

- Вчера партия и правительство в который раз по просьбе трудящихся приняли историческое постановление о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Предлагаем принять незамедлительные меры по срочному и досрочному выполнению данного постановления. Для чего требуем: по пути следования к порту приписки активно проводить среди местного населения Ленского бассейна разъяснительную работу всеми формами, методами и средствами агитации и пропаганды здорового образа жизни новой исторической общности, то есть советских людей... Саня, ты что это?..

Лицо Сокола, бывшее красным, стало мелово-бледным. И глаза закатились...

-Обморок, однако, - говорит Семён и начинает трепать Соколу уши.

Жорка, не найдя валидола, подносит к носу Сокола стакан вина.

Сокол очнулся. Открыл глаза.

- Сёдни у нас какой день? – спрашивает.

- Вторник, - отвечает Семён.

- Странно, - говорит Сокол. – Уже вторник, а я это... чуть концы не отдал...

80. ТРЕЗВЕННИКИ И БЕРЕТ.

- Отдать концы! – гремит динамик голосом Ганнибала. Семён уже на палубе – на отшвартовке. Ему помогают со своего борта Старый Бен и Кузьмич.

И в это время из-за угла административного корпуса Жиганского речного порта на высокой скорости выворачивает легковушка-«Волга». Судя по раскраске и

опознавательным знакам – карета скорой медицинской помощи. У неё включена сирена, да и водитель сигналиит что есть мочи. Машина мчит прямо к пароходу.

Из раскрытого бокового окна женщина высунулась и машет рукой:

- Стойте! Не двигайтесь!

Машина тормозит у трапа, вздымая облако пыли. Из облака возникают мужчина и женщина. Это - местные трезвенники, из вчерашнего общества, куда Сокол вляпался по недоразумению.

- Приказано загрузить! – кричит трезвенник.

- Что такое? – ангельским голосом интересуется подошедший Сокол.

- Только что! – кричит трезвенник.

- Получено указание! – кричит трезвенница.

- Срочная агитация и пропаганда! – кричит трезвенник.

- Принимайте агитпропматериал! – кричит трезвенница.

В их голосах звенит торжествующая медь оркестра.

- Лежали у нас, лежали! Дожидались!

- Ещё с пиисят восьмого года! От прошлого постановления!

- И вот настал на ихней улице праздник!

- Слава тебе, господи!

Трезвенница машет Соколу бумажку:

- Распишитесь в безвозмездном получении. И часы с минутами поставьте!

Сокол спускается по трапу.

- А я подумал, - говорит, расписываясь - что вы срочно извиняться приехали... За вашу вчерашнюю бестактность...

- Ещё чего! – фыркает трезвенница. – А кто мне бутылку молока разбил? Пушкин?

- Памятник Пушкину, - отвечает Сокол. – А зачем на «скорой» приехали?

- А она к нашей организации прикреплённая! Других нет!..

Давид и Жорка, ворча, уносят на пароход, в кают-компанию, кипы-стопы и рулоны агитпропматериалов...

Давид: Между прочим, в нашей стране для поэзии и вообще для литературы не хватает бумаги. Как странно, товарищи трезвенники! И чего это её вдруг не стало хватать?

Трезвенница: А между прочим, на наших плакатах встречаются очень даже хорошие стишки! Жизненные!

Давид: Омар Хайям?

Трезвенница: Не хамите!

Трезвенник: Омар... Ну-ну!

Сокол поднимается на борт.

Трезвенники идут к машине.

Внезапно трезвенница вспоминает что-то... Возвращается к трапу. Вынимает из сумки пропавший берет Сокола и бросает с трапа на палубу.

- Ловите вашего мерзавца! Всю ночь под окнами орал! Всех наших нормальных собак с ума свёл! И нормальным людям спать не давал!

Берет до палубы не долетает. Плюхается в воду. И – барахтается отчаянно!

Семён багром выуживает берет из воды. Отдаёт Соколу. Сокол выжимает, точно стиральное бельё.

Подошедшая Хельга советует Соколу:

- Вы поаккуратней, Александр! Ему же больно...

Трезвенница крутит пальцем у виска, будто шуруп закручивает:

- Какие-то все ненормальные... Даже бабы...
Уходит к машине.

В отдалении расселась полукружьем стая поселковых собак. Они враз задрали морды к небу и поддержали трезвенницу оскорблённым воем.

И тут Хельга слышит тонюсенький скулёж. К её ногам прижался щенок и подражает сородичам. Хельга двумя руками берёт его, подносит к лицу.

- Ты чей? Откуда такой?

Хельга встречается взглядом со Старым Беном. Он и Кузьмич стоят почти рядом с Хельгой, напротив, стеклянный-то пароход и «Красный Интернационал» ещё не разошлись бортами.

- От меня, - говорит Старый Бен и большой палец руки вздымает.

- Насовсем-насовсем?

- Без вопросов, мадам!

Хельга отправляет Старому Бону воздушный поцелуй.

И Кузьмич протягивает Жорке – утюг...

Жорка в восторге!

Заработал винт «стеклянного парохода». Судно медленно отваливает от борта «Красного Интернационала».

Отплывающие и провожающие машут руками.

На берегу обиженно воют собаки.

Пароходный ревун добавляет свой голос протеста.

В общем, получилось вполне гармонично. Симфонично даже.

Протест с обидою вылетают на ветер!

А у Давида – прежнее видение: на берегу молодая женщина с ребёнком на руках, а вокруг неё уже десяток ребятишек, младшенькие ревя ревут, а старшие отдают пионерские салюты... Трясёт головой Давид – и видение исчезает...

Сокол берет разглаживает, поглаживает – с суровой нежностью:

- Ну, и чо? Нагулялся, мерзавец?..

81. ВРЕМЯ, ВПЕРЁД!

Воют собаки на берегу.

Воет пароходный ревун...

Всё, что может выть, воет.

И люди мало-помалу взывают, индивидуально и в коллективном порядке.

Да и как не взывать? Указ же!

А после указа следуют указания – всеми средствами связи: радиogramмы, шифrogramмы, телетайпы, телефон, телеграф, морзянка, крутятся ротационные машины, печатая завтрашние газеты... Накатывается девятый вал, десятый...

«Говорят все радиостанции Советского Союза...»

В кают-компани Сокол, Давид и Жорка.

Сокол включает портативный телевизор «Юность» и вытягивает телескопическую антенну.

Музыка Георгия Свиридова «Время, вперёд!»

Заставка программы «Время»...

Картинка на голубом глазу «Юности» прелестная:
Прямо из Москвы, сияющей на глобусе красной
звёздочкой, вылетает ракета и начинает кружить вокруг
земшара, как будто бы выбирая: и куда же ей врезаться?..

Жорка прикрывает глаза и представляет...

Крутятся радары.

*Крутится всё, что может крутиться: часовые стрелки,
колёса, белки, флюгера на крышах, мельницы, дискоболы,
мотогонщики под куполом цирка, центрифуги с
кандидатами в космонавты...*

*А в центре всеобщего круговращения – тарный
деревянный ящик с полным комплектом: ровно двадцать
бутылок сверкают серебряными боеголовками!*

*Ящик боком возложен на двухколёсную тачку, бутылки
горлышками нацелены в зенит...Да это уже реактивная
«Катюша» или целая система залпового огня «Град»!*

Голоса:

- Будьте готовы к труду и обороне!

- Всегда готовы!

- Слава КПСС!

- Время, вперёд!

- Наша цель – коммунизм!

- Огонь!

- Пли!

ЗАЛП!

*Все двадцать бутылок, нацеленные в зенит,
выстреливают пробками - бьют из горлышек реактивные
струи - ящик на тачке, будто на качели, наклоняется в
другую сторону, и теперь бутылки уже доньшками
нацелены в зенит, вышибают дно деревянного ящика и
взмывают в небо, в сторону, противоположную той, куда
были нацелены первоначально...*

Голос диктора Центрального телевидения Игоря

Кириллова:

*- Несмотря на подрывные действия со стороны США и их
союзников по НАТО...*

*Жорка открывает один глаз, наблюдает диктора, вновь
плотно зажмуривается и видит...*

*Воют сирены противовоздушной обороны...Лучи
прожекторов чертят чёрное небо...*

Бутылка с серебряным горлышком сходит с околоземной орбиты и врежется прямо в Вашингтон...

ВЗРЫВ!

Ядерный гриб...

Облако...

Минута молчания...

- Пиздец... Царствие им небесное, - шепчет Жорка и осеняет себя крестным знамением.
- И чо ты наделал? – спрашивает Сокол.
- Уж и пошутить нельзя, - отвечает Жорка, раскрывая глаза на окружающую реальность.
- Шутить можно. Но не с такими же вещами! – говорит Сокол.
- А вещи сами вопиючи! – возражает Жорка. - И вопят, как не знаю кто... Каждый день да через день! Что за страна такая? Вещи – вопят! У других людей страны – как страны...
- И только у нас – Россия, - тихо роняет Давид.

Общая пауза.

И - то ли совокупный вздох, то ли ангел пролетел с шуршанием крыл незримых...

- Ну, на фига уж такой пессимизм, - говорит Сокол.
- А уж время такое, - отвечает Давид.
- Какое? – подсказывает Жорка.
- Сякое, - говорит Сокол. – Что всегда приходит не вовремя... Ладно. Пессимизм долой. Народ ответит на красный террор белой горячкой. На войне – как на войне. Начинаем, чуваки, военный совет... Хули-фили, хали-гали... Кутузов, благослови! Давид в кутузовы не годится...

Давид потирает заплывший синяком глаз...

А на экране «Юности» - знаменитый российский бас:

*Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь.*

*Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей...*

*Сокол раскладывает на столе свои бумаги из дипломата,
выключает «Юность» и начинает выяснять диспозицию
фронтов, сил и средств.*

Голос Давида:

- Ах, ах, – говорят мне, – вы такой ужасный пессимист! Да. Но пессимизм – не антоним оптимизма. Нет. Пессимизм враждует с эйфорией, с самообманом и самодовольством. С сытостью. А теперь, уважаемые вопрошальщики, спросите меня ещё раз: почему я - пессимист? Отвечаю. Во-первых, когда приходят неприятности, то я уже готов к ним, потому что ожидал. Во-вторых, если грянут явления, нарушившие мой пессимизм, то я этому радуюсь. И, знаете ли, маленькие радости – не шибко уж великая роскошь в наше время, не так ли? Но этого мало. Я хочу знать...

Голос Сокола: Много будешь знать, Додик, быстро состаришься...

Голос Давида (*продолжает*): А мне отвечают: «Ждите ответа, ждите ответа, ждите ответа...» Да ну вас всех к чёртовой матери с вашими ответчиками-автоматчиками Всесоюзного общества «Знание»! Я хочу знать, наконец: почему весь мир идёт через тернии к звёздам, а моё отечество – всегда самым кратким курсом: через жопу и в никуда?..

Голос Сокола: Это уже антисоветизм.

Голос Жорки: Товарищ Сокол, ну чо ж вы так сразу: антисоветизм, антисоветизм... Лично меня, например, семья, школа и вообще учили, что «жопа» никогда не была антисоветским словом. Даже совсем наоборот...

Голос Сокола: Жорка! Ты это... не лезь поперёк батьки... Додик! Мы ж всё-таки культурные люди, ёптыть! Как никак...

Голос Жорки: Никак.

Голос Сокола: Как! Более-менее!

Голос Жорки: Менее.

Голос Сокола: Более! Додик, а может, всё-таки не через жопу, а, допустим, через пень-колоду? Мы же ж... Я, например, не знаю, как твой краткий курс в жопном изложении преподать невинно подрастающему поколению?

Голос Жорки: Невинное поколение, товарищ Сокол, обожмя обожает великий и могучий русский язык...

Голос Давида (*продолжает*): А почему отменили небо в алмазах и стали обещать свет в конце тоннеля? Свет в конце тоннеля!? Это же обязательный, системно зафиксированный реаниматологами всех стран мира, суровый и трезвый, как гвоздь, признак клинической смерти! И почему никто на этом свете так не умеет жить, как мы не умеем? Мы не боимся новизны? Не боимся. Ни тогда, когда она приходит, ни тогда, когда уходит. Вот пусть и миновала бы нас любая новизна, которая приносит старые неприятности. Это было бы справедливо. И правильно. Только это правильно – без меня. Я об этой справедливости как-то всё неправильно думаю. И всегда так: задумаешься на миг, а сгущёнку такую наворотишь, что чёрт-те что и сбоку бантик. Чертовщинка от жизни, а бантик от художественной литературы. А если бы мозги крутились не просто так, между первой и второй, в перерывчике небольшом? Если бы мозги не валяли дурака, а сочиняли бы за деньги художественную литературу... О! Я не стал бы расписывать по часам один день двойного дублинского еврея Стивена-Блума! Я не стал бы разбирать по сиюминутным косточкам один день Ивана Денисовича! Нет! Я совсем наоборот сделаю! Как раз – напротив однажды сказанному, что дольше века длится день, – я целый век в один вечер загоню! Натё! У меня даже название готово для тончайшего, на полстранички, эпоса: “Один век из жизни Ивана Блума”. Такая сгущёнка будет... Плотненькая. Тяжёлая вода... Один вот наш товарищ всё ходит, ходит и через губу роняет: не думай об секундах свысока. Правильно роняет. Не надо о них так думать. Они не стоят того. Бери выше! Первая попытка. Второе дыхание. Третий мир. Четвёртое измерение. Пятый угол. Шестёрка в колесе... Эх, безымянный ты человек, герой нашего времени! Как на лисапеде в карусели! И вот как станет подходить к концу время карусели, отпущенное по

синенькой контрамарке, так и окажется, что двойной дублинский еврей и гулаговский зэк непоправимо правы в крохоборском бережении одного-единственного дня, и счастливого часа, и мины-минуты, тикающей во веки веков...

82. ВОЕННЫЙ СОВЕТ.

Сокол, Давид и Жорка после непродолжительного обмена мнениями переместились в трюм.

Почти пуста «пещера Аладдина». Гулко отдаются все звуки, отскакивая от бортов и эхом ухая из укромных уголков.

Вообще, пустые трюмы – пространство очаровательное, всё равно что пустые карманы, бутылки, кошельки, глаза...

Слышно, как вода за бортом: жур-жур, бонжур, бродяги-жулики ... - таки чистый Артюр Рембо на «Пьяном корабле».

А дело-то серьёзное, потому что вопрос не праздный, вопрос пушкинский: куда нам плыть? где он, выход из положения?

- Через вход! – подсказывает Жорка.

- Не торопись, - отвечает Сокол, хозяин и раб положения. – Игра в «подкидного дурачка» только начинается...

В трюме остался лишь небольшой штабель ящиков с виноводочной продукцией. Он бликует стеклянно. Он взывает... Ах, если бы он мог говорить!?

- Всё, коллеги! – говорит Сокол. – Наш путь вниз закончен. Теперь – только вверх! Внизу, на северных морях, нам жить не дадут...

- А это куда? – спрашивает Давид, кивая на бликующий штабель.

- С этим разберёмся... Если сейчас разворачиваемся назад, значит, сразу пойдём мимо Жиганска...

- Ну его на фиг! – вставляет Жорка.

- И попадаем прямо в Якутск, - продолжил Сокол. – Мимо него никак нельзя. Там загрузимся бочкотарой, наверное, опять гэсээмную набросают, всю палубу загадят... Ничего не поделаешь! Пустыми в Осетрово идти нельзя. А в Осетрово уже новый вагончик стоит с алкоголем! Нас дожидается! Куда его?

- Целый вагон? – спрашивает Жорка.

- Целый! Для северного завоза!

- А я тут маленько прикинул... Логически! – говорит Жорка. – И даже могу поспорить! Что «Абу-Симбел» в список напитков, запрещённых к продаже после двадцати часов ноль-ноль минут, не войдёт!

- Уверен? – спрашивает Сокол.

- Как пить дать... - начинает божиться Жорка.

Сверху в трюм заглядывает Семён

- И куда нам плыть, ёк-макарёк?

- Решаем, - ответило трио...

... Ежели посмотреть на «стеклянный пароход» с высоты птичьего полёта, то можно увидеть: судно начинает кружить, и круг начинается обширный, во всю ширину реки, от одного берега до другого... Можно подумать, что сам пароход задумался в пути, выбирая направление дальнейшего движения. В обратном пути, в общем-то, нет ничего особенного, всё остаётся как-будто прежним: и река, и сам пароход, и люди на берегах. Но есть в этом «тудой-судой» один маленький фокус, который люди сухопутные могут и не заметить: одно дело – плыть по течению, а совсем другое – против... В этом против всегда дремлет протест.

- Ну, коллеги, голосовать не будем. Решение принято мной единогласно. А мазут и зубную пасту пусть возьмат другие!

- А это куда? – Давид вновь обратил внимание на бликующий штабель.

- А салютация на что? Во славу капээсэс!

Жорка встряхнулся и стал накрывать к трапезе импровизированный столик.

Сокол с Давидом прогуливаются по трюму.

Давид костяшками пальцев стучит по обшивке борта. Звукопроницаемость потрясающая! За бортом журчит вода, великий ленский путь...

- Надёжно? – спрашивает Давид.
- Надёжно, - говорит Сокол.
- Тогда это... наливай.
- Уже не тошнит?
- Тошнит, Саня... Пуще прежнего...
- Ничего... Прежняя тошнота новую перебьёт...

Вид сверху: «стеклянный пароход», описав по реке, от правого берега до левого, полтора круга, ложится на обратный курс.

83. СНОВА ЯКУТСК.

Судно ошвартовалось в грузовом порту. Идёт погрузка.

На палубе в аккуратном порядке устанавливаются пустые металлические ёмкости из-под ГСМ. В трюм загружаются ящики и деревянная бочкотара с рыбной продукцией.

С трёх сторон одновременно к трапу подруливают три автомашины. Чёрная «Волга» с оленем на капоте. Синий «Москвич-412». И уже знакомый Уазик-бобик-козёл.

Из первой машины выходит Строгий. Из второй – Хмурый. Из третьей – Весёлый. И все враз вступают на трап.

Трап узок для троих.

Заминка: никто не уступает приоритета пройти первым.

Весёлый (*весело*): К нам поступил сигнал!

Хмурый (*хмуро*): И у нас сигнал!

Строгий (*строго*): Все сигналы – у нас!

С палубы за ними наблюдают Ганнибал, Сокол и Семён. Весёлый и Хмурый горячо спорят, показывая друг другу служебные удостоверения.

Хмурый (*Весёлому*): Тимофеев? Какой ты Тимофеев? Это я Тимофеев! Георгий!

Весёлый (*Хмуromу*): Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! Смотри! У меня чёрным по белому написано: Тимофеев Георгий! ОБХСС МВД СССР!

Хмурый (*Весёлому*): У меня чо-то не срабатывает на твою ксиву! Я – Тимофеев! К тому же - Георгий! УКГБ при Совете Министров СССР!

Весёлый (*Хмуromу*): У меня тоже не срабатывает!

Строгий (*вмешивается*): Служба службой, товарищи, а табачок врозь?

Хмурый: А ты кто такой?

Строгий: Горком КПСС.

Весёлый: Документы?

Строгий не спеша вынимает удостоверение. Хмурый и Весёлый читают красную корочку.

Хмурый (*пренебрежительно*): Отдел агитации...

Весёлый (*ухмыляясь*): Инструктор...

Хмурый: Я уж подумал, что первый секретарь...

Весёлый: Инструктор!

Хмурый: Вот. Инструктор. А чего губы тут распустил, шире секретарских?

Строгий: Товарищи! Спокойно. Мы все делаем одно важное государственное дело...

Весёлый: Сначала мы сделаем, а потом тебе будет то, что останется.

Хмурый: Я бы попросил не вмешиваться в оперативную разработку компетентных органов, товарищ... инструктор по агитации!

Весёлый: Ёкэлэпэрэсэтэ!

Хмурый: Вы нас понимаете?

Строгий (*смешивается под пронзительными взглядами чекистов*): Ну, товарищи, если так... если такая накладка, то мы будем разбираться в другом месте...

*Уходит к машине, та трогается с места и исчезает.
Весёлый и Хмурый вновь уставились друг на друга.*

Весёлый: Так в чём дело?

Хмурый: Нет, это я спрашиваю: в чём дело?

Пытаются каждый первым взойти на трап и подняться на борт.

Ганнибал: Это кто такие?

Семён: Прохиндейцы, однако.

Сокол: Да, около того... Они нас на днях уже так замумукали...

Семён: Гэбэ, обэхээсэсовец и капээсэсовец, наглядная агитация.

Ганнибал: Понял. На борт не пускать!

Семён: Есть, товарищ капитан!

Хмурый и Весёлый вступили на трап и, толкаясь, сделали несколько шагов. Хмурый не удерживается и, взмахнув руками после толчка Весёлого, падает в воду.

Кричит и барахтается.

Семён бросает ему спасательный круг.

Весёлый подскочил к лееру.

Весёлый (Ганнибалу): Товарищ капитан! Я слышал... Но вы поймите! Я за вами прикреплённый!

Сокол: Куратор?

Весёлый: Куратор, ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! Вам привет от тёти Тази! А я при исполнении служебных обязанностей! В командировке, значит! Вы можете меня даже не кормить и не поить! Но я обязан ехать с вами! Начальство же у меня! Требуется уже не профилактики, а оперативной разработки! Возьмите меня, а то...

Ганнибал (грозно): Чего то?

Весёлый: А то мне плохо будет! Начальство же...

Ганнибал: Здесь я – начальник. Один-единственный.

Хмурый тем временем выбирается на пристань. Истекая ручьями, бежит к машине и уезжает.

Ганнибал с Соколом вполголоса разговаривают. Ганнибал, прищурившись, пронзительно смотрит на Весёлого и, по-видимому, приняв компромиссное решение и дав «добро», уходит в рубку.

Сокол (Весёлому): На судно – никак! Спустим шлюпку. Возьмём на буксир. Командировку обеспечим. Жизнь и безопасность подстрахуем, но не гарантируем.

Поплывёшь?

Весёлый: Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! Прямо щас?

Сокол: Криво!

Весёлый: Так точно!

84. ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ, ОДНАКО...

Утро. В конторе Якутского грузового порта, в небольшом актовом зале, - до начала рабочего дня собрались на плановую политинформацию конторские служащие и бригадиры грузчиков.

*Сокол – на трибуне с распечатанным текстом Указа.
Жорка – за столом президиума с профсоюзным начальником.*

Сокол: Я, конечно, понимаю, что у нас сейчас как бы не лекция, а как бы политинформация (*Подмигивает залу*) Но вопросы по-прежнему принимаются. И я как бы даже готов ответить по мере моих скромных способностей. Прошу, товарищи, без стеснений.

Голос из зала: А нам без разницы, куда брызги полетят!

Сокол: Иван Стаканыч? Это ты?

Голос из зала: Мы, Саня.

Сокол: Живой-здоровый?

Голос из зала: Как бы да...

Сокол: Давай вопрос, Иван Стаканыч! Давно мы с тобой не полемизировали...

Голос из зала: А вопрос такой. Ты вот с корабля на бал, а что на улице - не видишь.

Сокол: Ну, как бы...

Голос из зала: Давай без как бы. На улице уже полно драчующихся граждан обоего пола. Особенно у торговых точек. И куда мы идём? В каком направлении дальше жить будем?

*Сокол попил водички из стакана, стоящего на трибуне.
Обстоятельно попил, Так актёры держат паузу. Позу паузы. Не каждый умеет...*

Сокол: Было бы время для лекции, я бы рассказал про некоторые белые пятна и чёрные дыры в нашей истории... Но время, увы, ограничено. И приходится только ответить

вопросом на вопрос. А куда мы, товарищи, денемся от этих чёрно-белых шахмат? Куда нам плыть?

Иван Стаканыч: Вот именно оно! И куда?

Сокол: Иван Стаканыч, ты меня не провоцируй (*Подмигивает*). Лучше сам ответь на мой вопрос. Вот, например, живёт нормальный человек. Скажи, Стаканыч, можно купить нормального человека?

Иван Стаканыч: Купить – не знаю (*Пауза*) Продать – можно.

Сокол: Это как по-твоему, кризис?

Иван Стаканыч: В смысле, денег нету, что ли?

Сокол: Иван Стаканыч, ты не понял вопрос. Кризис – это когда деньги были и склевались. А когда их нету – какой же это кризис? Обычное дело. А суть дела вот в чём, товарищи (*Сокол потрясает бумажкой с текстом Указа. Зачитывает*): «В целях снижения уровня потребления спиртных напитков в стране признать необходимым...» Читать дальше? (*Подмигивает*)

Голоса из зала (*со смехом*): Читай!

Сокол (*читает*): «Запретить продажу водки и других алкогольных напитков крепостью 30 процентов и выше в торговых предприятиях, находящихся в районе расположения производственных предприятий и строек, учебных заведений, детских учреждений...»

Голос из зала: Детишки-то тут при чём?

Общий смех.

Сокол (*подмигивает и продолжает чтение*): «...детских учреждений, больниц, санаториев и домов отдыха...»

Голос из зала: А на хера нам такой отдых?

Общий смех.

Сокол (*продолжает*): «...Продажа водки и других алкогольных напитков крепостью 30 процентов и выше может производиться в розничной торговой сети не ранее 11 часов утра и не позднее 19 часов вечера...»

Общий смех.

Профсоюзный начальник и до этого неоднократно порывался звонить в бронзовый колокольчик. И теперь вот тоже... Безрезультатно.

В зале царит бурное веселье.

Голос из зала: Саня, ты давай без бумажки! Чо-нибудь жизненное!

Сокол: Из народа? Или от себя лично?

Голос из зала: От себя!

Сокол вновь испил водички.

Голос из зала: На водичку тянет с утра?

Сокол: С кем не бывает... Вот был случай. Присоветовал мне доктор - по благу! - один рецепт: семьдесят граммов алкоголя на ночь. Дескать, пока вы спите, он будет делать своё полезное дело, ваши сосудики очищать... Ладно. Принял я ровно семьдесят. Лежу с закрытыми глазами и прислушиваюсь к алкоголю: делает он своё дело или не делает? Чувствую: кажется, ничего не делает, халтурит. Добавляю ещё семьдесят... Короче говоря, к утру он заработал, как стахановец, как какой-нибудь ударник коммунистического труда! Как какой-нибудь передовик социалистического соревнования с кем-то... Понятное дело, не со мной...

В зале – аплодисменты.

Сокол (продолжает): Утром, конечно, башка трещит. Ну, вы знает, товарищи... И я велел себе купить мне бутылку водки!

Бурные продолжительные аплодисменты, перекрывающие бронзовый звон профсоюзного колокольчика.

Сокол (продолжает): А что надо для этого, товарищи? Да боже мой, совсем немного. Вы же знаете... Самую малую малость! Встать пойти найти купить выпить! Всё!.. И в этом, товарищи, вся наша грамматика. Вся синтетика! Одни глаголы, да и те все сплошь страдательные, как один! Какая тяжесть в них колышется! Какая тоска плещется! И каков, спрашивается, вес оной тоски?

Голос из зала: Триста.

Сокол: Чего триста?

Голос из зала: Триста, говорю, грамм в тоске вашей утренней.

Сокол: Почему триста?

Голос из зала: А потому, что ни пятьсот, ни двести пятьдесят на троих не делятся. Арифметика, товарищ Сокол!

Сокол (*поднимает большой палец*): Алгебра!

Аплодисменты переходят в овацию.

Голос из зала: Пусть ещё Стаканыч скажет своё впечатление!

Сокол: Иван Стаканыч, сделай милость...

Иван Стаканыч (*поднимается с места и откашливается в трудовой кулак*): А вот был такой пронзительный случай. Купил селёдку. Завернул в газетку. Газетка «Правда». Пришёл с той правдой домой, на законную жилплощадь. Положил на стол. Развернул газетку. Обнажил селёдку. А она, сука, хохочет: «Правды» начиталась! Как вам это нравится? И как после этого прикажете жить простому сухопутному человеку в таком номере цирка?

Зал грохочет в ладоши.

Топот ног.

Свист.

«Врагу не сдаётся наш гордый Варяг...»

Еле слышно звенит колокольчик...

Сокол: Ну, всё, товарищи! Политинформация окончена. До новых встреч! Кстати, вы меня раньше шкипером называли. Забудьте. Отныне я – стивидор. Трудное слово? Привыкайте. Я ещё вернусь...

Шум в зале не умолкает. Профсоюзный начальник однозвучно гремит в колокольчик. Сокол сияет зубом и тычет пальцем в путёвку: оскоромься, дескать, гражданин-профком!

Начальник вынимает из кармана штанов коробочку, из коробочки – печать, промокает в фиолетовую подушечку и сердито шмякает печатью по путёвке общества «Знание».

Жорка (*с восхищением глядя на Сокола*): И даже очень напрасно Звенигородский сегодня на лекцию не пошёл!

Сокол: Ну, не пошёл и не пошёл... Что, он не видел триумфов?

Жорка (*озабоченно*): Может, опять тошнит?

Сокол: Вряд ли... У Давида как раз всё в норме. В самом полном и настоящем творческом порядке...

85. ПИРОЖКИ С КАПУСТОЙ.

*За палубным столом под тентом Хельга стряпает
пирожки.*

*Уже и тесто скалкой раскатано, и помогающий стряпне
Давид с удовольствием штампует гранёным стаканом
аккуратные кружочки.*

*На столе – армейский бачок с тушёной капустой и
большой противень: скоро он отправится на камбуз –
печься-жариться.*

Хельга управляетя умело и артистически.

*Оба, Хельга и Давид, в белых поварских колпаках и
куртках.*

Под столом дремлет щенок, покручивая носишкой.

Давид: Наверно, надо было стол застлать чем-нибудь, да?.. Так у нас каюта завалена наглядной агитацией. Принести?

Хельга: Что вы, Давид! Разве можно пирожки стряпать на наглядной агитации? Это какие же пирожки тогда получатся? Ужас! Нет уж, бумаги оставьте для писчебумажных дел. В стране бумажный же кризис! А на листовках – на обороте! – можно ведь писать?

Давид: Конечно, можно. Для машинки даже годятся. А плакаты можно разрезать по формату... Сокол с Семёном говорят: хлам вон! Я пока сопротивляюсь. Жорка поддерживает. Ноль-ноль.

Хельга: Ганнибал увидит – счёт сразу переменится не в вашу пользу.

Давид: За борт?

Хельга: Упаси бог! Ганнибал даже окуроч в реку не выбросит! Нельзя!

Давид: В галльон, значит?

Хельга (*смеётся*): Я – на вашей стороне! Счёт останется по нулям! Пишите на обороте... Стихи, прозу... письма... записочки... разные, но хорошие...

Давид закончил «штамповку». Берёт сочень, мнёт в пальцах, возникают фигурки человечка, грибочка, собачки...

Давид: И записочки напишем, и стишки... Сочень – очень! Очень – сочень!.. Щенёнка уже как назвали?

Хельга: Юнга!

Давид: Юнга – она или он?

Хельга: А вы как думаете?

Давид: Я, вообще-то, уже посмотрел... Там ничего нету... Так мальчик или девочка?

Хельга: Вы, Давид, не туда смотрели, куда надо смотреть. Вы посмотрите на его мордочку! Там всё написано.

Давид: Я что-то не очень волоку в этой грамоте...

Хельга: Взгляните же! У него же чисто пацанская рожица! Шкодник и сорванец! Будущий бабник!!

В пальцах Давида возникает лодочка из теста.

Давид: Похож?

Хельга: Лодочка...

Давид: Стекланный пароход!

Хельга: Совсем не похоже...

Давид: Вы не так смотрите!

Хельга: Как надо?

Давид: Никак! Вообще не смотреть. Закрывать глаза и поверить...

Хельга: Уже верю!

Давид: Быстро вы... Но это верующему не всегда в пользу... Иногда даже ноль-ноль не бывает... Как у Сервантеса...

Хельга: Дон Кихот?

Давид: Ещё до Дон Кихота Сервантес сочинил новеллу про человека, который считал себя стеклянным. Уверовал в это! И когда однажды его толкнули, он упал. Он упал наземь, сказал «дзинь» - и умер.

Пауза.

Хельга: Как это всё странно... Но кораблики, Давид, всё же лучше делать из бумаги, а не из теста.

Давид: Не умею.

Хельга: Неужели в детстве вы никогда не складывали бумажные кораблики? Не возились с ними в луже? Вот уж не поверю!

Давид: Я самолётики делал. Журавлики...

Хельга: Я вас научу. Ещё не забыла... Пальцы помнят... Это просто... Лучше всего получается из школьных тетрадок, которые – из лощёной бумаги. Простая бумага быстро намокает. Лощёная дольше держится... Пирожки-то с сюрпризом будем лепить?

Давид: Обязательно! С секретом! Я сам слеплю!

Лепит. Получается что-то лаптеобразное...

Хельга: Я сама сделаю. А вы приготовьте сюрприз... Записочку, например...

Давид: Какая записочка, Хельга! Морские ж волки на борту! В дальнем походе! Без галантерейных излишеств! Суровый быт! Ром! Кортики! Золотые дублоны! Серебряные дукаты!.. *(Вышаривает из кармана обычный мусор: металлическая скрепка, обломок стички, оторванная пуговица, табачные крошки, несколько монет... Держит на раскрытой ладони, перебирает):* Мда! Дукаты, значит... Медная копеечка! Слишком маленькая. Можно проглотить и даже не заметить. Пятак! Слишком большой. Подавиться можно. Вот! Полтинник. Юбилейный. Пятьдесят лет Советской власти. Даже если подавишься, так всё равно как-то так пикантно будет, со вкусом... Годится?

Хельга: Как-то грубовато...

Давид: По-пиратски! Стивенсон отдыхает!

Хельга: Ну, если по-пиратски...

Давид подбросил полтинник. Тот покувыркался в воздухе и шлёпнулся на ладонь.

Давид сжал пальцы в кулак, да ещё для пущей секретности прихлопнул кулак другой ладонью.

Давид: Орёл или решка?

Хельга: Орёл!

Давид разжимает пальцы. На ладони лежит пирожковый сюрприз...

Вечно живой товарищ Ленин – в распахнутом пиджачке и жилетке... Стоит, как памятник самому себе, на фоне гигантской композиции из серпа и молота.

Стоит справа. Глядит, понятное дело, влево. Правую руку воздел в ораторском жесте в сторону пятиконечной звёздочки... даже выше звёздочки, чуть-чуть не доводя руку до зенита небесного...

Давид: Решка!

Хельга (*помедлив*): Я думала, что товарищ Ленин – это уж всегда орёл... А у вас, Давид, всё как-то не так и даже наоборот... Я и не думала...

Давид: Все не думали...

86. МИГ И МОРГ.

Сокол и Жорка возвращаются на судно после лекции в окружении возбуждённой толпы слушателей. Понятно, что кое-кто из них уже сбегал в торговую точку и лично удостоверился, как претворяется в жизнь историческое Постановление.

*Кто-то объявляет громко
- Внимание, коллеги!*

И ему откликаются запевом хорошей, уже десять лет не стареющей песенки из кинофильма «Коллеги»:

На меня надвигается
По реке битый лёд,
Не реке навигация,
На реке пароход.
Пароход белый-беленький,
Дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой...

Жорка: А вот вы мне скажите, товарищ Сокол, почему они тут все моргают?

Сокол: Кто они?

Жорка: Народ. Пираты моргали. В Якутске у Таисьи Петровны в кабинете... И вы вот тоже... Морг-морг! Морг-морг! А?

Сокол: Вот ты и ответил, что морг. Вскрытие покажет.

Жорка: Да ну вас! Так смертельно мрачно не может быть!

Сокол: Почему не может? На грани выживания всё может быть... С кем поведёшься, так сказать...

Жорка: Вы серьёзно?

Сокол: Напополам.

Жорка: Я так и подумал. Когда вы начали подмигивать, я сразу подумал, что это не кокетство, а что-то нервное. Но в некоторых случаях это придавало особый шарм и вам, и вашей лекции.

Сокол: Жорка, ну какой шарм? Окстись!

Жорка: Я хотел сказать: смысл.

Сокол: Ну, вот это другое дело!

Жорка: Значит, морг-морг – и как бы понимай всё наоборот сказанному. Так?

Сокол: Так-не так – вскрытие покажет!

*Жорка подмигивает Соколу. Тот хохочет, сверкая зубом,
и ответно мигает.*

Этот – снова: морг-морг!

И тот – опять!

Стоят – перемаргиваются: кто кого переморгает?

А толпа – точно греческий хор в трагикомедии:

Пахнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу,
И бумажка приклеена
У тебя на носу.
Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай
И печаль мою, палуба,
Расколи о причал...

87. ВОЗЛЕ ШЛЮПБАЛКИ.

Семён на палубе возится возле шлюпбалки: готовит механизмы для спуска шлюпки на воду. Проверяет лебёдку, стальные тросы (лопари), шлюпочные тали...

Дело ответственное и привычное.

У входа на трап сидит на корточках Весёлый. Ждёт посадки, не отлучается... Служба тоже ответственная, хотя на сей раз и не совсем обычная.

Весёлый (очень миролюбиво): Товарищ, вы как бы боцман будете?

Семён (охотно вступает в разговор): Как бы!

Весёлый: Тогда разрешите обратиться?

Семён: Это можно, однако.

Весёлый: Когда поплывём?

Семён: Когда капитан даст команду, тогда и отчалим. Раньше никак нельзя. И позже тоже. Такой порядок у нас на флоте.

Весёлый: А это дело рисковое, в шлюпке-то?

Семён: Зачем рисковое? Простое дело. Плыви себе и плыви. На буксире.

Весёлый: В одиночку?

Семён: Так мы же недалеко будем. Почти рядом. Чуть чего – покричишь. В шлюпке рупор есть. Слышимость хорошая.

Весёлый: Шлюпка-то хоть без дыр?

Семён: Обижаешь, чувак! Какие дыры? Дыры в голове. А в шлюпке – заборный клапан. Ещё есть кингстоны. Иногда бывают пробоины...

Весёлый: Так их же заткнуть как-то надо! С пробоинами я не поплыву!

Семён: Это уж личное дело. Дело храбрости. А наша шлюпка хорошая. Недавно днище подсмолил. Хорошо получилось. Только одна беда была, что Сокол посидел на покраске – и все волосы на ляжках общипались. Смешно было. А Соколу обидно. Был до этого момента как нормальный петух, с гордостью и так дальше. А стал как общипанный курёнок... Ни пера, ни хера... Конечно, кому ж понравится?

Весёлый: Уже просохло?

Семён: Просохло. Хорошая шлюпка. Тебе как бы отдельное купе в вагоне будет. Плацкартное. Личное.

Персональное. Это тебе уважение такое от нашего коллектива... Меня Семён звать.

Весёлый: Очень приятно! А я Георгий. По-простому Гоша.

Семён: У нас уже есть Георгий. Жорка звать.

Весёлый (*подмигивает*): Вторым буду!

Семён: Ганнибал не вынесет вторых.

Весёлый: Кто?

Семён: Ганнибал. Товарищ капитан, однако...

*Невдалеке слышится приближающийся шум: гомон речей,
хоровая песня...*

На палубу выходит из камбуза Хельга. Прислушивается.

Хельга: Вот и Сокол возвращается. Как раз вовремя!

Семён! Скланки к приёму пищи! Пора обедать!

Семён: За мной не заржавеет...

*Весёлый провожает взглядом уходящего Семёна и
сглатывает слюну.*

88. ПООБЕДАЛИ !

Скланки: бери ложку, бери бак! нету ложки – хлебай так!

За палубным столом – все в сборе.

*С борцом покончено. Ждут, с хищным принюхиванием,
второго блюда.*

*Появляется Хельга с большим подносом, накрытым
полотенцем.*

Ставит поднос на стол. Сдёргивает полотенце.

Горка румяных пирожков.

Семён разливает чай по кружкам.

*Все едят и нахваливают, но про текущие дела не
забывают.*

Хельга (Соколу): У меня такое ощущение, Александр, что вы своей лекцией в конторе сорвали целый рабочий день тружеников грузового порта. Куда это годится?!

Жорка (возбуждённо): Кричат: чо такое, чо такое? А оно – такое чо!

Хельга: Да уж... Сокол у нас – трибун!

Жорка: У него даже голос трибунский! Это вы так натренировались, товарищ Сокол?

Сокол, конечно, доволен. Сокола распирает! Но он делает вид, что – ничего особенного, обычное дело...

Сокол (скромнейше): Родился таким... что сразу начал орать, причём матом. В роддоме даже не поверили: «финамен», сказали! Потом посовещались и снова сказали: надо этому финамену рот зашить, не то будет нашему учреждению несмываемый позор, а оно нам надо? оно нам не надо! у нас всё ж таки переходящее красное знамя по нормальной рождаемости...

Все смеются. Хельга аплодирует. Даже Ганнибал улыбается, похрустывая пирожком.

Сокол: Кроме шуток, коллеги. Командир нашего славного корабля (*поклон головой в сторону Ганнибала*) и ваш покорный слуга стивидор Сокол на тайном совете приняли единогласное мудрое решение. От Якутска до Осетрово идём напролом, без остановки. Запас топлива позволяет. А пропаганду и агитацию высочайшего указа будем, коллеги, осуществлять с борта. На берег сходить опасно. Местное население взволновано. Как бы чего не вышло...

Давид: Самое время заняться изящной словесностью.

Сокол: Вот о чём я и говорю! Кстати, известный поэт Звенигородский ещё перед рейсом обещал написать прекрасные стихи на заданную тему.

Давид: Не помню...

Сокол: Вспомни! Стихи про вино. Где стихи?

Хельга: Где стихи?

Жорка: Где?

Давид (не спеша, тщательно прожёвывая и слова, и пирожок): Однажды король Франции сказал Мольеру: хватит тебе дурака валять и сочинять всякие хохотушки,

напиши-ка ты, братец, что-нибудь серьёзное, например, про турок!

Хельга: Про турок?

Давид: Ну, да. Такой у короля интерес королевский возник.

Жорка (нетерпеливо): Написал?

Давид: Написал. «Мещанина во дворянстве». Там турки упоминаются...

Раздаётся хруст.

Это Сокол надкусил очередной пирожок.

Замер. Застыл. Остолбенел.

Словно священнодействуя, медленно вынимает изо рта сюрпризный полтинник.

Потом – зуб...

Оба предмета возлагаются на стол.

Общая пауза.

Хельга (всплеснув руками): Александр, это я виновата...

Давид: Нет! Это всё я натворил... Хельга тут ни при чём... Саня! Честное слово – никакого злого умысла! Так же часто делают! Кому секрет попадётся на зуб – тому счастье выпадет...

Жорка: Выпало...

Сокол, закрыв рот ладонью, сидит, пригорюнившись, как сестрица Алёнушка на бережку...

Зуб и монета пошли по кругу, из рук в руки.

Жорка: Чей зуб?

Семён: Это не мой. Мой не должен. А этот – зуб мудрости. С ним, однако, нечистая сила постаралась.

Жорка (обречённо): Началось... Мистика какая-то...

Семён: Никакой мистики. Это Указ начал действовать.

Кто против Указа – тому судьба выпадет по зубам.

Конкретно - зуб за зуб, око за око. Так что, будьте бдительны, товарищи.

Сокол тычет пальцем в пол, имея в виду – трюм.

Жорка: Понял!

Исчезает – и быстро возвращается с бутылкой «Абу-Симбела», на ходу раскупоривая её.

Сокол, выпивая, полощет дёсна...

Жорка возвращает зуб Соколу: дескать, попробуйте, может, приклеится с помощью фараонского зелья...

А Давид, разглядывая полтинник, вдруг осенился мыслью неожиданной. Взгляд его падает на наручные часы

Ганнибала. Давид возлагает монету на циферблат...

Все смотрят на инсталляцию.

Жорка: Одиннадцать – ноль-ноль! Строго по Указу!

Действительно. Ленинская рука, точно стрелка, указывает точно туда, где на часовом циферблате размещается роковое число 11 – время начала продажи алкогольной продукции.

Жорка: Вот такой орёл выпал Соколу...

Давид: Это не орёл. Это решка.

Жорка: Семён, рассуди: орёл или решка?

Семён: А товарищу Соколу уже без разницы...

Жорка: Зато товарищу Ленину не всё равно! Это же принципиальный вопрос – где сидеть вождю: на аверсе или на реверсе?

Семён с Жоркой спорят.

Хельга: Да не спорьте вы, ребята! Мы с Давидом уже договорились, что Ленин – ни орёл и ни решка, а что-то такое посередине. Так, Давид?

Давид: Серединка на половинку. Чему строгая наука нумизматика ещё не придумала названия...

Зуб попадает в руки Семёна. Разглядывает. Цокает языком. Качает головой сокрушённо.

Жорка: Трудный случай?

Семён: Очень трудный.

Жорка: Трудней первого?

Семён: Первый случай – это было как бы Сокол против частных единоличников и мелкой буржуазии. А этот случай – считай, что Сокол имел зуб против всего марксизма-ленинизма. Тут я бессильный...

89. СИСТЕМА «НИППЕЛЬ».

На судне все погрузочные работы закончены.

У экипажа – послеобеденный отдых.

*Из камбуза выходит Хельга, идёт к трапу и
останавливается, прислонившись спиной к бортовому
лееру.*

Руки – за спиной, в руках – бумажный свёрток.

*На пристани, близ трапа, по-прежнему сидит (уже на
тарном ящике) Весёлый.*

*Хельга призывно свистит – коротко, по-мальчишески. Во
время разговора не оборачивается и держит под
наблюдением рубку: не хочет, чтобы эту сцену увидел и
услышал вдруг вышедший Ганнибал. И предпосылки
весомые: традиция презрительного отношения ко всякой
полицейщине со стороны армейского, а в особенности –
флотского, российского офицерства известна давно.*

Весёлый: Это вы – кому?

Хельга: Вам.

Энергично шевелит свёртком.

Весёлый: Не понял...

Хельга: Вы, наверное, кушать хотите?

Весёлый (растерянно): Да как бы... Наблюдал, как вы
обедали и тоже немножко обслонявился... Запахи такие!
У вас же всё по расписанию. Не то что у нас...

Хельга: У нас привычка такая, чтобы каждый день
обедасть.

Весёлый: Хорошая привычка.

Хельга: А вы на диете?

Весёлый: Какая диета? *(Смеётся)* На шкварках сижу!

Хельга: Надо беречь здоровье.

Весёлый: В смысле внутренних органов?

Хельга: В смысле желудка. А до вашей эмвэдэшной
системы нам по-барабану! Я конкретно спрашиваю: есть
хотите?

Весёлый: Не откажусь.

Хельга: Так чего сидим? Кого ждём?

*Вновь энергично шевелит свёртком.
Весёлый быстро поднимается по трапу к борту, берёт
свёрток и возвращается на место. Разворачивает.
Пирожки ещё горячие...*

Весёлый (жуёт): Ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! За что?

Хельга: Взятка!

Весёлый (смеётся): Шутите! Весёлые вы товарищи!

Хельга: Очень. У нас система такая.

Весёлый: А в нашей ещё много чего неясно... Но хоть зато всё правильно. Система «ниппель», называется...

Разрешите познакомиться. Я – Тимофеев.

Хельга: А я – нет.

Весёлый: А кто?

Хельга: Хельга Арфаниди.

Весёлый: Нерусская?

Хельга: Как видите.

Весёлый: Всё равно спасибо... Когда отплываем?

Хельга: Не беспокойтесь. На вечер и ночь можете снять караул. Капитан слово держит. Утром шлюпку сбросим на воду. И – вперёд! Такая система. Простая. Не то, что у вас... Ниппель, да? При чём здесь ниппель?

Весёлый: Философия тут зарыта... В двух словах не объяснишь...

90. ВЕЩЕСТВО И СУЩЕСТВО.

К вечеру сгустились тучи, и разразилась гроза.

Ганнибал и Хельга – в каюте.

Юнга дрыхнет на тахте.

Между ними продолжается недавно начатый разговор.

Хельга режет лимон на блюдечке.

Хельга: А если это - обычный, нормальный человек?

Ганнибал: Без завитушек?

Хельга: Без.

Ганнибал: В нём вещества и существа – поровну. Пропорция пятьдесят на пятьдесят. Но весь фокус в том, чего в этом человеке больше: вещества или существа? Чем больше вещества, тем больше в человеке животного. Чем больше существа, тем больше человеческого. Примерно так. Без завитушек.

Хельга: А если с завитушками?

Ганнибал: Что ты имеешь в виду?

Хельга: Рембо, например.

Ганнибал: В нём ещё третье есть. Воздух свободы. Вообще, все эти ребята...

Хельга: Сокол?

Ганнибал: И Сокол, и Давид...

Хельга: А Жорка?

Ганнибал: Он, по-моему, из воздуха пока что только кислород хватает. Но одним кислородом дышать нельзя.

Хельга: Они сейчас литературные посиделки начнут. Пойдём послушаем!

Ганнибал: Захвати лимоны.

Хельга: А обэxzэcовец, наверно, мокнет...

Ганнибал (жестко): Я его сюда не звал.

91. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСИДЕЛКИ.

Все, включая Юнгу за пазухой у Хельги, – в каят-компани. Никому не тесно! Вернее, тесно, но это такая теснота, которая сплачивает людей.

Давид заканчивает читать стихи:

...А я не пью. Я просто сяду
За крайний столик. Мне с руки
Закончить глупую балладу,
Начать печальные стихи,
Где ветер, бухты, капитаны,
Огни далёких кораблей
И пахнут рыбою каштаны,
Как фартук бабушки моей.

Давид: Ну, и всё. Я отчитался.

Общая пауза. В этой компании стихи не встречаются аплодисментами. Стихи встречаются задумчивым молчанием.

Жорка: А можно спрошу?

Давид (*пьёт чай*): Валяй.

Жорка (*осторожно*): А вот при чём тут каштаны? Нет же каштанов на севере!

Давид (*шутливо*): Действительно! Это я соврал, Жорка!

Сокол: Не бери в голову, Жорка! Звенигородский не соврал. Поэты вообще не врут. Они маленько приукрашивают – это есть... А теперь ты сам давай сюда свою амбарную книгу... Выкладывай народу своё творчество.

Жорка: У меня только самое начало. Роман будет...

Сокол: Давай начало!

Жорка волнуется, что с ним нечасто бывает. Да ведь и понятно же: впервые будет читать собственные строки...

Жорка (*читает*): Большегрузные, широкогрудые и твердолобые Белазы и Камазы самосвальным своим манером упорно пробивались сквозь пургу. Они шли колонной с зажжёнными фарами. И снег был, и ветер, и звёзд ночной полёт, и всё вместе походило на фронтовое передвижение войск... В энском населённом пункте колонна достигла целевой точки. Точка называлась «Сельпо». Загрузили полные кузова ящиками с водкой, портвейном и спиртосодержащей парфюмерией плюс лосьоны. Торговая точка была опустошена. В ней остались только резиновые галоши и цинковые вёдра. И колонна двинулась в обратный путь, сквозь пургу, снег и ветер – колонной усталой, с зажжёнными фарами, с нечеловеческим героизмом – назад, на стройку века, где колонну ждали мозолистые люди, очень мозолистые и очень ждали, а ещё они очень надеялись на то, что они очень уверены в том, что время жизни просадили не впустую, как тот дед, который в сказке посадил репку. Дед был правильный. Бабка – тоже. Внучка с Жучкой и кошка

с мышкой – тоже нормальные. Но большая страна, в которой проживали репкосажатели, была ещё более сказочной, чем они. Страна считала: подумаешь, большое дело – репку посадил! А это не репка была. Просодия! И вот тянут её, потянут... Бесконечны сны и бездны русской просодии. Её-то мы и просадили, и не заметили - как...

Пауза.

Хельга вопросительно глядит на Давида. Тот понял её вопрос.

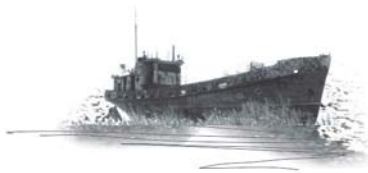
Давид: Греческое слово... *(смотрит на Ганнибала)*

Ганнибал: Ударение, припев.

Давид: Учение о звуке.

Сокол: Стихование ударного типа, класса «земля-воздух»...

Жорка: «Воздух-земля»... Я тоже чаю хочу!

92. ТРЕТИЙ КАВАЛЕР.

Судно в пути.

На буксире шлюпка. В ней устроился Весёлый. В руках жестяной рупор.

Жорка на корме, тоже с рупором.

Конечно, шум воды от винтов. Но слышимость всё же вполне достаточная.

Весёлый: Тёзка-а-а!

Жорка: Мы-то тут! А вы как сидите?

Весёлый: Я это... ёкэлэмэнэпэрэсэтэ! В туалет хочу!

Жорка: А я тут при чём?

Весёлый: К берегу надо!

Жорка: Никак! До Осетрово без остановки идём!

Весёлый: Я не вытерплю до Осетрово! Мне щас надо!

Жорка: Терпи! Придётся! Бог терпел и нам велел!

Весёлый: А ещё я чихаю! Под грозу же попал!

Жорка: Это бог велел! Чтобы служба мёдом не казалась!
Давай лучше споём для знакомства служебную песню!?

Весёлый: Смеётесь? Прямо какое-то Гюго получается!

Жорка запекает песню:

Наша служба и опасна и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет –
Значит, с ними нам вести незримый бой,
Так назначено судьбой для нас с тобой –
Служба дни и ночи...

Весёлый поднимается с банки (поперечная скамейка в шлюпке), отворачивается «по ветру», растёгивает штаны одной рукой, а в другой – рупор, и в рупор натужно, с кряхтением вдувается правоохранительный речитатив:

Часто слышим мы упрёки от родных,
Что работаем почти без выходных,
Что разлуки нескончаемы порой,
Встречи ненадолго.
Только снова поднимает нас с зарёй
И уводит за собой в незримый бой
Наше чувство долга...

Весёлый шмыгает носом. На глазах наворачивается скупая мужская...
Бьёт струя со всей мочи – за борт...
И нарастает звук сирены...
«Стеклоплавильный пароход» нагоняет моторка: спасательный катер ОСВОДа.
Мегафонный голос – с катера:
- Эй, на судне! Прошу сбавить ход для перезагрузки! В целях обеспечения безопасности вашего пассажира на борту...
Ганнибал и Семён – в рулевой рубке.

Ганнибал: Не понял... Какой ещё такой пассажир на борту? Нету у нас таких пассажиров, чтобы за ним спасательный катер гонялся...

Семён (*задумчиво*): Я, однако, маленько думаю...

Ганнибал (*приказным тоном*): Сбавить ход. Самый тихий.

Катер сближается со шлюпкой. Кратковременная швартовка.

С катера в шлюпку переходит Хмурый и переправляются пара мешков и ящик (видно, что винно-водочный). После чего катер отваливает от шлюпки и с разворотом, под сирену, уходит назад.

Ганнибал уже на корме с Соколом, сидят за палубным столом.

Сокол: Во как! Теперь мы имеем полный бант георгиевских кавалеров! Три Жорки в одном месте и в одно время!

Ганнибал: Тебе, Саня, не тесно?

Сокол: Чёрт его знает... С одной стороны, как бы всё под контролем... Как будто бы сам себе и чека и обэчээсэсовец в одном лице. Аж противно! Это с одной стороны. А с другой стороны – аж распирает от удовольствия...

Ганнибал: Чего это они там расчихались?

Сокол: В мокрое дело вляпались, служивые... Можно карантинный флаг поднять.

Ганнибал: Да ну их на хрен! На каждый сопливый чих карантин объявлять...

Сокол (*смотрит в бинокль*): Они же ящик «Абу-Симбела» с катера сгрузили! Наш напиток! Фараонский! Поправятся, как с ящиком справятся... Ещё и раздерутся!

Ганнибал (*недовольно*): Опасно всё это...

Сокол: А чего такого? Семён расстарался по полному регламенту. Спасательные жилеты в шлюпке есть? Есть. Факелы. Продпаёк есть. Маячок. Брезентуху Семён в шлюпке оставил. Чего ещё? Плыви на здоровье. Не страшны ни дождь, ни ветер. Только аспирина не хватает... для заклятых друзей народа...

А Жорка на корме, у самого леера – в это время рупорит шлюпочникам.

Жорка: Эй, чуваки! Конфликта интересов на судне не наблюдается?

Весёлый (*в рупор*): В туалет хочу! По-большому!

Хмурый (*вырывает рупор у Весёлого*): Ваше сиятельство! Не слушайте его! У него же череп красногвардейский! Вы на меня положитесь! В случае чего – я здесь, плечом к плечу с вашим сиятельством! Ваша полная безопасность – в надёжных руках, товарищ Гогенцоллерн-Мухранели!

*Жорка в недоумении. Жорка в растерянности...
Хмурый и Весёлый борются за овладение рупором.
Жорка подсаживается к столу.*

Жорка: Они уже что-ли поддатые? Ничо не пойму... Этот... Георг Третий... слышали?- меня уже сиятельством называет... С чего это вдруг? Даже фамилию знает, которую никто выговорить не может...

Сокол: Если надо, они всё узнают.

Жорка: Зачем?

Сокол: А это ты у него узнай про ихнюю операцию икс, игрек, ёкэлэмэнэ... Поговори вечерком. Может, расколется после «Абу-Симбела». А, может, ты чего натворил такого?

Жорка: Когда бы я успел!? Я же весь тут у вас на глазах! Всё время!

Сокол: Может, ещё в Иркутске?

Жорка задумывается.

93. БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ...

Жорка снова у кормового леера. У ног живописная композиция: «Абу-Симбел», стаканчик, салфеточка, вскрытая банка мясной тушёнки, головка репчатого лука, ломоть чёрного хлеба...

В шлюпке из-под брезента сверкают окуляры бинокля. Это Весёлый ведёт негласное наблюдение за субъектом оперативной разработки.

А Хмурый примерно в той же позиции, что и Жорка: с «Абу-Симбелом», но закуска пожисже...

*Помаленьку выпивают, поднимая стаканчики. Хмурый приветливо улыбается. Хмурый даже счастлив и вместо тостов посылает Жорке воздушные поцелуи.
Рупора, естественно, задействованы.*

Хмурый: Ваше высочество, вы только не простудитесь...

Наливает из бутылки в стакан, ставит на банку. Рука Весёлого тут же высовывается из-под брезента – и стакан исчезает. Впрочем, Хмурый этого пока не замечает. Взор его устремлён к Жорке.

Жорка: Не ваша забота.

Хмурый: Наша! Наша, ваше сиятельство! За ваше здоровье, ваше величество!

Хмурый, не глядя, нашаривает стакан. Нет стакана. Поднимает бутылку и делает глоток из горлышка.

Жорка: И за ваше благородие – взаимно! (*Пригубливает*).
Может, споем нашу!

Хмурый (*бодро*): Ваше величество, я всегда готов! Боже, царя храни! Я ещё с раннего детства уважал и даже преклонялся... Как говорится, да здравствует наше самодержавие, православие и народность! Ура!

Жорка: Аминь!

Выпивают: Жорка из стакана, Хмурый из горлышка. Хмурый нашаривает закусочный солёный огурец...Нет огурца. Под брезентом уже огурец. Откуда блестят стёкла бинокля.

Жорка подносит ко рту рупор и запекает:

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может она начинается
С той песни, что пела нам мать...

Хмурый воодушевлённо и старательно присоединяется к пению – в рупор:

С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять...

*Трубный голос Хмурого несоразмерен предложенному дуэту. Орёт, потому что, а не поёт! Надо сказать, что Жорка не блещет вокальными способностями. Но Хмурый... Лучше об этом вообще не говорить. Впрочем, децибелы его пения, может быть, даже превышают человеческие способности.
И Жорка не выдерживает-таки!*

Жорка: Тише, товарищ маузер, тише! Ещё тише...

Хмурый не слышит. Хмурый воодушевлён.

Жорка: Да не ори ты, чувак! Душевной надо!

Хмурый (*услышал-таки и скороговоркой вставляет реплику в песенную паузу*): Ваше величество, вся душа полна тобой! (*продолжает песню, убавив громкость*).

Жорка: Ещё тише! Чего глотку дерёшь? Про Родину надо тихо... Тем более, чекисту... Душой надо...

Хмурый продолжает петь, но всё тише и тише... И, наконец, только шевелит губами.

Утирает глаза.

Из-под брезента сверкает сторожевой бинокль, бдительный.

94. ВСЁ ИДЁТ В РУСЛЕ.

*На шлюпке всё спокойно. Горят бортовые
опознавательные огни.*

И на судне все при деле.

*Ганнибал с Семёном делят ночную вахту, а с утра за
штурвал встанет Хельга.*

*В кают-компании все уже в лежачем положении. Лишь
Семён готовится ко сну, взбивает подушку.*

Семён (Соколу): Между прочим, радиограмма пришла: «Срочно доложите, как проходит успешное выполнение пропаганды правительственного постановления».

Сокол: Значит, срочно ответишь так: «Местное население по обеим берегам поддерживает, одобряет и выливает спиртные напитки в великую сибирскую реку Лена. Точка. С приветом тире Сокол. Точка».

Семён: А справа по борту сегодня транспарант висел. Вы даже не заметили, однако.

Сокол: Какой?

Семён: Такой, что там написано: «Ренегат Каутский». С тремя восклицательными знаками.

Сокол: И что народ этим хотел сказать?

Семён: А это, ёкарный бабай, один и тот же транспарант. Только написано с обратной стороны. А на обратной стороне раньше был пламенный привет Рыжей Бороде.

Сокол: Вот так, ёшкина гармошка! Как жить и работать в таком междуречье? Между Сциллой и Харибдой...

Сокол ворчит с проклятиями и чертыханиями.

Семён желает всем спокойной ночи и ныряет с головой под одеяло. Через четыре часа ему на вахту заступать. Жорка и Давид лежат на верхних койках с открытыми глазами. И разговор начинают вполголоса, стараясь не потревожить Семёна.

Жорка: А вы что лучше занюхали: бабушку или её фартук?

Давид: К стишку прицепился?

Жорка: Он сам зацепил... А когда вы запомнили, чем бабушкин фартук пахнет?

Давид: А это когда у меня появились первые обиды на весь несправедливый мир. Тогда – лицом в бабушкины колени. В фартук. Вот и вся механика памяти.

Жорка: У меня такого фартука не было. А интересно же: чем он мог пахнуть, если бы был?

Давид: Всем. Кроме «Абу-Симбела».

Сокол (вступает с нижней полки в тихий разговор): Ещё жареньем-печеньем...

Давид: Корицей...

Сокол: Укропом...

Давид: Мылом...

Сокол: Маленько навозом...

Давид: А ещё форшмаком с уксусом...

Сокол: Богом...

Пауза.

Сокол: Так пахли старые иконы и ладанки... И вообще... Мне бог достался как память о бабушке.

Жорка (*вздыхнул и засопел*): А у меня бабушки не было...

Сокол: Как это не было?

Жорка: Не помню.

Сокол: Тогда так и говори: не помню. А то – не было, не было... Бог может быть не у всех. А бабушки у всех должны быть.

Жорка: Мой папа все семейные бумаги пожёг. Все фотоальбомы! И не осталось ни бабушек, ни дедушек...

Сокол: Это ты врёшь, Жорка! Обязательно врёшь. Ты же есть? Есть. Лежишь вон... А в тебе в это время сидят – и бабушки, и дедушки, и твой папа-поджигатель...

Жорка: Да я чувствую, что сидят... Но получается, что у вас – отче наш, а у меня – отчим...

Сокол: У многих так. Ладно. Спи, Жорка. Утром разберёмся...

Жорка: У меня будет по-другому...

Сокол: Где?

Давид: Когда?

Жорка: В русском романе. Когда – не знаю...

Тишина.

Жорка вышаривает из-под подушки толстую тетрадь с вложенной между страниц шариковой ручкой.

Устраивает канцелярию на согнутых коленях. Пишет...

Голос Жорки: И так вот стало у моего друга Сокола два берета. Интересно, что тот, который в Жиганске убежал и вернулся, прихватил где-то петушиное перо и в себя воткнул! Сокол ему сделал внушение: с собаками драться – это ещё куда ни шло, а вот с петухами – это тебе не по чину! Оба берета лежат перед Соколом, слушают и потягиваются, как коты. А следующей ночью они разодрались, прямо-таки сцепились – не разнять! Весь наш кубрик перебудили... А вскоре у них появился третий беретик. Совсем маленький! Это всё наша Хельга вышучивает-вывязывает и подбрасывает сюрпризы...

Жорка склоняет голову... Засыпает.

И видит картину удивительную...

Два георгиевских кавалера в шлюпке берутся за вёсла и гребут – не по ходу парохода, не вослед ему, а назад, совсем в другую сторону... Обыкновенно гребут, даже с лентой... Но пароход всей мощью своих винтов не может перевозить двух шлюпочных кавалеров! И – задом наперёд тащится вослед шлюпке, взятый ею на буксир... Гудят на пределе лошадиных сил паровые моторы, дрожит и содрогается весь корпус, пытаясь перетянуть ход на свою сторону... - напрасно!

- Куда? Нам туда не надо! – кричит Жорка с капитанского мостика.

И просыпается...

95. ВОЗНЕСЕНИЕ.

Пошли вторые сутки после отплытия «стеклянного парохода» из Якутска.

Жорка и Семён в кают-компании играют в «подкидного дурака». Но на руках у них не обычные игральные, известные всем карты. В руках игроков веером расположились вино-водочные этикетки из Жоркиной коллекции «Жизнь человека». И на столе – приличная стопочка этикеток, лицевой стороной вниз: прикуп. Есть в этой игре и масти, и козыри, и градация ценностей (включая художественное оформление и качество печати), и правила особенные: какая этикетка старше и кто кого перешибёт: русская «Московская» или какая-нибудь зарубежная «Плиска»? А это уж розничную цену надо знать! Во-первых. Во-вторых, крепость напитка. В-третьих... Есть ещё и в-четвёртых, и в-пятых, и в-десятых... Жорка – специалист! Семён только учится. Однако, мнение своё уже высказывает. Такой у Семёна характер, чтоб высказывать...

Жорка: А если по-большому счёту, так русская водка всех перешибёт. И виски, и бренди... Алкогольный король! Точнее, королева.

Семён (*размышляя*): А если, например, взять простой московский спирт. Питьевой. Девяносто пять градусов. Поллитра... Цена договорная... Так написано. А кто с кем договаривался? Цену надо на этикетке писать. Почему не написали?

Жорка: Государственная тайна.

Семён (*шлёпает своей «картой» по семёновой*): Спирт, по-моему, самый настоящий туз.

Жорка: Вообще-то, конечно... Тем более, в северных широтах...

Серьёзная игра. Не какие-нибудь хухры-мухры типа домино и лото... С такими картами на руках даже не знаешь – не гадаешь, чем может игра закончиться и в чью пользу. Вроде бы уже всё ясно: чо – почём. Но вдруг откуда-то из-под прилавка, будто чёртик из табакерки, выскочит какая-нибудь «фетяска» - и ломай себе голову! Только сломаешь – как тут же другая новинка дуриком выскочит и грянет, как гром с ясного неба: я – величество, я – высочество!..

В кают-компанию вламывается Сокол с вытаращенными глазами.

Сокол: Жорка! Тебя ищут! Наверх!..

Жорка: Щас, товарищ Сокол, закончим...

Сокол: Быстро! Аврал... тревога...

Над парходом завис вертолёт: военный, зелёный, с красной звездой.

Голос из вертолёта – архангельский, трубный. Мощный динамик с усилителем, однако.

В шлюпке прыгают георгиевские кавалеры. В руке Хмурого – зажжённый факел, распускающий над водой оранжевый дым.

Судовой динамик тоже включён на полную громкость. Ганнибал в рубке. Давид – у палубного стола запрокинул голову в небо.

Голос Ганнибала: К берегу пристать не могу.

Голос из вертолѐта: Баржа неисправна?

Голос Ганнибала: Судно в порядке. Двигатели в норме. Могу идти собственным ходом. Но только по-прямой. Руль заклинило.

Давид (*возбуждённо*): Он чо? С ума сошёл? Чо такое говорит-то? Или просто издевается?

Сокол: Ганнибал в порядке! Он им щас устроит карибский кризис с козьей мордой! А что? Уже и покуражиться человеку нельзя?

Давид (*растерянно*): Что происходит?

Сокол (*весело-зло*): А я откуда знаю? Всё в русле! А всё остальное пусть Жорка объяснит! Его с вертолѐта домогаются!

Давид: А чо Ганнибал дурачится?

Сокол: Ты когда знакомился с Ганнибалом – какой был Ганнибал, помнишь? Угрюмый! Капитан обветренный, как скалы! А щас? Видишь – весѐлый и яростный! Даже пару раз улыбнулся в этой навигации, ёшкина гармошка! Да чтобы хоть раз Ганнибал улыбнулся – ни разу не видел! Мне вчера сказал по секрету: баста! ухожу из пароходства! на полную волю! к настоящему морю! вместе с Хельгой! в Севастополь! (*Суѐт в руки Жорки рупор*). Щас небо с тобой говорить будет!

Голос из вертолѐта: Мы вас видим и провели опознание!

Здравия желаем, ваше императорское величество!

Глубокоуважаемый товарищ Гогенцоллерн-Мухранели!

Это вы или не вы по-паспорту?

Жорка (*в рупор*): Это я! С кем имею честь?

Голос из вертолѐта: Здесь Интерпол, МИД СССР, Международный отдел ЦК КПСС и компетентные товарищи из Москвы и Иркутска!

Жорка: А чо я вам сделал такого?

Голос из вертолѐта: Вы нам сделали честь сообщить, ваше сиятельство, совершенно секретное сообщение! Если вам не трудно, поднимитесь, пожалуйста, на вашу крышу!

Жорка: Прямо щас?

Голос из вертолѐта: Так точно! Безотлагательно и конфиденциально!

Жорка с рупором взбирается на мостик управления.

Голос из вертолѐта: Вы сейчас нам ещё ближе стали, ваше величество! Только, ради бога, не упадите! Держитесь за мачту!

Жорка: В чём проблема?

Голос из вертолѐта: Ваше величество раскопали в генеалогическом древе! Это западные специалисты раскопали! А сейчас наши компетентные органы подключились! И вас нашли, слава богу!

Жорка: На фига раскопали?

Голос из вертолѐта: Это – международный династический вопрос престолонаследия! В условиях всеобщей разрядки международной напряжѐнности! Обнаружено, что вы являетесь наследником трона, из августейшей фамилии! Приказано срочно доставить вас живым в Москву для генетической экспертизы и утрясания вопроса!

Жорка: И где тот трон?

Голос из вертолѐта: Мы ещё точно не знаем! Пока что это является государственной тайной! Но уже известно: у нашего советского правительства появился шанс посадить вас на трон, чтобы был монарх на всю Европу! Царь, король или император – это неважно! Важно, что – наш, общенародный, советский человек, который не посрамит честь и достоинство... Короче, будет, как Гагарин, готов выполнить любое задание партии и правительства!

Жорка: Прямо сейчас?

Голос из вертолѐта: Мы так и знали! Мы были уверены, ваше величество!

Жорка: А, может, я сперва пообедаю? С экипажем попрощаюсь? А вы пока повисите... Я же не убегу!

Голос из вертолѐта: Да кто вас знает, ваших сиятельств и так далее? Нет, никак нельзя! Весь мир висит на волоске! Дело государственной важности! Сейчас к вам спустятся два наших товарища! Вы их не бойтесь! Это – два полковника спецназа ГРУ Генерального штаба! Они вас будут охранять, как зеницу ока! Собирайтесь с духом, ваше величество! Как говорится, с богом...

Жорка: А может – с вещами?

Голос из вертолѐта: Так точно!

Жорка: Ладно! Уговорили! Тогда я пошёл...

Жорка спускается с мостика. Стоит, растерянный, у стола в окружении Сокола, Давида и Хельги со щенком за пазухой.

Жорка: Вот... такая хемингуэвина... Вы же сами всё слышали... всю государственную тайну...

Подходит Семён, нагрузившийся Жоркиными вещами из кают-компании: два чемодана, аппараты, верхняя одежда, тетрадь из-под подушки... В чемоданах, как мы помним, Жоркина коллекция «Жизнь человека»: этикетки спиртных напитков и нераспечатанные сигаретные пачки-коробки.

Надо прощаться, а – как? Никто толком не знает. Кроме Хельги. Она обняла Жорку, прижав к груди его белую альбиносную головушку...

В это время из открытой двери вертолётá выползает верёвочная лестница с сиденьем, наподобие качельных. Одновременно на двух тросах спускаются два человека в камуфляже: один – в темпе лестницы, придерживая её; другой – стремительно скользя по тросу и в считанные секунды оказавшийся на люковом щите пароходного трюма...

Жорка бежит в рубку к Ганнибалу, стоящему за штурвалом. Ганнибал вздымает большой палец: порядок! Жорка отвечает аналогично. И возвращается к столу. И снова – Хельга, Давид, Сокол...

Жорка снимает с шеи медвежий зуб на шнурке – трофей из кабинета незабвенной Таисьи Петровны. Надевает на шею Сокола.

Сокол: И когда ты успел себе такие бусы?..

Жорка: Семён просверлил... Вам пригодится...

Все идут на переднюю палубу, прямо на щит люка. Двое в камуфляже пристегнули Жорку к «качалке», обняли с двух сторон, а свободными руками ухватили каждый по чемодану – и лебёдка аккуратно понесла всех троих в небеса...

Событие исключительное! И потому Семён включил в рубке мелодию Гимна Советского Союза.

Давид (*декламирует в рупор*): Однажды в студёную зимнюю пору...

Жорка (*присоединяется безаппаратным ором*):

Сплотилась навеки великая Русь...

Давид: Гляжу – поднимается медленно в гору...

Жорка: Великий могучий Советский Союз...

Давид: И шествуя важно, в спокойствии чинном...

Жорка: Нам Ленин великий наш путь озарил...

Давид: В больших сапогах, в полушубке овчинном...

Жорка: На труд и на подвиги нас вдохновил...

Достигнув дверного люка, умелый ручки ГРУ бережно подхватывают Жорку и умыкают в вертолётное пузово.

А потом лестницу снова сбросили – для Хмурого и Весёлого.

А потом выглянула в дверь весёлая Жоркина рожка.

Рожка Жоры... Жора рожки...тьфу, напасть!

Рожкевладелец собственноручно вытряхивает один из чемоданов...

Бумажные коллекционные этикетки суматошно порхают в воздушных потоках, взбаламученных вертолётными винтами.

Вертолёт резко взмывает, с разворотом набирает высоту и уходит курсом на Иркутск.

Разноцветные бумажки кружатся, падают на палубу, плывут по реке...

Все пароходные обитатели, кроме Ганнибала, - за общим столом, под тентом.

Молчат.

Зато правый берег голосит озорными девичьими голосами:

По реке плывёт топор
До деревни Клюево!
Ну, и пусть себе плывёт
Железяка о-хо-хо...

Сокол (*вполголоса*): Обижаете, девки...

Семён: Это концерт не про нас, однако. Мы-то ведь хорошо идём. Никаких Клюев. Осетрово ждёт, не дожждётся...

96. ОСЕТРОВО.

Речной грузовой порт.

Ничего здесь не изменилось. Всё по-прежнему: краны, «троцкисты» и «грузины», вагоны на железнодорожных путях, шум-гам, лязг-визг...

«Стеклянный пароход» разгружается. Сначала освобождают палубу от бочкотары ГСМ, потом из трюма перезагружаются в вагоны-рефрижераторы ящики с северной рыбопродукцией...

Голос Давида: Порт Осетрово как будто даже и не заметил нашего отсутствия-присутствия. Некогда порту до долгих проводов, до продолжительных встреч. Он работает.

Судно ошвартовалось на прежнем месте. Неподалёку, на железных рельсах уже стояли в задумчивости и тревоге пара вагонов с алкоголем. Что с ними делать в свете Постановления? Это была такая головная боль, которая не позволила нам с Саней Соколом подобающим образом распроститься. Он носился, как угорелый: куда-то звонил, кому-то отправлял экстренные телеграммы... Какие тут «посошки» для него и для меня, возвращавшегося в Иркутск?

Я простился с экипажем. С Ганнибалом, которому было приказано срочно явиться в контору пароходства с рапортом...

С Семёном попрощался. Мы были немногословны. Он сказал: «Ёкарный бабай, однако!» Я ответил: «Ёк-макарёк!» ...

И с Хельгой, и с Юнгой...

Хельга (с Юнгой за пазухой): Я отвезу вас, Давид, в аэропорт. Обязательно! Через пару часиков ждите меня на проходной. Наша машина в вашем распоряжении! Только куда далеко не отлучайтесь. Хорошо?

*Курилка неподалёку от проходной грузового порта.
П-образно расположенные скамьи. В центре – врытая в
землю железная бочка. Таковую замечательную пепельницу*

Давид уже видел в Жиганске.

Женщина на скамье. Тургеневская? Блоковская?

Бальзаковская? Не... Осетровская.

*В руке пластиковый стаканчик. На скамье –
раскупоренная чекушка и яркая спортивная сумка.*

Подходит Давид.

- Привет!
- Привет... Руссо туристо?
- Туристо, туристо...
- Будешь?
- Давай.

Давид принимает стаканчик и выпивает.

*Достаёт из своей дорожной сумки бутылку «Абу-
Симбела». Ставит на скамью.*

- Встретимся, брильянтовый?
- Не знаю.
- А кто знает?
- Никто.
- И что он знает?
- Кто?
- Этот Никто.
- Он знает... что невстречи не меньше встреч
судьбоносны...
- Точно?
- Как пить дать!
- Ещё будешь?
- Ёшкина гармошка!
- Откуда такая жесть пошла?
- Фигуры цивилизации... Треугольники погрешностей...
- Равнобедренные?
- Разные.
- Тазобедренные...
- Вазобедренные...
- Понятно... Антропология искусства, мать её за ногу...

97. УСТЬ-КУТ. АЭРОПОРТ.

Хельга подогнала «Волгу» прямо к «Аннушке», к трапу. Командир АН-2 и второй пилот Дима заняты обычным предполётным делом, невидимым постороннему глазу, но внимательный наблюдатель сразу обратит внимание на бурный пенистый поток, вырвавшийся из-под колеса... Традиция есть традиция! А если некоторые, тем более фуфыристые дамочки, разохаются-разохаются, так это их проблемы, а - не гражданского воздушного флота Союза Советских Социалистических Республик... Вот так вот! В конце концов, дамочкам лететь на флоте, а не флоту на дамочках.

Экипаж уже в самолёте.

Давид чмокает Юнгу в мокрый нос. И Хельгу – неловко ткнувшись в щёку... Поднимается по трапу.

Второй пилот Дима задраивает дверь...

Вздрагивает и начинает свой стремительный бег на месте пропеллер - символ не только авиации, но и ещё многого чего...

Давид смотрит в иллюминатор:

Хельга стоит у автомашины, машет рукой...

Это не видение. Точнее, это видение, которое не исчезает...

«Аннушка» бежит по взлётной полосе, отрывается от бетонки и набирает высоту...

Второй пилот Дима (Давиду): Насчёт Сокола – мы в курсе! Насчёт исторического указа – тоже! А где этот ваш забавный парень? Седой!

Давид: Жорка... Его на вертолёте умыкнули в Москву. На рассмотрение! Или на экспертизу... Срочно! В секретном порядке!

Второй пилот Дима: В Склифосовского?

Давид: Берите выше. В ЦК КПГБ!

Второй пилот Дима: Понятно... Уж выше ЦК - только Кашенко...

Давид: Какой Кашенко!? Нашего Жорку будут примерять на должность императора!

Второй пилот Дима: Тю-ю-ю! Да хто-то тут трошки сказився! Или шутки шутишь?

Давид: А провалиться мне на этом самом месте, если вру!

Второй пилот Дима: Сейчас не надо. Вот приземлимся - там и проваливайся...

98. ИРКУТСК. ДОМ. МУЗА.

Давид идёт домой...

*Тоской насыщено пространство. Сам воздух... Тоска
разлита во всём... Такую порцию - пей-пей, хоть ты
лопни! - не испить до доньшка...*

Серое небо.

То ли это низкая облачность...

*То ли это коллективный дым из котельных городской
отопительной сети и присоединившиеся к нему дымки
печных труб индивидуальных деревянных домов и
домишек...*

*Даже время суток без постороннего соучастия
определить невозможно...*

Время течёт особенным чередом.

Лужи на асфальтах.

*Давид идёт по лужам, не огибая их, по-прямой... точно
руль заклинило... Так шёл Ганнибал!*

Подъезд панельного дома.

Тоскливо...

*Давид медленно, словно впервые оказавшись в этом
незнакомом доме, поднимается по лестнице.*

Неухоженные площадки лестничных маршей.

Осколки битого стекла.

*Дребезги человеческой ярости, выкликания счастья,
небрежности, неловкости, отчаяния, случайности...
Вот, пыльная лампочка в тёмном пустом подъезде...*

*Давид пристально смотрит на неё.
Она – мигает, мигает, подмигивает...
Стекланный человек имеет место быть.*

*Давид останавливается у двери. Вынимает из кармана
ключ, вставляет в замочную скважину... Крутит, вертит..*

Не получается.

Дверь закрыта изнутри.

Давид нажимает кнопку звонка.

Открывается дверь.

*По ту сторону порога стоит молодая красивая женщина,
которая являлась Давиду во всё время «северного завоза».*

Её звать Муза.

Муза (*раздражённо*): И где ты был? Я уже два часа назад пришла! Сижу как дура! Жду! А он где-то...

Давид (*устало*): Да вот это... отлучился... Недалеко тут, за углом...

Муза: Уже пол-двенадцатого!

Давид: Ночи?

Муза: Дня!

Давид: Странно... А что у нас сегодня?

Муза: Мы! Сегодня! Должны! Идти! Знакомиться! С моей! Мамой! Забыл?

Давид (*извиняющимся тоном*): Да я не про то...

Муза: Сегодня – понедельник!

Давид: Я не про понедельник... И не про маму... Сам знаю, что понедельник! И другого быть не может!.. Месяц какой?

Муза: Ты что, Додик? Чеканулся? Октябрь уж наступил, миленький мой! Уж роща отряхает!

Давид: Точно - отряхает?

Муза: Отряхает! Роща! А тебе пить надо меньше! А то скоро забудешь, какой год на дворе...

Давид (*тихо*): Какой?

Муза со слезами убегает из прихожей в комнату, хлопнув дверь. Так хлопнув, что в комнате сорвался со стены молчаливый «Маяк». Сорвался – и заорал самоцветно:

...Мой адрес – не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз...

*Давид прикрывает дверь, спускается по лестнице.
Остановился напротив настенной лампочки в подъезде.*

Подмигнул ей. Кивнул.

Вышел во двор.

За спиной лязгнула пружина и хлопнула дверь.

Асфальтированный двор весь в выбоинах. В них дождевая вода. Лужи. Целое море воды. Вот что такое лужи.

Мальчик подгоняет прутиком бумажный кораблик в луже.

Кораблик плохо слушается.

Давид останавливается, наблюдает. Подходит и присаживается на корточки.

Давид: Куда плывём?

Мальчик: Куда надо.

Давид: А куда надо?

Мальчик: В Америку.

Давид: Тогда нужен попутный ветер.

Давид наддувает щёки и сильно дует на бумажный кораблик. И тот бежит по луже быстро, ещё быстрее, и ещё быстрее – и выскакивает из лужи на сушу... и заваливается на бочок.

Давид (смущённо): Так... Кораблекрушение, значит...

Маленькая морская катастрофа...

Мальчик: Вам – маленькая. Ему – большая.

Давид: А мы это дело щас поправим...

Мальчик: Дядя, отвали! Я сам!

Давид: Да? Ну, давай... А ты чей моряк?

Мальчик (пальцем указывает): Вон баба моя... У тебя такой нету... Не мешай мне!

Во дворе – детские качели. На качелях – бабушка.

Наверное, это та самая, какой у Давида и в самом деле нет, и не было, и не будет.

Бабушка, кажется, немножечко отвлеклась, забыла о морском внуке. Он – при деле, при луже, при кораблике... А она вот – села на детские качели да и позабыла, что она бабушка. Качается. Туда-сюда... оттуда-досюда... Улыбается. Лицо уже старушечье, глаза ещё девчоночьи... Такая бабушка.

Такие качели.

99. БУЛЬВАР: ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ, БОЛЬШАК И КРАСНАЯ АРМИЯ.

Давид идёт по набережному бульвару.

Идёт и бубнит под нос:

- Наш адрес – не дом и не улица... Наш дом – не петух и не курица... А курица это не птица... Монголия – не заграница...

Порывистый ветер приносит такой же порывистый дождь... Как будто кто-то такой большой-большой набирает в большую-большую ладонь большую-большую пригоршню воды – и разбрасывает окружно, подобно первобытному сеятелю зерна... Бросит - и смотрит: что из этого получится? А потом набирает в ладонь новую порцию...

Осенний мелкий дождичек всегда так накрапывает, подготавливая город к затяжной непогоде.

В стеклянном, хрустальном, тончайшем – ультразвуковом?! – миноре лопаются пузыри в лужах. Это – его музыка. Иногда ей подражают музыкальные эксцентрики игрой на бутылках: ксилофончик, в некотором роде, упоительный, заслушаешься, что-то вдруг и вспомнишь в этом звоне – после вчерашнего...

Удивление в глазах Давида: откуда он взялся, этот октябрь? что за чехарда с перескоком через лето, которое, по-большому счёту, уже и не сезон, а - целый год?.. С утра ещё – последние дни весны, и вдруг – нате вам! – в один момент, текущий с неба и по земле, уже ранняя осень...

Аномальные попрыгушки.

Летоисчисление стало летовычитанием... да? Но так же нехорошо? Как если бы телосложение вдруг превратилось в теловычитание...

И кто тут «сказився», как сказал второй пилот Дима? Гидромет? Календарь? Давид Звенигородский? Или кто-

то такой большой-большой, орошающий землю влагой небесной из большой-большой, щедрой и бесконечной ладони...

Вот сказатели и поднапутали трошки.

А сеятели не ошибаются...

Давид останавливается прямо в луже – и подпрыгивает, обеими ногами смачно шлёпнув по воде. Брызги летят в лицо!

Давид утирается ладонью, поднимает пристяжной капюшон куртки: дескать, ладно, спасибо, попрыгаем дальше...

Угол высокого серого дома сталинской постройки с архитектурными излишествами. Здесь солидное государственное учреждение. Цокольный этаж на месте первого, первый – на месте второго...

На углу стоит Слепой Музыкант. Чёрные очки, шарф серый и бесконечный, широкополая шляпа, синий китайский плащ-дождевик

Слепой Музыкант играет на жёлтом саксофоне «Осенние листья» Жозефа Косма... Песню привёз в Москву Ив Монтан, и её запели по-русски:

Листья кружат,

Сад облетает,

Низко к земле

Клонится дуб.

Слово любви

Не увядает,

Если оно

Сорвано с губ...

Слепой Музыкант играет.

Давид слушает.

С треском раскрывается створка ближайшего окна на первом этаже серого учреждения. Два мужика в галстуках высунулись по пояс, облокотились на подоконники, папиросами задымили. А из-за их спин доносится шум-гам корпоративной вечеринки... И вот уже женский голос запекает, и этот голос подхватывает вся застольная

компания, каждый назубок знает слова песни – не потому только, что песни любит, а потому, что любит кино...

*На тот большак,
На перекрёсток
Уже не надо
Больше мне спешить.
Жить без любви,
Быть может, просто,
Но как на свете
Без любви прожить...*

Слепой Музыкант играет своё.
Давид слушает уже две мелодии.
Мужики в окне курят.
А один из них вдруг кричит в тональности добродушной:
- Эй, маэстры! Вам там слон на уши не наступил? Играть и играйте, но зачем же искажать? Искажать нельзя! За искажение засудить можно! Хоть Мордюкова, хоть Шульженко имеют право засудить! А чего вы там мокните? Идите к нам! Подыграете! А как – мы вас тут научим! Слушайте – как надо!

Из окна льётся «Песня о любви» из кинофильма «Простая история». Она стала застойной. Значит, почти народной.

А издали возникает – марш: и духовой оркестр играет, и колонна громко печатает шаги по бульвару. Не простые шаги. Шаги-сапоги. Да не простые сапоги – солдатские. Да не просто солдатские, а – поющие строевую-хоровую! Это воинское подразделение, по слуху, не меньше роты, возвращается с репетиции военного парада на центральной городской площади в честь очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Солдаты в фуражках (по летней форме одежды), но уже в шинелях (по зимней), а оружия нет, только двухпалые рукавицы. Да ещё глотки – молодые, лужёные. Слова солдатского хора ещё не разобрать, но музыка – медная, серебряная, барабанная! – слышна хорошо, и с каждым шагом всё хорошеет, и тот, кто музыку эту знает, тот и слова с лёгкой памятью воспроизведёт:

Так пусть же Красная

*Сжимает властно
Свой штык мозолистой
Рукой!
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний
Смертный бой...*

А Слепой Музыкант своё играет.
А из застольного хора – своё льётся.
И солдатский строй тоже своё несёт – ближе и ближе с
каждым шагом...

Вот это мы!

Тьмы едва слышных единоличных Я – и грозное, всегда
во множественном числе, чуть ли не мычащее МЫ!

А кто это – МЫ?

А с чего оно начинается, это МЫ?

Тут – вопрос на вопросе кнутиком-вопросиком погоняет.

... В сказке-опере «Руслан и Людмила» партия Головы
(одной, как известно) была написана для хора из двадцати
мужских голосов. Однако на сцене Большого театра
декорация Головы могла вместить только трёх мужиков. И
сделалось по сему. Три солиста в одной Голове. Ничего
особенного. Плюрализм в одной Голове вполне возможен
– в театре, в музыке. В жизни это называется шизофрения
или идиотизм.

Кажется, отсюда только начинаются вопросы – самые
простые из сложных.

И ещё кажется: что мы рождены для задавания подобных
вопросов, как спартанцы рождались для битв, а цыганки –
для воровбы. Но ведь мочи уж нет дожидаться ответа на
измусоленный взрыд с вопросительным знаком: для чего
рождается российская интеллигенция? Нет ответа. Они,
интеллигенты, сами себя ищут: кто мы? откуда? куда мы
плывём? Ищут и ищут. Не находят. И, получается, весь
народ отрывают от жизни, от дела, втягивая людей в свои
поиски. Куда? Зачем? Для чего?

А вот две с половиной тысячи лет назад этот совокупный
вопрос был, кажется, уже решён раз и навсегда. Спросили
тогда у философа Анахарсиса по кличке Скиф: «Кого в
мире больше – живых или мёртвых?»... Вопросы бывают
разные: серьёзные, наивные, умные и вовсе дурацкие.

Поэтому Анахарсис не любил отвечать ни на какие вопросы. Точнее, на заданный ему вопрос ответил вопросом: «А кем считать пловущих?»

И что сказал бы в ответ Александр Сергеевич, который «наше всё»? Он ведь, скорее, вопрошальщик, а не ответчик по чужим искам. Он задавался вполне октябрьским – на все времена и сезоны, на все резоны и режимы! – вопросом: «Куда ж нам плыть?», да так и не рискнул ответить: вниз по течению, вверх, вдоль или против, или вовсе поперёк...

А корабли плывут, да не скажут. Не их это дело – лясы точить. Тростниковые, деревянные, стальные, бумажные... – разные. Люди одни и те же...

А музыкант играет:

Поржавел от бурь

Тот гранит,

Твой след давно

Волною смыт.

Только сердце у меня

Не камень,

Оно каждый шаг твой

Хранит...

Есть пушкинский эпистолярый: «Роман требует болтовни. Высказывай всё начисто!»

Есть советский плакатный призыв: «Не болтай!»

И вопрос «Куда ж нам плыть?» уже как бы и не стоит: ошуюю Сцилла, одесную Харибда, две фигуры речи, и путь имперскому кораблю – в том междуречье.

А как забавно-то это пушкинское «начисто»? Да где ж его взять, это наше всё, которое начисто? Вот попробовали обряжаться в белые одежды благодати, названной бесконфликтностью. И взбунтовалось сине море, как в сказочке, почернели белые одежды, покровы псевдовствующие, а конфликты живёхоньки, ничего им не сделалось, но раздражились они уже не столько в изящной словесности и не столько в самой жизни, сколько между жизнью и словесностью, и очень это наше всё упорядочилось, и потянулось чересполосицей, из лето в лето... Интересное положение, аховое: болтай – не болтай, расписание полно надежд и вздохов вдохновения, и каждый сезон как бархатная перчатка, и каждый период –

переходный, и каждый год – переломный... Так вот в гипсе и проведём всю жизнь?..

Саксофон играет.

Солдаты с песней маршируют.

Незабвенная Клавдия Ивановна Шульженко в корпоративном застолье особой чарочкой поминается, персональной, благодарственной:

От этих мест

Куда мне деться?

С любой травинкой

Хочется дружить.

Ведь здесь моё

Осталось сердце,

А как на свете

Без него прожить...

Слепой Музыкант прекратил играть. Щёлкает клапанами.

Вытряхивает воду из раструба саксофона.

Задирает голову к небу и говорит с укоризною:

- Эй, мастер! Хватит мочиться!

- Это вы кому? – спрашивают мужики-курильщики из окна.

- Это я не вам. Вы говно. А я с говном не разговариваю...

- От такого же и слышим! Щас милицию вызываем! За незаконную игру на улице! Мы, кажется, не в каком-нибудь Париже живём! На набережной, допустим, Сены, – сказал один из мужиков и захлопнул окно.

Слепой Музыкант уложил инструмент в футляр, защёлкнул. Взял подмышку.

- Это ж с ума сойти, – говорит. – Человек на 90 процентов состоит из воды. Наука определила. Этого мало? Так ты ещё добавляешь. И так ты скоро всего человека до последней капли выплачешь. А ему уже и без того нехорошо... в этом городе маленьком... тесно ему... полной грудью дышать на ладан...

- Вы с кем говорите, маэстро? – спрашивает Давид.

- С мастером гончарных дел, – отвечает Слепой Музыкант и кивком головы указывает на небо. – С ним говорю. Он мастер. Я мастер. Он учитель. Я учитель. Он в одной гармонии. Я в другой гармонии. Оба-таки гармонисты.

Вот и разговариваю на равных...

Закурили.

- Спасибо мокрой погоде, – говорит Слепой Музыкант, – за такое удачное стечение обстоятельств. Перед вами во всей красе – наглядное пособие не только по музграмоте (*показывает на окно, потом в сторону приближающегося оркестра и снимает шляпу с полупоклоном: дескать, собственной персоной, ваш покорный слуга*). Вы-таки ничего не замечаете?

- Во всей этой музыке?

- Да-да, в музыке.

- Извините, но я в музыке не очень бум-бум...

- В данном случае не надо бум-бум. Тем более очень. Вы просто прислушайтесь и сопоставьте три музыкальных опуса. Жозеф Косма (*полупоклон*), Марк Фрадкин (*кивок на окно*) и Самуил Покрасс (*жест рукой в сторону оркестра*) – к вашим услугам! Слушайте! Вы многого не потеряете. А когда вы что-то сообразите в этом попури, в этом тройственном союзе, – то вас станут душить слёзы, счастье труда и войны, тоска и прочая слякоть... Так душить, что аж кулак в горле застрянет...

- Комок?

- Кому – комок, кому – кулак... Какая, в сущности, разница?

- А мне кажется, – говорит Давид, – что мелодии очень даже похожие...

- Кажется? Похожие? Да что вы такое говорите? Кажется ему... Похожие... Да это же – одна и та же мелодия!

- Слова разные...

- Музыка одна! Как стакан на троих.

- Распили?

- Распилили...

- Цыган у цыгана лошадь увёл? Так не бывает...

- Но у вас же есть уши – так вы же-ж слушайте!

- А после ушей – что?

- После ушей есть ум. Думайте.

- Уши есть у всех. А ум не у каждого, – говорит Давид. – Причём тут ум? Ну, в армии ещё туда-сюда. Но зачем ум для любви? Тут чувства нужны. Нет?

- Я скажу да! Но если ума нет? Тогда вообще никуда не годится! Тогда, как голосит народная мудрость, – ни в пи-пи... (*делает губами звук-пук*), ни в Красную Армию!

Мимо Слепого Музыканта и Давида, мимо окон серого учреждения уже проходит духовой оркестр и рота солдат. Звон, гром, сияние!
Сапоги со стальными подковками!
Левой-левой-левой!
Только брызги летят!

*Бедный китаец,
Несчастный индус
Смотрят с надеждой
На наш союз,
Ведь от тайги
До Британских морей
Красная Армия
Всех сильнее!*

*За дело правое
Кипучей лавою
Сольёмся мы
В единый стан!
Непобедимый,
Несокрушимый
Союз рабочих
И крестьян!*

Слепой Музыкант безошибочно кладёт руку на плечо Давида и подталкивает к марширующему строю. И Давид делает несколько шагов с тротуара на проезжую часть – и оказывается в самом конце уже прошедшей колонны. Быстрым шагом догоняет. Хвостовой, замыкающий!
Он пытается идти в ногу с колонной... Сбивается. Шевелит губами – но слов нет, и звука нет... Давид останавливается посреди проезжей части. Сплюнул с досады. Махнул рукой...
- Иди-ка сюда! – слышит справа.
А справа стоит «мужик в хомуте»: бюст Гагарина.

100. ДАВИД, ГАГАРИН И НЕКТО ТЕОДОР.

На макушке постамента сидит на корточках Некто Теодор. Он, применив алюминиевую проволоку, уже приспособил над головой бюста большущий зонт для полевых топографических работ. Зонт раскрыт. И все довольны: миллиарды юных барабаничков октябрьского дождя; частные капли, сливающиеся в коллективные ручейки; старый зонт, вспомнивший о своём предназначении; каменная голова – холодная снаружи, тёплая внутри; заслуженный кроссвордист Советского Союза Некто Теодор, играющий в прятки со светским обществом...

Он сидит на корточках и машет рукой.

Давид подходит.

Некто Теодор: Штопор не нужен?

Давид: Штопор всегда нужен.

Некто Теодор: Тогда подсоби мне вернуться с орбиты на землю... Меня добрые проходимцы посадили – и ушли! И как мне теперь приземляться? Помогай, брат!

Давид приближается вплотную к постаменту. Теодор осторожно сползает с «хомута», ногами нащупывает плечи Давида, откуда до земли уже рукой подать...

Он оглядывает снизу проделанную работу и, удовлетворённый, выставляет ей оценку большим пальцем руки: во!

Некто Теодор (торжественно): Своей! Мозолистой! Рукой!

Присели на скамью, ту самую, где Сокол, Давид и Жорка, сгруппировавшись в ресторанчике «Чешуя», провели первое преднавигационное совещание на тему «северного завоза».

Давид: Узнали меня?

Некто Теодор: Как не узнать!

Давид (показывает на зонт): Зачем?

Некто Теодор: Дождик же!

Давид: Он же гранитный...

Некто Теодор: Значит, тем более... Каменным гостям уход нужен...

Давид: Странно... Как бы – с одной стороны... А с другой – так всё по-человечески и не из каменного века... Какие качели – такие и бабушки...

Некто Теодор: Так я про то же... Какие бабушки – такие и качели... Привет от Сокола!

Давид: Откуда?

Некто Теодор: Из шалаша в Разливе.

Давид: Да ну вас! Сокол сейчас должен быть в Осетрово! Там вагоны... Стеклопароход... Что вы мне голову дурите?

Некто Теодор: Объясняю. Месяц назад я вернулся из-под Ленинграда. Там проходил всесоюзный подпольный съезд. Кроссвордисты всего света, гоп до кучи! Вот и гопнулись. В сарайчике. Под развесистой клюквой. Приняли декларацию и резолюцию. На грудь, понятно, тоже приняли... грамм по пятьсот на нос...

Давид: А Сокол как там оказался?

Некто Теодор: Так его к нам в сарай принесли! Какие-то его коллеги по водолазному делу... Принесли и посадили. И был Сокол в новом костюме. В водолазном. Ботинки свинцовые, то-сё... Круглый шлем с иллюминатором. Правда, шлем сразу открутили. Одна голова торчала из костюма... Чистая копия нашего «мужика в хомуте»!.. Вот так! Конечно, «летку-енку» не танцевал. В таком костюме не потанцуешь. Но пить можно. Сокол рот открывал, ему туда заливали...

Давид (раздражённо): Послушайте! Я вообще не понимаю... Как его туда угораздило? В гопники! В водолазы какие-то!

Некто Теодор: Давид, не мните ваше лицо мимическими мышцами! Объясняю. Это коллеги Сокола всё перепутали. Там ведь, в Разливе, два сарая было. В одном мы сидели. Гопники этого света. В другом – водолазы поисково-археологического профиля. А между сараями – лужайка, где резвились поэты-верлибристи. Они короля избирали. Короля белого стиха! Так вот, Сокола и таскали с места на место. И что характерно? На каждом месте – принимали за своего. Представляете?

Давид: Ой, не надо! Хватит с меня представлений... Тьма сгущается. Маразм крепчает. Броня крепка, и танки наши

быстры... И что получается в осадке? Ну, принесли к вам Сокола, посадили... А дальше что?

Некто Теодор: А дальше разобрались, что не туда принесли и не туда посадили. Привинтили шлем и унесли.

Давид: А ещё дальше?

Некто Теодор: Ничего интересного. Шлем привинтили, гайки затянули, а эти гаечные ключи – специальные, между прочим! – потеряли... Сокол, может быть, поэтому так и не выступил на турнире, на лужайке. Но привет вам успел передать ещё из нашего сарая... Кстати, корону-то ему присудили! Но куда её водружали? На что? Не знаю... И врать не буду. Вы же догадываетесь, какой у меня в отношении истинной правды незамутнённый характер...

Давид: И как вы с таким характером живёте?

Некто Теодор: Да так вот. По-прежнему. Как-то так вот пер-пен-ди-ку-ляр-но Октябрьской революции. Но спать ложусь всегда перпендикулярно экватору. Для здоровья полезно. Заглянем ко мне?

Давид (помотал головой): В «Чешую» надо...

Некто Теодор: Надо так надо. Денег, поди, тоже надо... Кстати, как вы к ним относитесь?

Давид: Когда есть, тогда и отношусь. А вообще...

Некто Теодор вышаривает из кармана смятую купюру неопределённого достоинства и суёт её в руку Давида.

Давид: У вас что? Куры не клюют?

Некто Теодор: Брезгают.

Давид: В смысле?

Некто Теодор: В деньгах смысла нет.

Давид: Ну, не скажите!

Некто Теодор: Скажу. Что деньги, конечно, могут многое, если не всё. Но это наше всё, как правило, смешно кончается. Потому что деньги начинают заканчиваться... Или заканчиваются начинаться. В общем, без разницы. С этими бумажками всегда так несимметрично, что хрен поймёшь чо к чему... Ладно. Пока. Эле привет!

101. ДАВИД, БАРМЕНША ЭЛЯ И ЛОЩЁНЫЙ КОРАБЛИК...

*В полавке-ресторанчике «Чешуя» у набережной Ангары
в этот час ни-ко-го!*

*За стойкой, в конце открытой веранды, – барменша по
имени Эля. Её давно все знают. И она знает всех.*

*Задумчиво протирает полотенцем питейную посуду:
стаканы, фужеры, рюмочки.*

*По лёгкому мостику с набережной на веранду
поднимается Давид, подходит к стойке, приветливо
здоровается.*

Давид: И ещё привет от Теодора!

Эля: Ой, спасибо! Как он?

Давид: Спит перпендикулярно.

Эля (*с коротким смешком*): Ах, Теодор, Теодор! Ну,
прямо я не знаю... Конквистадор какой-то!

*Давид склоняется на стойку, поближе к барменше –
словно для тайного, совершенно секретного,
доверительно-интимного разговора.*

Давид (*быстро*): Где Сокол?

Эля: Был шкипер, да весь вышел.

Давид: Знаю. Сейчас он – стивидор.

Эля (*грустно, но с вызовом*): Сейчас он – тореадор!
(*смахивает набезжавиую слезу*). Его в Испании бык
забодал...

*Давид опускается на стул у ближайшего столика.
Эля подсаживается напротив.*

Эля: Разве вы ничего не слышали? Уже весь город знает!
Трагедия состоялась то ли в Толедо, то ли прямо в самом
Мадриде... (*Смахивает слезу*). Тамошний тореадор Хосе-
Эммануэль заболел «птичьим гриппом». И его подменил
Сокол. Совершенно бесплатно! Из чистых и бескорыстных
побуждений! Представляете себе?

Давид, конечно, представляет...

Дон Санья в берете, с алым плащом в одной руке и со шпагой – в другой... Дон Санья гоняет по арене разъярённого быка... Да! Как сидорову козу гоняет! У этого быка пена хлещет из ноздрей! Из-под копыт взмываются залпы песка!

Музыка!

Кармен-сюита!

Бык устал...Бык падает на колени... Дон Санья хватается за хвост и начинает крутить вокруг себя так, как это делают метатели молота...

Нет, не так!

Дон Санья не станет руки марать о крупнорогатый скот.

Он выдаёт быку изящный пинок под зад! И бедный бык летит, летит, летит... и шлёпается на противоположном краю арены...Но тут же вскакивает, недопобеждённый, и орёт дурным голосом:

- Ме-е-е-е...

Действительно, - коза! Откуда она взялась? Чья коза?

- Моя коза! – кричит какое-то усатое идальго-кабальеро в первом ряду.

- А ты кто такое, чувак?

- Я – дон Сидор! А ты кто такой! – кричит чувак и хватается за шпагу.

Так они покричали друг другу – и разошлись...Да! И разошлись! Кто куда во что горазд и куда ни попадя по чём попало...

Шум случился невероятный! Случай образовался пронзительный!

А чего такого? Хемингуэво!

На арену летят красные и белые розы...

Голос Давида: То, что Сокол оказался в Испании, это ещё можно было бы как-то объяснить. Но вот с какой стати он с козлобыком схлеснулся? Чего не поделили? Это загадка новейшей советской истории двадцатого века. Загадка за семью печатями...

Эля в течение всего внутреннего Давидова монолога тоже говорила, но – беззвучно, одними страстными губами. Но последние слова Давида стали началом продолжения Элиной речи.

Эля: ...за семью печатями! Но вы же ведь знаете, Давид, что такое наша печать! Хотите выпить?

Давид: Хочу. Вопреки Указу.

Эля: Какому указу?

Давид: Который – о борьбе... с одиннадцати ноль-ноль до не помню чего...

Эля: Ах, этот! Прошлогодний? Так им уж давно подтёрлись и выбросили!

Давид: Как так? Минуточку! А я где был, когда вы тут все подтирались?

Эля: Не знаю... Может, по указу жили.

Давид (растерянно): И я не знаю... Чертовщина какая-то! Как будто бы за круг выскочил... На сто первый километр! Ёшкина гармошка и ёк-макарёк в одном стакане! Тёмный эпизод биографии...

Эля приносит и ставит на стол початую бутылку армянского коньяка, две рюмки и блюдечко с печеньем и парой бутербродов.

Покорно склонившись, умирает георгин в стеклянной баночке на столе. Прежде в ней была горчица «Сибирская особая», которую сожрали любители георгинов...

Давид крутит баночку в руке...

На миг в стекле отражается физиономия князя Георгия... Однако!

И князя сменяет Семён, добрый дух «стеклянного парохода»...

Помигали – и исчезли, словно их и не было...

Давид разливает коньяк по рюмочкам. Чокаются с Элей. Выпивают.

Эля: Знаете, Давид, ходят слухи, что Сокол оказался не до смерти забоданный и сейчас уже то ли в Боливии, то ли в Уганде... Партизанит! Представляете?

Отчего ж не представить? Можно представить...

Барбудос Алехандро в берете, с автоматом

Калашникова в руке...

В тачанке!

Броня крепка, и танки наши быстры...

Ведь от тайги до Британских морей...

*И комиссары в пыльных шлемах...
Патриа о муэртэ!
Родина или смерть!..*

Давид: Какое время на дворе...

Эля: Вы меня спрашиваете, Давид? Половинка третьего.

Давид: Я не про это...

Эля: А про что?

*Давид сморщился, закрутил головой, руки воздел – и уронил
на стол...*

Эля: Я сейчас радио включу. Передача новостей будет – скажут точное время...

«Хрен они скажут!» - подумал Давид.

*Но Эля уже включила транзисторный «ВЭФ» на стойке
бара. Вернулась к столу. Сама разлила коньяк по рюмкам.
А из радиоприёмника – вопрос неожиданный: что тебе
снился, крейсер «Аврора»? Мальчик поёт. В
сопровождении детского хора Центрального радио и
телевидения.*

Давид и Эля молчат. Ибо слушают.

Эля: Мне этот мальчик нравится... Как он поёт! Прямо – наш советский Робертино Лоретти, честное слово!

Голос Давида: Вот – мальчик... Снова мальчик. Вечный мальчик... Ёшкина гармошка! Как время-то погнал достопочтенный и орденоносный народный артист Георгий Васильевич Свиридов! Ну, композитор... Да ведь тот мальчик запоёт только через год – через год! – после нашего с Соколом и Жоркой плавания вниз и вверх по Лене, вдоль её кисельных берегов! После – «стеклянного парохода»... после – крейсера «Варяг»... после – линкора «Новороссийск»... после – «Красного Интернационала» с доживающими свой век старыми ленскими капитанами речфлота... – после них явится крейсер «Аврора» с вопросом, куда ещё песенным и детским: что снится ему на вечном приколе, легендарному кораблю революции, ковчегу нового мира?

Но вопросы иногда взрослеют быстрее, чем дети. А потом и дети подтягиваются к бородатым вопросам. И вот тогда-

то, и вот тут-то, над долгой крейсеровой сонатой, оно и поперхнётся, наше всё... Думали: румяная наша революция! Оказалось: чахоточная... Ноющий ковчег во ржи истлевает. Зубастая кирпичная стена стенает. Под ней мёртвые зывают к живым...

Эля: Что с вами, Давид?

Давид (*очнувшись*): Что?

Эля: Вы куда-то смотрите и что-то такое, наверное, видите...

Давид: Простите... Не обращайтесь внимания... Бывает... На что ни посмотрю – всё её представляю...

Эля (*смеётся и притворно возмущается*): Хулиган! Вот уж никогда бы не подумала, что вы, Давид, такой всегда возвышенный... и вдруг – солдатские анекдоты на языке!

Давид (*тихо, застенчиво*): Я родину имею в виду, Эля... И революцию! И крейсерову сонату... Такие вот у меня представления... Думал: в них моя родина. Оказалось: и родина, и отечество – только в русском языке... А те, кому о представлениях своих случайно говорю, сразу ржать начинают... поручики ржевские, блин!

Эля (*смутившись*): Извините меня, Давид... дуру такую...

Давид поднимает рюмку. Чакаются, выпивают, хрустят печеньем.

Давид: Вы в школе писали в тетрадках из лощёной бумаги? Помните такую?

Эля (*охотно*): Все писали! Хорошие тетрадки! Гладкие... Пёрышко скользило... У меня одни пятёрки были! Вот я какая была, Давид. Не то что сейчас...

Давид: И где такую тетрадку найти?

Эля: Таких уж нету. А очень надо?

Давид: Надо...

Эля: Ой, погодите! Секундочку...

Уходит за стойку, возвращается и кладёт на стол востребованную тетрадку. На ней наклейка с красивыми крупными буквами: «Журнал жалоб и предложений».

*Пронумеровано, прошнуровано и сзади скреплено сургучной печатью Горпищеторга. Ибо – документ!
Все страницы чисты белизной непорочной...*

Эля: Уже сто лет висит на гвоздике!

Давид: Да уж не сто, наверно...

Эля: Пусть – двести... Мы в четвёртом классе на лощёнке писали...

Давид: Запомнилось?

Эля: А как же! Ещё бы не запомниться... Девочкам до четвёртого класса разрешалось носить чёлки. Но уже с пятого разрешались косы. Только косы. Причём, не одна, а обязательно две...

Давид (улыбаясь): Какой эпос! Слышу исчезнувший звук божественной Эллинской речи... Эля, можно страничку?

Эля: Да всё забирайте! С печатью!

Давид перелистывает тетрадь, водит пальцем по страницам. Достает шариковую ручку. Начинает писать.

Эля тихонько уходит за стойку, машинально протирает стаканы и рюмки и при этом неотрывно смотрит на пишущего Давида.

*Всё лицо её, лоб, брови, глаза, губы... - словно сопровождают рождение текста, буква за буквой и слово за словом ложающегося на бумагу. Всё-всё в этом женском лице... И чередуются естественно, как сменяются времена года, - любовь, тревога, страх, забота, боль, покой, любопытство, радость, опасения...
Лицо матери большого мальчика.*

Давид заканчивает писать. Выпивает рюмку коньяку.

Вырывает лист из тетради. Ещё рюмку наливает...

Складывает из исписанного листа бумажный кораблик.

У него это получается с первого раза. Уроки Хельги!

Двигает кораблик по поверхности стола...

Убирает руку, отпуская кораблик... Тот заваливается на бочок. Конструктивно-строительная погрешность!

Давид выщипывает из бутерброда хлебный мякиш, разминает в пальцах, скатывает два шарика и приклеивает их внутри кораблика, на палубу-днище, спереди и сзади... Это будет балласт, и кто скажет, что он не настоящий?

Эля смотрит на Давида. И губами шевелит... Она не видела и не читала текст. Она не ясновидящая. Просто она знает, потому что чувствует - что именно там написано, о чём, про что – на лощёной бумаге. Там -

*любовь, тревога, страх, забота, боль, покой,
любопытство, радость, опасения...*

*Давид поднимается из-за стола и подходит к перилам.
Двумя пальцами держит кораблик за срединный
треугольничек.*

*Давид свешивается за перила – поклон воде! –
примеряется и разжимает пальцы.
Кораблик падает в воду.*

*Покачивается наплаву: куда нам плыть? какой курс
держать на румбе, капитан?*

*Давид облокотился на перила и не отводит глаз от
кораблика...*

Голос Давида: Море серое, неласковое...
Я на пальцы подышу...
Как мы плыли к морю Лаптевых –
На бумаге опишу...

Кораблик поплыл...

Голос Давида: Описал! И записал на лощёной страничке
старой школьной тетради... А потом я ещё жил-жил-жил...
Как мог. Как умел. Как сама жизнь позволяла. Вверх и
вниз по течению. Вдоль и против. И поперёк – случилось...
Потом я умер. Кораблик ушёл в море. А у морей долгая
память...

*Возникает и постепенно набирает полный звук мелодия,
которая станет песней. Это уже российский менестрель
Михаил Коноплёв входит с гитарой в наш кинороман – и
заканчивает его музыкальной кодой...*

Море серое, неласковое,
Я на пальцы подышу.
Как мы плыли к морю Лаптевых,
На бумаге опишу.

Тихо плыли. Волны плещутся,
И жарыща, - как в стогу,
И бельё стирают женщины,
На далёком берегу.

Шкиперша картошку жарила,
Шкипер звал играть в лото.
Он вино глотал - как шарики -
Клоун в цирке-шапито.

Пела шкиперша и плакала,
Пела песни про цветы.
Надевала туфли лаковые,
Спотыкалась у плиты.

Пел и я, - мне было весело,
За неприбранным столом,
Очень нравилось, что вместе мы
К морю Лаптевых плывём.

Грустно пела наша шкиперша,
Шкипер слушал и курил,
А потом её, охрипшую,
В дальний кубрик уводил.

Одиноко, как в орешине,
Я по палубе гулял,
Если я в дела их вмешивался,
Я их этим обижал.

Надо мною звёзды плавали...
А под утро, - чуть бочком, -
Шкипер с шкипершей на палубу,
Выходили босиком.

Он ей солнце загораживал,
На лицо её дышал,
Синячки её поглаживал,
Долго-долго целовал.

Говорил ей: - Видишь, выжила!
Солнцу в ухо хохотал,
И смеялась она, рыжая,
Как копчёная кета.

На груди его заласканной
Целовала якоря...
...Так и плыли к морю Лаптевых -
Шкипер, шкиперша и я.

Конец

*Иркутск,
май - октябрь 2012*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Коротко - про Артюра Рембо

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Ф. Валлотон. Портрет Артюра Рембо, ок. 1898

Жан Николя Артю́р Рембо́ (фр. *Jean Nicolas Arthur Rimbaud*; 1854—1891) — французский поэт, один из основоположников символизма, представитель группы «проклятых поэтов».

Биография

Артюр Рембо родился 20 октября 1854 года в Шарлевиле на северо-востоке Франции. Его отец, Фредерик Рембо, по профессии военный, служил в Алжире, мать, Мари-Катрин-Витали Кюиф, была из зажиточной крестьянской семьи. Когда мальчику исполнилось четыре года, отец оставил семью, с тех пор Артюра воспитывала мать. Начальное образование Рембо получил в Шарлевильском лицее. После публикации первого стихотворения в 1870 году, в возрасте 16 лет Рембо отправился в путешествие по северу Франции и югу Бельгии.

В возрасте семнадцати лет Рембо знакомится в Париже с поэтом Полем Верленом и на некоторое время становится его интимным другом. Верлен приглашает Рембо в Париж и оплачивает ему дорогу.

Прибыв в Париж, Рембо поселяется у Моте, откуда его в скором времени изгоняют за грубость и нечистоплотность; он живёт по очереди у Банвиля, Шарля Кро, композитора Кабана, художника Форена. Верлен и Рембо принимают участие в собраниях литературных кружков «Дрянные мальчишки» и «Чертыхатели», пьянствуют, их дружба перерастает, как они выражаются, в «жестокую страсть» двух поэтов.

Конец октября. Первая ссора Верлена с Матильдой из-за Рембо, который пытается вырвать Верлена из удушливой мелкобуржуазной обстановки семейства Моте.

Конец декабря. На очередном обеде «Дрянных мальчишек» Рембо устраивает скандал и легко ранит тростью-шпагой фотографа Каржя; Рембо изгнан из кружка; Верлен снимает для него комнату на улице Кампань-Премьер, 14.

В Париже Рембо участвует в восстании Парижской коммуны.

В 1872 Поль Верлен бросает семью и уезжает с Рембо в Лондон. Некоторое время прожив там, они путешествуют по Европе и расстаются в Брюсселе, после того как Верлен в жарком споре под действием абсента простреливает Рембо запястье. Верлен был осужден на 2 года тюрьмы. После расставания с Верленом Рембо возвращается домой, на ферму Роше.

После этого Рембо перестаёт писать и путешествует по свету до 1880 года. Затем в Африке (в основном в Египте и Эфиопии), а также в Йемене он занимается торговлей кофе, пряностями, шкурами и оружием.

В феврале 1891 года Рембо вернулся во Францию, где ему ампутировали ногу из-за раковой опухоли. В госпитале за ним ухаживала сестра, приехавшая из Шарлевиля. Рембо умер в Марселе, в госпитале, 10 ноября 1891 года. Похоронен в Шарлевиле.

Рембо в современной культуре

В XX веке вокруг наследия Рембо развернулась борьба. Поэты реализма и модернизма причисляли его к основателям своего течения. Общепризнано последователями Рембо среди французских поэтов являются Гийом Аполлинер, Поль Элюар, поэты Сопротивления. Мировоззрение и поэзия Рембо оказали глубокое влияние на творчество Генри Миллера, отразившего свое духовное родство с поэтом в эссе *Время убийц*.

Во второй половине XX века Артур Рембо обретал всё большую популярность. Так, его образ неоднократно был использован в кинематографе. Наибольшую известность получил фильм Агнешки Холланд «Полное затмение» (1995), созданный по одноимённой пьесе Кристофера Хэмптона (1967), в котором роль поэта исполнил Леонардо Ди Каприо (историческая достоверность образов Рембо, а также Верлена в исполнении Дэвида Тьюлиса в этом фильме многими ставится под сомнение).

Посвящённая Артюру Рембо и выполненная Жаном Ипустеги по заказу президента Франсуа Миттерана скульптурная композиция — «Путник в башмаках, взлетевших кверху» (фр. *l'Homme aux semelles devant*), установлена в 1985 году перед зданием Национальной библиотеки Франции в Париже. Название перефразирует прозвище, которое Поль Верлен дал Артюру Рембо — «Путник в башмаках, подбитых ветром» (фр. *l'Homme aux semelles de vent*)^[1]. Фрагмент этой композиции «Лицо Рембо» (фр. *Visage Rimbaud*) принадлежит Культурному центру Ипустеги (фр. *Centre Culturel Ipoustéguy*) в городе Ден-сюр-Мёз (фр. *Dun-sur-Meuse*). В скульпторном портрете выразительно передана меланхолия поэта^[2].

В 1991 г. вышел фильм *Arthur Rimbaud — Une biographie*. режиссера Ришара Диндо. В фильме снялись актеры: Бернар Блош, Кристиана Коэнди, Мадлен Мари, Альбер Дельпи, Жан Дотремай, Бернар Фрейд, Ханс-Рудольф Тверенболд, Жак Боннаффе (голос).

Певица и поэтесса Патти Смит, на творчество которой сильно повлиял Рембо, не раз упоминала и цитировала его в своих работах.

Произведения, опубликованные при жизни автора

- Стихотворение Пьяный корабль / *Le bateau ivre* (1871)
- Одно лето в аду / *Une Saison en Enfer* (1873)
- Озарения / *Les illuminations* (1874)

Литература

О жизни Рембо

- *Карре Ж.* Жизнь и приключения Жана-Артура Рембо. / Пер. с фр. — СПб: Петербург — XXI век; Лань, 1994. (романизированная биография)
- *Мурашкинцева Е. Д.* Верлен. Рембо. — М.: ОЛМА-Пресс, 2001. — 352 с.

- *Птифис П.* Артю́р Рембо. / Пер. с фр. (Серия «ЖЗЛ»). — М.: Молодая гвардия, 2000. — 408 с.

О творчестве Рембо

- *Рембо А.* Поэтические произведения в стихах и прозе. / Пред. Л. Г. Андреева, комм. М. В. Толмачева. — М.: Радуга, 1988. (подробный комментарий к стихотворениям)
- *Обломиевский Д. Д.* Артю́р Рембо. // Французский символизм. — М.: Наука, 1973. — С. 183—227.
- *Степанов Ю. С.* Семантика «цветного сонета» Артю́ра Рембо. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — М.: 1984. — т.43. — № 4. — С. 341—347.

Поэзия Рембо

- Рембо А. Стихи; "Последние стихотворения"; "Озарения"; "Одно лето в аду". / Пер. с фр. М.Кудинова. - М., "Наука", 1982 (серия "Литературные памятники").
- Рембо А. Стихотворения. Серия «Билингва». М., Текст, 2011.

"Пьяный корабль" Артю́ра Рембо – гимн символизма

http://art.1001chudo.ru/france_1982.html

"Пьяный корабль" – это стихотворение в сто строк, написанное Артю́ром Рембо летом 1871 года, когда поэту ещё не было 17-ти лет. И оно стало одним из центральных произведений как в творчестве самого поэта, так и в поэзии символизма.

Символизма, впрочем, в те годы ещё не существовало, Артю́р Рембо стал его предтечей – наряду с Шарлем Бодлером, Стефаном Малларме, Полем Верленом и, пожалуй, ещё Теодором Банвилем. Банвиля в детстве Рембо читал, по причине чего отсылал ему первые свои стихи, причём не единожды – но без особого успеха; во всяком случае, эксперт от восторга по полу не катался и

даже, наверное, с трудом помнил, что ему кто-то чего-то присылал из Шарлевиля.

Почти сразу после сочинения "Пьяного корабля", в том же году, в сентябре, Рембо решил отправить это стихотворение другому маэстро – Верлену. И на того стихи произвели немалое впечатление. Будучи отзывчивым и неизбалованным вниманием пишущей молодёжи человеком, он почувал родную душу и пригласил начинающего стихотворца к себе в гости. После чего завязалась их пылкая дружба.

Рембо в своём Шарлевиле прошёл основательную стихотворную школу, так что "Пьяный корабль" написан строгим александрийским гекзаметром. Но содержание – это сотканный из видений бред, кружащийся вокруг пьяного корабля, потерянного в море и тонущего. Это была революционная для того времени образность и символика. Корабль нахлебался воды и опьянел. Корабль рассказывает о том, что было и что он чувствует сейчас, рассказывает о своих видениях, о своих чувствах, о своём отчаянии и восторгах, которые постоянно переходят друг в друга.

Говорят, Артюр написал это стихотворение в ту пору, когда стал понимать, что поэзия, приносящая экзальтацию, не может обеспечить всеобщего понимания, хотя в детстве казалось иначе.

"Пьяный корабль" стал одной из вершин французской поэзии. А для французских символистов, появившихся чуть позже, это стихотворение стало гимном, каждый из них знал "Пьяный корабль" наизусть.

Лирический герой Артюра Рембо

http://antisochinenie.ru/сочинения/Рембо/Лирический_герой_Артюра_Рембо

Артюр Рембо (1854-1891) - очень необычный человек и поэт. Крайне эмоциональный, вспыльчивый, бесшабашный, дерзкий нарушитель всяческих норм и законов, природный бунтарь, способный на любой, шокирующий, кощунственный поступок (на дверях церкви написал однажды «Смерть Богу!»). Лютой ненавистью ненавидел мещан. Больше всего любил бродяжничать без копейки денег, свободно разгуливать по свету. Свобода - его главный принцип существования. Все свои лучшие стихи Рембо написал в возрасте 15, 16 лет, в 1870 и 1871

году (родился он 20 октября 1854 года). Будучи максималистом, он поставил перед собой максимальную цель - превратить поэзию в инструмент высшей формы познания - ясновидения. Ясновидение - это непосредственное, интуитивное, сверхлогическое познание всех тайн бытия, максимальное расширение сознания.

Прежде всего поэт должен познать человека и человечество, а для этого ему необходимо вместить в свою душу все возможные человеческие мысли, эмоции, состояния. Отрывок из письма Рембо: «Поэт становится ясновидцем в результате долгого и строго обдуманного расстройствa всех своих чувств. Он старается испытать на себе самом все виды любви, страдания, сумасшествия, он вбирает в себя все яды и оставляет себе их квинтэссенцию.

Это непередаваемая мука, перенести которую можно лишь при высочайшем напряжении всей веры и с нечеловеческими усилиями, мука, делающая его страдальцем из страдальцев, преступником из преступников, отверженным из отверженных, но, вместе с тем, и мудрецом из мудрецов. Он ведь познаёт неведомое, и, если бы даже, сойдя с ума, он в конце концов утратил понимание своих видений, ему всё-таки удалось созерцать их воочию! Пускай в этом безумном полёте погибнет он под бременем неслыханного и неизреченного: на смену ему придут другие упорные труженики; они начнут уже с того места, где он бессильно поник!» Рембо стремился вызывать состояние ясновидения искусственно - долгой бессонницей, физической болью, алкоголем, наркотиками. В таком состоянии им написаны два цикла стихотворений в прозе «Прозрения» (1872) и «Пора в аду» (1873).

На деле это отрывки, клочки неких непонятных, малосвязанных друг с другом мыслей, чувств, картин, образов - вне всякой логики. В общем ничего хорошего.

В 1873 году происходит непонятное, небывалое в истории мировой литературы событие. 19-летний Рембо, необычайно талантливый, почти гениальный поэт, разочаровался в поэзии как таковой и навсегда её бросил. Никаких тайн ему ясновидение не открыло, его поэзия никому не понятна и не нужна, кроме кучки таких же сумасшедших, как и он сам. С этого времени Рембо не написал ни одной поэтической строчки. Он отправился в путешествие по экзотическим странам Азии и Африки, был он наёмным солдатом, торговцем, просто

путешественником. Умер в 37 лет, от гангрены - заражения крови, ему отрезали ногу, но это не помогло.

Итак, лучшие стихи Рембо написал в 15, 16 лет.

Основные особенности поэзии Рембо.

1. Он развивает традиции Бодлера. Вводит всё новые, неприличные, прозаичные темы в поэзию. Если Бодлер поэтизировал зло, безобразие, смерть, то Рембо поэтизировал просто мелкие, бытовые неприличные вещи. Для него нет запретных тем. Например, стихотворение «Вечерняя молитва» описывает, как лирический герой пьёт в кабаке пиво и заканчивается оно так:

*Встаю из-за стола, я чувствую позыв...
Спокойный, как творец и кедров, и иссопов,
Пускаю ввысь струю, искусно окропив
Янтарной жидкостью семью гелиотропов.*

2. Очень яркие, красочные, смелые метафоры и другие средства выразительности, иногда доходящие до разрушения логики.

3. Смелый, свежий взгляд на жизнь. Одно из лучших стихотворений Рембо «Искательницы вшей», у мальчика две его старшие сестры ищут в волосах вшей и погружают его в необычное, полусонное, блаженное состояние. Также хорошие стихи «Офелия» и «Уснувший в ложбине». Самое известное стихотворение Рембо «Пьяный корабль», описывающее необыкновенное путешествие на неуправляемом корабле.

Знаменито стихотворение «Гласные», где раскрыты ассоциативные связи между гласными звуками и цветами. Были и другие неплохие символисты или близкие к символизму поэты: Лотреамон, Стефан Малларме, Шарль Кро, Тристан Корбьер, Анри де Ренье и др.

Своеобразие творчества Артюра Рембо

http://antisochinenie.ru/сочинения/Рембо/Своеобразие_творчества_Артюра_Рембо

Цвета имеют свое символическое значение. Символика цвета, символика звуков давно привлекала внимание ученых разных областей знаний. Этим вопросом интересовались философы, психологи, композиторы, художники. Экспериментами в области колористики

обозначено творчество Вильяма Тернера, Ежена Делакруа, художников-романтиков. Такие поиски характерны и для Артюра Рембо. Он творил на границе XIX-XX столетий. Артюра Рембо считается одним из известнейших и самых сложных поэтов Франции. Бескомпромиссное бунтарство, всеобъемлющее возражение - характерные особенности характера художника. Артюра Рембо - одна из самых трагичных фигур в поэзии. Жан Николя Артюра Рембо родился 20 октября 1854 года в глухом городке Шарлевиль, в Арденнах (на севере Франции), по его собственным словам, “наиболее идиотском из всех провинциальных городов”.

Отец поэта, пехотный офицер, был человеком легкомысленным, редко появлялся дома, а в 1860 году покинул семью, в которой, кроме Артюра, было еще трое детей. Мать происходила из зажиточной крестьянской семьи и была, в противоположность мужу, женщиной властной и волевой, отданной семье и детям, но была деспотичной и не принимала увлечения Артюра поэзией. Рембо же можно было назвать “шарлевильским вундеркиндом”. В колледже он проявил необычайные способности и таланты, был одним из наилучших учеников. Легко овладел латынью и начал сочинять латинские стихи, хотя первые литературные попытки (они приходится на 1860 год) - это проза. Жорж Изамбар, преподаватель риторики, опекался подростком и поощрял его к написанию стихов на французском языке.

В начале 1869 года в одном из парижских журналов было опубликовано стихотворение “Сенсация”, которое показало появление нового талантливой поэта. В. Гюго, оценив его талант, назвал Рембо “дитя Шекспира”. Однако мать не радовалась творческим достижениям сына, в семье властвовала гнетущая атмосфера. Артюра, еще тогда подросток, начал бунтовать против материнского деспотизма. Идея протеста вылилась в форму систематических побегов из дома. Первый раз он убежал в августе 1870 года, добрался до Парижа, где его задержала полиция и отправила домой. Где-то через полтора месяца он убегает в Бельгию, граница с которой пролегла неподалеку от Шарлевиля. Откуда его тоже возвращает полиция уже по требованию матери. Однако в феврале 1871 года он снова убегает в Париж, и, не найдя там приюта, сам возвращается домой пешком, через страну,

оккупированную прусскими войсками (шла франко-прусская война 1870-1871 годов). В августе 1871-го Рембо прислал свои поэзии Полю Верлену, у которого они вызвали восхищение, и он пригласил юного поэта в Париж и поселил в своей квартире. По словам Верлена, “любил так же сильно, как и ненавидел”.

Именно поэтому отношения между двумя писателями были неровными, с частыми ссорами. Дошло до того, что в июле 1873 года в брюссельской таверне Верлен выстрелом ранил Рембо, за что на два года попал в тюрьму. После ссоры поэт находится будто в лихорадке. Как следствие нервного состояния - отказ от поэзии, алкоголь, наркотики, бушующая жизнь, блуждание в разных странах.

Он снова убегает, убегает от Европы, и от цивилизации, едет в тропическую тущобу Восточной Африки и возвращается на родину смертельно больной только для того, чтобы умереть 10 ноября 1891 г. в марсельском портовом госпитале: “В возрасте 37 лет умер негоциант Рембо”. Творческая жизнь Артюра Рембо была быстрой и плодотворной. “Гений Рембо, как комета, промелькнул на горизонте символизма, оставив за собой звездный след, до конца еще не разгаданный. Но идти по звездам к Рембо - нелегкая задача для души...” - так говорил о поэте А. Мандельштам. За четыре года в литературе Рембо пережил знаменательную творческую эволюцию, очень динамичную, но в ней четко выделяются три этапа. 1-й этап - поэзии до 1871 года. Это этап становления поэта, раскрытие его необыкновенного таланта и своеобразности.

В 1870 году был написан стих “Моя циганерия”. Этот стих имеет и другие варианты названия в переводе: “Богема”, “Мое бродяжничество”. Богема (с французского - цыганщина). Французский писатель Анри Мюрже так назвал студентов Латинского квартала. С тех пор богемой называют любую интеллигентную бедность, которая артистически весело переносит злоключения и даже с презрением относится к земным благам. Артюра Рембо был разочарован жизнью, но он стремился найти смысл бытия через поэзию, искал новые ее границы и возможности.

Если бы он не открыл эту теорию, то бросил бы писать. Поэт стремился найти слово, доступное всем чувствам, критически осмысливал теорию ясновидения в поэзии. Он верил, что придет время такого языка, который впитает в себя все: запахи, звуки, цвета. Он соединит мысли и

заставит их двигаться. Целью поэзии является достижение состояния полного разлада всех чувств, что граничит с галлюцинациями. Состояние ясновидения напоминает исступление, когда устами поэта говорит будто какое-то божество. У Рембо этим божеством является подсознание и интуиция. У него возникают видения, когда он достигает неизвестного и, пусть потеряв смысл, он перестанет понимать эти видения - он их видел.

Цвет и звук имеют глубокую связь. Ассоциации между зрительными и слуховыми впечатлениями называют синопсией. Физическая шкала цветов принципиально не отличается от шкалы звуков, т.е. высоту тона и цвета можно связать с линейной шкалой частот. Связь цвета и звука прослеживается у Рембо в стихотворении “Голосовки”. Цикл “Озарение” - стихи в прозе, ритмизированная проза. При жизни поэт опубликовал лишь несколько поэзий и выпустил книгу стихов в прозе “Сезон в аду” (1873), которая была написана во время ужасного душевного кризиса после разрыва с Верленом. Это крик души, уныние в жизни, вскрик человека, который уже не рассчитывает на чью-то помощь и все же зовет во вселенной кого-то неизвестного: “Приходите все, даже маленькие дети, чтобы я смог утешить вас, раздать вам свое сердце, прекрасное сердце! Придите, бедняки, рабочие! Я не хочу молитв, хватит мне вашего доверия, оно даст мне счастье”.

Мария Ольшанская

<http://www.marie-olshansky.ru/muz/jprever.shtml>

**Песня Жака Превера и Жозефа Косма
«Осенние (опавшие) листья» / «Les feuilles
mortes», «Autumn Leaves».**

О песне, авторах и исполнителях

Жак Преввер (Jacques Prévert)

Из передачи Ивана Толстого «Поверх барьеров» на «Радио Свобода» от 18 апреля 2007 года — «Вспоминая Жака Преввера», рассказывает Дмитрий Савицкий:

«Конечно, мы все его знаем по одной единственной песне, мы его и сводим к этой певучей меланхолии. Но он и сотой частью не умещался в эти опавшие, осенние листья, ставшие трамплином славы не только для его друга, композитора Жозефа Косма, но и для многих певцов, включая Ива Монтана.

Он оставил нас ровно 30 лет назад, весной 1977 года. Оставил не Париж, который он променял на Нормандию, на простор океана за шесть лет до кончины, он оставил целое племя почитателей, из которых одни навсегда запомнили его имя в титрах «Детей Райка» и «Набережной Туманов», другие за его издевки над Ватиканом, третьи — за его антимилитаристскую деятельность, четвертые... Четвертые, с удивлением купив академический томик «Плеяд». С удивлением? Конечно! Жак Преввер, поэт улицы, до сорокового года известный лишь шарманщикам да певичкам кабаре, Жак Преввер, бывший сюрреалист с Рю дю Шато, автор скетчей и анекдотов на тему дня, и полное собрание сочинений в «Плеядах»?

Но это было только началом, потому что Жак Преввер отныне прописан в каждом школьном учебнике.

Он был ровесником века, родился в Нейи-сюр-Сен, пригороде столицы, но семья вскоре перебралась в Латинский квартал Парижа. Особой любви к школьной парте он не испытывал. Это отец, в чьих документах стоял *homme des letters*, хотя сочинил он одну единственную повестушку, заразил его страстью к литературе и театру.

Для Преввера в его 25 лет Рю дю Шато и недалекие бульвары — «живая монпарнасская школа», друзья и знакомые, прямиком вошедшие в историю и там и оставшиеся. Стихи Преввера той эпохи близки к творчеству сюрреалистов. Благая эпоха! Таланты талантливо фехтуют убийственными словами, мир полон веселья, джаза, дыма и паров алкоголя. Это знаменитые безумные годы Монпарнаса.

В 35-м году он начинает писать для кино. Сначала диалоги для фильма Жана Ренуара «Преступление

госпоина Ланжа», а в 38-м году он пишет сценарий «Набережной Туманов» для Марселя Карне. В главных ролях — Мишель Морган и Жан Габен. Через год — еще один сценарий для Марселя Карне — «День начинается».

В начале войны он вместе с Жозефом Косма и фотографом Траунером, которым приходится скрываться от нацистов, перебирается на юг, в Сен-Поль-де-Ванс. В 41-м он пишет для Карне сценарий «Вечерних посетителей», в фильме играют Жюль Берри и Арлетти. И, наконец, в 44-м году из-под его пера выходит сценарий «Детей Райка». Арлетти играет с молодым Жаном-Луи Барро.

В 45-м году, первый официально опубликованный сборник стихов Превера расходуется тиражом в 2 миллиона экземпляров.

Ему 45 лет, он продолжает активно писать, но он помнит и первую мировую, и смерть брата и голодные годы, и он продолжает активную антимилитаристскую деятельность. Одной из его главных антивоенных поэм-песен становится «Барбара».

Выходит его сборник «Дождь прекрасной погоды». Он начинает создавать и выставлять коллажи. Он сочиняет наивные детские стихи, и пишет проникновенную лирику. Жюльетт Греко, братья Жак, Ив Монтан, Аннес Капри не только поют, но и выступают с чтением стихов Превера. Его видят на левом берегу, на набережной, в забегаловках на Монж и Муфтар, в Люксембургском саду, возле Одеона. Его узнают по вечной кепке, по сигарете, прилипшей к губе, по этой вялой деревенской походке. Париж, как известно, деревня, и он здесь — дома...»

Жозеф Косма (Joseph Kosma)

Жозеф Косма — французский композитор венгерского происхождения, родился 22 октября 1905 г. в Будапеште, умер 7 августа 1969 г. во Франции, великий музыкант французского кинематографа.

Учился в Консерватории в Будапеште, работал в Берлине, а в 1933 году переехал в Париж.

На стихи Жака Превера он написал более 80 песен. «Опавшие листья», «Барбара», «Дети, которые любят друг друга» — наиболее известные из них. Никогда поэзия Жака Превера не была так удачно подчеркнута музыкой. Мелодии Жозефа Косма принесли ей мировую популярность. Мелодия или ритм здесь служат тексту, не навязывая присутствия музыканта.

Жозеф Косма принимал участие в создании пантомим для Марселя Марсо, некоторых балетов Ролана Пети для балерины Иветт Шовире. Он сочинял камерную музыку, музыку для хоров и оркестров, пробовал себя в опере.

В кино Косма начал работать в 1935 году, написав музыку более чем к 100 фильмам. Во время войны он был вынужден скрываться, но все равно продолжал сотрудничать с Жаком Превером и другими.

Жозеф Косма — оригинальный мелодический музыкант, стиль которого отличается большим разнообразием. Он предпочитает элегические мелодии, но другие тенденции прослеживаются у него также. Композитор уверен, что музыка в кино не может быть простым музыкальным сопровождением. Она должна дополнять сюжет или даже идти параллельно с ним. Он отдает свои предпочтения

свободе текстов и инструментальной структуре, отвергая схему куплет-припев, что рассматривалось тогда как революция в музыке кинематографа.

«Он был «Купереном песни», «духовным сыном Моцарта», — писали о Жозефе Косма.

История песни

Из обзора Юлия Андреева на сайте «Русский переплет»:

«Стихотворение Жака Превера, прекрасного французского поэта, при всей его простоте трудно сегодня перевести на русский язык, после того, как над ним в пятидесятые годы поработал какой-то холодный специалист. («Ветер осенние листья кружит, и ему их нисколько не жаль...»), что очень, очень далеко от подлинника). Как красиво оно выглядит на родном языке...

Музыку написал в 1945 году Жозеф Косма (1905-1969), и предназначалась она поначалу для балетного па-де-де «Свидание», декорации к этому номеру готовил великий Пикассо. Услышав эту мелодию, режиссер Марсель Карне был так потрясен, что написал сценарий (на музыку!) под названием «Врата ночи»*. На главные роли были приглашены Марлен Дитрих и Жан Габен. После долгих переговоров Марлен Дитрих отказалась, а вслед за ней и Габен. Для этого фильма Косма превратил свою мелодию в песню на слова Превера, однако Ив Монтан, которого взяли на главную роль, промурлыкал каким-то образом эту песню без слов. Фильм провалился, но песня начала свою блестящую жизнь. Первой серьезной исполнительницей стала Жюльетт Греко, записавшая эту песню в виде клипа, который был, возможно, первым в своем жанре. Она пела на фоне осеннего пейзажа и опадающих листьев.

Со временем и Монтан понял, какой шанс он в свое время упустил и начал петь эту песню по-разному, пытаясь, как мне кажется, приспособить песню к себе, что характерно для мужчины, но песня оказалась сильнее Монтана, и в итоге он сдался, и спел ее так, как она этого хотела. С тех пор сотни певцов исполняли песню, и сотни музыкантов экспериментировали с мелодией. Песню эту, однако, трудно представить в затрапезном виде где-нибудь

на поляне под гитару. Она требует безукоризненного слуха и прекрасной дикции.

В Россию песню привез Ив Монтан в 1956 году».

Примечание: Версия Юлия Андреева о песне к фильму противоречит рассказу Марселя Карне.

Из книги Марселя Карне «Жажда жизни» (о съемках фильма «Врата Ночи»):

«...Обстановка на съемках была трудной, но ничуть не нервной. Действие фильма начиналось в сумерках и заканчивалось на рассвете. Поэтому мы снимали много в режиме на натуре. Стояла зима. Было очень холодно. Нередко шел дождь. Мы насквозь вымокли. Подобные условия не вызывают особой эйфории. Особенно, когда это продолжается ночь за ночью. Два месяца подряд.

Наезжая в Париж во время войны, Превьер часто обедал в ресторане на улице Дорэн, который держали две старые женщины, чьи сыновья находились в плену. Когда город был освобожден и Жак спросил их, чем бы мог отплатить им за доброту, те ответили:

— Нам хотелось бы, чтобы у нас побывал господин Габен. Но, может, это уж слишком...

Габен тотчас согласился.

— Тебя ждет сюрприз, — предупредил Жак.

В тот летний день к нам присоединился Косма. Дабы нам никто не мешал, хозяйки накрыли стол в своей собственной столовой наверху. Я все помню, будто это было вчера. Небольшую комнату, квадратный стол в середине, пианино, приставленное к стене. А возле окна стопу еще не просохших после стирки скатертей и салфеток. Их белизна делала помещение еще более светлым в тот летний день.

После того как мы расселись, я заметил, что Косма и Превьер заговорщически переглядываются. Наконец Жак сказал:

— Валяй!

Увидев, что Косма сел за инструмент, Габен догадался:

— Написал песню?

Мы договорились, что в картине будет песня, которая поможет ее выходу на экран. Косма, едва дотрагиваясь до клавишей, запел:

*Как я хотел бы, чтоб помнила ты
Счастливые дни, когда вместе мы были.*

Мелодия нарастала. Ностальгическая. Завораживающая. А когда отзвучал последний аккорд, Габен попросил:
— Сыграй-ка еще раз.

Во время обеда Косма несколько раз садился за пианино. Габен снова и снова просил его:

— Можно еще?

После закуски мы уже все напевали мотив. После жаркого — знали припев, а принявшись за кофе, пели всю песню. Жак блаженствовал. Так родились «Опавшие листья»...

Я всегда довольно объективно оценивал свой труд. «Врата...» действительно были далеки от совершенства... Критики тоже не молчали. Особенно расстраивался от того, что пишут в газетах, Жак. Спустя две недели после выхода фильма он объявил, что больше не станет работать для кино. Почему-то его особенно сердило то, что никто не

обратил внимания на песенку «Опавшие листья», которую через четыре года будут распевать во всем мире».

В 1956 году американский режиссер Роберт Олдрич (Robert Aldrich) снял фильм-драму «Осенние листья» («Autumn Leaves»).

«Выпущенный год спустя после депрессивной, ставшей классикой «film noir» картины «Поцелуй меня насмерть», фильм потрясающе отразил извращенные качества человеческого разума. Прозванные «женским фильмом», «Осенние листья» — это напряженнейшая психологическая драма об одиночестве, отчаянии и душевной болезни. Заглавная песня, написанная Жозефом Косма, Жаком Превером и Джонни Мерсером, была популярнейшим хитом в исполнении Нэта «Кинга» Коула. Снят фильм в черно-белом изображении. В 1956 году Роберт Олдрич получил приз за режиссуру на международном кинофестивале в Западном Берлине» (из анонса).

Песней «Autumn Leaves» заинтересовались величайшие джазовые музыканты, а самым известным исполнением стал стандарт Майлза Дэвиса.

Какая песня без скандала?..

Чем значительнее песня, тем значительнее скандальные слухи по поводу ее авторства. Пожалуй, уместнее сказать — чем громче песня, тем громче скандалы. Например, некоторые марши, музыкальная основа которых, устав от сражений, пытается скрыться в глубине веков, а ее и там настигает духовая группа, литавры и барабаны.

В нашем случае, казалось бы, песня камерная, лирическая — об уходящем лете, об уходящей любви... А некоторые уверяют, что и у нее есть двойник, да еще при этом очень известный — из кинофильма «Простая история» (1960г.), с Ноной Мордюковой в главной роли — слова Николая Доризо, музыка Марка Фрадкина:

*На тот большак, на перекресток
Уже не надо больше мне спешить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?*

«Если быть совсем точной, то Фрадкин стибрил только половину этой мелодии», — уверена одна из пользовательниц Интернета. И не мудрено — если предположить, что это правда. Иначе придется согласиться, что «цыган у цыгана лошадь украл». Я имею в виду, что вторая половина песни, как уверяют другие пользователи, «украдена» уже Жозефом Косма — у одного из братьев Покрасс, Самуила. И здесь уже вступают в свои права трубы, литавры и барабаны. Потому что речь идет о песне «Красная Армия всех сильнее», начинающейся словами «Белая армия, черный барон». А «спорный кусочек» — это фрагмент марша:

*Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы неудержимо
Идти в последний, смертный бой!
И все должны мы неудержимо
Идти в последний, смертный бой!*

На форуме «Классика» (дискуссии об академической музыке) один из пользователей (Albert Maksimov) рассказал 13.08.2007 г. интересную историю:

«Создатель джазового стандарта «Осенние листья» (в оригинале «Les feuilles mortes», соч. 1945 г.) Жозеф Косма (Joseph Kosma), французский композитор еврейского происхождения (1905 г., Будапешт—1969 г., Париж). Эта песня приобрела широчайшую известность в 1946 г., когда ее спел Ив Монтан в фильме «Les Portes de la Nuit» («Врата ночи») Марселя Карне.

А вот почему мелодия припева в этой песне так похожа на мелодию припева песни «Красная Армия всех сильнее», это отдельная история...

До 50-х годов прошлого века «Красная Армия...» считалась песней народной. И только в 50-х музыковедом А.В. Шиловым был установлен автор музыки — Самуил Покрасс (1897—1939) (что достаточно спорно — А.М.). Якобы он сочинил музыку на слова поэта П. Григорьева в 1920-м году по заказу красноармейского командования, после захвата Киева красной армией.

«Почему спорно?» — спросите вы. — Да потому, что Самуил Покрасс в 1924 г. эмигрировал в Берлин, а затем в Штаты, где писал музыку для Голливуда. Фильм с его

музыкой «Три мушкетера» был популярен в СССР, так как шел в прокате после войны как трофейный (вывезенный из Германии). Мне не известен факт упоминания Покрассом своего авторства музыки «Красной армии...»

Жозеф Косма «использовал» гармонию припева народной песни в припеве «Осенних листьев». Явление достаточно распространенное. Причем, гармония эта прослеживается и имеет не только славянские корни...»

Еще один рассказ о песне «Красная Армия всех сильней» (РСФСР, 1920 год):

«В печати эта песня появилась впервые лишь в 1925 году и впоследствии многократно публиковалась под различными названиями: «От тайги до британских морей», «Красная Армия», «Красноармейская», пока, наконец, с 1937 года не установилось окончательно название «Красная Армия всех сильней». Выходит, что до середины 20-х годов песня распространялась в устной традиции, передаваясь от одного к другому.

Долгое время при издании песни не указывались ее авторы, и она считалась народной. Лишь в 50-е годы музыковед А.В. Шилов установил, что сочинили «Красную Армию» поэт Павел Григорьевич Григорьев (1895—1961) и композитор Самуил Яковлевич Покрасс (1897—1939). Песня явилась откликом на события, которые происходили летом 1920 года. На охваченную кольцом фронтов Республику Советов началось наступление из Крыма врангелевских войск... Именно в то время и была написана песня, которая называлась тогда «Белая армия, черный барон».

Много лет спустя, вспоминая подробности создания песни, П. Григорьев писал: «Основной моей работой с 1919 по 1923 год было создание агитационных произведений по заданию Политпросвета Киевского наробраза, Киевского военного округа, Агитпропа губкома партии и других организаций.

Встретившись сначала с Дмитрием, а затем с Самуилом Покрассом, я время от времени давал им тексты для песен. В течение 1920 года я написал несколько текстов боевых песен (в том числе и «Белую армию») для Самуила Покрасса, который переложил их на музыку и передал войскам Киевского военного округа. Насколько мне вспоминается, в ней первоначально было четыре или даже пять куплетов. Припев, написанный мною, звучал так:

*Пусть воин красный
Сжмает властно
Свой штык упорною рукой.
Ведь все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой...»*

Впоследствии текст песни был «отредактирован» ее основным исполнителем — народом, который ярче высветил в нем классовую принадлежность воинов Красной Армии.

Музыка песни с ее упругим ритмом, звучанием фанфар, подчеркивая логические ударения текста, вселяет бодрость в сердца бойцов, придает им веру в свои силы, сплачивает и воодушевляет поющих...

Известны и более ранние упоминания песни «Красная Армия всех сильней». Так, например, в мае 1923 года она в числе других революционных песен звучала в Петрограде на демонстрации против ультиматума лорда Керзона. «В тот день, — вспоминала писательница Ольга Берггольц, — каждая песня была вовсе не песней, а просто настоящей правдой, — и про британские моря, и про то, что мы готовы идти в бой, — да мы вовсе и не пели песни, мы только выговаривали, выдыхали то, что было на душе, — все мы, и рабочие, и школьники, и учителя, шагавшие рядом с нами».

Шли годы. Уже не существовало ни белой армии, ни «черного барона», а песня о Красной Армии, которая всех сильней, продолжала жить. Ее влияние нельзя не ощутить в строках «Десятилетней песни» — стихотворения, написанного В. Маяковским в 1928 году и начинавшегося словами: «Дрянь адмиральская, пан и барон шли от шестнадцати разных сторон...»

В республиканской Испании эта песня стала боевым маршем батальона имени Чапаева, входившего в состав Интернациональной бригады. Песню эту пел в фашистском застенке приговоренный к смерти чешский патриот и коммунист Юлиус Фучик».

На сайте «Красная книга российской эстрады» читаем:

«Самуил Яковлевич Покрасс (1897, Киев—15.09.1939, Нью-Йорк)... в 1917—1923 гг. жил в Киеве. В 1920 году в содружестве с поэтом П. Григорьевым создал несколько боевых песен для войск Киевского военного округа. Песня-марш «Красная армия всех сильней» («Белая армия, черный барон...», 1920), соединяющая суровый маршевый ритм революционных песен и бытовой песни, получила широчайшее распространение, зазвучала на языках разных народов (Чехословакия, Польша, Австрия, Венгрия, Испания, Германия, Норвегия)».

В истории с маршем, на мой взгляд, есть момент истины, расставляющий все по местам. И это упоминание П.Г. Григорьева о первоначальном варианте припева — том варианте, для которого писал музыку Самуил Покрасс: «Пусть воин красный сжимает властно...» Именно лишний шестой слог в «отредактированном народом» припеве — «Так пусть же Красная сжимает властно...» и приводит к мелодическому сходству с «Листьями» Жозефа Косма.

А что касается «Песни о любви» из «Простой истории», то у меня есть своя версия, и это участие в ее создании поэта Николая Доризо. Ведь именно Доризо упоминается как автор русского перевода песни «Les feuilles mortes». «В Россию песню привез Ив Монтан в 1956 году», — написал в своем обзоре Юлий Андреев. В 1960-м вышла «Простая история» с прозвучавшей там «спорной» мелодией Фрадкина. А где гарантия, что именно поэт не «спровоцировал» композитора своими стихами, написанными под впечатлением песни, не так давно им переведенной на русский язык — размером, ритмом собственного стихотворения? Здесь, мне кажется, не столько музыкантам нужно анализировать ноты, сколько лингвистам и литературоведам тексты — стопы, размеры, метры и ритмы «Большака» и «Листьев».

Ив Монтан (Yves Montand)

Один из самых обаятельных французских актеров и певцов Ив Монтан, настоящее имя — Иво Ливи (1921—1991).

Когда он играл во дворе, мать звала его домой ужинать через окно: «Иди домой, поднимайся, Иво! — Ivo, Monta! Ivo, Monta!»

Однажды на вопрос: «Ваша любимая песня?», он сказал — «Опавшие листья» Превера, музыка Жозефа Косма».

«... В 23 года, в феврале 1944 г., он приезжает в столицу. Выступает с небольшими номерами в парижских кабаре, и вновь его ожидает успех. Он получает ангажемент у самой Эдит Пиаф и выступает в первой части ее концерта в парижском Мулен Руж.

Встреча с Эдит Пиаф, как признавал сам певец, сыграла огромную роль в его жизни и карьере. Именно Эдит Пиаф обучила его основам артистизма, именно она помогла создать сценический образ, и, что не менее важно, помогла выправить акцент и избавиться от характерного южного произношения. Эдит Пиаф помогла молодому певцу, повинувшись движению сердца, однако два года спустя она бросает его, без каких-либо объяснений...

Как бы там ни было, но всего за четыре месяца Ив Монтан становится любимцем парижской публики. В 1945 году он выступает с большим успехом в кабаре Этуаль, где шесть лет спустя состоится его первый сольный концерт. А пока он осуществляет свою давнишнюю мечту и снимается в кино, у знаменитейшего режиссера Марселя Карнэ в фильме «Врата ночи». Сейчас в это трудно поверить, но

эта картина, сегодня знаменитая в истории французского кино, при выходе не имела успеха. Фильм был освистан, а сам Монтан, который, как ему казалось, «чудовищно провалился», говорил, что эта роль «испортила ему всю карьеру».

Композитор Жозеф Косма и поэт Жак Превер, написавшие песню к этому фильму, едва-едва получили гонорар. Песня называлась «Опавшие листья» — об уходящем лете и уходящей любви, и если впоследствии критики пересмотрели свое отношение к «Вратам ночи», «Опавшим листьям» была суждена долгая-долгая жизнь. И началось это с момента, когда в 1948 году Ив Монтан включил ее в список своих концертных произведений» (из биографии).

Жаклин Франсуа (Jacqueline François)

Жаклин Франсуа (настоящая фамилия — Guillemautot) — одна из величайших интерпретаторов французской песни. Весь мир аплодировал «Мадмуазель де Пари» (так называли ее в честь одной из лучших песен, которая принесла первый успех певице и стала ее визитной карточкой).

В 60-х годах ее песни постоянно звучали на советском радио, по популярности в Союзе Франсуа не уступала Эдит Пиаф, Иву Монтану и Жаку Брелю. Шарль Азнавур

многим обязан певице — именно Жаклин Франсуа стала исполнительницей его первых песен и помогла артисту пробиться на эстраде.

«Мы создали группу. Нашей звездой была Жаклин Франсуа. Мне не давала покоя мысль, что я должен петь, но когда я попросил песни у моих старших товарищей, они сказали: мальчик, походи погуляй, никто тебя не знает, чего нам работать зазря. Тогда я сам написал песни, и дело кончилось тем, что они захотели их петь. Помню, когда я показал им свой первый опыт, они слушали, разинув рот. Это было в песенном клубе на улице Понтье. Там мы проводили ночи, засиживались, не обращая внимания на комендантский час. Рассветы были волшебные. А потом я познакомился с Пиаф, Мистенгетт, Марджан. Я писал для них. Мои песни пела Жаклин Франсуа. Так понемногу окрепли мои лапки», — вспоминал впоследствии Шарль Азнавур.

А в 1968 году в СССР был снят музыкальный фильм «Мадемуазель де Пари» о гастролях Жаклин в нашей стране.

Жаклин Франсуа — вечная, вневременная певица. Это голос сердца и любви, поющий о нежности и чувственности, как никто другой.

Она любит джаз, записывала на французском языке многие американские стандарты выдающихся джазовых исполнителей. Ей присуща сдержанность и элегантность, а в науке вокала она обладает совершенными знаниями.

Жаклин Франсуа родилась 30 января 1922 в Neuilly на Сене в буржуазной консервативной семье, получила строгое воспитание, которое сопровождалось уроками игры на фортепиано. Ее юность была прервана войной, но она уже знает, какой будет ее судьба. Сразу после освобождения она окунается в вихрь музыки, а эпоха этому способствовала — парижане хотят развлечься после всех лишений войны. Жаклин выбрала сценическое имя — Жаклин Франсуа, правда, студии звукозаписи не сразу ею заинтересуются.

В 1945 году ее прослушивают на радио, но для первого выступления нужно еще подготовиться. Это не составляет большого труда — у Жаклин абсолютный слух.

Жаклин Франсуа — лирическая певица, очень профессиональная, хотя не прослушала ни одной лекции

по курсу вокала. Ее приятный голос поставлен самой природой.

Многие песни из репертуара Жаклин Франсуа совпадают с теми, которые пела Эдит Пиаф. Но она по-иному «окрашивает» эти песни, поет более сдержанно, и публика принимает ее версии.

Она снималась в нескольких фильмах, а в других пела. Песню «Мадмуазель де Пари» Анри Конте и Поль Дюран написали для Жаклин Франсуа в 1948 году. Успех был ошеломительный, и вся творческая жизнь певицы отныне будет связана с этой песней.

У Жаклин есть интуиция, чутье, и бывало, что песни, оставшиеся незамеченными в исполнении других певцов, приносили ей большой успех. Сама она не может объяснить, в чем тут дело.

Она по-своему интерпретировала и «Les feuilles mortes», в том числе, и на английском языке. И спустя столетия мы все еще слушаем ее песни, ее интерпретации и вновь поражаемся интонациям, способностью петь, «не переступая черты».

Артисты исполняют «Les feuilles mortes», а слушатели и почитатели этой песни собирают коллекции разных исполнений — количество самых известных из них уже более сотни.

Я сама при подготовке этого материала прослушала очень много вариантов на разных языках, из разных стран. Мне кажется, что версия Жаклин Франсуа наиболее точно передает настроение осени. Другие певицы поют стихи Превера, а она — настроение этих стихов. Под звучание ее голоса я слышу, как стучат в окно капли осеннего дождя, а за окном — шорох падающих листьев, музыку этого падения, то, о чем писал Константин Паустовский.

Эдит Пиаф (Edith Piaf)

Осенью 1950-го года Эдит Пиаф в четвертый раз прилетает на гастроли в Америку. В нью-йоркских студиях Си-Би-Эс она записывает англоязычные варианты нескольких своих песен, в том числе «Autumn Leaves».

Другим событием последних дней этого года, проведенного в Америке, стала встреча Эдит с генералом и будущим президентом Эйзенхауэром. Гостя спела ему «Мертвые листья» (еще одно название «Autumn Leaves»).

В 1956 году она исполнит эту песню на двух языках в Карнеги-Холл.

«Пиаф, как всегда, ее спела с эмоциями и драматизмом высшего накала. Эта версия даже более эмоциональна, нежели первая (более известная). Интересно, а почему Пиаф ее не исполнила полностью по-французски? Мне кажется, что эта песня по своему характеру какая-то именно «французская», хоть и существует много ее версий на английском языке» (из отзывов слушателей в Интернете).

Нэт «Кинг» Коул (Nat «King» Cole)

Натаниэль Адамс Коул (Nathaniel Adams Cole) родился 17 марта 1917 в Монтгомери, штат Алабама, а умер 15 февраля 1965 года в Санта Монике, Калифорния.

Легенда джаза, прозванный «Королем» за его вклад в развитие блюза, ритм-энд-блюза, соула, фанка, Нэт «Кинг» Коул родился в семье священника баптистской церкви, где его мать пела в церковном хоре. На фортепиано Нэт начал

играть в четыре года, и в 12 лет исполнял произведения Баха и Рахманинова. Вместе с отцом он часто пел негритянские духовные песнопения. Трое его братьев и сестра также пели и играли на фортепиано.

Девятнадцатилетний Нэт начал профессиональную музыкальную карьеру как пианист в секстете брата Эдди, а исполнять песни стал значительно позже, и как гласят легенды, совершенно случайно, когда он играл в клубах Лос-Анжелеса, организовав собственное джазовое трио. То ли за пение, то ли за игру, но именно с 1940-го года его начали называть «Королем».

«Слушателям неизменно нравилась его особая проникновенная манера исполнения, как будто он пел своим обаятельным баритоном лично для тебя и умел рассказать историю о любви так, словно этого не было никогда, нигде и ни с кем — только с тобой.

Он создавал лирический образ, который был исключительно естественным и в то же время романтичным. Из всех англоязычных вокалистов он выделялся непревзойденной дикцией и фразировкой и по его песням можно смело изучать английский язык», — написано в биографии Нэта «Кинга» Коула.

В 1948 году трио Нэта подписало контракт с только что созданной тогда композитором Джонни Мерсером

компанией «Capitol Records», где почти сразу же был записан первый великий хит «Straighten Up And Fly Right», созданный Нэтом. Как солист и пианист он стал пользоваться все большим успехом.

В качестве пианиста Коул очень высоко ценился среди джазовых музыкантов и впоследствии, во время работы в Нью-Йорке, участвовал в записях с такими известными мастерами как Лестер Янг, Лайонел Хэмптон и Бади Рич.

В 50-е годы он был одним из самых популярных джазистов в мире, собирал полные залы, гастролировал в разных странах, записал более 60 долгоиграющих пластинок и снялся в десятке фильмов.

Еще в начале 30-х годов Нэт подвергся операции по поводу язвы желудка, часть которого была удалена. К сожалению, он много курил, порой даже по две сигареты сразу и по несколько пачек в день. В 1964 году ему запретили курить, но он уже не мог отказаться от этой привычки. В декабре ему удалили левое легкое в связи с онкологическим заболеванием, но операция не помогла, и 15 февраля 1965 года Нэт «Кинг» Коул умер в госпитале Санта Моника...

Андреа Бочелли (Andrea Bocelli)

Слепой вокалист **Андреа Бочелли**, уроженец Тосканы, считается обладателем одного из самых удивительных голосов на современной оперной сцене. Альбом «Amore» — это ставшие классическими песни эпохи 20-80-х годов, которые пели в свое время Фрэнк Синатра, Луи Мигель, Элвис Пресли и Эдит Пиаф. На этой пластинке Андреа Бочелли исполняет французский стандарт «Les Feuilles Mortes», который со временем превратился в любимый многими стандарт на английском языке «Autumn Leaves».

Андреа Бочелли родился 22 сентября 1958 г. в деревне Лаятико (провинция Тоскана), недалеко от города Пизы. Детские годы проходят на родной ферме. Бочелли с ранних лет начал учиться играть на фортепиано, а также флейте и саксофоне.

Певец, с детства испытывая проблемы со зрением, окончательно ослеп в 12 лет, после того, как во время игры в футбол ему в голову попали мячом.

Будучи подростком, Андреа выигрывает несколько вокальных конкурсов, а также становится солистом в школьном хоре. После окончания школы учится на юридическом факультете университета в Пизе, получает диплом юриста.

Для Бочелли, поглощённого оперной музыкой, мечтой и целью всей жизни стало желание быть великим тенором. Франко Корелли берет молодого человека в ученики. Это происходит в Турине, куда приезжает Андреа в поисках осуществления мечты. На этом карьера юриста была окончена. Таким образом молодой тенор начинает серьёзное обучение вокалу днем, а по ночам зарабатывает себе на жизнь выступлениями в ресторанах.

1992 год становится решающим для молодого тенора. Андреа успешно проходит прослушивание у итальянской «рок-звезды» Дзуккери. Демо-запись песни попадает Лучано Паваротти. В 1994 году Бочелли успешно дебютирует на музыкальном фестивале в Сан-Ремо. В сентябре Паваротти лично приглашает молодого тенора для участия в концертной программе в своем родном городе — Модене.

Очень почитаем в Соединенных Штатах Америки. В среднем цена билета на концерт составляет 500 долларов.

Композитор Анатолий Тепляков
Краткая биографическая справка

Анатолий Иннокентьевич Тепляков родился в селе Каменка Иркутской области 25 сентября 1952 года в многодетной семье. В пятилетнем возрасте мальчик потерял зрение.

В 1969 году он окончил специальную школу и поступил в Курское музыкальное училище, закончив его с отличием в 1973 году. С 1975 по 1980 год учился в Новосибирской государственной консерватории по классу народных инструментов.

На фестивале «Студенческая весна» в 1979 году Анатолий Тепляков был признан лучшим пианистом года. Дважды, в 1988 и в 1997 годах, становился лауреатом международного конкурса композиторов в Чехии. В 2002 году – лауреат конкурса им. С.С.Прокофьева (Санкт-Петербург).

А.И.Тепляков – автор многих музыкальных произведений. Им написаны симфоническая фантазия

«Автопортрет», три хоровые кантаты для смешанного и женского хоров, пьесы для фортепиано и струнных, вокальный цикл на стихи А.Ахматовой и другие сочинения: от песенки для детского кинофильма до развёрнутых симфонических опусов, камерная музыка, музыка для театра. Среди сочинений – кинофантазия в семи частях для камерного оркестра, ударных и духовых; произведения для оркестра русских народных инструментов, сочинения для баяна, балалайки; эстрадная музыка.

Член Союза композиторов России (1999 г.).
Заслуженный работник культуры. С 2008 г. - член правления Иркутской областной организации Союза композиторов России.

С 1975 года работает в клубе Всероссийского общества слепых (эстрадный ансамбль, народный хор, вокальная группа). До 1992 года работал в Доме культуры авиазавода и во Дворце детского и юношеского творчества с детским музыкальным театром. Преподавал в Иркутском культпросветучилище (класс баяна).

В 1999 году была записана на компакт-диск литературно-музыкальная композиция А.Теплякова «Пьяный корабль» на стихи Артюра Рембо. Стихи читал актёр Евгений Кравкль. Эта запись была представлена на конкурсе «Первые композиторские монографии на компакт-дисках», проведённый Благотворительным Резервным Фондом, и стала приятным сюрпризом для экспертов и членов жюри. Заслуженный деятель искусства России профессор А.С.Соколов отметил: «Композитор Анатолий Тепляков продемонстрировал отличный художественный вкус, безошибочное чувство поэтического слова. Его музыка как бы комментирует великую поэзию, вовремя отступает в тень и так же вовремя выходит на авансцену».

Оглавление

1. Городская квартира Давида Звенигородского. – 11
2. Кафе «Чешуя»: Творческий конкурс. – 17
3. На набережной. – 29
4. «Аннушка»: Спецрейс Иркутск – Усть-Кут. – 40
5. Усть-Кут. Аэропорт. Зал ожидания. – 50
6. Усть-Кут. Речной пассажирский вокзал. Зал ожидания. – 51
7. Усть-Кут. Грузовой портал Осетровского речного порта. – 51
8. Восхождение на судно. – 54
9. В кают-компании. – 55
10. Грузовой портал. Судно под загрузкой. – 60
11. Сокол и троцкисты: переговоры. – 62
12. На судне. Скорая помощь с пересменкой. – 67
13. Давид и троцкисты: марш энтузиастов. – 69
14. Корабельное утро. – 79
15. Отплытие. – 80
16. На палубе. Жорка и Сокол. – 83
17. На камбузе. Хельга и Давид. – 86
18. Кают-компания. Она же - кубрик. Он же – спальное помещение. Производственное совещание. – 87
19. Грузовой трюм. Троица и «Абу-Симбел». – 90
20. На палубе. Жорка и Семён. – 98
21. Адмиральский час. – 100
22. Прибрежный населённый пункт. – 106
23. Швартовка и выгрузка. – 109
24. На берегу. Хельга. – 119
25. У костра. – 120
26. На берегу. Давид и Хельга. – 123
27. Пир на горе продолжается... – 127
28. В кают-компании после отбоя. – 132

29. Капитанская каюта.
Мостик.
Принудительная трансляция. – 134
30. Снова кают-компания. – 139
31. Раннее утро. После вчерашнего... – 140
32. «Арабское танго». – 143
33. В машинном отделении.
Хельга и Давид. – 147
34. На палубе. На фоне Рыжей Бороды. – 149
35. У Рыжей Бороды. – 151
36. На новом месте. – 154
37. Нога. – 155
38. А в это время... – 161
39. Давид на мачте. – 165
40. Соло, трио, дуэт. – 165
41. В капитанской каюте. – 167
42. В кают-компании. – 168
43. На палубе. – 169
44. Тревога! – 169
45. Санчас. – 173
46. Радиоглас из-за бугра. – 176
47. В капитанской каюте. – 181
48. На корме. – 182
49. Пиратская история. – 184
50. Якутск. – 191
51. В кабинете директора Дома культуры. – 195
52. Депутат Анна Тимофеевна. – 199
53. Лекция Сокола. – 200
54. Сокол читает стихи... – 203
55. Стол накрыт, закрыты двери... – 208
56. Галерея. – 211
57. Профилактическая беседа,
или Допрос с пристрастием,
без протокола. – 213
58. В коридорчике. – 218
59. Есенин на очной ставке. – 219
60. Дуэт в коридорчике. – 223
61. Возвращение с лекции. – 224
62. Отвалили! – 226
63. Вечерний час. – 227
64. Жиганская пристань. – 230
65. У Старого Бена. – 232
66. В школе. – 238

67. Общество трезвости. – 240
68. Первый визит в редакцию. – 242
69. Баллада о подстриженных розах. – 243
70. Зуб. – 247
71. Памятник и штаны. – 249
72. Понедельник. – 250
73. Случайные слова. – 256
74. Клубок. – 256
75. Зубной ремонт. – 257
76. Бортовой журнал. – 257
77. Прощание славянки. – 259
78. Капитан, улыбнитесь! – 262
79. Вторник. – 263
80. Трезвенники и берет. – 265
81. Время, вперёд! – 267
82. Военный совет. – 272
83. Снова Якутск. – 274
84. Политинформация, однако... – 277
85. Пирожки с капустой. – 281
86. Миг и морг... – 285
87. Возле шлюпбалки. – 286
88. Пообедали! – 288
89. Система «Ниппель». – 291
90. Вещество и существо. – 293
91. Литературные посиделки. – 294
92. Третий кавалер. – 296
93. Ближе к вечеру... – 299
94. Всё идёт в русле. – 301
95. Вознесение. – 304
96. Осетрово. – 309
97. Усть-Кут. Аэропорт. – 311
98. Иркутск. Дом. Муза. – 312
99. Бульвар:
- Осенние листья, большак и Красная Армия. – 315
100. Давид, Гагарин и Некто Теодор. – 323
101. Давид, барменша Эля и лощёный кораблик... – 326
- Приложения. - 335

Литературно-художественное издание
Серия: Альтернативная История
АИСТ

ДИКСОН
Виталий Алексеевич

СТЕКЛЯННЫЙ
ПАРОХОД
Кинороман

Ответственный за выпуск:
Светлана Червякова
Художественное оформление:
Андрей Хан
Вера Дунаева

На задней стороне переплёта – портрет Виталия Диксона:
фото Сергея Игнатенко (2012 г.)

Фотографии Марины Свиной, Сергея Игнатенко, Веры
Дунаевой, Сергея Торопова.

В издательском проекте предусмотрено эксклюзивное
DVD-приложение с аудиозаписью авторского чтения
киноромана и «Музыкальной шкатулкой», включающей
композицию А.Теплякова по мотивам баллады А.Рембо «Пьяный
корабль» и песню в авторском исполнении известного
российского барда М.Коноплева на стихи А.Кобенкова «Как мы
плыли к морю Лаптевых...»

Подписано в печать 06.11.2011 г. Формат 26*90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,75.
Тираж 777 экз. Заказ №36411.

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул.Александра Невского, 99/2
тел.540-940

СПИРТ
ПИТЬЕВОЙ

VINJAK
Original
vinoproduct
EXPORT-IMPORT, ZAGREB

КУЗЬМИЧ

Маски
природно-лекарственный
напиток

STOLICHNAYA
Сладчайшая
Русь
RUSSIAN VODKA

СТОЛ
ВОДКА

ХЕДЕ
ОЛДОВА

Славебн
русский
водка

КОНЫЯК

СТОЛ

ВАНКА
РУССКАЯ ВОДКА

НЕКТА

СТОЛ
ВОДКА

РЕТЯСКА
КРЫМСКАЯ
Мартини 2, 2002

STOLICHNAYA
RUSSIAN VODKA

40% крепость
0,5 л емкость
Столичная
ВОДКА

ТОАИНА

Столичная
ВОДКА

ВАНКА
КРАСНОЕ
ДЕСЕРТНОЕ

ВОДКА

ВАНКА
КРАСНОЕ
ДЕСЕРТНОЕ

УИСЛИНГ

ТАБРИА

Московская
ОСОБАЯ ВОДКА

Московская
ОСОБАЯ ВОДКА
40%

Синдрол
интервенция

ПОРТВЕИ

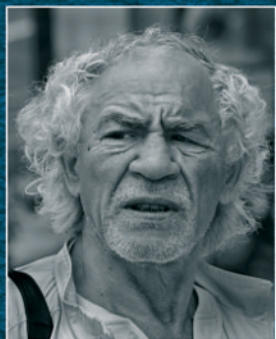
РЕТЯСКА
КРЫМСКАЯ

НАСТОЯЩАЯ
СТОЛБЕННАЯ

БЕРЯЕ
старое
АНАР

СТОЛ
ВОДКА

КА

Виталий Диксон

современный российский писатель,
член International PEN / Русский Пен-центр,
г. Иркутск.

Виталий Диксон

Стеклянный пароход
К И Н О Р О М А Н

Виталий Диксон

Стекланный пароход

кинороман

